

Н. В. Бабилунга

**ПОВТОРЕНИЕ
ПРОЙДЕННОГО:
феодализм как светлое
будущее Республики Молдова**

Н.В. БАБИЛУНГА

**ПОВТОРЕНИЕ
ПРОЙДЕННОГО:
ФЕОДАЛИЗМ КАК СВЕТЛОЕ
БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Бабилунга Н.В.

Повторение пройденного: феодализм как светлое будущее Республики Молдова. Тирасполь–Бендеры, 2012. – 376 с. – (в пер.)

Книга посвящена 60-летию молдавского историка профессора Бабилунги Николая Вадимовича, одного из основателей Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко, заведующего кафедрой отечественной истории и бессменного руководителя на протяжении десятилетий научно-исследовательской лаборатории «История Приднестровья», советника Российской академии естественных наук, дважды лауреата Государственной премии ПМР, отличника народного образования республики.

Работа включает брошюру «Население Молдавии в прошлом веке: Миграция? Ассимиляция? Русификация?», почти весь тираж которой был уничтожен в 1990 г. нарождавшимся тогда Народным фронтом Молдовы, а также ряд остропублицистических научных и научно-популярных материалов, статей, интервью, комментариев, опубликованных в Приднестровье, Молдове, России, Японии и других странах, часть из них представлена на различных сайтах интернета. Эти работы отражают взгляды автора на историю и современность его Родины в эпоху общественного нестроения, смут, катаклизмов и развала. Взгляды человека, профессионально подготовленного и компетентного, а главное – равнодушного к состоянию и развитию науки, к судьбам своих соотечественников, к судьбам Отчизны.

Книга адресована широкому кругу читателей и будет интересна историкам, политологам, социологам, журналистам, специалистам в области общественных наук.

Работа издана по инициативе и финансовой поддержке
Русского культурного центра Республики Молдова

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

В научном мире Молдавии Николай Вадимович Бабилунга известен как историк, автор и соавтор, редактор и координатор многих научных работ. В Молдове и Приднестровье он популярен также как журналист и политический комментатор. В феврале 2012 г. ему исполнилось 60 лет. Это хороший повод для подведения предварительных итогов пройденного пути. Как историк он понимает, что просто обязан написать воспоминания о том, за что и как боролся, что думал и что знает о событиях и людях своего времени, которое стало воистину судьбоносным. Но это – будем надеяться! – еще впереди. А пока для оценки написанного им в переломные для страны десятилетия мне хотелось бы в отдельном очерке охарактеризовать и автора, и ту социально-политическую обстановку, в которой довелось ему создавать эти работы.

С автором этой книги мы знакомы со студенческих времен. Моя задача – рассказать то, что я знаю о его общественной деятельности.

ПОДАРКИ СУДЬБЫ

Николай Бабилунга родился в Кишиневе 20 февраля 1952 г. в семье журналиста. Его отец Вадим Сергеевич Бабилунга, молдаванин, родом из с. Гандрабуры Ананьевского уезда Одесской области, был в Молдавии «на виду» – вначале как заместитель главного редактора газеты «Тинеримя Молдовей», потом – молодежного журнала «Скынтея ленинистэ» («Ленинская искра»), а затем – как главный редактор телевидения Молдавии в годы, когда оно делало свои первые шаги. Перемещение Вадима Сергеевича на пост заместителя главного редактора газеты «Вечерний Кишинев», на котором с ним перезнакомились едва ли не все журналисты республики, пишущие на молдавском языке, представляло собой обычную в те годы ро-

кировку кадров. Мать автора Зинаида Алексеевна, родом из города Буй Костромской губернии, с 1947 г. до выхода на пенсию заведовала сектором партийного учета в Ленинском районном комитете КПМ города Кишинева. Коля был в семье вторым ребенком. С сестрой Ольгой у него всегда были сердечные отношения.

Рождение в столице избавило Николая от необходимости решать многие проблемы, с которыми сталкивалась в начале самостоятельной жизни сельская молодежь. Повезло Коле и с образованием. Он закончил кишиневскую русскую среднюю школу №15, известную хорошей постановкой учебного процесса. В 1969 г. он поступил на исторический факультет Кишиневского госуниверситета, где преподавали виднейшие ученые-историки Молдавии Н.А. Мохов, А.В. Репида, З.А. Федько, С.К. Брысякин, А.М. Лисецкий, И.Г. Будак, Н.Б. Бреговская и др. С удовольствием слушали студенты лекции профессоров Р.Ю. Энгельгардта и А.М. Миркинда, доцента М.И. Володарского. Не уверен, что учеба всегда была в те годы главной заботой будущего профессора: в 20 лет, будучи еще студентом, Коля женился. Но читал он много, учился хорошо и уже тогда начал видеть «поле» истории, особенно интересуясь ее сюжетами, остающимися за кадром университетского курса.

Получив диплом о высшем образовании, Бабилунга поступил на работу научным сотрудником в Государственный историко-краеведческий музей Молдавской ССР. Одновременно преподавал историю в кишиневской средней школе №7. Работа в двух местах обеспечивала приемлемый уровень жизни, но ему хотелось заниматься наукой. Пожертвовав заработком, он уже в 1975 г. перешел на работу в Институт истории Академии наук МССР в сектор истории городов и сел – сначала старшим лаборантом, а затем – младшим научным сотрудником сектора истории Молдавии досоветского периода. Через два года я был по конкурсу избран младшим научным сотрудником Института истории, и мы с Колей снова стали коллегами:

Институт истории был серьезным научным учреждением. В нем работали такие ученые-медиевисты, как уже упомянутый Н.А. Мохов, П.А. Советов, Л.Л. Полевой, археолог П.П. Бырня, специалисты по истории Бессарабии XIX века И.А. Анцупов и В.И. Жуков, Ю.Г. Иванов и Д.Е. Шемяков виднейший исследователь истории Молдавии периода Великой Отечественной войны И.Э. Левит. Проблематику послево-

енного периода плодотворно разрабатывали профессора Л.Е. Репида, К.В. Стратиевский, В.И. Царанов и другие. Они формировали научные школы исследователей истории Молдавии, и Бабилунга, искренне интересующийся наукой, пришелся в Институте ко двору.

Вместе с тем начинающий историк попал в обстановку подспудной борьбы сторонников принципиально различных подходов к научным исследованиям. Обязательным был классовый метод анализа социальных и экономических явлений, и на уровне деклараций его придерживались все. Но в Молдавии, как и в других субъектах Союза, титульная бюрократия эксплуатировала чуткость Москвы к ее социальным требованиям, подаваемым как национально-окрашенные. Выражая ее вождедения, часть сотрудников, особенно профессионально слабые «национальные кадры», использовали традицию «революционного» охаивания царского «режима» в целях очернения всей политики России в Бессарабии в XIX-начале XX века. Из их построений в конечном счете вытекало, что Российская Федерация, русский народ что-то задолжали молдаванам.

Это происходило на фоне нарастающих ревизионистских тенденций в историографии соседней Румынии; официальный Бухарест готовил историческое «обоснование» претензий на обладание Бессарабией. С другой стороны, в исторической науке СССР шел процесс восстановления преемственных связей с традиционной Россией. Бабилунга вырос в многонациональной среде и сформировался как человек русской культуры. Но как молдаванин, как житель Кишинева и патриот Молдавии, он не желал захвата своей малой родины никакой Румынией – ни буржуазной, ни социалистической. Самостоятельно осмысливая документы эпохи, нападки на историю России, откуда бы они не исходили, он все более определенно воспринимал как оскорбительную для научного сообщества официозную псевдоклассовую болтовню, а может быть и нечто худшее, – как дезинформационную работу «пятой колонны», которая только и ждет своего часа, чтобы вонзить дюжину ножей в спину собственного народа. Он верил в свободу научного творчества и не желал приспособлять свои исследования под некомпетентные и абсурдные предписания идеологической цензуры. В то же время эти самые идеологические предписания обострили в нем азарт исследователя.

Знакомясь в ходе работы над диссертацией со все более широким кругом источников, Николай осознал необоснованность бытующих идеологических клише, начиная с определения дореволюционной России как «тюрьмы народов». На проводившихся в Институте методологических семинарах Николай вместе с В.И. Жуковым и И.А. Анцуповым осуждал практику ее очернения под видом критики «царизма» и открыто возмущался тем обстоятельством, что само слово «Россия» «не принято» произносить без уничижительных прилагательных «крепостническая», «самодержавная», «царская». В начале 80-х, поработав в архивах Ленинграда, он выступил на семинаре с докладом, из которого явствовало, что бурлаки на Волге в XIX в. одевались не очень элегантно, зато питались более качественно и обильно, чем в наши дни – матросы американского флота. В рацион бурлаков входили не только мясо, овощи, рыба изысканных сортов, но и рыба икра. Даже для коллег-историков оказались неожиданными также оглашенные историком сведения о доходах квалифицированных рабочих Петербурга в начале XX в.; люди, составившие пролетарский костяк партии большевиков, оказывается, материально были вполне обеспеченными. Подобные данные, конечно, подрывали внедренные в массовое сознание представления о матушке-России – нищей и голодной, повисал в воздухе также ключевой тезис советской историографии о жестокой эксплуатации трудящихся как причине революции.

Памятный мне спор произошел на методсеминаре и в другой раз, при обсуждении доклада И.А. Анцупова об отношении правительства и господствующих классов России к крестьянам. Докладчик рассказывал о поддержке правительством крестьянских общин, о льготах государственным крестьянам Бессарабии, о благополучии местных крестьян по сравнению с крестьянами других губерний и о том, что Бессарабия не только не являлась колонией России, а по большинству социально-экономических показателей опережала «метрополию». Сотрудники института И.Ф. Грек, А.В. Хействер, И.О. Князький горячо поддерживали его. А Н.В. Бабилунга к этим аргументам прибавил и такой, – по уровню грамотности населения многонациональная Бессарабия в конце XIX в. входила в десятку самых передовых из 104 губерний и областей империи. Это ли колония? Были ли папуасы Новой Гвинеи грамотнее, чем англичане в метрополии Британской империи?

Они говорили, что пора отказаться от схем «Краткого курса истории ВКП(б)» и перестать называть Россию «царской», «самодержавной», «крепостнической» и т.п. Россия была и остается великой страной, каковые формы правления ею бы ни были приняты в каждый исторический момент. Не все академические историки соглашались с такими утверждениями. Характерно, что именно будущие активисты НФМ выступили как коммунистические догматики, с позиций ревнителей классового подхода при анализе исторических явлений. Однако политический подтекст спора был ясен. Заместитель директора института В.И. Жуков, к Анцупову относившийся неприязненно, тем не менее, возразил его критикам: классовый подход не исключает научной объективности. В поддержку суждений Анцупова выступили Н.В. Бабилунга, еще несколько молодых сотрудников. Однако ветераны института, лучше понимавшие суть дела, сочли дискуссию на эту тему нецелесообразной. Профессора П.В. Советов, И.Э. Левит, директор института В.И. Царанов замяли опасную полемику, представив происшедшее как рутинную научную дискуссию. Но Бабилунга и другие участники спора уже тогда попали на заметку КГБ МССР.

«ДЕЛО» ИСТОРИКОВ

Николай не ошибся при выборе профессии. Работу историка он любил изначально и стал одним из самых «писучих», – слова «талантливый» и «одаренный» в Академии наук были как-то не в ходу, – сотрудников нашего Института. В январе 1983 г. он защитил диссертацию по теме «Капиталистическое развитие промышленности Бессарабии (1890-е – 1917 гг.)» и получил ученую степень кандидата исторических наук. Он был избран на неоплачиваемую, но почетную должность ответственного секретаря редколлегии журнала «Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук», был ученым секретарем редколлегии и членом авторского коллектива III тома 6-томного труда «История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней», ученым секретарем сектора истории Молдавии периода капитализма Института истории АН МССР. Закончив Школу комсомольского актива при ЦК ЛКСММ, на протяжении ряда лет

был секретарем комсомольской организации Института истории, пропагандистом, руководителем кружка в системе партийного просвещения, председателем Совета молодых ученых института и др. Одна за другой выходили его статьи по различным вопросам истории Молдавии, монографии, книги, научно-популярные кинофильмы.

Мы были патриотами Советского Союза. Это была наша страна, и наша лояльность ей не зависела от отношения к государственной идеологии и к правящей партии. Во всяком случае, кулуарных дискуссий по вопросу об отношении к марксизму как учению в нашем кругу я не припоминаю. Вопрос этот встал, когда Бабилунге, столь активному в научной работе и общественной жизни, было отказано в приеме в КПСС. Это означало, что даже в будущем его выдвижение на руководящий пост допущено не будет. Коля был ученый, он любил свою работу, а административные функции рассматривал как помеху основной деятельности. Отказ в приеме в партию он пережил без душевных терзаний, даже иронично, с юмором. И все-таки это было унижение. О его приверженности марксизму как универсальному методу и мировоззрению я услышал от Коли только в 90-е годы, когда во мнении правящих кругов это стало предосудительно.

По мере продвижения по пути самостоятельных исследований Н.В. Бабилунга все более критично высказывался по поводу трактовки истории России в соответствии с клише, еще в 20-е годы навязанных историкам ревнителем исключительно классового подхода М.Н. Покровским и – в несколько ином виде, – закрепленных в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». И концептуальная «ершистость» сослужила ему скверную службу. В начале 1984 года, когда КГБ МССР начал операцию по сотворению из троих сотрудников Института истории группы «диссидентов», именно он был намечен в качестве главной жертвы. КГБ, якобы, стали известны нелестные высказывания старшего научного сотрудника А.В. Хействера, научного сотрудника Н.В. Бабилунги и младшего научного сотрудника И.О. Князького и преподавателя Кишиневского госуниверситета В.А. Андриевского в адрес партийно-государственного руководства по поводу ввода советских войск в Афганистан, и их начали вызывать на допросы. Н.В. Бабилунгу – со слов недобросовестного информатора – обвинили также в монархических настроениях, в симпатиях к Колчаку, Солженицыну и даже к Троцкому, в неуважении к престарелому

возрасту партийных вождей. В действительности инициаторы «дела» намеревались припугнуть ученых старшего поколения – Советова, Лисецкого, Жукова, Анцупова и Левита, автора ряда монографий и составителя двухтомника документов, раскрывающих преступный характер румынской оккупационной политики в Молдавии в годы Отечественной войны. «Дело историков» представляло собой также подкоп под президента АН МССР академика А.А. Жученко. Ранее академик А.М. Лазарев высказывал мнение, что президентом Академии наук МССР должен быть только молдаванин и громко хлопнул дверью, покинув пост академика-секретаря. В том, кого он видит на посту Жученко, сомнений не было.

Проведение политического процесса требовало подготовки общественного мнения. На открытое партийное собрание, созванное в институте, обвиняемые пришли как на казнь – лица на них не было. Дирекция Института истории также пребывала в растерянности, а сотрудники отмалчивались. «Инакомыслящих» с пафосом осудили только информаторы КГБ, почти все – будущие деятели «Народного фронта Молдовы». Администраторы говорили в общем плане, о необходимости для историков поддерживать «политику партии», не допускать «безответственных высказываний». Ключевым оказалось выступление доктора исторических наук Л.Е. Репиды. Она строго осудила их за «обывательские разговоры». Ее политический опыт, – в сталинские времена она побывала министром государственного контроля Молдавии, – коллеги уважали, и поняли: говорить-то не о чем! Кроме «обывательских разговоров» инкриминировать обвиняемым нечего. Оценив вероятные последствия «дела» историков для Академии и для себя лично, его раздуванию воспротивился и А.А. Жученко. Но то обстоятельство, что Бабилунгу, Хействера и Князького под суд не отдали, я бы связал с кончиной К.У. Черненко. Задул «свежий ветер перемен». Так или иначе, попытка политической полиции сфабриковать в АН МССР «диссидентское» дело провалилась. Обвиняемых все же понизили в должности на всякий случай. Бабилунга был «разжалован» в лаборанты. История с «диссидентами» отравила моральную атмосферу в Институте, да и в Академии в целом.

Рикошетом «дело» Бабилунги, Андриевского, Хействера и Князького ударило и по мне. Обилие стукачей и демонстрация механизма фабрикации «диссидентов» обострили мое критическое отношение

к номенклатуре. Я не пожелал участвовать в травле коллег и, несмотря на советы держаться подальше, продолжал общаться с ними. Перестраховщики из администрации института истолковали мое поведение как свидетельство политической «незрелости». По этой причине, а также потому, что «незащищенных» сотрудников было легче эксплуатировать, дирекция отложила представление моей диссертации к защите. Что касается самих «диссидентов», то, как признался Коля впоследствии, мое поведение породило у них подозрения относительно моих связей с «конторой». Князький, оказывается, даже сообщал мне «меченую» информацию, но на «беседах» в КГБ она не всплывала, и они поняли, что ошиблись.

Прискорбная история андроповских времен породила у Баби-лунги склонность к конспирации. Он показал мне список из семи лиц, информировавших КГБ о его высказываниях, – на мой взгляд, неполный, – но со своей позицией историка заведенное на него «дело» не связал. Сокращение зарплаты он компенсировал иными заработками. Как лаборант, Бабилунга мог вообще не заниматься наукой. Но он был трудоголик, и год за годом представлял в Институт научную продукцию за троих старших научных сотрудников. В 1985 г. началась политическая оттепель, дирекция института перевела дух и не стала препятствовать изданию первой монографии Н.В. Бабилунги – «Промышленность Бессарабии в конце XIX – начале XX в. Очерк капиталистической эволюции», написанной по теме диссертации. В течение четырех лет увидели свет его научно-популярная книга «По историческим местам Молдавии», школьный учебник «Страницы истории Молдавской ССР» на русском и молдавском языках, ряд документальных и учебных фильмов, снятых киностудией «Молдова-филм» по его сценариям, статьи в энциклопедических изданиях «Молдавская ССР» и «Кишинев», множество других работ научного и научно-популярного характера. Он был в числе соавторов монографий и сборников: «Ку Русия ымпреуне» (1986), «Борцы за народное счастье» (1986, 1987 – на русском и молдавском языках), «Глас и слух» (1989), «Молдавская ССР: вопросы и ответы» (1987), «Актуальные проблемы исследования биографий пролетарских революционеров» (1988), «Вопросы истории Молдавии XIX-начала XX в.» (1989), «Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы» (1989), «Из истории социальных отношений и общественно-политического

движения в Молдове» (1991) и др. Быстро подготовил книгу о событиях первой российской революции в Молдавии – «Барометр показывает бурю».

Не думаю, что эти труды он создавал в стремлении «оправдать» себя за якобы допущенное «инакомыслие» или даже из желания пополнить семейный бюджет – прежде всего он любил научную работу. Его не обошло общественное признание. Публикация его статей в престижных коллективных работах означала высокую оценку коллегами их научного уровня. Как соавтор сборника «Историческое значение присоединения Бессарабии и Левобережного Поднепровья к России» (1987) он был награжден премией АН МССР. Но некие силы препятствовали его полной «реабилитации». Только в 1987 г. он был вновь «произведен» в научные сотрудники.

НА РИФАХ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

У Н.В. Бабилунги имелись основания приветствовать горбачевскую «Перестройку». В конце 80-х годов сотрудники КГБ, сфабриковавшие «дело» против него, Андриевского, Хействера и Князького, и даже их покровители в партийных верхах были наказаны, а руководство «органов» принесло нашим «диссидентам» официальные извинения. Проявило свое благоволение и руководство Академии наук. В начале 1989 г. на Николая были возложены обязанности ответственного секретаря Комиссии Академии наук МССР по установлению судеб и творческого наследия ученых и деятелей культуры, невинно пострадавших в период сталинских репрессий. При названной комиссии постановлением Президиума АН МССР был создан научно-исследовательский сектор по изучению сталинских репрессий и общественной реабилитации их жертв, заведовать которым было доверено также Бабилунге. Несмотря на беспартийность, наш друг продолжал делать свою научную карьеру. Но политические события внушали тревогу.

В Молдавии никаких националистических движений к тому времени не существовало. Не имелось националистических организаций с фиксированным членством, не выдвигалось публично и требований шовинистического или сепаратистского толка. Однако

к концу 1987 г. часть молдавской интеллигенции, особенно «творческой», усмотрела в лозунгах демократизации возможность расширить и законодательно закрепить существующие преференции титульной бюрократии, официально не оформленные, но реальные. На личностном уровне межнациональные отношения в Академии оставались корректными. Искренность покидала наших коллег-молдаван лишь тогда, когда затрагивались вопросы национально-кадровой политики. Политические события мы стали обсуждать раздельно. В Институте истории один «кружок» составили Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, И.Ф. Грек, А.В. Хейтсвер, автор этих строк, а второй – Л.Е. Бульмага, А.М. Царан, П.А. Сандулаки, Н.Е. Кикуш, В.А. Варатик – будущие деятели Народного фронта Молдовы. Они искали путей к утверждению в Молдавии монополии титульной нации на доступ к управлению и власти. Мы в своем кругу размышляли о методах защиты национального равноправия.

Как о политическом публицисте первого ранга Н.В. Бабилунга заявил о себе осенью 1988 г. На публикацию профессора И.И. Буги, преподающего в университете историю КПСС, «Язык один – алфавит один» (Народное образование. 1988. 19 октября.), пытавшегося доказать тезис о тождестве молдаван и румын, он ответил доказательной статьей «Наука – не игра в кубики» (Советская Молдавия. 1988. 17 декабря). В ней с позиций молдавского патриотизма был дан аргументированный отпор попыткам «упразднения» молдавской нации. Написанная живо и убедительно, статья Бабилунги получила отклик в обществе. Я прочел ее с удовольствием. Молдавская интеллигенция говорила не столько о статье Буги, сколько об ответе Бабилунги. Даже сотрудников Института молдавского языка и литературы, вскоре ставших «румынами», профессор истории КПСС Буга потряс своим историческим невежеством. Некоторые из них высказывали мнение, что Буга – не дурак, а стукач, и свою статью написал по заданию «конторы», чтобы дать Бабилунге повод устроить интеллектуальную порку всем нашим «румынам». Историки в столь тонкую игру КГБ не верили.

Жульническое использование националистами исторической аргументации, основанной на фальсификации национальной политики России в Бессарабии, побудило Н.В. Бабилунгу в спешном порядке подготовить брошюру, точнее, краткую монографию «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?» (1900).

Три вопроса в названии были призваны пробудить мысль читателей. Он на фактах выявил несостоятельность черных мифов о положении Бессарабии и молдаван в системе Российской империи. Эта книжка оказалась одной из последних действительно научных публикаций по истории, изданных академическим издательством «Штиинца», – затем контроль над академией был передан в руки румынистов, – но главное, она была издана в нужный момент. Я поздравил Николая с выходом книжечки и до сих пор считаю ее политически одной из самых своевременных публикаций тех тягостных лет.

Высоко оценили брошюру и румынисты. Почти весь ее тираж, даже по тем временам немалый, 3855 экземпляров, был ими скуплен и, видимо, уничтожен. В 1995 году подобным образом была изъята из книжных магазинов моя монография «Цена войны», а в 1997-м – мое же «Покушение на статус», – но первой они скупили все-таки книжку Н.В. Бабилунги. Теперь она раритет, и автор поступил правильно, включив ее в этот сборник. Еще одна работа этого рода, брошюра нашего коллеги Бориса Бомешко «Засуха и голод в Молдавии» (1990), изданная в те же месяцы, также быстро исчезла из продажи. Ему удалось раскрыть объективные причины неурожая и голода 1946-1947 гг. в Молдавии. Выход книг Бабилунги и Бомешко осложнил унионистам пропагандистскую эксплуатацию двух ключевых тем: темы национальной политики России и темы голода.

УЧАСТИЕ В ИНТЕРДВИЖЕНИИ

30 декабря 1988 г. по инициативе Николая в его квартире в общежитии аспирантов на улице Прянишникова собрались 11 научных работников. Кроме хозяина присутствовали сотрудники Института истории АН МССР кандидаты исторических наук Б.Г. Бомешко, Ю.П. Датий, А.В. Хействер и автор этих строк, преподаватели университета В.А. Андриевский, В.А. Лицкай, О.В. Рыбаков, В.А. Солонарь, доцент Сельскохозяйственного института О.П. Мартынов и заведующий отделом пропаганды газеты «Советская Молдавия» Г.М. Павленко.

Начали с обсуждения вопроса о том, какую создавать организацию – правозащитную или общественно-политическую? Солонарь добивался решения о создании правозащитной организации, соблаз-

няя присутствующих возможностью получать гранты, выделяемые западными фондами на защиту прав человека в СССР. Его поддержал Виталий Андриевский, бывший однокурсник Бабилунги. Я настаивал на создании политической организации. Создание правозащитной организации не давало нам возможности отстаивать официальный статус русского языка политическими средствами. Капитулянтская позиция КПМ по вопросу об обеспечении национального равноправия в республике была для присутствующих уже очевидна. Но от наших сторонников не следовало сразу требовать выхода из КПМ, поэтому создавать я предлагал не партию, а движение.

Нельзя сказать, что Коля был равнодушен к грантам, но в их доступность для людей, занятых патриотической работой, не верил. С другой стороны, резонно отметил он, зачем создавать правозащитную организацию для защиты молдавской самобытности? Ведь государственная власть на нее не покушается. Вдвоем с Николаем нам удалось убедить большинство товарищей в необходимости создавать движение. В духе времени решили учредить Интернациональное, – т.е. полиэтническое по составу участников, – движение, участие в котором было бы совместимо с членством в Коммунистической партии. Официально название гласило: «Интердвижение Молдавии «Унитате-Единство».

Споры возобновились, когда мы перешли к обсуждению политической платформы Интердвижения. Солонарь и Андриевский пытались насытить ее проект «демократической» фразеологией, мотивируя тем, что это необходимо для того, чтобы нас поддерживали московские «демократические силы». Для Интердвижения, полагали мы с Бабилунгой, важнее поддержка общественности Молдавии, а для достижения этого нужны общепонятные политические требования. Но состав участников совещания оказался «слишком эрудированным», на каждое предложение у остальных присутствующих находились десять аргументов против. Я взялся вести протокол заседания, но связного документа не получалось. Мы с Колей вышли на кухню, я сел за пишущую машинку, и мы вместе начали формулировать оценку политической ситуации, цели и задачи Интердвижения. Потом нас окружили коллеги, и дело пошло. Главное требование, – об обеспечении национального равноправия путем придания государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку, – возражений не вызвало.

Было решено провести 8 января республиканское собрание наших единомышленников. Организационные заботы легли на плечи Павленко, который как заведующий отделом пропаганды газеты «Советская Молдавия» общался с очень большим кругом людей и хорошо знал их настроения. На собрании в актовом зале Дома печати, проведенном нами 8 января 1989 г. с участием более 80 человек, созданных Георгием Павленко из многих районов Молдавии, Николай был избран в состав Инициативной группы Интердвижения Молдавии и даже руководителем Небольшого кружка интеллектуалов, которые должны были в короткие сроки подготовить Программу, Устав и другие важнейшие документы движения, с которыми мы могли бы выступить и начать спланировать свои ряды.

Было ясно, что собравшаяся команда кандидатов наук составляет равновеликие величины. Для лидерства, которое олицетворяло бы в народе наше движение, требовалось безупречное имя человека, являющегося общим авторитетом. Я предложил привлечь к руководству Интердвижением известного всем нам заведующего кафедрой истории СССР Кишиневского университета А.М. Лисецкого. Он был известен многим коллегам тем, что в свое время написал записку в ЦК КПМ с предложением предоставить в Молдавии государственность гагаузскому народу в форме автономии, за что подвергся партийной верхушкой «пропесочиванию», граничевшему с шельмованием. Н.В. Бабилунга и В.А. Андриевский горячо поддержали эту идею. По поручению коллег я дважды переговорил с профессором, но решение он принял, побеседовав также с Бабилунгой, о чем сам сказал мне во время второй встречи. Будучи руководителем дипломной работы Бабилунги еще в университете, а затем оппонентом его диссертации, Анатолий Михайлович очень уважал Колю, высоко ценил его как исследователя, называл «историком с грядущим». Председателем Интердвижения в конце концов стал Лисецкий.

Политическая полиция быстро провела о нашем заседании и принятых решениях. Фамилия Бабилунги фигурировала уже в первых материалах КГБ о формировании Интердвижения. В книге «Днестровский разлом» (Кодряну Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. Тирасполь. 2002) приведена выписка из документа КГБ: «Была создана инициативная группа (в числе членов группы были А.Андриевский,

А.Сафонов, Н.Бабилунга, А.Большаков, А.Бут, А.Лисецкий, В.Солонарь)». И уже на следующий день на сообщении негласного источника появилась резолюция заместителя председателя КГБ Молдавии Дионисия Мунтяна «Для контроля за обстановкой в движении ввести агентуру». По Интердвижению началась активная оперативная работа гэбистов. Несмотря на сообщения ряда источников о том, что «в руководстве Интердвижения экстремистов нет», Д.Мунтян дает очередное указание: «Поручить одному работнику активно заниматься Интердвижением, на Сафопова завести дело».

Вначале Интердвижение попытались взять под контроль партийные инстанции. В феврале 1989 г. нас с Бабилунгой и Хействером пригласили в Ленинский районный комитет КПМ, и секретарь райкома Л.А. Лащенко изложила нам свои рекомендации по части политической работы. По ее мнению, нам надлежало выйти к памятнику Стефану Великому и проводить с собирающимися там маргиналами беседы в духе интернационализма. Бабилунгу это предложение рассмешило. Да и вообще, в указаниях функционеров КПМ мы не нуждались. Пытаясь быть дипломатичным, я сказал, что мы обдумаем ее предложение. Но коллеги не упустили случая поиронизировать. «Неужели, – невинно заметил Хействер, – райком настолько политически доверяет нам, беспартийным?». «У нас в институте, – вкрадчиво подсказал Бабилунга, – работает много национальных кадров-членов партии, у которых это получится лучше». Людмила Алексеевна знала, что за «коммунисты» наши национальные кадры, но пыталась что-то делать. Другие партаппаратчики просто имитировали «воспитательную работу». На следующий день нас троих на подобную беседу вызвали в отдел пропаганды Кишиневского горкома КПМ. Вместе с нами были приглашены будущий деятель НФМ Константин Тэнасе и еще двое филологов, как мы знали, уже примкнувших – слова Бабилунги – к нацистам. Обсуждать в их присутствии вопросы борьбы с национализмом было бессмысленно. Мы лишь поинтересовались, какое мнение у работников горкома о «художественной» выставке в Союзе писателей Молдавии, где на одной картине изображен Памятник Стефану Великому, опустившего крест и поднявшего меч, на другой – кинжал с красной звездой и свастикой, отрезающий карту Молдавии от кровоточащей карты Румынии, на третьей..., на четвертой... Партийный чиновник горкома сорвался на крик, заявляя, что в период гласности «все можно».

Весной 1989 г. деятельность Интердвижения была на подъеме. При посредстве Г.Н. Павленко мы поместили в главном печатном органе КПМ ряд критических материалов по поводу законопроекта о языковом режиме, опубликованного 16 февраля в органе Союза писателей Молдавии газете «Литература ши арта», выявив его шовинистическую сущность. Когда началась кампания по выборам народных депутатов СССР, все единодушно стали уговаривать Бабилунгу выставить свою кандидатуру, чтобы представлять в Москве ту часть населения Молдавии, которая не идет за националистами и борется с ними изо всех сил. В том, что кишиневцы проголосуют за него никаких сомнений не было. Однако Николай отказывался наотрез и не хотел слушать никаких доводов. Тогда по его предложению мы выдвинули кандидатом участника Инициативной группы, заместителя директора Института экономического планирования при правительстве МССР Ю.В. Блохина. Мероприятие казалось бесперспективным, Юрий Витальевич свою работу любил, и уходить в политику не хотел. Но во время заседания Инициативной группы Н.В. Бабилунга и другие историки решительно поддержали меня, и Блохин согласился.

В те же дни А.М. Лисецкий поручил Бабилунге пригласить в команду Интердвижения профессора-юриста В.Н. Яковлева. Коля посетил его и передал соответствующее предложение. Но у Яковлева еще имелись иллюзии относительно желания ЦК КПМ защищать существующую государственность, национальное равноправие и гражданский мир в Молдавии. Выслушав Бабилунгу, он заявил, что ни с какими неформалами сотрудничать не желает: «Я был и остаюсь коммунистом. Никаких неформалов не знаю и знать не желаю!». Вежливый Бабилунга скромно поклонился и ушел, заметив только, что до сих пор ему казалось, будто интернационалист и коммунист – понятия равнозначные, формальные они или неформальные... Однако Колина миссия все-таки увенчалась успехом. Полтора месяца спустя профессор пересмотрел свои взгляды на Интердвижение. Он сам пришел в Инициативную группу и деятельно включился в ее работу.

Учитывая таланты публициста Бабилунги и его честность, президент АН МССР А.А. Жученко, также выдвинутый кандидатом в депутаты СССР, попросил его войти к нему в группу поддержки. Отказать президенту Академии наук было трудно, но в случае с

Бабилунгой это не был акт принуждения. А.А. Жученко в 1984 г. защищал его от происков КГБ. Коля это знал, всегда отзывался о президенте с уважением, и, естественно, согласился. Оставив на время науку, он сосредоточился на агитации. Против Жученко объединилась профессионально слабая, бесталанная, но злобная, а потому склонная к использованию националистических аргументов часть интеллигенции. На ее стороне выступили и московские «демократы». Включился в кампанию против Жученко и живущий в Москве классик молдавской литературы Ион Друцэ. Он выступил в «Литературной газете» с бессмысленной, но резкой и безапелляционной статьей «Земля, вода и знаки препинания», в которой обвинял Жученко в отравлении почв Молдавии, которая, якобы, вызвала умственную деградацию молдаван. В Академии статья вызвала смех и шутки. Писательская дружэ-лысенковщина во втором издании была не страшной, а комичной. Молдавские ученые-биологи и генетики на фактах вскрыли абсурдный характер этих обвинений, их материалы были вскоре опубликованы в той же газете. Но во мнении широкой общественности брошенный из Москвы ком грязи запачкал президента, тем более, что в борьбе против Молдавии московские «демократы» ввели в бой свежие силы, против президента АН МССР выступила в той же «Литературке» популярная тогда журналистка Капитолина Кожевникова.

Пока продолжалась избирательная кампания мы с Николаем выполнили поручение Инициативной группы об установлении связи с Интерфронтом Латвии. 19 марта мы самолетом вылетели в Ригу. По прибытии позвонили по нескольким имевшимся у нас телефонам, но никого из деятелей Интерфронта дома не застали, они ушли на митинг. На улицах города на наш вопрос «Где будет митинг Интерфронта?» рижане отвечали едва ли не хором: «На набережной Даугавы» — и показывали, как туда пройти. Поскольку народ шел колоннами, ошибиться было невозможно. Митинг был массовый, с участием десятков тысяч людей, но какой-то заорганизованный. Выступал только что избранный народным депутатом СССР полковник В.И. Алкснис. В толпе мы с Колей потеряли друг друга, и на трибуну я поднялся один. Там я представился сопредседателям Интерфронта А.Г. Алексеєву и И.В. Лопатину как участник Интердвижения Молдавии. Между ними произошел примечательный диалог. «Дай слово молдаванину!» —

сказал Алексеев. «А ты его знаешь? – ответил бдительный Лопатин, как оказалось, полковник в отставке, – А вдруг...». Затем Лопатин закрыл митинг, а Алексеев извинился передо мной, объяснив: «Время истекло. Не хотим давать повод для обвинений». Вечером по телевидению прошел репортаж о митинге. Увидели репортаж и приехавшие одним автобусом с нами сотрудники Института молдавского языка и литературы, которые, как выяснилось, приезжали с аналогичной миссией – установить тесные связи с прибалтийскими фронтистами. Для них мое присутствие среди вождей Интерфронта оказалось сюрпризом. Коля упрекнул меня в небрежении конспирацией, но это дело было провалено изначально.

Репортаж с митинга мы увидели на квартире у А.Г. Алексеева, бывшего начальника управления торговли города Риги; присутствовал также И.В. Лопатин. Обсуждали политическую ситуацию, перспективы ее развития и формы нашего сотрудничества. Коля интересовался характером межэтнических отношений. В Латвии они были более напряженными, чем у нас в Молдавии. Алексеев, местный уроженец из старообрядцев, свободно говорящий полтавышски, привел выдержку из Британской энциклопедии 1898 года издания: «Латыши – это маленький злобный народ, живущий на хуторах и питающийся мясом». В наши дни, пояснил он, определение распространяется не на всех латышей, а только на прозападную часть латышской интеллигенции. Среди русскоязычной интеллигенции, добавил он, завелась группа, проповедующая русским смирением, и назвал фамилию писательницы Костенецкой. Опасаясь нарваться на шовиниста, Коля спросил, как отличить на улице русского от латыша. Алексеев порекомендовал: «Обращайтесь к красивым женщинам! Не ошибетесь!». На следующий день, гуляя по городу, мы воспользовались советом Алексеева, и не ошиблись. Мы побывали в штабе наших коллег, познакомились с другими деятелями Интерфронта, в том числе с народным депутатом СССР Виктором Алкснисом и Татьяной Жданок, ныне депутатом Европарламента, присутствовали на богослужении в Домском соборе, на митинге латышских националистов на площади Свободы. Не знаю, насколько мы с Бабилунгой ходили на латышей, но к нам они обращались на латышском языке. Кстати, никаких неприятностей с нами не случилось. Все-таки Рига – не Кишинев, русскоязычного

прохожего там могут просто не заметить, просто не ответить, но убивать не будут.

Интердвижение Молдавии также становилось серьезной силой. 19 апреля 1989 г. в Кишиневе был проведен митинг с участием более 20 тысяч человек. В печати появлялись публикации в поддержку национального равноправия, написанные людьми, с Инициативной группой не связанными. Однако в мае в деятельности Инициативной группы начались трудности. Действуя через ее участницу инженера Л.В. Покатилкову, руководство Кишиневского горкома предложило нам снять кандидатуру Блохина и – якобы «во имя интересов республики, как сильного хозяйственника» поддержать на выборах в Верховный Совет СССР первого секретаря горкома партии Н.А. Циу. Интердвижению была взамен неопределенно обещана «поддержка партии». 9 мая при участии восьми участников Инициативной группы, но в отсутствие Блохина было решено рекомендовать ему снять свою кандидатуру. Против выступил только я. Лисецкий колебался. Было ясно, что отзыв кандидатуры Блохина приведет к распаду Инициативной группы и краху Интердвижения. На следующий день я вновь переговорил профессором, а также с Ю.В. Блохиным, Н.В. Бабилунгой, А.В. Хействером, И.Ф. Греком, кандидатами экономических наук А.Н. Белопотаповым и Н.Ф. Петровым. Они понимали, что отзыв кандидатуры Блохина будет означать поражение и, возможно, быстрое исчезновение Интердвижения с политического поля республики. Вечером на заседание Инициативной группы и группы поддержки Блохина Бабилунга выступил резко и бескомпромиссно одним из первых. Решение, принятое в узком кругу, было отменено.

16 мая, во время следующего митинга, организованного Интердвижением в поддержку Ю.В. Блохина, последовал новый сбой. Один из ведущих, член Инициативной группы 26-летний учитель Андрей Сафонов призвал участников голосовать за двух кандидатов – Блохина и первого секретаря горкома партии Циу. Бабилунга горячо и убедительно выступил против Циу, назвав его «мятким фронтисом». Дело в том, что незадолго до этих событий газета «Литература ши арта» опубликовала телеграмму от недобитого румынского фашиста и антисемита В.Цьпордея, который во времена Антонеску выпускал грязный шовинистический листок «Раза», разжигая в людях ненависть ко всем «нерумынам». Казалось бы редактор кишиневской газеты Н. Дабижа за такое пресмыкательство

должен быть сразу же исключен из партии. Но его не только не исключили, но и сделали... членом идеологической комиссии горкома КПМ! Николай Антонович Циу пригревал своих, открывая перед ними дорогу к власти, о чем убедительно и говорил Бабилунга.

Второй ведущий, отставной офицер-пограничник И.Г. Руссу, а затем и Лисецкий поправили А.Сафонова, но скандал получил продолжение. Несмотря на принятое решение бойкотировать Антона Циу, М. Сафонов, выступая в Кишиневском политехническом институте призывал от имени интердвижения оказать поддержку горкомовскому функционеру Циу как «испытанному интернационалисту». При обсуждении казуса на заседании Инициативной группы Андрей признал, что поддержать Циу ему рекомендовали «ребята из КГБ». Из этого признания следовало, что агентом «конторы» он не является, просто с молодым человеком «провели работу». Но Хейстер взорвался: «Мы политическая организация или филиал КГБ!?». Николай гневно поддержал его: «Это выходит не просто за все рамки дисциплины и здравого смысла. Это непорядочно и просто подло!». Оба они, а также В.Андриевский, ушли с заседания, как оказалось – навсегда. Они покинули интердвижение и занялись созданием новой организации – Кишиневского отделения Всесоюзного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». Нечего и говорить, что наши дружеские и политические связи нисколько не пострадали. Мы по-прежнему сотрудничали и вместе боролись против общего врага – воинствующего национализма.

Несмотря на козни политической полиции, Ю.В. Блохин был избран народным депутатом СССР. Судьба А.А. Жученко сложилась иначе. Бабилунга был идеологом и помощником кандидата в депутаты, а не руководителем группы поддержки. Ее участники-функционеры аппарата Академии действовали привычно, – кто во что горазд, в духе бюрократического волюнтаризма. Население вообще не любило администраторов, а в Дубоссарском районе, где баллотировался Жученко, он был воспринят как представитель Правого берега, кишиневец, член ЦК молдавской компартии, т. е. лицо заведомо сомнительное, возможно, даже, – фронтист. В итоге на выборах в Верховный Совет СССР президент АН МССР потерпел поражение. Дубоссарцы проголосовали за своего кандидата. По иронии судьбы ненавидимый фронтистами ученый пострадал за грехи своих ненавистников.

ЗАЩИТА МОЛДАВСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Уход Н.В. Бабилунги из Инициативной группы не означал его отказа от борьбы за программные цели Интердвижения. Одной из таковых являлась поддержка сторонников молдавской национально-культурной традиции. В начале июля Коля передал мне концептуальную статью «Латиница: вымысел и правда», написанную учеными-молдавистами В.Я. Гросулом и В.Н. Стати. «Славянский алфавит – кириллица, – процитировали соавторы заключение историка, срочно сменившего этнокультурные ориентиры, – не был «введен» вместо какого-то другого алфавита. Современная славянская графика была первоначально основой молдавской письменности, основывается на давних традициях, уходящих в глубь веков». В статье был убедительно опровергнут тезис румынизаторов о том, что перевод молдавской письменности на латинскую графику позволит экономить газетную площадь. Из «Советской Молдавии» к этому времени был уволен не только наш товарищ Георгий Павленко, но и редактор В.М. Лебедкин. Мы напечатали эту статью в газете «Рыбницкий металлург» в номере от 30 июня, целиком подготовленном пресс-группой Интердвижения. В этой и других публикациях лета 1989 г. В.Я. Гросул, ведущий научный сотрудник академического Института истории в Москве, указал уязвимые точки идеологических построений румынизма.

Вскоре Н.Бабилунга и сам включился в полемику с румынистами. Как явствует из статей, публикуемых в этой книге, он внес серьезный вклад в новое обоснование и популяризацию ключевых положений молдавизма: молдаване – отдельный народ, отличный от румын, у них своя, отличная от румынской история, а существующая молдавская кириллическая письменность на основе русского гражданского шрифта не навязана им сталинским режимом, как утверждают румынисты, а является продолжением давней традиции молдавской культуры. Бессарабия не только не была в составе Российского государства «колонией», но и обладала рядом региональных преференций. Эти доказательные положения, основанные на убедительных фактах и аргументах в тех условиях были нужны как воздух.

Ведь из них естественно вытекали и насущные задачи молдавского национального сопротивления в условиях наступления румынизма в конце XX века: защита молдавского этнического сознания и этнонима «молдаване», лингвонима «молдавский язык», традиционной молдавской письменности, молдавской государственности.

Бабилунга продолжал отстаивать целостность СССР и национальное равноправие на страницах газет и журналов Кишинева, Приднестровья и Москвы, выступал на телевидении и по радио, участвовал в публичных «дискуссиях» с членами НФМ. Пока еще окончательный перевес сил не оказался на стороне фронтистов, а верхушка молдавской компартии еще не перебежала в их лагерь, он на телевидении, по радио, в печати с присущей ему железной аргументацией разоблачал все выдумки националистов о молдавском флаге, о гербе, о латинице и кириллице, о процессах формирования молдавской нации, о роли румын в отечественной истории. Стремясь содействовать консолидации рабочего движения для отпора нацизму, осенью 1989 г. стал старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра «Мысль», созданного при Кишиневской ассоциации трудовых коллективов, которой руководил тогда директор крупного оборонного завода «Мезон» Никулин.

По моему мнению, КАТК была учреждена в противовес Тираспольскому ОСТК, в целях раскола рабочего движения. Но Николай так вовсе не считал. И вообще, – если приглашение Н.В. Бабилунги в НИЦ представляло собой попытку нейтрализовать его как публициста, то она провалилась. Его работа в «Мысли» оказалась по-прежнему направленной на защиту национального равноправия и существующей государственности. Он печатался в изданиях КПМ «Коммунист Молдавии», «Советская Молдавия», «Трибуна», «Молдова социалистэ», «Фемея Молдовой» и др. Тогда же началось его активное сотрудничество с приднестровской прессой, в частности, с газетой «Днестровская правда» и ее редактором А.А.Печулом, который с удовольствием и без всякой редакторской правки (а значит – без цензуры!) печатал его материалы и их совместные статьи с Андриевским под псевдонимом Марчел Мунтяну. В том, что газета приобрела невиданную в ее истории популярность, когда очереди у «Союзпечати» выстраивались с раннего утра, люди ждали очередного номера, зачитывали его до дыр и тут же передавали ближним, была и его заслуга.

В мае 1990 г. Бабилунга в качестве приглашенного гостя присутствовал на последнем съезде КПМ. Судя по его отзывам, партия продемонстрировала неспособность выработать меры, направленные на защиту национального равноправия и гражданского мира. Он разводил руками и качал головой, пересказывая слова первого секретаря ЦК КПМ Лучинского: «А я не знаю, националист я, или нет!». Он вертел пальцем у виска и комментировал, – «Эх, послушал бы Ленин своих верных ленинцев!». Особое возмущение Николая вызвало избрание в состав ЦК КПМ деятелей движения унионистов А.Мошану и И.Хадыркэ. Как он потом с юмором говорил, единственное, что было положительного на этом последнем съезде Компартии Молдавии, так это вкусный обед в перерыве.

Весной 1990 г. началась кампания выборов народных депутатов Молдавской ССР. Одной из моих обязанностей в «Единстве» стал подбор кандидатов в депутаты и организация их выдвижения. Республиканский Совет нашей организации согласился с мнением, что Бабилунга, как и некоторые другие сотрудники Академии, заслуживает политического доверия. Но тут же выяснилось, что коллеги не желают уходить из науки в политику. Бывший участник Инициативной группы И.Ф. Грек заверил меня в поддержке дела Интердвижения, но отказался выдвигать свою кандидатуру ссылаясь на то, что депутатство отвлечет его от научной работы. Так же поступили болгарист Н.Н. Червенков, впоследствии – первый ректор Тараклийского университета, и физик С.И. Берил, ныне ректор Приднестровского университета.

Н.В. Бабилунгу я с трудом уломал пойти кандидатом в народные депутаты СССР и с помощью активистов нашей организации подготовил в одном из учреждений собрание по выдвижению его кандидатуры. Но он не пришел, объяснив потом, что не нашел этого учреждения. Через пару дней коллеги вновь организовали собрание, но Коле опять что-то помешало прийти. В те же дни подобным образом сорвал выдвижение своей кандидатуры в депутаты еще один сотрудник Академии – С.З. Новаков. Товарищи не верили в благополучный исход идущей борьбы и не желали работать в создаваемой политической системе. Сам Бабилунга довольно скептически смотрел на все депутатские баталии и их трансляции в СМИ, считая, что происходит глобальное и величественное надувательство народа, в

котором ему участвовать не хотелось. Я понял, что это – судьба, и оставил Колю в покое.

Дело в том, что по своей натуре Бабилунга совершенно лишен таких распространенных качеств, как стремление к карьере, к должностям, к власти, как жажда успеха, публичности, славы, как бюрократическое рвение и административный восторг. Трудно найти человека более равнодушного ко всем внешним проявлениям и атрибутам административных должностей, какими бы высокими они ни были. Одинаково ровно с достоинством и уважением он разговаривает со школьником и коллегой по работе, со студентом и президентом. С детской непосредственностью и легкостью он отказывался и от звания депутата, и от должности министра, если это мешало его научным исследованиям. Иногда ученые шутят, что наука – это хороший способ удовлетворить свое любопытство за государственный счет. Одна из его статей против воинствующего национализма была названа «Наука – не игра в кубики». А мне представляется, что Николай и есть тот бескорыстный искатель истины, отказывающийся от всяческих мирских соблазнов, для которого наука – это и способ познания действительности, и своего рода сложная интеллектуальная игра, требующая изящных решений, напряжения ума, духа, а подчас и мужества. В этом поиске и в этой игре он видит смысл своего существования, ни в чем другом.

Для прорумынских национал-экстремистов Бабилунга оставался одним из символов ненавистного им «Интерфронта». На страницах своих газет они называли Бабилунгу «Николаем третьим», «манкуртом», «сталинистским историком» и включали его имя в списки врагов «румынского возрождения» Молдовы. Практической задачей они считали его изгнание из редакции «Молдавского исторического журнала», в котором он был ученым секретарем редколлегии, а для этого пускали в ход ложь, навешивание ярлыков, угрозы. ««Наши» интерфронтисты, – доносительствовао некто, укрывшийся под псевдонимом, – не хотят общаться с «народом» только при посредстве вульгарной прессы, они желают и «ученого» общения! И вот, их благородные чаяния материализуются: почти 5 тысяч подписчиков получают первый номер «научного» периодического издания «Ревиста де историе а Молдовой» – «Молдавский исторический журнал». Новая публикация издается в самых замшелых традициях застойной прессы: тексты идут вперемешку на нашем и «великом языке». Но

перейдем к сути проблематики этого первого номера: «положительные следствия» насильственной сталинской коллективизации; «прогрессивный акт» раскола Молдавии восточными колонизаторами в 1812 году; «оккупация» Бессарабии 27 марта 1918 года... А чего мы удивляемся, разве могло быть иначе? Посмотрим, кто же делает этот «научный» журнал. Из 19 членов столь солидной редакционной коллегии по меньшей мере четверо (Бабилунга, Червенков, Стратиевский, Шорников) – все мы это знаем – душой и телом преданы шовинистическому движению «Единство». Другие, человек десять (Царанов, Драгнев, Жуков, Жаркуцкий, И.Левит, Копанский, Репида, Советов...), составляют, согласитесь, мощную команду «святых отцов» бессарабской сталинско-брежневской историографии, – иными словами, интерфронтистской...». (Glasul. 1990. 28 iunie). Выпуск журнала вскоре был прекращен, но сказанное оппонентом следует внести в список заслуг Бабилунги и других историков.

В декабре 1991 года Союз ССР прекратил свое существование. В кругах патриотов шел поиск ответа на политически важный вопрос «Кто виноват?». В одной из таких дискуссий мы с Николаем приняли участие в Москве. Для московского профессора В.Я. Гросула прорумынские националисты Молдовы были не «резервом демократии», а компрадорами, национальными бродягами и погромщиками. Но даже он пытался объяснить крушение Союза деятельностью агентов влияния на высших постах: Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе. Бабилунга утверждал: страну развалили партия и КГБ, без их соучастия никакие агенты влияния не добились бы успеха. Мне показалось, что Николай был в этом случае не только красноречивее, но и убедительнее профессора.

С болью воспринял Николай «казус» А.М. Лисецкого. В августе 1990 г. профессор пришел к заключению, что СССР стоит на пороге гражданской войны масштаба войны 1918-1920 гг., с фронтами, контрразведками, трибуналами и расстрелами. Сохранить гражданский мир в Молдавии наш лидер вознамерился на путях капитуляции. Он осудил создание Гагаузской и Приднестровской республик, и 10 сентября был исключен из Интердвижения. Год спустя Лисецкий осудил «путч» ГКЧП (Независимая Молдова. 1991. 22 ноября.), а в ноябре, накануне президентских выборов в ПМР, составил проект обращения мифического «собрания представителей украинского населения правобережной Молдовы» к украинцам Приднестровья с призывом не участвовать в

выборах. Бабилунга ответил профессору жесткой статьей «Принцип беспринципности А.Лисецкого» (Днестровский меридиан. 1992. 3 января). Напечатанная на двухполосном развороте профессионально издаваемой газеты, в Кишиневе она произвела фурор. В штабе «Единства» наши активисты раздавали ксерокопии, журналисты обращались ко мне с просьбой копию достать. Два десятка экземпляров газеты с этой статьей, доставленных в парламент, депутаты разобрали, а во время пленарного заседания передавали друг другу из рук в руки. Рассчитывая на мое сочувствие, профессор Лисецкий пожаловался в кулуарах на Бабилунгу: «Ну, как он мог!?...». Я ответил честно: «Анатолий Михайлович, а ведь Коля прав! Ну где он перегнул палку?».

Бабилунга резонансу своей публикации был не рад, он по-прежнему с болью сожалел о политическом падении авторитетного и уважаемого им профессора. А Лисецкого статья, наряду с другими факторами, побудила к серьезным размышлениям. В марте 1992 г., когда на Днестре разгоралась война, А.М. Лисецкий возобновил сотрудничество с «Единством».

ВО ГЛАВЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Политических амбиций у Бабилунги не было. Но летом 1989 г. в руководстве Интердвижения вспомнили идею об учреждении в Молдавии правозащитной организации. Николай с Виталием Андриевским взялись за создание Кишиневского добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», по существу – молдавского отделения Всесоюзного общества «Мемориал». В его руководство вошли Хействер, Солонарь, Андриевский и я, как члены правления, но – это мы обговорили заранее – всю работу вел Бабилунга, привлекая нас к выполнению только отдельных поручений. Николаю удалось заручиться обещанием о содействии обществу ряда деятелей культуры Молдавии, в том числе и Народной артистки СССР Марии Биешу, которая присутствовала на учредительном собрании общества и была выбрана в его правление. Но главное, – он наладил хорошие деловые связи в Москве. Он вошел в состав Правления общесоюзного «Мемориала». Принимая участие в конференциях и пленумах правления, познакомился с академиком А.Д. Сахаровым

и другими видными правозащитниками. Московскую трибуну он использовал для разоблачения развивающихся в стране националистических и сепаратистских центробежных тенденций, пытаясь доказать их гибельность для процессов демократизации и обновления советского общества.

Благодаря московским связям Н.В. Бабилунги Интердвижению удалось провести несколько успешных операций в ходе информационной войны. По приглашению Фонда Генриха Белля (ФРГ) в 1990 г. Бабилунга выступал с докладом на пленарном заседании международной конференции «Демократия и права человека» в Тимишоаре (Румыния), где открыто предупредил международную общественность об опасности установления в Молдавии диктаторского националистического режима профашистского толка, готового развязать в собственной стране кровавую гражданскую войну. И потрясающее совпадение, которому Бабилунга был не рад и никогда о нем не упоминал, в то время, почти в те же часы, когда он убеждал европейских правозащитников о возможности кровопролития на своей родине, опоновцы Молдовы расстреливали на дубоссарском мосту мирных приднестровцев. Выступление главы молдавского отделения «Мемориала» вызвало приступ резкой враждебности со стороны румынских участников форума, а позднее, – и их кишиневских собратьев. Двое других участников делегации молдавского «Мемориала», Хействер и Солонарь, выступили с подобными докладами в секциях. Борьба шла с открытым забралом. По возвращении в Молдавию все три наших товарища опубликовали тексты своих выступлений в печати.

Правозащитная работа в те дни была связана с риском. В сентябре 1990 г. Президиум Академии наук, действуя, как и прежде, в соответствии с волей «партии и правительства», по распоряжению президента ССР Молдовы М.И. Снегура устроил двоим депутатам парламента, сопредседателю «Единства» профессору В.Н. Яковлеву и деятелю гагаузского движения кандидату исторических наук С.С. Курогло, проработку в связи с их политической деятельностью. Уволить депутатов с работы даже Президиум Академии был не вправе. А Н.В. Бабилунга в отличие от Яковлева вообще не был защищен парламентским иммунитетом. Тем не менее, рискуя потерять любимую работу и средства к существованию, опубликовал от имени общества «Мемориал» обращение «К ученым Молдовы», в котором заявил:

«По сути, в республике пытаются внедрить один из инструментов тоталитарного режима – запрет на профессию по политическим мотивам. Став на этот путь, руководство республики являет всему миру свое открытое неприятие фундаментальных ценностей, выработанных международным сообществом. [...] Подчинение давлению властей и изгнание из стен Академии наук Молдовы ученых за их политические убеждения нанесет огромный нравственный урон ее авторитету, сделает реальной опасность международной научной изоляции республики. [...] Допуская в принципе возможность лишения человека права на труд, никто не будет гарантирован впредь от такой участи» (Единство.1990. 20 сентября.). Демарш «Мемориала» получил отклик в обществе. Но в конце октября В.Н. Яковлев был все же лишен депутатского мандата и вынужден уйти из Академии.

Своим протестом Н.В. Бабилунга вновь накликал внимание националистов. Они потребовали его изгнания с работы, в очередной раз включив в список своих главных врагов. «Как получилось, – вопрошал осенью 1990 г. национально-озабоченный аноним, – что в той же Академии Молдовы, более того, в том же Отделении Общественных наук целый коллектив, – коллектив Института Языка и Литературы, – как только появилась такая возможность, порвал с деморализующим полуподпольем, полностью и безусловно подчинив свою деятельность делу духовного возрождения рода, а ряд сотрудников другого института того же отделения (Лазарев, Царанов, Жуков, Яковлев, Шорников, Бабилунга, Грек, Анцупов, Курогло, Маруневич и др.) без стеснения продолжают подрывную деятельность по торпедированию конституционных законов, по дискредитации Парламента и Правительства Республики, компрометируя само имя ученого, гражданина Молдовы. Существует и Президиум АН, существует и Бюро Отделения Общественных Наук, существует и партийный комитет АНМ (все еще существует!), и столько общественных организаций – отсутствует только «пустяк»: гражданское отношение и принципиальная, подлинно научная оценка положения, созданного в Отделении Общественных наук. Как можно расценить это безразличие лиц, наделенных не только правом, но и обязанных высказаться по вопросу жизненного значения для самого существования Республики? [...]» (Sfatul Țării. 1990. 2 octombrie). Увольнение Бабилюнга отложили только потому, что надвигалась тотальная

национально-политическая чистка. Ей предшествовали еще более драматические события.

Благодаря вмешательству Москвы поход молдавских «волонтеров» на гагаузов в 20-х числах октября 1990 г. обошелся почти без пролития крови. 2 ноября полиция Молдовы стреляла в безоружных дружинников при въезде в приднестровский город Дубоссары, трое были убиты и 16 ранены. На следующий день парламентские фракции «Сельская жизнь» и «Согласие» попытались сместить премьера-авантюриста Мирчу Друка, но неудачно. Шовинистическая истерия в СМИ нарастала, в Кишиневе дело шло к погрому русскоязычных. Изложив Николаю нашу оценку ситуации, я попросил его пригласить в Молдавию несколько журналистов-участников московского «Мемориала». С этой задачей он справился. 15 ноября, за несколько часов до ожидаемых беспорядков, в Кишинев прилетели московские журналисты Николай Калинин и Ян Рачинский. Едва поселившись в гостинице «Кишинэу», они стали свидетелями бесчинств в центре города. Они многое увидели сами, поговорили с жертвами и очевидцами; Бабилунга и Хействер ввели их в курс дела и помогли осмыслить увиденное. Через несколько дней Коля передал мне первый, написанный от руки, вариант доклада Н.Калинкина. Он был содержателен, точен в деталях и красноречив, и я опубликовал его в газете «Единство». Номер разослали Интердвижениям Донбасса и Прибалтики, рабочим организациям Москвы, Ленинграда, Самары, Новосибирска, через Ю.В. Блохина передали в Верховный Совет СССР. Огласка событий 15 ноября, осуществленная при участии Н.В. Бабилунги, надолго, как оказалось, до времен Днестровской войны, сняла угрозу погрома.

В эти годы Бабилунга неукоснительно выполнял мои просьбы о подготовке публицистических материалов для газеты «Единство», для печатных изданий Москвы и Украины. Помнится, я обратился к нему с просьбой помочь нашим женщинам написать обращение к правительству России после очередных избиений их фронтистами и разгона мирной демонстрации полицейскими Молдовы. После безнаказанного убийства в центре Кишинева юноши Димы Матюшина – только за то, что он говорил на русском языке, толпа искалечила его и затоптала ногами, – все опасались организации широкомасштабного погрома. Николай встретился с нашими активистками, состоялся долгий и тяжелый разговор о складывающейся ситуации,

о насаждаемом в республике милитаристском психозе, о кровавой вакхании неонацистов Молдовы под видом «национального возрождения». На следующий день он принес текст этого письма. Тысячи, десятки тысяч женщин республики с плачем подписывали это обращение. Его размножали на ксероксах и печатных машинках, его подписывали и отправляли в Москву. Газета ЦК КПСС «Гласность» поместила его на своих страницах, многие другие патриотические издания, не зараженные вирусом русофобии. Простыми словами обращение отразило весь ужас возрождения фашизма на молдавской земле и разжигание гражданской войны национально-партийной элитой Молдовы. Трудно даже переоценить значение этого письма. Я думаю, когда-нибудь и это будет оценено по достоинству.

А Николай продолжал руботать, бороться изо всех своих сил с коричневой опасностью для его родины. Конечно, он понимал, что оказывает не личную услугу, а выполняет поручения Движения за равноправие. Эти материалы публиковались под псевдонимами, о гонорах не было и речи. Выступая на проводимых в Москве форумах «Мемориала», Николай разрушал иллюзии столичной интеллигенции относительно политического облика «демократов» Молдавии, представляя их теми, кем они и являлись – пещерными шовинистами, готовыми к резне и насилию, извергами и нацистами.

ОТ «ИСТОРИЯ МОЛДАВИИ» ДО «ИСТОРИИ ПМР»

Весной 1991 г. директором Института истории был назначен перестроившийся в «демократическом» духе наш сотрудник Анатолий Царан. Ему предстояло изгнать с работы коллег, не приемлющих постулаты румынизма. Коллектив Института был объявлен «временным»; сотрудников предупредили, что он будет сокращен на 30 процентов. В разряд постоянных работников, пояснил новый директор, будут включены только лица, владеющие румынским языком. Я поместил в газете «Единство» информацию о политической чистке в Институте истории, дал интервью журналистам кишиневских и московских газет, от имени депутатского клуба «Сельская жизнь» организовал запрос правительству. «Демократы» встали в позу ревнителей закона: «Закон есть закон! Что делать!?».

Последний вопрос я поставил перед Бабилунгой: нельзя ли воздействовать Всесоюзный «Мемориал»? Но он уже разочаровался в этой организации, и жаловаться туда не стал. Суть состояла в том, что когда они с Андриевским попытались рассказать одному из лидеров московского «Мемориала» историку Юрию Афанасьеву правду о националистическом шабаше в Молдове, тот и слушать их не захотел, спокойно заявив, «Ну что же, русским сейчас везде придется отвечать за свои грехи!». Это спокойное отношение московских интеллектуалов к чудовищным нарушениям прав человека, убийствам и преступлениям нацистов так потрясло Николая, что он больше и слышать ничего не желал о «правозащитниках» из «Мемориала».

15 мая 1991 г. Бабилунга бросил на стол директору Института истории АН МССР А.М. Царану заявление, написанное как открытое письмо: «Увольнение «неблагонадежных» исследователей и подбор кадров по степени их лояльности существующему политическому режиму, по их готовности выполнять любой заказ руководства ясно указывают на возврат старой политики искоренения инакомыслия и запрета на профессии. Стандартные ярлыки брежневской эпохи «политическая незрелость», «обывательские разговоры», и проч., заменяются новыми (например, «антинациональные псевдонаучные идеи»), сущность же политики остается прежней: запрет на научные исследования по политическим мотивам. К ним стали присовокуплять и мотивы лингвистического характера. Считаю невозможным в таких условиях работать в системе Академии наук республики и не желая разделять даже косвенно ответственность за разгром исторической науки в Молдавии, я отказываюсь участвовать в объявленном вами конкурсе и прошу уволить [меня] на «общих» основаниях в связи с так называемой реорганизацией». Уволились также Б.Г. Бомешко и некоторые другие сотрудники Института истории. Заявление было опубликовано, хлопок дверью получился, но что делать дальше?

Сам я, зная молдавский язык и будучи депутатом, не мог быть уволен. Остаться в Институте один среди оппонентов я, поработав в парламенте, не боялся. Но в Постановлении Временного Верховного Совета Приднестровской республики от 21 сентября 1990 года о создании в Тирасполе Государственного университета ответственность за реализацию этой программы наряду с В.Н. Яковлевым была возложена на меня. Профессор через день звонил мне по теле-

фону и требовал: «Приезжай, ты здесь нужен!». Я также уволился из Академии и в июне стал проректором по науке в Приднестровском университете. Пригласил на работу несколько десятков ученых из Кишинева, организовал доставку в Тирасполь научной литературы на русском языке, возглавил Лабораторию исторических исследований. Сотрудников в Лаборатории было только двое – Н.Бабилунга и Б.Бомешко, планы исследований мы разрабатывали втроем. Но скоро выяснилось, что работа в Тирасполе несовместима с парламентской деятельностью в Кишиневе. Отказаться от исполнения депутатского мандата и, тем более, покинуть Интердвижение я не мог. Не сложились и служебные отношения с ректором. Денег у университета было в обрез, и В.Н. Яковлев был не прочь «временно» закрыть Лабораторию. Чтобы гарантировать существование этого научного подразделения, я попросил Председателя Временного ВС Г.С. Маракуцу учредить Лабораторию парламентским решением. Это было сделано. В августе 1991-го я уволился. Заведующим Лабораторией ректор по моей рекомендации назначил Н.В. Бабилунгу.

В Тирасполе Николай и Борис оказались востребованы. Во времена, когда в Кишиневе погромщики поджигали помещения политических организаций и редакций газет, двери квартир, а депутатов и журналистов за слово правды били смертным боем, они смогли заниматься любимым делом в условиях духовной свободы. Вдвоем они выпустили 12 брошюр курса лекций по истории Молдавии, монографию «Приднестровский конфликт», несколько учебников и множество научных и газетных статей. Вместе с московским ученым профессором В.Я. Гросулом они разработали план двухтомника «История Приднестровской Молдавской Республики» и уже в 1992 г. приказом ректора В.Н. Яковлева был председателем редколлегии этой работы, а Н.В. Бабилунга – его заместителем и руководителем авторского коллектива. Он то и выступил координатором и фактическим руководителем этой работы. Труд, призванный утвердить приднестровскую идентичность, вышел в трех томах десять лет спустя. В Лаборатории были подготовлены также «Книга Памяти защитников Приднестровья» (1995), сборники документов «Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики» (1993) и «Бендеры 1992 год: сорок трагических дней» (2007), однотомники «Феномен Приднестровья» (2000, 2002) и «Го-

сударственность Приднестровья: история и современность» (2010), моя монография «Молдавская самобытность» (2007), сборник статей «Россия в исторических судьбах молдавского народа» (2009), многоцелевое издание «Натиск на Восток» (2011), школьные учебники на русском и молдавском языках «Страницы истории родного края» для 4 кл. (1995), «История родного края» для 6-7 и 9-10 кл. (2004 и 2005) и другие научные, учебные, популярные работы.

Николай Вадимович Бабилунга дважды удостоен Государственной премии ПМР, орденами и медалями ПМР и Русской Православной Церкви. Он и поныне руководит Лабораторией «История Приднестровья», заведует кафедрой Отечественной истории, входит в состав ряда ученых Советов Приднестровского госуниверситета и в руководство Союза молдаван Приднестровья, одним из создателей которого он являлся. Но для ученых-историков, студентов и преподавателей, для всех, интересующихся историей и современностью наибольший интерес представляют публикации Н.В. Бабилунги – одного из основателей Интернационального движения Молдавии, руководителя правозащитного общества «Мемориал», деятеля молдавского национально-культурного сопротивления румынизму. Издание этой книги продиктовано логикой исторического познания, а потому было неизбежно. Хорошо, что она выходит при участии самого автора, а публикуемые в ней материалы подобраны им самим. Книга явится весомым вкладом в документальную базу научного дискурса, посвященного политической борьбе в Молдавии в конце XX столетия.

П.М. Шорников,

Председатель Республиканского Совета Движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990-1999); депутат парламента РМ (1990-1994, 1994-1998).

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ИСТОРИК Н.В. БАБИЛУНГА¹

1.

В период, когда Приднестровская Молдавская Республика только создавалась, для приднестровцев особенно остро стоял вопрос исторического обоснования права на собственную государственность. Необходимо было на основе фактов доказать всему миру, что приднестровцы – исторически сложившаяся общность народов с определенным мировоззренческим, культурным и духовным складом; что Приднестровье обладает ярко выраженным этническим своеобразием, сформировавшимся за века, причем сам регион лишь в результате административных преобразований советского руководства впервые в истории стал одним целым с Бессарабией. Обосновав все эти моменты, можно было утверждать: после того, как официальный Кишинев признал незаконными присоединение Бессарабии к СССР и образование МССР, в которую искусственно было включено и Приднестровье, никаких претензий на территорию нашего государства у бывшего республиканского центра быть не должно.

В процессе создания и укрепления нашей государственности доказательства по всем перечисленным пунктам были нужны как воздух. Найти их, дать убедительные ответы на вопросы самих жителей региона, иностранных журналистов и дипломатов попытались приднестровские историки, каковых в то время было совсем не много, а также ученые из других государств, не исключая и ряда историков из Академии наук Молдовы, участников Интердвижения, выразивших решительное несогласие с действиями националистического руководства РМ. Был среди них и Николай Вадимович Бабилунга, одним из первых переехавший в Тирасполь из Кишинева, ныне автор буквально необозримого перечня работ о Приднестровье, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

¹ Приднестровье, № 35 (4355), 21 февраля 2012. <http://www.pridnestrovie-aily.net/gazeta/articles/view.aspx?ArticleID=24423>

Родился Н.В. Бабилунга в Кишиневе 20 февраля 1952 г. После окончания учебы на историческом факультете Кишиневского госуниверситета работал научным сотрудником Государственного историко-краеведческого музея МССР и одновременно учителем истории в средней школе (все последующие годы ученый будет совмещать интенсивную научную работу с педагогической). В 1975 г. Н.Бабилунга переходит на работу в Институт истории АН МССР в сектор истории городов и сел в должности старшего лаборанта, затем становится младшим научным сотрудником в секторе истории Молдавии досоветского периода. В 1983 г. защищает диссертацию по теме «Капиталистическое развитие промышленности Бессарабии» и становится кандидатом исторических наук. В 80-е гг. Н. Бабилунга принимает участие в издании журнала «Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук», пишет ряд научных и научно-популярных работ, становится членом авторского коллектива III тома «Истории Молдавской ССР».

Ученый вспоминает: «Конец 80-х гг. XX века был непростым временем для историков, труды которых подверглись остракизму со стороны некоторых национально озабоченных писателей, филологов, журналистов и общественных деятелей». Сам историк включается в активную борьбу против всевозрастающей угрозы национализма, агрессивного румынизма и русофобии, выступает в республиканской и союзной печати против фальсификации истории Молдавии, в защиту молдавской самобытности, неизменно отстаивая права человека независимо от его национальности, и становится первым председателем Интердвижения.

В условиях захвата националистами в Молдавии всей полноты власти Н.В. Бабилунга, как и многие другие добросовестные исследователи, не пожелавшие превратить науку в национальное мифотворчество, остро осознает невозможность продолжать дальнейшее объективное изучение истории. Для того, чтобы представить, какие отношения складывались у активистов народного фронта с наукой, достаточно сказать, что почти весь тираж книги «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?», написанной Н. Бабилунгой и рассказывавшей о демографической истории края, был уничтожен экстремистами.

Труды историка, его приверженность требованиям науки и общечеловеческим ценностям, оказавшиеся в то время неостребованными в Кишиневе, пользовались большой популярностью в Приднестровье. Наши СМИ охотно печатали все статьи автора без какой-либо цензуры. Вполне естественно, что, когда в Тирасполе приступили к созданию госуниверситета, Николай Вадимович, не колеблясь, решает принять участие в становлении этого научного центра, видя в нем, по собственным словам, «единственную возможность спасти хоть часть интеллектуальных и духовных богатств, накопленных в МССР за вторую половину XX века». С момента начала занятий в Тираспольском государственном-корпоративном университете Н.В. Бабилунга читает в нем историю Молдавии и историю Приднестровья, а с июля 1991 г. полностью переходит на работу в ТГКУ.

3.

Историк Николай Бабилунга (в 2002 г. ученому присваивают звание профессора) немало сделал для становления новой исторической школы в ПМР. С первых лет существования университета его привлекают к написанию учебной литературы, задействуют в подготовке вузовских и школьных программ по истории Молдавии, а затем – по истории Приднестровья, подключают к разработке концепции исторического образования ПМР, по которой и теперь осуществляется преподавание в средних школах республики.

Заслуживает особого внимания тот факт, что написанные за минувшие годы Н.В. Бабилунгой труды по истории нашего государства и истории Молдавии имели огромное значение не только для приднестровцев, начинавших изучать собственную историю, но и для всех тех, кто отказывался видеть в молдавском народе «испорченных славянами румын», как утверждали националисты. По словам самого историка, в это же самое время официальный Кишинев вообще отказывается от курса истории Молдавии, заменив его «антинаучной мифологизированной утопией под названием «История румын».

Однако проделанная Н.В. Бабилунгой работа, призванная сохранить научный подход к истории, отстоять молдавскую самобыт-

ность и обосновать приднестровскую государственность, иной раз вызывала недовольство не только у идеологов румынизации, но и у отдельных представителей науки и конкретных чиновников здесь, в ПМР. Так, в 2007 г. ученый был подвергнут жесткой критике за то, что в своих работах, и в том числе в редактируемом им журнале «Исторический альманах Приднестровья», якобы создает неоправданный уклон в «молдавенизм», то есть – искусственно притягивает историю Приднестровья к истории Молдавии. При этом, по-видимому, из поля зрения оппонентов решительно уходил обширный перечень фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что, несмотря на принципиальное своеобразие приднестровской истории, последняя очень тесно переплетена и с историей соседней Украины, и с историей России, и с историей Молдавии.

Вдобавок, акцентируя внимание лишь на том, что приднестровцам не нужен «молдавенизм, исповедуемый Н.В. Бабилунгой», оппоненты, похоже, забыли, что наша республика называется не просто «Приднестровской», а «Приднестровской Молдавской Республикой», что треть её населения – молдаване, что молдавский язык – один из трех официальных в ПМР.

К сожалению, в имевшей место научной дискуссии против ученого были использованы и административные методы – был прекращен выпуск «Исторического альманаха Приднестровья». Однако и теперь, спустя 5 лет, профессор Бабилунга продолжает читать курс лекций по истории Молдавии для студентов-историков в ПГУ им. Т.Г. Шевченко и с неменьшим успехом работает над изданием учебника для средних школ по истории ПМР. Как тогда, так и теперь он убежден: факт существования истории ПМР не противоречит факту существования истории Молдавии, более того, обе эти истории красноречиво свидетельствуют о правоте приднестровцев в борьбе за свои права, за признание собственной государственности.

Автору статьи, как бывшему студенту исторического факультета ПГУ, хотелось бы сказать ещё несколько слов о профессоре Бабилунге как о преподавателе. Несмотря на то, что ученый всегда был погружен в научную работу, его лекции запомнились – благодаря тонкому сочетанию строгого научного подхода, широкой эрудиции и ярким, оригинальным суждениям.

4.

Николаю Бабилунге довелось поучаствовать во множестве крупных международных проектов, конференциях и симпозиумах, проходивших в странах ближнего и дальнего зарубежья. Ещё в «до-приднестровский» период ученый входит в члены правления Всесоюзного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал». По приглашению Фонда Генриха Белля (ФРГ) в 1990 г. выступает с докладом на международной конференции «Демократия и права человека» в Румынии, где открыто говорит об опасности установления в Молдавии националистического режима. Уже будучи преподавателем Приднестровского университета, по поручению правительства ПМР проходит стажировку в Российском независимом институте международного права. Вместе с коллегами из России, Украины, США, Японии участвует в разработке и реализации ряда научных проектов Фонда Гуттенхайма, Фонда Сороса, в миротворческих проектах и акциях ОБСЕ. Выступает на конференциях в ПМР и за рубежом по вопросам истории, конфликтологии, международного права, геополитики, демографии и этнологии.

Отметим, что Николай Бабилунга много и плодотворно работает с представителями массмедиа. Его интервью всегда насыщены конкретикой, суждения основаны на знании исторических фактов. И в то же время выступления ученого в печати никогда не бывают «научообразными». Как правило, это очень яркие, меткие и в определенных случаях ироничные высказывания, обнаруживающие и знания, и опыт, и чувство юмора. Помнится, комментируя одно из колоритных высказываний Михая Гимпу, заявившего о своей принадлежности к «дако-римлянам», историк заметил: «С таким же успехом он мог бы провозгласить себя вавилонянином или даже марсианином, вопрос только в том, имеет ли это отношение к исторической науке».

5.

Вот уже 20 лет Н.В. Бабилунга руководит научно-исследовательской лабораторией «История Приднестровья», созданной в соответствии со специальным постановлением Верховного Совета ПМР.

С 1992 г. НИЛ «История Приднестровья» становится координирующим центром по написанию фундаментального труда «История ПМР». Н.В. Бабилунга выступил в нем и в качестве руководителя авторского коллектива, и в качестве заместителя председателя редколлегии, автора, научного и литературного редактора. В 2000-2001 гг. свет увидели три книги этого издания, за которые большой коллектив авторов был удостоен Государственной премии ПМР.

При самом активном участии Николая Бабилунги издавались практически все книги, сборники, учебники, брошюры, готовившиеся лабораторией. Среди них учебники «Курс лекций по истории Молдавии», «Страницы истории родного края», «История родного края для 6-7 и 8-9 классов», учебное пособие «Приднестровский конфликт: исторические, демографические и политические аспекты», мемориальное издание «Книга Памяти защитников Приднестровья», коллективные монографии «Феномен Приднестровья», «Государственность Приднестровья: история и современность», сборник документов «Бендеры, 1992: сорок трагических дней», общественно-политические издания «Правда о Приднестровье», «Дубоссары – кровоточащая рана Приднестровья», «Бендеры – расстрелянные и непокоренные», «Неужели всё это может повториться снова?!». Как уже говорилось выше, на протяжении десяти лет Н.В. Бабилунга был главным редактором журнала «Ежегодный исторический альманах Приднестровья».

Совсем недавно под редакцией профессора Бабилунги вышел сборник «Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время», имевший большой общественный резонанс в ПМР, России, Украине и Молдове. В настоящее время коллектив НИЛ «История Приднестровья» под руководством Николая Бабилунги работает над плановой темой «История представительной власти ПМР», заказчиком которой выступает Верховный Совет.

6.

Многие работы Н.В. Бабилунги получили высокую оценку научного сообщества, были отмечены руководством Приднестровской Молдавской Республики и духовенством Русской Православной

Церкви. Так, ещё в 1988 г. ученый был награжден премией Президиума АН МССР, в 1997 г. – Государственной премией ПМР, в 2000 г. – медалью «За трудовую доблесть», в 2002 г. – Орденом Почета, в 2003 г. – второй раз Государственной премией ПМР. В 2004 г. стал отличником народного образования ПМР. Награжден медалью преподобного Паисия Величковского и орденом Митрополита Московского Макария.

Наверное, не будет большим преувеличением, если сказать: пожелав Н.В. Бабилунге, чтобы написанные им труды по истории нашей республики всегда были востребованы, мы, тем самым, обращаемся с добрым пожеланием ко всем приднестровцам, подразумевая факт сохранения самой приднестровской государственности.

Обращаясь же непосредственно к автору, от души пожелаем ему, чтобы всё написанное за минувшие годы было лишь творческим заданием на следующие «60». С юбилеем!

Николай ФЕЧ.

/21.02.2012/

20 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ НИКОЛАЮ ВАДИМОВИЧУ БАБИЛУНГЕ²

Весь жизненный путь этого человека свидетельствует об одном – что можно реализовать себя в науке, политической деятельности и любой другой сфере – и остаться при этом честным и открытым человеком.

«Он идеалам юности был верен –
и в этом зрелость высшая была».

Эти строчки Евгения Евтушенко как ни к кому другому подходят к нашему юбиляру.

Николай Бабилунга принадлежит к последнему поколению советских интеллигентов-идеалистов, искренне мечтавших об изменении своей страны, но не желавших её уничтожения. В советские годы Бабилунга не занимался конъюнктурой, как большинство его коллег по академии наук. Он не вступал в партию по карьерным соображениям, как многие нынешние «борцы с тоталитарным прошлым». Всего себя он отдавал только науке – и ещё в советские годы, по признанию как друзей, так и недоброжелателей, стал Историком с большой буквы.

Николай Бабилунга принадлежит к тому поколению людей, которые с энтузиазмом восприняли перестроечные процессы в середине 80-х годов. Он был одним из основателей общества «Мемориал». Будучи молдаванином, он мог бы стать один из глашатаев «национального возрождения», но совесть ему не позволила предавать идеалы своей молодости. Он до конца остался верен интернационалистическим убеждениям, которым многие его коллеги, выпячивая грудь, присягали в годы Брежнева и Андропова. Опубликовав несколько острых полемических статей в молдавской прессе и став одним из основателей Интердвижения «Единство», Бабилунга стал неуютен «национально озабоченному» руководству Академии наук Молдовы. Он был вынужден переехать в Тирасполь и там всё начать с нуля.

Профессор Бабилунга стал одним из тех, кто буквально на пустом месте основывал и создавал приднестровскую науку. Он

² <http://ava.md/society/014657-20-fevralya-ispolnyaetsya-60-let-nikolaq-vadimovichu-babilunge.html>

стал одним из основателей Приднестровского университета имени Т.Г.Шевченко. Он основал научно-исследовательскую лабораторию «История Приднестровья» и две кафедры на историческом факультете Приднестровского университета. Николай Бабилунга, вместе со своим коллегой Борисом Бомешко, написали целый ряд учебников по истории Молдавии и Приднестровья. Болью в сердце каждого человека отозвались книги о приднестровском конфликте – «Дубоссары: кровоточащая рана Приднестровья» и «Бендеры: расстрелянные и непокорённые». Благодаря его усилиям было издано фундаментальное издание – «История Приднестровской Молдавской Республики».

Однако и в Приднестровье Бабилунга не стал молчать, видя, как руководство республики утратило свои первоначальные идейные ориентиры, обросло значительным числом нечистоплотных людей и откровенных проходимцев. Он резко выступил против попыток ликвидации Приднестровья в качестве оплота молдавской самобытности, равно как и против увековечивания памяти гетмана Мазепы. Нашлись люди, которые устроили самую настоящую травлю Бабилунги и его коллег. Но пришло время – и мудрая История сама смела этих людей на обочину политического процесса, а Николай Вадимович, сохранивший верность своим убеждениям, по-прежнему продолжает своё нелёгкое дело.

В конце 80-х среди националистов было принято называть молдаван, не разделяющих их человеконенавистнических взглядов, «манкуртами», «Ионами, не помнящими родства» и так далее. Как показала История, манкуртами оказались именно эти «националисты», первыми отказавшиеся от своей страны и названия своего языка. Николай Вадимович Бабилунга, в отличие от них, всегда считал себя молдаванином, историю своей страны – молдавской историей, язык своего народа – молдавским языком.

«Без меня народ неполный» – сказал устами одного из своих героев великий русский писатель Андрей Платонов. Перефразируя его слова, скажем: без таких людей, как Николай Вадимович Бабилунга, молдавский народ неполный. Пожелаем же ему в день своего юбилея крепкого здоровья, мужества, успехов во всех делах и – что самое главное – никогда не сдаваться и не изменять самому себе.

Поздравляем Николая Бабилунгу с юбилеем. Желаем ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Редакция ava.md

ИГРА В КУБИКИ ПО-НАУЧНОМУ³ (ЕСТЬ ЛИ У МОЛДАВСКОГО НАРОДА СВОЯ ИСТОРИЯ?)

Материал, который сегодня предлагается вниманию читателей «Советской Молдавии» был написан в конце октября нынешнего года, как отклик на помещенную в газете «Народное образование» статью профессора Н.Буги «Язык один – алфавит – один». Тогда же я представил статью в редакцию «НО» с просьбой опубликовать в порядке полемики. Через полтора месяца под заголовком «Опирайтесь на аргументы» статья была напечатана (см. «НО» № 100 от 14.XII.88 г.). Однако она подверглась неоправданным, на мой взгляд, сокращениям, содержит ряд редакторских погрешностей, опечаток, допущенных по вине редакции.

Прошу считать подлинным текст статьи нынешнюю публикацию.

ГОВОРЯТ, в спорах рождается истина. Мне, как историку, ближе другая формула: в бесплодных спорах теряется время, а истина рождается в исследованиях – серьезных, объективных, доказательных. Бессмысленно участвовать в «дискуссиях», которые по своей сути и форме являются скорее перебранками.

Взяться за перо меня заставило другое. Автор статьи «Язык один – алфавит один» («Народное образование» от 19 октября 1988 г.) Ион Буга – историк, и то, что можно было бы простить непрофессионалу, нельзя простить историку, поскольку у читателя может сложиться представление, что уровень научной корректности в рассуждениях автора – профессора, доктора исторических наук – отражает общий уровень состояния исторических исследований в Молдавии. А это далеко не так.

³ Советская Молдавия. № 290 (16646), 17 декабря 1988. Редакция газеты не изменила в тексте ничего, кроме названия. В настоящей публикации восстановлен авторский вариант, в газете она называлась «Наука не игра в кубики: есть ли у молдавского народа своя история?»

Правда, автор статьи честно заявил, что его «личные суждения» не претендуют на истину в последней инстанции и призвал к широкому диалогу с читателем. В рамках такого диалога хочу предложить по поводу затронутых проблем несколько своих соображений, которые в общем-то тоже не претендуют на звание абсолютной истины, но в правильности которых я глубоко убежден. Сразу хочу сказать, что я не буду затрагивать лингвистических проблем, с которыми знаком очень поверхностно, и не считаю возможным высказывать всенародно свое отношение.

Думаю, что статус «государственности» тот или иной язык должен получать, если уж возникает такая жгучая потребность, только при условии обдуманного, взвешенного изучения всех аспектов этого шага, что исключало бы любую возможность притеснения и ущемления интересов любой народности, любой группы людей, любого человека, особенно в таких исторически сложившихся многонациональных регионах, как наш, – после всенародного обсуждения, если понадобится – референдума.

Не буду спорить с автором статьи и по поводу необходимости охраны исторических, архитектурных и иных памятников надшей земли. Тут двух мнений быть не может. Впрочем, – несколько конкретных замечаний.

Что касается надписи на румынском языке на постаменте памятника А. С. Пушкину, то автор почему-то забыл сообщить читателю, что сделана она была не в 1885 году, когда его воздвигли, а гораздо позже – после подавления румынскими войсками социалистической революции в Молдавии, т. е. в период боярской оккупации края. Не правда ли, – важная деталь? Хоть сбивать надпись, конечно же, не стоило.

Я согласен с автором и в том, что можно было бы и не лишать бедного Меркурия на бывшем банке его мешка с деньгами. Неужто мировые знаменитости отказались бы музицировать в Органном зале только потому, что символ на его куполе (бог торговли, поднявший над головой мешок денег) скорее подошел бы кооперативной дискотеке, чем храму классического искусства?!

Но разве эти примеры говорят, как пишет автор, о «молчаливом, хорошо продуманном и хорошо организованном уничтожении памятников истории и культуры молдавского народа»? Кем продуман и кем

организован такой леденящий душу план – опять «масонами» или на этот раз «русификаторами»? Возвышать свой голос в защиту мощны Меркурия, конечно, можно и где-то даже нужно. Но когда мы ежегодно теряем дюжину действительно ценных, уникальных памятников истории и культуры, когда не восстанавливаются, не осваиваются, гибнут целые монастырские ансамбли, настоящие жемчужины нашей земли, когда перед обществом охраны памятников стоят десятки сложнейших проблем и только считанные самоотверженные люди пытаются своими не ахти какими силами при нашем равнодушии спасти хоть что-то, следовало бы все же вникнуть в суть дела немного глубже, чем «проблема» мешка Меркурия или гранитная глыба с дифирамбами Брежневу; во всяком случае, не стоит называть презрительно «охранителями» тех, с чьей работой и чьими проблемами автор, как видно, не совсем знаком.

Конечно, культура полемики не исключает острых характеристик, если только они не подменяют сути явления. Желая, вероятно, подчеркнуть некомпетентность высшего руководства республики, автор заявляет, что «на пленуме ЦК КПМ ветеринар Бодюл... заявил: «если мы будем признавать общность языка и культуры молдаван и румын, то что тогда останется от молдавской нации?»... К вопросу о молдавской нации мы еще вернемся. То, что Бодюл был ветеринаром – бесспорно, как и то, что он был, к сожалению, руководителем республиканской партийной организации слишком долгое время. Но ведь Бодюл выступал на пленуме не как ветеринар, а как первый секретарь ЦК КПМ. Думается, он высказал (вероятно, предварительно посоветовавшись со своими коллегами в руководстве) мнение не личное, но групповое. Тогда причем здесь его ветеринарное образование? Нравится это нам или нет, но давайте честно признаемся, что это было не личное мнение одного. И мнение это поддерживалось и развивалось, за редчайшим исключением, всеми, в том числе, можно предположить, и тов. И. Бугой.

Так будем же учиться отвечать за деяния свои честно и открыто, без ссылок на «ветеринаров» и прочих злоумышленников. Впрочем, при подробном рассмотрении данного заявления И. Бодюла и исключая всякую категоричность, оно вовсе не кажется мне таким уж крамольным и противоречащим истине, ибо есть молдаване, и есть румыны, нравится кому-то это или нет.

ПРЕЖДЕ, чем приступить к анализу авторской позиции в этом вопросе, я хочу остановиться на одном, мягко говоря, недоразумении, которое пошло гулять по страницам нашей печати. Речь идет о статье «К вопросу о правильном освещении истории общественно-политической мысли Молдавии», опубликованной в 1959 г. журналом «Коммунист Молдавии», которую автор представляет чуть ли не сигналом к почти непрерывной и напряженной «критической кампании против наиболее талантливых представителей нынешней творческой интеллигенции». Не знаю, читал ли автор эту статью, речь в которой шла о необходимости тщательного и кропотливого изучения наследия летописцев, средневековой политической мысли Молдавии, ликвидации «белых пятен» (30 лет назад) в историческом изучении этих сюжетов, а также дана классовая оценка общественно-политическим взглядам видных деятелей молдавской литературы XIX в. как взглядам буржуазным.

Вообще-то говоря, я и сам не сторонник примитивных классовых оценок творчества больших художников, которые со времен Гомера никак не укладываются в прокрустово ложе таких оценок, ибо высокое служение музам всегда предполагало приоритет общечеловеческих ценностей, нетленных для всех времен и всех народов. Но названный термин вовсе не носит того отрицательного эмоционального заряда, который вызывает на уровне бытового сознания термин «буржуазный», а лишь связывает общественно-политическую мысль тех или иных деятелей с определенной эпохой, классовыми интересами и прочее, подобно тому, как эпоха Возрождения, Просвещения, Мэйдзи в Японии, революции в Западной Европе, реформы Александра II в России, реформы Александра Кузы в Румынии и т. д. признаются нами выдающимися событиями в истории народов именно потому, что они имеют буржуазную суть и направленность. Буржуазное содержание общественно-политической мысли видных деятелей молдавской культуры XIX века расценивается нами как прогрессивное как раз в силу этого своего качества, созвучного главной магистрали исторического процесса.

Я полагаю, что и самые беззаветные поклонники молдавских писателей XIX века не станут утверждать, что последние являлись пролетарскими мыслителями, либо наоборот, – феодальными, хотя повторяю, – я против примитивных классовых схем в анализе творче-

ства титанов. Но дело не в этом. Позвольте спросить: как упомянутая статья, в которой не было ничего, что могло бы спровоцировать «высочайший» гнев и обрушить его на культуру, и в которой, наоборот, признавалась необходимость серьезной изучения классического наследия, как такая статья могла стать детонатором гонений, если она увидела свет в марте 1959 г., а «гонитель» стал во главе руководства в мае 1961 г. т. е, через два года? Кстати именно в 1961 году его вельможный гнев пал не только на писателей и лингвистов, но и на историков – на Я. С. Гросула, Н. А. Мохова, Е. М. Рус – сева...

Не могу не сказать и вот о чем. Автор статьи «Язык один – алфавит один» закончил ее призывом: «Настал час пробуждения...». Призыв хороший, спору нет. Да только не все спали, не все молчали. В начале 60-х годов, в самый разгар «высочайшей» немилости, попавшие в опалу специалисты направляют в ЦК КПМ письмо, в котором выступают за сохранение исторических памятников, за бережное отношение ко всему наследию, которого мы теперь уже почти лишились, за реставрацию дома Андронакия Доница, церкви, где бывал Пушкин, ряда домов исторической застройки в районе Ильинского рынка, за создание заповедной зоны «уголка старого Кишинева». Кто эти люди, подписавшие письмо? Я. С. Гросул, Е. М. Русев, Н. А. Мохов, П. В. Советов и другие, то есть именно те, кто подвергается сейчас в некоторых органах печати грубым нападкам со стороны отдельных «пробудившихся» от долгого сна и зарабатывающих себе ныне запоздалое реноме долгожданного мессии, спасителя молдавского народа, его культуры, памятников, истории, языка...

Обратимся, наконец, к главному тезису автора, ради которого, вероятно, и была написана его статья. Я имею ввиду его утверждение, что «и молдаване из СССР, и румыны из СРР – составные части единой социалистической нации, проживающей на территории двух суверенных соседних социалистических государств». Другими словами – нет молдаван, нет молдавской истории, молдавской культуры, нации; есть румыны, румынская история, румынская культура, единая румынская нация, единый народ., «в своем историческом прошлом расчлененный», но тем не менее активно боровшийся «против иноземного национального и социального угнетения».

Сам по себе этот тезис не является откровением. Более того, те, кто знаком с современной западной молдавинистикой, отлично

знают, что он входит в арсенал излюбленных приемов в попытках разжечь трения между СССР и Румынией на почве так называемого бессарабского вопроса. Его деятельную разработку осуществляли еще представители старой, ортодоксальной румынской исторической школы, занимавшихся поиском румынской нации во времена чуть ли не Иисуса Христа, первого тысячелетия н. э. А сейчас всевозможные «специалисты» по Молдавии на Западе принимают проделанную «ортодоксами» работу как аксиому, особенно не утруждая себя поиском, новых аргументов.

Скажем, журнал «Юкрэйниэн Куоэтерли», издающийся в США, на обложке которого написано, что он «содержит обширную информацию о политической, экономической и культурной жизни украинского и других народов Советского Союза», «выдает» следующее: «Специфическим для Молдавии является то, что ее народ не представляет собой нации. Не существует молдавской нации, молдавского языка, у этого рода нет своего культурного наследия, исторического прошлого, потому что нет молдавской нации. ...Пропустив говоря, Советская Молдавия не государство и не нация, а придуманное Москвой средство для прикрытия экономической эксплуатации этого района Кремлем».

Все построения старых «ортодоксов» и их современных эпигонов в общем-то уже были рассмотрены в ряде серьезных работ молдавскими историками. Можно было бы сослаться на два издания (1978 и 1986 гг.) капитальной монографии «Формирование молдавской буржуазной нации», на аргументы и авторитет ее авторов. Но нет смысла обращаться в данном случае к тем работам, поскольку автор для обоснования старого тезиса привлек новые, как ему представляется, доводы. Рассмотрим их объективно.

Итак, высказано требование полного отказа от «сталинско-бодюловской концепции: две нации – два языка – два алфавита» и ее категорического искоренения. Позволительно спросить, а как же быть с «плюрализмом мнений в условиях гласности», столь высоко ценимого автором, когда дело касается его единомышленников и его самого? – а ко всем «инакомыслящим», что же, значит, вновь «категорическое искоренение их взглядов», и, значит, – вновь колючая проволока и все тот же сталинизм? В подтверждение своей концепции (единый язык – единая нация – единая культура) автор приводит

следующие доводы. Раз язык у молдаван и румын один (а эта аксиома и доказательств, по мнению автора, не требует, ибо теле- и радиопередачи в Кишиневе, Москве и Бухаресте сами свидетельствуют за себя), значит, молдаване говорят на румынском языке. Тот, кто говорит на румынском языке, естественно – румын. Все румыны вместе, где бы они ни жили – единая нация. Единая нация имеет и единую культуру – румынскую.

Вопрос по мнению И. Бути, доказан и снимается с повестки дня. А как же люди, которые посмеют считать себя молдаванами, а свою культуру – молдавской? Что ж, их национальное самосознание тоже будет подвергаться немедленному «категорическому искоренению»?

Только одно, одно-единственное обстоятельство нарушает стройность гармонии этой составленной автором логической концепции на уровне детских кубиков. По ошибке или недогляду он называет противников «бодюловской концепции» (а следовательно, защищающих тождество молдаван и румын) людьми, становящимися «на защиту объективной истины и **национальных интересов молдаван**» (подчеркнуто нами – Н.Б.). Но ведь по логике автора объективная истина в том и состоит, что нет никаких молдаван, а значит, и их национальных интересов; есть только румыны и только их интересы. Или автору дополнительно известно, что румыны согласны называть себя молдаванами, раз уж все едино, – что в лоб, что по лбу?!

Вернемся к тезису единой нации. Против своих противников И. Буга не жалеет темных красок: «Сегодня эта концепция (существование двух наций – молдавской и румынской – Н.Б.) – вредный политический анахронизм. Авторы и защитники этой концепции, имеющей искусно закамуфлированную тенденциозную сущность, некогда расчетливо использовали некомпетентность масс и отсутствие в прошлом достаточной и объективной научной информации по этому вопросу». Не может оставить читателя равнодушным святое убеждение автора, что теперь-то уж массы, наконец, стряхнули с себя оковы некомпетентности, пробудились. И я бы с удовольствием разделил это его убеждение, но хочется прежде разобраться, какую же «достаточную и объективную» научную информацию он ввел в оборот для доказательства истинности конструкции?

Нетрудно заметить, что самым главным основанием в его построении является тезис о том, что единство языка фактически означает

единство нации, значит, единство культуры и т. д. В этой связи я предложил бы автору испытать свои силы в моделировании следующих постулатов на основе опробованной им методики: У. Шекспир – великий американский драматург (американцы говорят на английском языке, значит, они англичане, значит, у них единая с Англией культура, единые классики, в том числе и Шекспир); А. Сервантес – мексиканский писатель (то же самое на основе испанского языка); Васко да Гама – бразильский мореплаватель (на основе португальского языка); И. Штраус – немецкий король вальсов (на основе немецкого языка) и так далее, до бесконечности. Хотя, конечно, у близкородственных наций, вышедших из одного корня, могут оказаться и общие классики (хрестоматийно: В. Александрии, М. Эминеску и др.).

Интересно наблюдать, как автор, пытаясь придать устойчивость своему сооружению наименее научным методом аналогий, приводит примеры, которые при более корректном их использовании сами же н опровергают его доводы. Он говорит, что на испанском языке говорит Испания и почти вся Латинская Америка и никто не делит этот язык на аргентинский, мексиканский, кубинский и т. д. Прекрасно! Но разве кто-то называет аргентинцев испанцами, а мексиканцев – кубинцами, на том основании, что у них один язык? А ведь и предки были, что называется, из общего котла – племена индейцев, конкистадоры; и культуры схожи, и исторические судьбы, опять же – язык. И тем не менее, – нации различные. Так назовите молдавский язык румынским (предположим, разница действительно настолько незначительна, что ею можно пренебречь, – повторяю, я не берусь судить), что же – молдаване, сформировавшие свою нацию в Бессарабии и Левобережном Поднестровье, становятся румынами? А американцы – англичанами? Бразильцы – португальцами? Австрийцы – немцами? Канадцы – англичанами и французами одновременно?

Чтобы не распыляться в разборе других, столь же «доказательных» примеров, остановимся на самом главном аргументе автора, который, вероятно, представляется ему просто убийственным, – на аналогии (опять аналогии!) с положением болгар, проживающих и в Болгарии, и в СССР. Можно утверждать, считает он, что положение молдаван и румын является идентичным, ведь «болгары из НРБ и болгары из СССР – это две составные части единой социалистической нации с единым родным языком, хотя и живут они

в разных социалистических государствах». И тут – язык главный и единственный признак нации. Вот мы подошли к самой сути.

Я не знаю, как И. Буга преподает историю КПСС в вузе, но думаю, что наверняка любой из студентов, которых обучает профессор, знает, что нация в научном понимании – это вовсе не совокупность людей, говорящих на одном языке. На экзаменах он определил бы нацию как социально-экономическую общность людей, возникающую только при капитализме (или социализме), т.е. при достаточном уровне развития производственных сил, обеспечивающем разделение труда и формирование единого рынка в пределах национальных границ, на базе общности территории, общности языка (что, впрочем, не всегда обязательно, пример – Швейцария, Канада и другие страны с полилингвистической структурой нации), экономической жизни и психологического склада, общности культуры. А кто-то из студентов наверняка добавил бы, что только комплекс всех условий может формировать нацию, и главным среди них все-таки является не язык, а общность социально-экономической и духовной жизни в пределах единых национальных, таможенных, государственных границ. И если англичане переселяются в Австралию или Америку, то там постепенно формируются свои нации – австралийская или американская. И если часть болгар покидает пределы своей страны, то она фактически перестает принадлежать к нации болгар, хотя продолжает принадлежать к болгарской национальности. Не говоря уж о том, что те болгары покидали свою родину, когда и нации-то еще не было болгарской, а была лишь феодальная народность.

В этом свете студенты разъяснили бы и недоумение своего профессора по поводу двух или одной болгарской нации: «Абсурдно утверждать, что коренное население Народной Республики Болгарии и болгары СССР... – это ныне две разные нации и что у них два разных родных языка». Действительно, двух наций нет, потому что болгары нигде не создавали и не имели своего национально-территориального государственного образования, кроме как в Болгарии. А потому есть только одна болгарская нация в НРБ, а проживающие в СССР болгары – не нация. Болгары, издавна проживающие на территории Молдавии совместно, компактно, представляют собой особую этническую общность, национальную группу, но никак не нацию, поскольку нет условий для ее формирования. Нет сомнения,

что студенты объяснили бы профессору, что и евреи, проживающие во многих странах мира, также не являются нацией, поскольку не имеют общности территории, экономической жизни и т. д.

Вероятно, выслушав эти доводы, автор не стал бы укреплять свое построение, которое он называет «объективной реальностью» (единая социалистическая нация – единый язык – единый алфавит), столь ненадежными подпорками исторических аналогий. В то же время, собственно истории автор уделил до обидного мало места, всего одну фразу. Говоря о существовании молдаван, бессарабцев, буковинцев, мунтян, трансильванцев, олтян, арделян и др., автор обронил: «В историческом процессе, как известно, это население дако-гето-романского происхождения консолидировалось в один народ с общим названием – румынский народ».

Трудно сказать, откуда автор получил такое любопытное известие, какие исследования он провел, какие источники изучил. Но марксистской исторической науке известно другое: что романализованные гето-дакийские племена в своих многовековых контактах со славянами, переселившимися на Балканы, в районы Карпат в VI–VIII веках, сформировали новую этническую общность восточных романцев, известную в мире под названием волохов. Впоследствии обособившаяся их часть, расселившаяся в Дне-стровско-Карпатских землях и вошедшая в контакт с восточными славянами, постепенно консолидировалась в молдавскую народность.

Так, в XIV веке образовались два различных княжества – Молдавское и Валашское, на базе которых шел процесс дальнейшей консолидации восточно-романских народов – молдаван и валахов, несомненно, близких по своей исторической судьбе, культуре и т. д.

После освобождения Бессарабии от турецкого ига и присоединения этой части Молдавского княжества к России исторические условия существования молдаван по ту и другую сторону Прута все более разнились. Объединение Молдавии и Валахии в 1859 году и создание Румынского государства привело к тому, что на базе двух близких восточно-романских народностей – молдаван и валахов – стала формироваться в пределах национальных границ единая румынская нация. А на левобережье Прута, на территории Бессарабии и левого берега Днестра в то же время, но в других социально-экономических условиях и духовной среде, постепенно

формировалась молдавская буржуазная нация. И хотя в процессе консолидации румынской и молдавской нации контакты между ними, особенно в области культуры, языка, духовных связей и т.д., продолжались, а многие классики для той и другой нации были в самом деле общими, это вовсе не означает, что в двух разных государствах, в различных социально-экономических и политических условиях, в пределах формирования двух почти не связанных между собой национальных капиталистических рынков формировались одна румынская нация. Это действительно нонсенс.

И если мы считаем себя материалистами и придерживаемся материалистического истолкования всех явлений общественной жизни, мы должны признать: в период капитализма в различных условиях в различных государствах формировались две нации, исторические пути которых все более расходились, несмотря на общность стартовых, так сказать, позиции, на общность языка, общность культур и т.д. И вовсе не случайно, оккупировав в 1918 г. Бессарабию, Румыния так и не смогла интегрировать ее в свою систему, пристегнуть ее к своей упряжке – слишком разными оказались культуры и структуры – и превратила край в свою колонию.

Конечно, мы можем проповедовать и прямо противоположные взгляды, искать единую румынскую нацию еще во времена Буребисты и Гая Юлия Цезаря, а всю последующую историю рассматривать как ее временную (феодальную, капиталистическую и даже социалистическую) раздробленность. Можем! Вольному воля. Но складывая эти кубики в любезные нашему сердцу фигуры, давайте не будем лукавить и честно объявим, что мы не считаем нацию категорией буржуазного общества, возникающую только в определенной обстановке и условиях, на определенном этапе развития общества, а придерживаемся идеалистических взглядов, полагая, что нация возникает вместе с языком, который и является ее главной и единственной принадлежностью, атрибутом, признаком. Тогда, по крайней мере, все станет на свои места и «людям добрым» будет ясно, кто есть кто, в каких целях и как, каким образом он собирается принять «энергичное участие в реализации горбачевской Перестройки».

И последнее, о чем нельзя не сказать. Сейчас, когда некоторые органы печати принялись сгущать краски вокруг «горькой судьбы» молдавского народа, создается впечатление, что, стало дурным тоном

вспоминать ужасы трехсотлетнего турецкого ига, 22-летней бояро-румынской оккупации, 3-летней фашистской ночи. Нынче весь разговор ведется вокруг «трагедии» русификации, колониальной политики России в крае, миграции, ассимиляции и др. Так происходит постепенно отлучение молдавского народа от его собственной истории, замена полярных знаков и не более.

Ну, хоть бы один из «пробудившихся» вспомнил слова митрополита Досифея: «Из Москвы сияет свет, распространяя лучи и доброе имя под солнцем», хоть бы один вспомнил, что после присоединения края к России более ста лет он не знал войны, а население даже освобождено на 60 лет от службы в армии, что Кишинев из захудалого местечка превратился во вполне цивилизованный европейский город, один из крупнейших в России, что в считанные десятилетия экономика края после трехвековых кризисов и стагнации набрала силу и вышла по многим показателям на ведущее место в России, что в середине прошлого века край вошел по количеству школ и грамотности населения в первую десятку среди губерний страны. Хоть бы один вспомнил о формировавшейся в Бессарабии особой культурной атмосфере и общности, своей интеллигенции, о приобщении жителей края к передовым общественно-политическим исканиям, революционному движению, которое в конечном счете в едином интернациональном натиске смело жестокую авторитарную систему социального и национального порабощения трудового человека, разрушило стены тюрьмы народов в октябре 1917 года...

Нет, не вспоминают. Потому, надо полагать, что все это – вехи истории Молдавии, которой, как нам пытаются доказать, не существует. А существует, оказывается, несколько кубиков, комбинациями из которых пытаются заменить молдаванам их сложную, многотрудную, да – трагическую, но и свою особую судьбу. Только вот, пожелает ли сам народ отказаться от своего исторического пути? Согласится ли он играть в эти кубики?

НАСЕЛЕНИЕ МОЛДАВИИ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ: МИГРАЦИЯ? АССИМИЛЯЦИЯ? РУСИФИКАЦИЯ?⁴

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ: КАКАЯ ИСТОРИЯ НАМ НУЖНА?

Говорят, некий высокопоставленный идеологический вельможа времен сталинско-ждановского «покровительства» изящным искусством изрек: «Нам нужна такая история, какая нам нужна!» По степени лаконичной изысканности этот афоризм, как говорится, достоин пера герцога Ларошфуко. Хотя трудно сказать наверняка, был ли он плодом долгих кабинетных раздумий фельдфебеля, отданного в Вольтеры, или родился вдруг, нечаянно, спонтанно, во время очередной лихорадочной кампании по искоренению какой-нибудь незрелой вредности или вредной незрелости.

Действительно, трудно сказать. Зато, без сомнения, под словом «история» автор изречения подразумевал все что угодно, только не науку. Вероятно, он даже удивился бы, если бы ему сказали, что история – это наука. Причем наука по-своему уникальная, поскольку повторить эксперимент или проверить полученные результаты на серии опытов здесь невозможно. И тем не менее наука объективная, ибо то, что произошло, становится объективной реальностью, а через науку историю – фактом общественного сознания. Вернуться же в прошлое и что-либо там переделать или исправить по своему усмотрению не удавалось еще никому. Можно превозносить, можно интерпретировать на тысячу ладов тот или иной факт, но его нельзя отменить либо заменить другим.

Конечно, факты можно фальсифицировать. По-разному. Например, умалчивать о них, либо не замечать каких-то «мелочей», либо выпячивать какую-нибудь одну сторону в ущерб другим, либо даже просто отрицать их существование, и так далее до бесконечности (арсенал здесь исключительно богатый). Но в этом случае ни

⁴ Бабилунга Н.В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? Ассимиляция? Русификация? Кишинев: Штиинца, 1990. 111 с.

о какой научной ценности полученных выводов говорить не приходится – есть история, но нет науки, есть мифотворчество, но нет объективной истины.

Почему же так часто эти два понятия – «история» и «наука» – не совпадают? Дело в том, что история отражает одну из важнейших потребностей общества – потребность в самосознании. История сама является формой самосознания. В обществе всегда находятся силы, преследующие определенные цели и заинтересованные в манипуляции общественным сознанием для достижения этих целей. Наука, как правило, становится ненужной помехой в деле целенаправленной обработки массового сознания. Зато растет потребность в истории как инструменте мифологизации, призванной направлять действия общества, его энергию, волю в намеченном направлении. И тогда наиболее «научным» объявляется то историческое сочинение, которое в максимальной степени будет способствовать этой цели и которое убедительно покажет историческую обоснованность того или иного пути, соответствующего интересам данных сил.

В период сталинизма, когда тотальной обработкой массового сознания занимались не столько историки (такой шедевр исторической мысли, как «Краткий курс истории ВКП(б)», заменил, по сути, все общественные науки), сколько чудовищный аппарат карательных органов, шансы объединить историю и науку стремительно падали с середины 20-х годов и затем в течение 30 лет практически были равны нулю (исключения не в счет).

Времена хрущевской «оттепели» дали удивительные победы на исторической ниве. В 50–60-е годы появились целые научные школы и направления в истории, были изданы интереснейшие и глубочайшие исследования. История сбрасывала с себя панцирь утверждаемых сверху постулатов и догм, превращаясь из примитивной агитки, призванной проиллюстрировать ряд пропагандистских мифов, в истинную науку со своими проблемами, своим понятийным аппаратом, своей методологией, принципами, гипотезами и теориями.

Однако вся командно-административная система, частью которой была и управляемая ею наука, в том числе, конечно, и историческая, сломлена не была. Поэтому стоило холодным ветрам подуть сильнее, как мороз застоя вновь сковал почву. В истории, наверное, как ни в какой другой науке этого периода, вновь пышно

распустились морозоустойчивые пустоцветы. Хлынул бурный поток псевдонаучных писаний – кандидатских и докторских диссертаций, монографий и статей, полных ничего не значащей словесной трухи: развитой социализм, новая историческая общность, руководящая и направляющая сила, единодушное одобрение, всенародная поддержка и т. д. Унавоженная подобными удобрениями историческая нива вкупе с обильным ливнем наград, званий, должностей, степеней, окладов и прочего способствовала бурному росту бурьяна – псевдоисследователей и лжеученых, гордившихся не столько своими учеными званиями, а тем более – научными трудами, сколько занимаемой ступенью в иерархии управления наукой, а также принадлежностью к пропагандистскому аппарату и доступом к закрытым кормушкам.

И тем не менее история как наука загублена не была. На редких проталинах, в своего рода оазисах появлялись удивительные по глубине и значимости исследования прошлого нашей страны. В Москве, Ленинграде, союзных и республиканских центрах, в том числе и Кишиневе, выходили работы высокого научного уровня, как правило, по древней, средневековой и новой истории, которые являли резкий контраст с прочей стандартной продукцией исторического производства. Это не могло не вызывать озабоченности и беспокойства у одних, приступов злости и зависти у других историков. По их сигналам те, кто стояли на вышках, охранявших чистоту нашей идеологии, открывали огонь без предупреждения, как только какая-нибудь свежая мысль, нетривиальный подход, оригинальная идея или даже просто свое прочтение и трактовка той или иной проблемы просачивались в исторические труды. В этом случае погром обычно сопровождался призывами о необходимости повышения идейно-теоретического уровня исторических исследований, усиления борьбы с враждебным влиянием, бескомпромиссного искоренения идейной всеядности и политической незрелости в среде специалистов...

Однако, поскольку эпоха была уже иной, эти кликушества редко приводили к ожидаемым результатам – запугать, ввести в оцепенение одних и раздавить, разгромить других, причем не только отдельных ученых, но подчас и целые научные подразделения, школы, направления. Более того, зачастую эффект от очередной кампании был как раз обратным, ибо привлекал к спорным проблемам внимание общественности и ученых, будил мысль, вовлекал в спор новые силы,

пополнял ряды сторонников тех направлений, которые, по замыслу охранителей устоев, и должны были быть закрыты. С другой стороны, все попытки лишить историю статуса науки, подавить, заморозить в ней исследовательские начала уже не давали стопроцентной гарантии успеха. Семидесятые годы – не тридцатые, приходилось иногда считаться и с внутренними, и с внешними факторами. А потому история была многоликой: и наукой, и псевдонаукой, и не-наукой, и антинаукой.

Эпоха гласности, казалось, должна была бы стать для исторической науки ренессансом. Вот уже не слышно начальственных окриков, вот сняты запреты со многих тем, вот и цензура смягчилась, приоткрылись спецфонды библиотек и архивов, вот специалисты по «развитому социализму» и прочие псевдоученые перестали галдеть по поводу приоритетности и актуальности своей тематики, выходят из моды конъюнктурные «диссертательные» названия, то есть, казалось, начался долгожданный процесс очищения истории от всего ей чуждого и наносного, процесс воссоединения истории и науки в нераздельное, монолитное целое. Казалось.

Нет, до этого далеко; наука вновь не в почете. В историю хлынул новый поток. Ежедневно на страницах чуть ли не всех республиканских периодических изданий встречаешь сногшибательные исторические теории, сенсационные открытия, дерзкие идеи, авторами которых чаще всего выступают не профессионалы, а любители. Не обремененная грузом исторических знаний, не знакомая с методологией научного исследования, не представляющая себе даже в общих чертах, что такое исторический источник и каковы методы его обработки, позволяющие делать корректные выводы, одним словом, лишенная малейших сомнений в своих силах и способностях вершить науку, многочисленная армия любителей, засучив рукава, принялась за дело. Пресса охотно предоставила дилетантам свои полосы, видимо, полагая, что они-то и есть начинатели перестройки в исторической науке, которой так ждет общество.

На помощь любителям поспешили те из историков, которые всегда рвались в первые ряды, – во времена застоя громче всех воспевали мудрые решения Брежнева и эпохальные эксперименты Бодюла, а ныне громче всех требуют немедленно всем перестроиться. Те, кто вчера в благоговейном трепете в своих исторических трудах

восславляли расцвет Молдавии и ее грандиозные свершения, сегодня без тени смущения показывают пальцем на своих «изолгавшихся» коллег, преклонявшихся перед теориями «сатрапа» и «ветеринара». Профессиональные конъюнктурщики, обладающие маклерским чутьем на повышение ставок, эти историки понимают, что нынче лучше помалкивать о том, чем они раньше занимались, а поскорее приняться за то, что они раньше не считали нужным изучать, — проблемы истории периода феодализма, формирования народности, нации, вопросы развития капитализма и т. д. То есть взяться за те темы, которые несколько лет назад считались «неактуальными». Но никогда прежде не сталкивавшиеся с этими проблемами, не имеющие представления о существующей научной литературе и источниках, эти историки под аплодисменты толпы любителей тащат на свет божий в лучшем случае дилетантские банальности, ремесленные подделки, приправленные напускным глубокомыслием, а в подавляющем большинстве случаев — несусветную мешанину из всего, что только может проглотить читатель.

Самоуверенность и наглость, которые отличают массивированное наступление на сознание населения, представляют своего рода величественное зрелище. Будто по команде, из всех дыр, из всех щелей полилась эта смесь искреннего незнания и сознательной фальсификации. Создается впечатление, что остановить этот селевой поток уже просто невозможно. Несколько примитивных силлогизмов, повторяемых прессой из номера в номер, изо дня в день, стали восприниматься обществом как давно доказанные известные истины, просто аксиомы. И вновь история не может стать наукой. Голоса фактов и аргументов уже не хотят слушать.

И вновь раздается: «Нам нужна такая история, какая нам нужна!» Но это не перед притихшим залом перепутанных идеологов средней руки вещает опьяненный своим всесилием сталинский сокол. Это скандирует, грозно размахивая кулаками, многотысячная толпа фанатичных «любителей», марширующая по исторической ниве и ведомая своими лидерами по нежным побегам объективных истин, по живому телу науки, намеренная возвращать и лелеять новые мифы.

Спору нет, историки не обладают монополией на прошлое и не могут претендовать на это. Прошлое принадлежит обществу и каждому отдельному человеку. Любой волен изучать и знать, брать

из прошлого все, что ему близко по духу и кажется ценным. Чем больше людей любят и знают свою историю или хотя бы отдельные ее эпохи и периоды, тем выше интеллектуальный и духовный потенциал общества.

И все же давайте признаем: любовь к истории и изучение истории как науки – понятия, мягко говоря, не идентичные, так же как, допустим, простое собирание, коллекционирование монет отличается от нумизматики – науки, изучающей историю монетной чеканки и денежного обращения по монетам, денежным знакам, медалям, жетонам, а также археологическим и письменным памятникам; науки со своей методикой исследования источников, системой анализа степени отражения ими объективных процессов, происходивших в обществе, правилами датировки, выявления, отбора и прочим. Кстати, нумизматика является вспомогательной дисциплиной науки истории. К числу таких дисциплин относятся археография, палеография, генеалогия, геральдика, дипломатика, хронология, метрология, сфрагистика и другие, тогда как археология и этнография – это специальные исторические науки. В совокупности они позволяют на строго научном уровне решать многие сложные вопросы исторического познания прошлого, так же как история в целом наряду с политэкономией, социологией, юриспруденцией, филологией, эстетикой и другими науками дают единую объективную картину состояния общества как в прошлом, так и в настоящем, что позволяет оценить перспективы на будущее.

Сама по себе историческая наука вовсе не ограничивается эмпирическим описанием цепи событий в хронологической последовательности. Таковой история была и есть со времен Геродота и Сыма Цяня. Но история как наука изучает объективный процесс развития общества во всей его многогранности, конкретности, многообразии и противоречивости, выявляя и выделяя закономерности исторического процесса и механизм их проявления, особенности развития той или иной страны, народа и факторы, их определяющие, сущность и направленность какихто явлений и тенденций в исторической протяженности. Другими словами, наука история отличается от истории как познавательного и занимательного предмета (а тем более иллюстрации для того или иного пропагандистского или идеологического клише) тем, что изучает не просто прошлое, рассматриваемое в хро-

нологической последовательности, – скажем, Молдавское княжество в период правления Богдана I, господарей Лацко, Петра I Мушата, Романа, Стефана I, Александра Доброго, затем еще 16 правителей, Стефана III Великого и т. д. В такой последовательности всегда выявляются изменения, но не глубинные причины, их вызывающие, а объектом науки являются сами закономерности и особенности перехода от одного состояния к другому, механизм их действия и проявления, то есть именно то, чего нет на поверхности⁵.

В этом плане от ученого-историка требуются не просто любопытство, увлеченность историей, любовь к краеведению, хотя все это, несомненно, важно и ценно, но главное – знание теории, владение методом, инструментом научного препарирования исторической действительности как объекта изучения, умение добывать, выявлять исторические факты и подвергать их дальнейшему анализу, оценивать, теоретически обобщать, способность осознать, обнаружить и доказать наличие в совокупности накопленных фактов определенных зависимостей и закономерностей, которые лишь и раскрывают истинную сущность того или иного процесса на различных этапах истории общества. Кроме этих чисто профессиональных качеств исследователю прошлого порой необходимы личное мужество, способность защитить свою работу от внешнего давления, не покривить душой, не поддаваться соблазну, не изменить истине. А давление есть почти всегда, пусть и с разных сторон – со стороны ли сановного идеолога, охраняющего чистоту устоев, собственных ли коллег, не согласных по каким-то причинам с твоими выводами, борзых ли публицистов, делающих себе имя на «р-революционном» и «р-радикальном» ниспровержении всех и вся, или даже со сто-

⁵ Другое дело – нельзя признать безосновательными упреки ученым в том, что их работы, особенно по древним эпохам, очень мало «заселены людьми», что следует гораздо больше внимания уделять социально-психологическим явлениям исторической действительности, а также разносторонним и многокрасочным портретам исторических деятелей – монархов, господарей, высшего боярства и духовных лиц, то есть тому, что до сих пор было объектом внимания главным образом литераторов. Упрек справедливый. Однако делать на этом основании вывод, что «ученые лишили нас истории», что они «оболванивают умы», «обезображивают души», что они «изолгались», как ныне часто поступают некоторые наши периодические издания, крайне близоруко. Такой вывод могут сделать лишь те, кто просто не понимают того, о чем пишут. В лучшем случае.

роны многочисленной толпы, забывающей в криках «долой!», что история, может быть, и делается на площадях, но пишется все же в тиши кабинетов. Как показывает время, никогда не будет недостатка в тех, кто заявляет: «Нам нужна такая история, какая нам нужна!». Для историка-исследователя смысл этой фразы заключается в том, что наука «им» не нужна, а значит, его труды, усилия, знания и опыт останутся невостребованными.

Но как бы агрессивно ни были настроены те, кому нужна не правдивая глубокая история, а мифологизированная и политизированная лубочная картинка эрзац-истории, общество как таковое всегда заинтересовано в честном и объективном анализе своего прошлого. В этом плане можно сослаться на замечание такого интересного автора, как Л. П. Меньщиков. Это один из руководителей особого отдела департамента полиции самодержавной России, который в 1906 году выехал во Францию и стал разоблачать одного за другим крупнейших осведомителей и шпионов, методы работы тайной полиции и ее агентуры. Так вот, в предисловии к своей трехтомной работе «Охрана и революция», изданной Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев, он пишет: «Настоящая история не требует бенгальских огней, ни синих, ни красных; ей нужен только белый дневной свет объективной истины»⁶.

Собственно говоря, все приведенные выше рассуждения и общие замечания понадобились для одной цели – сказать, что настоящая работа написана для тех, кому нужен только белый дневной свет объективной истины. Тех, же, кто громогласно объявляют, какая история им нужна, ее содержание вряд ли удовлетворит. Можно предположить, что скорее не удовлетворит, даже раздосадует, разозлит. Ибо мы не будем принимать априори никаких диктуемых нам постулатов, а шаг за шагом, факт за фактом рассмотрим, каким образом формировалось в XIX веке население Бессарабии и левобережных районов молдавского Поднестровья, какие процессы при этом протекали, как они влияли на формирование молдавской буржуазной нации, как осуществлялось само формирование нации и др.

Эти вопросы, как известно, сейчас очень бурно дебатировались в печати. В статьях, написанных главным образом не специалистами

⁶ Меньщиков Л. Охрана и революция. Ч. 1. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 14.

и отмеченных высоким эмоционально-психологическим накалом, твердят о единстве двух социалистических наций – румынской и молдавской (т. е. фактически об отсутствии последней как таковой), которое существовало якобы с дохристианской эры, то есть уже два тысячелетия, и даже чуть ли не с каменного века. Утверждается также, что положение Бессарабии после 1812 года оказалось гораздо худшим, чем в условиях трехвекового османского гнета, ибо турки «приходили, грабили и уходили», а вот русские колонизировали эту территорию и не ушли. Высказываются упреки в адрес Александра I, принявшего ошибочное решение о заселении южной Бессарабии колонистами после ухода из этих районов кочевых племен, тогда как на его месте (то есть на месте императора всея Руси) авторы такой плодотворной идеи осваивали бы земли на юге с помощью выходцев из северных уездов Бессарабии. И так далее.

Видимо, нет необходимости подробно рассматривать подобные точки зрения, тем более объективно их анализировать, аргументированно опровергать. И не только потому, что абсолютное большинство их относятся к разряду курьезов. А прежде всего потому, что авторы подобных идей не придают им даже видимости научных гипотез и не предпринимают ни малейших попыток хоть как-то обосновать их, а рассуждают по принципу: я так хочу и если в истории было не так, то тем хуже для нее. Все тот же старый лозунг: «Нам нужна такая история, какая нам нужна!»

Задача этой книги не в развенчании бездоказательных мифов и побасенок того или иного амбициозного автора – для этой цели скорее подошла бы серьезная литература старой ортодоксальной румынской буржуазной исторической школы, в которой на определенном научном концептуальном уровне с разработанной системой доказательств, аргументов история Бессарабии XIX века рассматривается через призму тех подходов, которые в последнее время в дилетантском изложении замелькали в некоторых органах республиканской периодической печати. Задача этой книги в другом – на основе всего комплекса имеющихся исторических источников и фактологического материала, а также опубликованной научной литературы дать всем интересующимся представление о действительной картине формирования населения Молдавии и молдавской нации в XIX – начале XX века, ретроспективе этих процессов, включая динамику, то есть

изменения численности, народонаселения, естественное и механическое (миграционное) движение и его источники, географическое размещение населения, изменения в соотношении городского и сельского его контингентов, модификацию социальноклассовой и национальной структуры в течение столетия, влияние демографических факторов на консолидацию молдавской буржуазной нации после 1812 года.

1812 год открыл широкую возможность для прогрессивных изменений в социально-экономической сфере, хозяйственной и культурной жизни нашего края, освобожденного от турецкого ига и присоединенного к Российской империи. Территория, названная чуть позже Бессарабией, – между Днестром и Прутом, предгорьем Карпат и Черным морем – представляла собой часть (к тому же наименее экономически развитую) Молдавского княжества, находившегося три столетия под тяжким гнетом османского владычества. Активная подготовка Наполеона к форсированию Немана вынудила русское правительство спешно прекратить войну с Турцией, целью которой было освобождение от османского ига обоих Дунайских княжеств – Молдавии и Валахии. К России отошло только Днестровско-Прутское междуречье.

Эта сторона Бухарестского мира, подписанного 16 мая 1812 года, не может, конечно, оцениваться позитивно. Разделение единой феодальной народности на две слабо связанные между собой части, оказавшиеся по разные стороны государственной границы, к явлению прогрессивному не отнесешь. Впрочем, и уникальным его назвать тоже нельзя, поскольку подобных актов в Европе и на других континентах история знает немало.

Но дело историка не в том, чтобы с высоты прошедших столетий вершить свой суд, оценивая правомерность или неправомочность, а тем более морально-нравственную или юридическую обоснованность таких событий. Подобные попытки, как правило, не только преследуют сомнительные политические цели, но всегда бесплодны и способны лишь увести в сторону от реальной исторической действительности. Задача ученого – объективно объяснить, и показать причины и последствия всех катаклизмов, малых и больших поворотов на этом пути.

В этой связи представляет бесспорный интерес дальнейшая эволюция некогда единой феодальной народности молдаван. Часть

их (в запрутской Молдове) после объединения Дунайских княжеств стала одним из основных компонентов формировавшейся румынской буржуазной нации, другая часть (главным образом в Бессарабии и левобережном Поднестровье) в условиях невиданной до тех пор демографической активности, почти демографического взрыва, консолидировалась в многонациональной среде Российского государства в молдавскую буржуазную нацию.

Мы располагаем множеством разносторонних и достаточно глубоких исследований основных этапов и направлений происходящих процессов. И тем не менее, очевидно, возникает необходимость вновь и вновь обращаться к ним, ибо, как показывают публикации в периодической печати, о которых уже говорилось, а также устные выступления, многие читатели, да и авторы, ораторы довольно слабо ориентируются в этих исторических проблемах, путают столь разные понятия, как феодальная народность и буржуазная (а то и социалистическая) нация, отождествляют исходя из языкового признака две нации – румынскую и молдавскую, несомненно, близкие по многим параметрам, но тем не менее разные, искаженно трактуют вопросы миграции, ассимиляции, русификации в XIX веке и т. д.

Эти-то вопросы и будут рассмотрены на страницах книги. Географические рамки интересующей нас темы – Бессарабская область (с 1873 года – губерния) и территория левобережного Поднестровья.

И последнее предварительное замечание. Не хотелось бы утомлять читателя обилием цифрового материала. Однако историческая демография – наука, можно сказать, точная, постоянно оперирующая количественными показателями. Так что пусть он не сетует на лавину цифр и данных, осложняющих восприятие текста. К ним можно даже привыкнуть и обнаружить в них свою прелесть – прелесть доказательности. А это именно то, что является ключом к истории, истинной истории прошлого. И, наоборот, гораздо хуже, когда человек, увлеченный историей, а тем более пишущий на эти темы, стремится использовать в качестве такого ключа личные эмоции, желания, впечатления, переживания – пусть даже вполне искренние. Перекраивание истории на собственный вкус соответственно своему интеллектуальному уровню, моральным устоям и нравственным принципам, возможно, занятие увлекательное и небесполезное; возможно, оно компенсирует определенные комплексы и приносит удо-

влетворение; возможно, оно может в некоторых случаях привлечь к себе внимание части или даже всего общества. Все это очень и очень возможно. Неосуществимо в данном случае только одно – приближение к истинному, адекватному пониманию исторического прошлого, его сложности и противоречивости.

А ведь в конечном счете всем нам нужна такая история, какая была в действительности. Ведь как просто! Нам нужна история как наука – честная, объективная, правдивая. Нам нужны факты, аргументы, доказательства, без которых нет науки, даже такой, как история.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ: ЧИСЛЕННОСТЬ И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Вспомним пушкинское: «Сия пустынная страна священна для души поэта...» Или: «Здесь, лирой северной пустыню оглашая, скитался я...»

Для нас, жителей Молдавии, такой густонаселенной, такой перенаселенной в конце XX века, эти строки не могут не казаться загадкой – какая еще «пустыня», если яблоку упасть негде? А попробуйте попасть в городской общественный транспорт в часы пик да в ненастную погоду – вот где демографические проблемы почувствуешь, что называется, на собственной шкуре! Не случайно, видимо, в некоторых органах республиканской печати даже появились, правда, несколько запоздалые – что и говорить! – упреки в адрес великого поэта – зачем, мол, пустыней нас обзывал.

Не будем мудрствовать лукаво, пытаюсь проникнуть в тайны смысла, который придают наши обидчивые современники словам «пустынная страна» в стихах А. С. Пушкина, а попытаемся просто представить себе эту страну, то есть нашу землю, во времена ссылки сюда поэта, в 20-е годы XIX века, и еще раньше – к моменту присоединения Бессарабии к России. Конечно, для этого придется изрядно поднапрячь фантазию, поскольку современному жителю, скажем, центральной части Молдавии трудно представить себе густые девственные леса, полные различной дичи, так же, как трудно поверить, что из наших рек и озер в изобилии вылавливали для пропитания

и торговли белугу, осетра, стерлядь, севрюгу, сома, карпа, судака, щуку, леща, сельдь, а также чихонь, линия, карася и другую мелкую промысловую рыбу, называвшуюся отбоем. Городов в нашем понимании практически не было – лишь несколько крепостей, имевших военное значение. Кишинев был просто селением и насчитывал не более 7 тыс. жителей.

Чтобы составить даже чисто визуальное представление о населении той земли, о которой мы ведем речь, откроем свидетельские описания ее современниками. Вот что писал один из них: «Бессарабия с восточной частью Молдавии представляет чудное смешение сухих песчаных степей с плодоноснейшими пашнями, богатыми лугами и садами; холмы, на севере видимые и увенчанные рощами, исчезают по мере приближения к югу и к морскому берегу; страна совершенно обнажается; только небольшие кустарники вдоль течения рек; только огромный тростник, покрывающий озера, болота и солончаки; но посреди сих пустынь лежат тучные пастбища и поля, приносящие все роды лучших хлебных растений; плодороднейшие места примыкают к берегам Прута, где находятся и леса; степные части Бессарабии, уезды Аккерманский и Измаильский, особенно богаты виноградными насаждениями: сделанные опыты доказали возможность разведения тутовых, или шелковичных, деревьев; фруктовыми садами наполнены все части западной стороны Бессарабии. Климат здесь столь знойный летом, что все небольшие реки, между Днестром и Дунаем текущие, пересыхают, а осенью столь дождливый и влажный, что от непрерывных дождей являются новые ручьи и реки, пруды и озера; действия таких воздушных перемен бывают вредны для жителей, особенно для новых поселенцев»⁷.

Обратим внимание в этом отрывке на упоминание о новых поселенцах. В дальнейшем мы познакомимся с ними поближе. Кроме того, автор ведет речь о «сих пустынях» – не напомнило ли это читателю знаменитое: «Сия пустынная страна...»? А ведь данный отрывок приведен по книге, изданной в середине прошлого века, но о пустынях, как видим, речь все еще шла. Возьмем другое описание, увидевшее свет в середине 20-х годов прошлого века. «Бессарабия столь роскошно оделена природою, что нет европейского произведе-

⁷ Арсеньев Константин. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 187–188.

ния, ни животного, которого бы земля не могла произрастить, а леса и воды воспитать. Труд и промышленность награждаются сторицею по множеству истоков, по легкости сообщений с Европой и Азией: чего не возьмет просвещенная Австрия, то поглотит ненасытный Константинополь...

Огороды во всей Бессарабии наполнены всякого рода овощами и кореньями, отличающимися своею сочностью: особенно хороши капуста и турецкие бобы, занимающие первое место на молдавских столах.

Земледелие в Бессарабии в младенчестве: орудия самые простые, машин никаких. Землю пашут плугом в 6, иногда в 10 волов; сох не употребляют. На землю никогда не кладут навоза, который может ей повредить, — столь она жирна, — но по несколько раз перепашивают; заборанивают железными боровами. Лучшую и новую землю отводят под бахчу; остальную засевают прочими хлебами. Через два года земля отдыхает под паром; по обширности степей не дорожат еще новью.

...Соседство Днестра, Дуная и моря, множество больших и малых озер и речек в области, и всегдашняя возможность сделать пруд, открывают жителям обильный и богатый источник промышленности в рыбной ловле. Икра дунайская расходуется в большом количестве, но уступает добротою донской и уральской. В Вилкове и Килие на Дунае ловится и приготавливается множество сельдей, которые заменяют с успехом голландских и не уступают в качестве беломорским. Прочие рыбы, наполняющие бессарабские воды, ничего не имеют особенного и составляют постную пищу для народа и часть дохода помещиков. Жители Оргея пользуются изобилием леса и жгут уголь; они отправляют его в Одессу, Аккерман и Измаил, где весьма нуждаются дровами; особенно сей последний город, которого жители употребляют в топливо дунайский камыш и бурьян. Во всякое время года все дороги на соль покрыты огромными каруцами (молдавскими фурами) в 10 и 12 волов с уголем.

Касательно изделий Бессарабия имеет только самые простые: жители сами себя одевают; в народе, кроме цыган, никто почти не занимается никаким рукоделием; ремесленников мало, ремесел еще менее; хлебопашество в пеленах. Все, что требует искусства, ученья или машины, — того здесь и спрашивать нечего. В Кишиневе один

грек завел фабрику гермесутов, – полущелковая материя, много употребляемая молдаванами, – но успех не соответствовал ожиданию; его изделия не сравнялись даже с турецкими; фабрика чембера, или набитой кисеи, имела ту же участь: вероятно, и та, и другая скоро уничтожатся. Сукна, косы, ножи, стекла, экипажи, одним словом, самые необходимые потребности в домашнем быту получаются из-за границы. Помещики не заводят винокурен по недостатку мастеров, и вся водка получается из Польши. Вообще рукодельную промышленность надлежит здесь создать, или по недостатку верных и надежных для сего средств, предоставить времени, которое при хороших началах все усовершенствует, и положиться на частную пользу лиц, которая редко обманывает»⁸.

Из этого длинного отрывка можно сделать несколько заключений относительно состояния Бессарабии через десятилетие после присоединения ее к России. Во-первых, это выгодное географическое положение для торговых связей как с Востоком, так и с Западом, отличные природные условия для экономического развития, и прежде всего – развития сельского хозяйства. Во-вторых, наличие свободных земель для приложения труда при крайней неразвитости хозяйства, и прежде всего – производящей, обрабатывающей промышленности. Благоприятные возможности для наращивания торговых оборотов, о чем специально было сказано в цитируемой книге: «Всякая торговля основана на мене: Бессарабия, богатая произведениями земли и скотоводством, но бедная со стороны рукодельной промышленности, ведет деятельную торговлю с соседними землями, без помощи коих она обойтись еще не может. Окруженная тремя империями, владея судоходством на Днестре и устьем Дуная, богатая своим климатом, Бессарабия природою вещей назначена занимать значительную роль во всемирной торговле. Порты Ренийский и Измаильский всегда наполнены чужестранными кораблями, приходящими за хлебом, шерстью и салом; в 1825 году число их возросло до 300. Измаилу не достает только торговой свободы и господина Ришелье, чтобы превзойти даже Одессу; ибо его положение при устье одной из величайших рек Европы дает ему полное преимущество над безводною, обнаженными степями окруженною Одессою. В Россию Бессарабия

⁸ Сабуров Яков. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 году. М., 1830. С. 3, 5, 19–20.

отпускает множество вина, соли и угля; в Австрию гонит скот и лошадей, турки закупают значительное количество хлеба, масла, сала и кож»⁹.

Мы не будем углубляться в экономическое, а тем более социально-политическое положение края. Это выходило бы за рамки очерченной темы. Приведенных примеров, видимо, достаточно, чтобы констатировать: говоря о Бессарабии как о «пустынной стране», современники вовсе не подразумевали нечто вроде песков Сахары, Калахари и Каракумов: ее богатая природа никаких сомнений на этот счет не оставляла. Речь шла о чрезвычайно слабой заселенности этого края, разграбленного и разоренного трехвековым турецким игом, постоянными кровопролитными войнами, опустошительными набегами кочевых орд. А слабая заселенность не позволяла широко развернуться экономическому прогрессу, тормозила социальное развитие, формирование областного рынка как важнейшего условия консолидации единой нации.

Чиновники, обследовавшие состояние экономики края в конце 20-х годов XIX века, отмечали: «В Бессарабии мануфактурная промышленность не сделала до сего времени никакого успеха; посему фабрикант нашел бы в Бессарабии обширнейшее поприще для оборотов. ...Поселенные в Бессарабии колонисты, по способностям к мануфактурным занятиям, могли бы распространить промышленность; но они, по неимению фабрик, занимаются одним хлебопашеством. Виноделие не оказывает никакого успеха; земледелие остается в небрежении, и занимаются им как должно одни колонисты»¹⁰.

Следовательно, для дальнейшего поступательного исторического развития, экономического, общественного и культурного прогресса первейшим и жизненно важным условием становилось увеличение численности населения края. Этот процесс должен был стать основой для расширения пространственной сферы труда, что способствовало бы его общественному разделению, без которого не могут образоваться ни новые классы, ни рынок, ни нация. Ведь еще Карл Маркс указывал, что «если для разделения труда внутри мануфактуры материальной предпосылкой является определенная численность

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ О мануфактурной и торговой промышленности в Молдавии, Валахии и Бессарабской области // Журнал торговли и мануфактур. 1832. № 1. С. 110, 111.

одновременно занятых рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность, которые здесь играют ту же роль, какую играет скопление людей в одной... мастерской»¹¹. Но прежде чем приступить к рассмотрению процессов роста численности населения, необходимо, наверное, остановиться более подробно на демографическом положении Бессарабии и левобережного Поднестровья к моменту присоединения их к России.

И начать прежде всего следует с того, что в Молдавии, как и в других странах Юго-Восточной Европы, в XVIII веке начался некоторый подъем численности населения. Во второй половине XVIII века в процессе более или менее явно наметившегося выхода Молдавского княжества из экономического упадка на его территорию стали возвращаться беженцы из Речи Посполитой, прибывали иностранные переселенцы, в числе которых были и русские переселенцы-старообрядцы, основавшие в Молдавии до 70 «слобод»¹². Кючук-Кайнарджийский мир (1774 год) способствовал некоторому оживлению экономики княжества, увеличению естественного прироста населения.

При этом рост населения в Днестровско-Прутском междуречье был самым высоким в сравнении с другими зонами Молдавского княжества. Дело в том, что сюда, на окраину Османской империи, поближе к границам России, бежали от турецкого ига болгары, гагаузы, греки, сербы, представители других балканских народов. С другой стороны, здесь же находили убежище от преследований царизма и официальной церкви русские раскольники (липоване, казаки-некрасовцы и др.), а также украинские казаки и крестьяне юга России, бежавшие от помещиков. Благоприятным фактором было то, что во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов многие ногайцы, проживавшие до того в степях Буджака и своими набегами сильно сокращавшие численность оседлых соседей, были переселены в Крым и на Кавказ, а оставшиеся в силу малочисленности не отваживались более на широкие кровопролитные рейды внутри Молдавии.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 365.

¹² Бачинский А. Д. Основные этапы крестьянско-казацкой колонизации Буджакской степи и низовий Дуная в XVIII – начале XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966. С. 326.

И все-таки, несмотря на рост численности населения, Днестровско-Прутская часть Молдавского княжества оставалась наименее заселенной. Так, в 70-е годы XVIII века плотность населения здесь составляла примерно 7 человек на кв. км, тогда как в Прутско-Сиретском междуречье – 10, а между Сиретом и западной границей княжества – 16 человек на кв. км. В те годы в княжестве проживали не менее 700 тыс. жителей¹³. Более того, Днестровско-Прутское междуречье представляло собой наименее заселенную часть не только Молдавии, но и всей Османской империи. Такой же слабозаселенной к моменту присоединения к России была и территория между Бугом и Днестром, называвшаяся «татарской пустыней». Еще с XVI века заселялось молдаванами левобережное Поднестровье, куда они перебирались, спасаясь от бесчинств турецкой администрации. Впрочем, эти районы входили в состав Очаковской земли и управлялись татарами (Дубоссарским каймаканом), власть которых была не слаще османской. Массовость переселенческое движение молдаван за Днестр приобрело только в 60–90-е годы XVIII века, после выселения татар в Крым. Благодаря покровительству петербургского правительства молдаване получили здесь значительные безвозмездные пособия от казны и находились даже в более привилегированном положении, чем поселявшиеся на этих же землях русские и украинцы.

Ко времени присоединения Очаковской области к России здесь было два местечка (Дубоссары и Балта) и 39 казенных деревень с общей численностью населения примерно 14, 6 тыс. человек. После прекращения военных действий на эту территорию двинулся поток переселенцев, главным образом из Молдавского княжества (только за несколько месяцев, к августу 1772 года, из Молдавии прибыли 4244 человека мужского пола). На землях Очаковской области, или так называемой Ханской Украины, которые впоследствии вошли в Тираспольский и Одесский уезды Херсонской губернии, молдаване составляли не менее 50% всех жителей¹⁴. Однако с началом интенсивной украинско-русской колонизации этих территорий после присоединения их по Ясскому договору (29 декабря 1791 года) к России

¹³ Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев, 1978. С. 47.

¹⁴ Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Кишинев, 1974. С. 18.

их этнический состав изменился в сторону уменьшения удельного веса молдаван, о чем будет сказано в следующей главе.

Земли между Днестром и Бугом, называвшиеся ранее «татарской пустыней», стали очень быстро заселяться и осваиваться, чему способствовала целенаправленная политика Петербурга. Беженцы из Молдавии, привлекаемые русским правительством к заселению смежных с княжеством районов Украины, оказывались в более выгодном положении по сравнению с колонистами из России, поскольку молдавским переселенцам выдавались значительные безвозмездные пособия от казны и большие земельные участки¹⁵. Для заселявших этот край правительство стремилось создать такие условия, которые бы выгодно отличали его от внутренних губерний России.

Ясно, что основные льготы, как и большая часть земель, доставались помещикам, в том числе молдавским, которым были пожалованы значительные земельные угодья за помощь русской армии в войне с Турцией. В поместьях Д. Кантакузино, С. Стурдзы, Э. Балша и других молдавских бояр, получивших в Очаковской области огромные угодья, к 1803 году было основано 20 новых сел переселенцами из-за Днестра и из украинских губерний¹⁶. Однако, хотя царское самодержавие вполне определено и последовательно проводило политику укрепления в первую очередь дворянско-помещичьего землевладения, были во многом облегчены и улучшены социально-экономические и хозяйственные условия жизни непривилегированных слоев населения, прежде всего крестьян. Поселенные на помещичьих землях крестьяне были освобождены от службы в армии, на 10 лет – от всех налогов и повинностей, а земли в помещичьих слободах распределялись так, чтобы на 13 дворов приходилось 1, 5 тыс. десятин¹⁷. По разработанному плану укрепления границы Российского государства и строительства крепостей на Днестре вблизи небольшого поселения молдавских рыбаков Суклея по приказу А. В. Суворова была построена крепость Средняя, у стен которой вырос город Тирасполь. Были также возведены военные укрепления у

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. II. Одесса, 1838. С. 72.

¹⁷ Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев, 1979. С. 72.

Дубоссар и Григориополя. Все эти меры обеспечивали безопасность населения осваиваемого района, ограждая его от набегов татарских орд и турецких захватчиков.

Темпы роста населения Тираспольского уезда – а земли Поднепровья с городами Тирасполь, Дубоссары и Григориополь были в 1795 году объединены в один уезд – были весьма стремительными. Численность жителей уезда составляла в 1795 году 22, 9 тыс., в 1797 – 33, 3 тыс., в 1799 году – 42 тыс. человек (в том числе в Тирасполе – 3042, Григориополе с деревнями – 3435, в Дубоссарах с деревнями – 1337 жителей)¹⁸. Наряду с целенаправленной переселенческой политикой правительства в освоении присоединенных территорий левобережья важную роль играли также спонтанные миграции русского и украинского населения, в большинстве своем беглых крестьян («втикачей»). Со своей стороны правительство, поначалу благосклонно воспринявшее бегство крепостных на земли между Бугом и Днестром и даже предоставившее этим крестьянам ряд льгот на землях новороссийских помещиков, стало переходить к запретительным мерам в связи с быстрым ростом переселенческих настроений среди крепостных крестьян. Несмотря на переменившееся к ним отношение, несмотря даже на возвращение местной администрацией беглых крестьян владельцам, бегство крепостных на эти земли не ослабевало и в начале XIX века. Несколько десятилетий, предшествовавших присоединению Бессарабии к России, были отмечены оживлением демографических процессов как в самой Бессарабии (результат Кючук-Кайнарджийского мира), так и в левобережных районах Поднепровья накануне Ясского мира и особенно после присоединения междуречья Буга и Днестра к России. В эти районы начался приток населения из внутренних губерний России, а также из других областей Османской империи.

16 мая 1812 года в Бухаресте между Россией и Турцией был подписан мир, согласно которому территория между Днестром и Прутом, входившая ранее в состав Османской империи и являвшаяся частью Молдавского княжества, переходила в состав Российской империи. Мы не будем вдаваться в детальное изучение всех объективных и субъективных факторов этого акта, всех его положительных и негативных граней, различных сторон его влияния на исторические

¹⁸ Там же. С. 73.

судьбы молдавского народа – это отдельная тема, и она увела бы нас в сторону от исследуемой конкретной проблемы. Поэтому рассмотрим лишь один вопрос: какова была численность населения, которое в 1812 году влилось в состав Российского государства? На этот вопрос существует множество ответов, и споры вокруг них не затихают по сей день¹⁹. Причем именно потому, что характер этого ответа будет во многом определять оценку последующего развития края в составе России, а следовательно, и осмысление исторической роли 1812 года. О значении оценки этой роли («трагическая», «прогрессивная» или какая-либо еще) в кипении политических страстей современности говорить не приходится. Не случайно так много места уделяют ей различные неформальные объединения на своих санкционированных и несанкционированных митингах, шествиях и манифестациях, публицистических схватках на страницах периодики и даже в борьбе за установление монополии на абсолютное единомыслие, не говоря уж о тех стратегических горизонтах политических расчетов на будущее, которые возникают в зависимости от знака (плюс или минус) в восприятии 1812 года в судьбах молдаван, заложенного в фундамент этих расчетов. Так далекая и частная задача исторической демографии (ну, кого, казалось бы, кроме узких специалистов, может интересовать численность населения Бессарабии в начале прошлого века?) органически вплетается в контекст политических борений сегодняшнего дня.

Однако политизация истории никогда не шла на пользу исторической науке. Впрочем, тот факт, что люди бегают по библиотекам, разыскивают специальную литературу, углубляются в источники, чтобы в очередной раз «изобличить» ученых мужей в необъективности, должен, вероятно, сыграть свою роль в расширении их кругозора. Для этой цели хотелось бы помочь им разобраться в тех ответах на данный вопрос, которые существуют в науке. Мы подчеркиваем слово «наука», поскольку будем говорить лишь о точках зрения, имеющих под собой какие-то реальные основания, исторические источники, расчеты. Что же касается тех цифр, которые приводились ранее, приводятся и сейчас без всяких ссылок на источник их заимствования или хотя бы

¹⁹ Достаточно сказать, что они были в центре внимания дискуссии, разгоревшейся на страницах республиканских журналов в последние годы, в которой приняли участие ряд видных историков республики (См.: Горизонт. 1988. № 6; Коммунист Молдавии. 1988. № 10; 1989. № 6; и др.).

на какие-то расчеты, достаточно репрезентативные и убедительные, то вряд ли есть хоть малейшая необходимость занимать внимание читателей их представлением и соответствующей критикой²⁰. Ведь, в конце концов, каждый волен в меру буйства собственной фантазии выкрикивать любые цифры, которые ему придут в голову, но если они ничем не доказываются, нет смысла в их рассмотрении – наука тоже должна иметь свою презумпцию.

Итак, что нам известно о количестве народонаселения Бессарабии в 1812 году? В Центральном государственном историческом архиве СССР есть материалы, согласно которым в крае насчитывалось 17 городов, 683 селения и 41 160 дворов²¹. Если определить в среднем состав двора цифрой 5 человек, то численность населения в этом случае составляла 205, 8 тыс. человек. Это, вероятно, не соответствовало действительности и явно приуменьшено, поскольку на один двор могло приходиться и несколько семей.

В книге, изданной через год после присоединения Бессарабии к России, утверждалось, что в крае проживали всего 55 тыс. семей, или 275 тыс. человек²². Эта цифра гораздо ближе к реальной, хотя автор был неточен, как мы сейчас увидим, в оценке количества семей.

²⁰ Только один пример: в середине 20-х годов в Кишиневе вышла книга, автор которой утверждал, что в Бессарабии к моменту присоединения к России проживало более 700 тыс. жителей – ирреальная, анекдотичная цифра, не связанная ни с переписями XVIII в., ни с дальнейшим учетом населения в XIX в., плод неуместного воображения и жгучего желания принизить прогресс Бессарабии в составе России (Boga L. T. *Populatia Basarabiei//Basarabia*/Ed. Stefan Ciobanșu. Chisinau, 1926. P. 68). Несмотря на полную недоказанность и явную абсурдность названной цифры, на отсутствие ссылки на источник и намек на какое-либо обоснование авторской фантазии, некоторые современные западные историки иной раз походя приводят ее со ссылкой на названную книгу как на источник. А ларчик открывается просто: по переписи 1803 года численность населения действительно составляла 700 345 человек, но только не в Бессарабии, а в Молдавии, то есть во всем Молдавском княжестве. Этот незамысловатый приемчик, такой характерный для дремучего провинциализма в науке и так напоминающий азартные шулерства «наперсточников», строится на неведении рядового читателя, на желании его обмануть и доказать ему недоказуемое.

²¹ ЦГИА СССР. Ф. 19. Оп. 3. Д. 129. Л. 55; История народного хозяйства Молдавской ССР (1812–1917 гг.). Кишинев, 1977. С. 15.

²² Куницкий П. Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманского в Бухаресте в 1812 году. СПб., 1913. С. 13–14.

В середине XIX века офицеры Генерального штаба под руководством подполковника Дарагана осуществили на месте, в Бессарабии, сбор статистических материалов и архивных источников, обследовали состояние экономики края и обобщили эти сведения в изданном ими военно-статистическом обозрении. По интересующему нас предмету в обозрении есть ссылка на архивный источник, тем более примечательная, что данный источник не сохранился: «Из официальных отчетов, хранящихся в Бессарабском областном архиве, известно, что между 1812 и 1814 годами в области числилось 57 638 семейств, или 200 000 душ обоего пола. Если это исчисление хотя бы приблизительно верно, то на протяжении более 40 лет народонаселение в Бессарабии учетверилось, что довольно вероятно при соображении огромного числа переселений»²³. Здесь обращает на себя внимание, во-первых, неточное указание года, по которому приводятся сведения, во-вторых, не вполне верный расчет, ибо 57 638 семей составляли бы приблизительно 288 тыс. человек, что соответствует численности населения после 1812 года.

Исследователи середины XIX века не были едины в оценке демографических ресурсов края в 1812 году. Известный украинский историк, член-корреспондент Академии наук, более 50 лет возглавлявший статистический комитет в Одессе, А. А. Скальковский уточнил цифру, данную ранее П. Куницким, – 55 360 семейств, или 277 800 человек²⁴. А другой известный русский историк и географ, член Одесского общества истории и древностей генерал-майор А. И. Защук через полтора десятилетия после Скальковского назвал иную цифру – 240 тыс. человек населяли Бессарабию в год ее присоединения к России²⁵.

Как видим, о численности жителей края в 1812 году высказывались различные мнения, поскольку точный учет населения в первые десятилетия XIX в. не проводился, да его и вовсе не могло быть в тех условиях. Ведь шла война, сначала – русско-турецкая, через месяц по ее окончании – Отечественная война 1812 года. А в условиях

²³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 3: Бессарабская область. СПб., 1849. С. 107.

²⁴ Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. Одесса, 1850. С. 348.

²⁵ Защук А. Статистика и этнография Бессарабской области / Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 493.

массовых передвижений, учтенных и неучтенных миграций ни о каком сколько-нибудь точном сборе сведений о демографическом положении края не было и речи. Поэтому для нас так важны исследования, проведенные указанными выше историками, географами, статистиками и военными, тем более, что источники, которыми они располагали, впоследствии были утрачены, исчезли.

Однако все приведенные мнения при их сопоставлении в общем-то не дают слишком уж невероятного разброса: диапазон расхождений колеблется от 200 тыс. до 278 тыс. человек, что вполне допустимо и закономерно, учитывая условия, в которых осуществлялся учет населения, и его в значительной мере приблизительность. Обнаруженные в Центральном государственном военно-историческом архиве материалы военного учета позволяют уточнить численность населения края в 1812 году. По этим сведениям, в Бессарабии насчитывалось 17 городов и местечек, 683 села, а всего проживало 51 121 семейство, что приблизительно составляло 256 тыс. человек²⁶.

Эта цифра – 256 000 – принята сейчас большинством исследователей как наиболее вероятная и обоснованная в оценке демографического потенциала Бессарабии в 1812 году, поддающаяся достоверной проверке как по сведениям предшествующего (1803 и других годов), так и последующего учета населения. Правда, московский историк В. М. Кабузан делает оговорку, что эту цифру следует признать минимальной из возможных и что, по его мнению, население Бессарабии в 1812 году приближалось к 300 тыс²⁷. На чем конкретно автор составил свое мнение, неизвестно, хотя с этих позиций трудно объяснить снижение численности населения на два с половиной десятка тысяч жителей, в то время как источники не зафиксировали сколько-нибудь существенного оттока из края, а с постоянством отмечали значительный прирост в первое пятилетие после присоединения (за исключением некоторого действительного снижения между 1813 и 1814 годами): в 1812 году – 256 тыс., 1813 – 278 тыс., 1814 – 276, 7 тыс., 1815 – 368, 5 тыс., в 1817 году – 491 тыс. человек²⁸. Таким образом,

²⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18585. Л. 6–7; Кабузан В. М. Указ. соч. С. 26; Зеленчук В. С. Указ. соч. С. 98.

²⁷ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 27. .

²⁸ Зеленчук В. С. Указ. соч. С. 98.

прирост населения за эти годы составил 235 тыс. человек, то есть численность бессарабцев выросла почти вдвое.

Но предположим, цифра 300 тыс. жителей вполне даже обоснованна. Что это меняет? Если распределить по территории Бессарабии менее половины населения современного Кишинева (представим себе такое на секунду), то, пожалуй, действительно край будет выглядеть довольно пустынным. И в этом отношении трудно согласиться с В. М. Кабузаном, что «уже в 1812 г. край не производил впечатления малозаселенного, пустынного»²⁹.

Как раз свидетельства современников об увиденном в крае не оставляют никакого сомнения в их правдивости. Русский писатель и историк А. И. Михайловский-Данилевский, написавший труд о русско-турецкой войне 1806 – 1812 годов, сообщал, что во время пребывания в 1818 году в Бессарабии он проехал более 150 верст по югу края, не встретив ни одного селения, «...потому, что сего названия нельзя даже дать нескольким беднейшим избам, которые кое-где стоят на дороге». Особенно его поразило то, что на изобильных лугах, плодороднейших почвах обитает чрезвычайно малое число жителей. Об этом же сообщали писатель П. Сумароков, путешественник А. Демидов и другие³⁰. Поэтому не будем «поправлять» А. С. Пушкина, а тем более обижаться на него – он описал то, что увидел; страна тогда в самом деле была малозаселенной и производила впечатление пустынной.

Однако «сия пустынная страна» заселялась и осваивалась очень быстро. Ряд серьезных льгот, предоставленных правительством присоединенному краю, прекращение разорительных набегов татарских орд, наличие огромных пространств пустующей плодородной земли и возможность ее свободного освоения, желание мирно трудиться на новых землях в относительно безопасных условиях – все это привлекало сюда переселенцев: молдаван, украинцев, русских, болгар, гагаузов и других. Ни вспыхивавшие эпидемии чумы и холеры (особенно опасными были эпидемии, занесенные из-за Прута в Бессара-

²⁹ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 24.

³⁰ Русская старина. 1897. Т. 91. С. 76; Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 225; Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию... М., 1853. С. 184–251; Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812–1861 гг.). Кишинев, 1956. С. 45–46.

бию в 1819, 1825 и 1829 годах), ни крутые меры администрации по розыску беглых крестьян и возвращению их владельцам, ни засуха и неурожайные годы, ни бегство части крестьян за границу из-за страха вновь попасть в крепостную кабалу – ничто уже не могло сколько-нибудь существенно затормозить резкий прирост населения края на протяжении всего столетия.

Характерно, что по демографическому развитию Бессарабия намного обгоняла как оставшуюся за Прутом часть княжества, так и саму Россию. Согласно восьмой ревизии населения Российской империи 1834 года, в Бессарабской области насчитывалось 785 тыс. жителей, по девятой ревизии 1851 года – 911 тыс., а по десятой – 904 тыс., не считая около 128 тыс. человек на юге Бессарабии, отторгнутом от России по Парижскому миру 1856 года. За 60 лет, с 1800 по 1860 год, население России возросло в 2 раза, а Бессарабии за 50 лет, с 1812 по 1861 год, – в 4 раза. Если в Молдавском княжестве за 20 лет, с 1811 по 1831 год, население возросло в 1, 7 раза (с 700 тыс. до 1, 2 млн человек), то в Бессарабии за те же годы – более чем в 3 раза³¹.

Чем же объясняется столь бурный рост населения? Поначалу он был вызван механическим движением (то есть миграциями), а в последующие десятилетия численность его пополнялась за счет естественного прироста при одновременном затухании переселенческого движения. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Источники механического прироста лежали главным образом в трех сферах. Первая – «обратные возвращения», то есть возвращения коренных жителей края на родину, покинутую в годы турецко-фанариотского господства. Такая форма особенно характерна для первого десятилетия заселения Бессарабии (1812–1824 годы), когда население увеличилось до 583 тыс. человек, причем на долю механического прироста пришлось 251 тыс., а на долю естественного – 77 тыс. человек³². Вторая – это непрерывный, непрекращавшийся поток самовольных переселенцев, «народная колонизация» края беглыми крепостными крестьянами из внутренних губерний Российской империи, смотревшими на Бессарабию как на обетованный край, в котором избыток свободной земли и почти нет помещиков, в кото-

³¹ Гросул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев, 1967. С. 54, 58.

³² Кабузан В. М. Указ. соч. С. 51.

ром не встретишь ужасов крепостничества, религиозных гонений, рекрутчины и т. д. Третья – это планомерная и целенаправленная правительственная колонизация края казаками, государственными крестьянами, иностранными колонистами и др.

Правительство, не желавшее выпускать из-под контроля освоение области, пыталось осуществлять его лишь по третьему каналу. Однако не меньшую роль в демографическом развитии края сыграла вторая его форма – стихийные миграции.

Размах не санкционированного сверху движения порождал некоторую двойственность в политике правительства. С одной стороны, царизм усиливал карательные меры за укрывательство беглых крестьян в крае, требовал возврата их прежним владельцам, отдачи в рекруты, высылки в Сибирь и т. д. (только один бессарабский губернатор П. И. Федоров за 20 лет своего правления выслал из области 48 тыс. беглых крестьян). С другой стороны, правительство предписывало не трогать беглых крепостных в случаях, если они обзавелись семьей и хозяйством. Такое «либеральное отношение к беглым и ущемление «законных» интересов потерпевших помещиков объясняется далеко идущими стратегическими планами правительственной политики на Балканах; бегство крепостных за Прут и Дунай нанесло бы ущерб этой политике³³.

Более того, царское правительство указом от 31 октября 1817 года запретило помещикам разыскивать на территории Бессарабии беглых крепостных, бежавших сюда до 1812 года. А ведь еще с XVIII века эта территория довольно интенсивно заселялась беглыми русскими и украинскими крепостными и сектантами (липоване, казаки-некрасовцы), а также казаками-запорожцами, ушедшими сюда после ликвидации Екатериной II Запорожской Сечи³⁴. В 1821 году правительство даже обязало бессарабскую администрацию внести в ревизию всех русских крепостных людей, находившихся в Бессарабии, то есть как бы легализовать их положение. Вместе с тем по «Правилам» 1827 года местные власти были обязаны вылавливать и наказывать, возвращать всех крепостных, бежавших после

³³ Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднестровья к России. Кишинев, 1987. С. 55.

³⁴ Гросул Я. С. Указ. соч. С. 48, 49.

1821 года³⁵. Чтобы этого избежать, беглые приписывались к местным молдавским крестьянским обществам, где их с охотой принимали, записывая в семьи вместо умерших родственников. Так родилась бессарабская поговорка: «Папа рус, мама рус, а Иван – молдаван», в которой нашла своеобразное отражение интернациональная братская солидарность угнетаемого трудового люда.

Много средств и усилий затратило правительство на привлечение и обустройство на пустынных землях Бессарабии иностранных переселенцев – болгар, гагаузов, немцев, а также сербов, греков, швейцарцев, выходцев из многих европейских стран. С 1812 года до середины XIX в. в крае поселились около 88 тыс. иностранных колонистов. В этот же период численность переселенных сюда государственных крестьян достигла 70 тыс. человек³⁶. Планомерное переселение государственных крестьян велось с 1824 года, когда было принято разработанное наместником Бессарабии М. С. Воронцовым положение «О водворении в Бессарабской области 20 тысяч казенных крестьян из внутренних губерний», предусматривавшее 30-десятинный посемейный надел, трехлетние льготы по налогам, рекрутской и постоянной повинностям для государственных крестьян, переселившихся в край³⁷.

К середине 30-х годов XIX века резервы свободных государственных земель были исчерпаны и казенным палатам внутренних губерний было предложено переводить крестьян в другие районы страны³⁸. С отменой крепостного права в России прекратилось и бегство в эту область крестьян из внутренних губерний России. А после ослабления османского гнета в связи с подписанием Адрианопольского мирного договора 1829 года прекратился приток искавших спасения от притеснений турецкой администрации. Таким образом, в середине XIX века темпы механического прироста населения заметно снизились. Закончился период освоения свободных территорий Бессарабии, и массовые миграции населения практически сошли на нет. Тем не менее численность населения во второй половине XIX века

³⁵ Гросул Я. С., Будак И. Г. Указ. соч. С. 53

³⁶ Зеленчук В. С. Указ. соч. С. 99.

³⁷ Анцупов И. А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812–1870 гг.). Кишинев, 1966. С. 29.

³⁸ Там же. С. 29, 30.

росла высокими темпами: с 874 тыс. в 1851 году до 1935 тыс. человек в 1897 году, то есть более чем в 2, 2 раза³⁹.

Динамику численности населения Бессарабии в наиболее общих чертах можно проследить по изменению плотности населения. На протяжении XIX – начала XX века она увеличивалась следующим образом: 1811 год – 12, 2 человека на кв. версту, 1842 – 19, 1856 – 27, 1897 – 48, 3, 1914 год – 68, 9 человека на кв. версту⁴⁰. В начале XX века Бессарабия входила в десятку самых густонаселенных губерний Европейской России. Причем темпы роста плотности населения в различные периоды были неодинаковы: в первой половине XIX века она увеличивалась на 0, 52 человека на кв. версту в год, во второй половине – несколько медленнее – 0, 44, а с начала XX века стала возрастать очень быстро – на 1, 14 человека на кв. версту в год.

Эти цифры отражают различные этапы развития капитализма в стране. Говоря об образовании капиталистического рынка, В. И. Ленин отметил две его стороны: «...Развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, – и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»⁴¹.

В какой мере были связаны между собой демографические движения и формирование капиталистического рынка? Процесс колонизации Бессарабии, приведший к столь высокому росту плотности населения, определялся в самых общих чертах развитием зарождающегося русского капитализма вширь, обусловившим освоение новых территорий. Русский капитализм как бы уходил из внутренних губерний, скованных тяжелым средневековым наследием, – от пут крепостничества в первую очередь, уходил на новые, свободные тер-

³⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Россия. Т. XIV: Новороссия и Крым. СПб., 1910. С. 174.

⁴⁰ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 78; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. III: Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. XIII (Далее: Перепись 1897 г.); Бессарабский календарь-ежегодник. 1910 год. Под ред. Б. О. Лемперта и Н. К. Могилянского. Кишинев, 1910. С. 151; Берг Л. С. Бессарабия: страна–люди–хозяйство. Пг., 1918; История народного хозяйства Молдавской ССР (1812–1917 гг.). С. 18.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595.

ритории, осваиваемые в большой мере лично свободными людьми. Поэтому В. И. Ленин выделял в отдельный район восемь губерний (в том числе и Бессарабию), называя их «наиболее типичным районом земледельческого капитализма в России, – типичным не в сельскохозяйственном, конечно, а в общественно-экономическом смысле». И далее В. И. Ленин заметил: «Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают нам, какие отношения могли бы и должны бы были развиться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма»⁴². В свою очередь, относительно высокий уровень капитализма был достигнут здесь благодаря «тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны – с европейскими странами, ввозящими зерно»⁴³.

В пореформенный период плотность населения увеличивалась уже не за счет притока извне – миграция рабочей силы, главным образом крестьян, ремесленников, кустарей, рабочих, и в определенной степени и миграция капиталов на эти земли в основном завершилась, – а на базе собственного, теперь уже коренного населения. С отменой крепостного права и буржуазными реформами 60-х годов XIX века в России отпала потребность в подобной миграции, поскольку началось интенсивное капиталистическое развитие на внутрироссийских территориях. Развитие капитализма вглубь в конце XIX века по мере интенсивного втягивания Бессарабии в систему всероссийского капиталистического рынка привело к дальнейшему росту плотности населения. Численность населения края в эпоху империализма увеличилась с 1935, 4 тыс. человек в 1897 году до 2521, 2 тыс. в 1914 году⁴⁴, то есть почти на 600 тыс. человек за полтора десятка лет, и это несмотря на наблюдавшийся в первые десятилетия XX века значительный рост трудовой эмиграции, о которой речь пойдет ниже.

Необходимо подчеркнуть также, что рост общественного разделения труда в масштабах всероссийского и частично мирового рынков означал для Бессарабской, Херсонской, Таврической и других губерний «земледельческого капитализма», выделенных

⁴² Там же. С. 256.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Обзор Бессарабской губернии за 1913 г. Кишинев, 1914. С. 2.

В.И. Лениным в отдельный район «свободно развившихся колоний», не только углубление специализации на торговом зерновом производстве и вывозе хлеба, но и, что не менее важно, дальнейшее развитие капиталистической промышленности, а вместе с ним и формирование новых классов – буржуазии и пролетариата, изменение социальной структуры, консолидацию феодальной народности в капиталистическую нацию. «Только благодаря тесной связи с внутренним и внешним рынком, – писал В. И. Ленин, – могло идти так быстро экономическое развитие этих местностей; и это было именно капиталистическое развитие, так как наряду с ростом торгового земледелия шел так же быстро процесс отвлечения населения к промышленности, процесс роста городов и образования новых центров крупной промышленности...»⁴⁵.

В связи с этим хочется отметить следующее. В изданном в 1951 году первом томе «Истории Молдавской ССР» для обоснования тезиса о «колониальной политике царизма в Молдавии», о «реакционном, колониальном режиме» в Бессарабии, «который явился большим тормозом для экономического и культурного развития», приводится длинная цитата. Мы воспроизведем ее здесь полностью, и пусть читатель не поленится прочесть ее до конца: «Царская Россия, – говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», – была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье.

В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 253–254.

насилованного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»⁴⁶.

Как видим, в этой лубочной картинке в стиле сталинского примитивизма хотя и содержится ряд общеизвестных банальных истин относительно национальной политики царского самодержавия, вульгаризированной до площадного уровня, тем не менее нет даже и намека на приблизительное понимание тех глубочайших процессов усиления взаимозависимости капиталистических рынков, взаимодействия социально-экономических процессов центра страны и ряда ее окраин, в том числе и Бессарабии, общественного разделения труда и ускорения темпов развития «колоний», о которых писал В. И. Ленин. Нелепо и несправедливо было бы бросить уважаемым авторам первого тома упрек в незнании и непонимании ленинских взглядов на развитие капитализма в России, и в отдельных ее регионах в частности, в том числе и ленинского понимания так называемых «колоний» и «метрополии» в России. Собственно, авторы этого тома и отказались от примитивизмов «Краткого курса», как только наука стала стряхивать с себя стальной панцирь вульгарных догм и углубилась в объективное и разностороннее исследование противоречий исторической действительности.

Странно и чудовищно в наше время то и дело встречать на страницах периодических изданий вышедшие из-под пера некоторых публицистов и «любителей истории», а также некоторых ученых – филологов, литературоведов, этнографов и даже отдельных историков – обвинения историков-ученых чуть ли не в монархизме, в апологетике царского самодержавия и в прочих немыслимых грехах именно за то, что они отошли от стиля, лексикона и сущности «Краткого курса», что они ищут какieto объективные закономерности и тенденции в социальноэкономических процессах, вместо того чтобы во всю мощь своего голоса вновь и вновь выкрикивать проклятия в отношении «обрусения», подавления национальных культур, колониального режима и т. д.

О том, что касается национальной культуры и «русификации», мы еще поговорим. А вот насчет истории, ее методологической базы и теоретической основы, источниковедческого обеспечения и концептуального развития, всего того, что составляет краеуголь-

⁴⁶ История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1951. С. 345–346.

ные камни фундамента научного мировоззрения в истории, нашим критикам можно сказать только одно: подобно тому, как взрослый человек не может стать годовалым ребеночком, так и историческая наука никогда больше не станет сталинской. Никому и никогда при всем желании не удастся принизить историческое сознание общества до уровня «Краткого курса». И если вы не хотите выглядеть смешными, следует не пытаться опустить планку истории до уровня каких-то сомнительных политических амбиций, а попробовать подняться до того уровня, на который историческая наука уже вышла. Но это – к слову.

Вернемся к теме плотности населения. Заселенность губернии на протяжении всего XIX – начала XX века оставалась неравномерной. Наряду с другими этот фактор оказывал существенное влияние не только на хозяйственное освоение, но и на уровень капиталистической развитости экономики различных зон края – севера, центра и юга. Наиболее густонаселенными были северные районы, откуда наблюдалась ежегодная челночная миграция рабочей силы на юг губернии. Плотность населения Хотинского уезда достигла к 1915 году 117, 2 человека на кв. версту, Сорокского – 74, 5, Оргеевского – 79, 1, Бельцкого – 58, 8, Кишиневского – 110, 9, Бендерского – 54, 3, Измаильского – 47, 6, Аккерманского – 56, 9⁴⁷. На юге капитализм в сельском хозяйстве эволюционировал по более свободному фермерскому пути, тогда как на севере преобладал более стесненный помещичий, прусский путь капиталистического развития. К началу XX века в северных районах губернии наметились явные признаки аграрного перенаселения, вызвавшего не только ежегодную челночную миграцию рабочей силы на юг, но и движение крестьянских масс в Сибирь после столыпинской аграрной реформы.

А как изменялась демографическая ситуация на протяжении столетия в левобережных районах Поднестровья? В отличие от Бессарабии, где крепостной зависимости не было и крестьяне оставались

⁴⁷ Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднестровья к России. С. 56. Повышенная плотность населения Кишиневского уезда, не характерная для средней зоны губернии, объясняется наличием губернского города Кишинев, численность жителей которого в 1914 году составляла 120 тыс. человек. Плотность населения Тираспольского уезда в 1910 году – 47, 3 человека на кв. версту (Ежегодник России. 1910. СПб., 1911. С. 48).

лично свободными, на территории Очаковской области правительство, как уже отмечалось, осуществляло последовательную политику укрепления дворянско-помещичьего землевладения на основе крепостного труда. Тем не менее благодаря ряду льгот, облегчавших освоение территории, население края быстро росло. Если в 1795 году в Тираспольском уезде проживали около 23 тыс. человек, то к середине XIX века – уже 100 тыс., а к началу нового столетия – 285 тыс. человек. Причем увеличилось и количество населенных пунктов в сельской местности (с 39 в 1792 году до 610 в 1905)⁴⁸. Следовательно, темпы роста народонаселения в левобережных районах Поднестровья в XIX веке соответствовали аналогичному процессу в Бессарабии и характеризовались высокой интенсивностью. Это же можно сказать и о тех 9 поднестровских волостях уезда, которые вошли позднее в состав Молдавской ССР. Во второй половине XIX века число сельских поселений здесь увеличилось с 37 до 61, а численность жителей в них – с 40 тыс. до 108, 2 тыс. человек. Общий рост населения приднестровских районов Тираспольского уезда вместе с городами Тирасполь, Григориополь и Дубоссары за период с 1859 по 1905 год (с 62, 5 тыс. до 160, 2 тыс. человек, то есть в 2, 5 раза) соответствовал таковому в Бессарабии, даже несколько превышая его⁴⁹.

Это было, несомненно, весомым позитивным фактором хозяйственного прогресса левобережных районов Поднестровья. В начале XX века по численности населения выделялись на левом берегу Днестра следующие города и местечки: Тирасполь (35, 2 тыс. жителей), Дубоссары (13, 6 тыс.), Григориополь (9 тыс.), Рыбница (4 тыс.)⁵⁰.

С началом первой мировой войны демографическая ситуация в крае усложнилась. В результате частых мобилизаций численность мужского населения в сельской местности Бессарабии в 1916 году

⁴⁸ Зеленчук В. С. Указ. соч. С. 72; Жаркуцкий И. И. Списки населенных мест как источник к изучению динамики народонаселения Тираспольского уезда (1859–1905 гг.) // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 177–178.

⁴⁹ Жаркуцкий И. И. Указ. соч. С. 182.

⁵⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 599. Л. 17; Города России в алфавитном порядке // Известия по делам городского хозяйства. 1911. № 4. С. 2–23. Приложение; Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Вып. 9. Каменец-Подольск, 1911. С. 835; Еврейское население России по данным переписи 1897 года и по новейшим источникам. Пг., 1917. С. 61, 70, 72.

сократилась до 845 тыс. человек; в армию было призвано примерно 25% сельских жителей, а городское население за два года войны сократилось на 38 тыс. человек. Особенно тяжелыми были для местных крестьян принудительные мобилизации на оборонные работы. С августа 1914 по январь 1916 года на работах, связанных с нуждами армии, были заняты около 150 тыс. человек, 20 тыс. подвод и 40 тыс. лошадей. От производительного труда было отторгнуто приблизительно 17–20% всего населения края⁵¹.

Все это углубляло экономический кризис, усиливало народные бедствия. В Тираспольском уезде, например, истощение людских ресурсов, как выяснили правительственные чиновники, вело к «сокращению посева озимых наполовину, а привлечение населения к позиционным работам, ожидающийся призыв ратников второго разряда, реквизиция лошадей и ликвидация немецкого землевладения сократит посев яровых, при котором хлеба не хватит не только армии, но и населению»⁵². Вспыхнувшая в 1915 году эпидемия холеры обострила бедственное положение трудового населения.

Экономический кризис, разложение царской армии и бегство солдат с фронта (с начала войны до Февральской революции с Румынского фронта дезертировали 67 845 человек, а с марта по 1 августа 1917 года – 28 754 человека, то есть всего около 100 тыс. человек)⁵³ вызвали появление значительного контингента подвижного населения, численность которого в ряде городов составляла 60% от коренного, стабильного и достигала в целом 170 тыс. человек⁵⁴. Наличие такого рода подвижного населения при общем истощении демографических ресурсов края заметно усилило упадок экономической жизни, еще больше обострило социальные противоречия.

Подводя итог, можно констатировать, что в Молдавии на протяжении всего XIX века протекал чрезвычайно интенсивный процесс демографического развития, количественного роста основной производительной силы общества – народонаселения. А приумножение этой силы – демографических ресурсов, можно сказать, богатства

⁵¹ Бабилунга Н. В. Источники к изучению динамики городского населения Бессарабии в период первой мировой войны // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. С. 193, 196.

⁵² ЦГИА СССР. Ф. 1288. Оп. 24. 1915 г. Д. 28. Л. 20.

⁵³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 26.

⁵⁴ Dictionarul statistic al Basarabiei. Chisinau, 1923. P. 12.

общества – являлось бесспорным позитивным фактором хозяйственного и социального прогресса. Теперь посмотрим, как эти процессы влияли на изменение национального состава населения, в каких условиях осуществлялось формирование молдавской буржуазной нации.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ МОЛДАВСКОЙ НАЦИИ

«На благотворном древе наук история есть одна из важнейших ветвей, ибо наряду с доставляемым ею удовольствием узнавать о достолавных подвигах великих мужей, вершивших в свое время судьбами народов, она являет собой собрание разнообразных происшествий, содержащих немало поучительного как для общественных деятелей, так и для частных лиц», – писал молдавский просветитель и энциклопедист Георге Асаки⁵⁵. Такой взгляд на историю был характерен для его романтической эпохи. Думается, не изжил он себя и в наши дни. Огромное число общественных деятелей и еще большее – частных лиц, активно развивающих ныне форму митинговой демократии и оперирующих такими терминами современного политизированного лексикона, как «мигрант», «оккупант», «манкурт» и тому подобное, несомненно, обнаружили бы для себя при желании немало поучительного и полезного на том благотворном древе наук, на одной из важнейших его ветвей, о которых говорил Асаки.

И это было бы весьма кстати, поскольку именно по проблемам формирования буржуазной нации и национального состава населения края высказано в прессе за последние годы столько фантастических предположений, домыслов и просто нелепиц, что, собранные воедино, они могли бы составить своего рода назидательную энциклопедию вольных или невольных заблуждений людей (подчас называющих себя историками), которые не умеют, а чаще и не желают питаться плодами благотворного древа науки, предпочитая истине, пусть сложной и противоречивой, капризы собственного воображения, утопии или мифы далеко идущих политических программ.

⁵⁵ Асаки Георге. Исторические новеллы: Дневник молдавского путешественника. Избранные статьи. Кишинев, 1988. С. 149.

А ведь в том, что касается изменений в национальной структуре населения в прошлом веке, никаких неясностей и «белых пятен» нет, как и в том, что касается процессов консолидации молдаван в единую нацию. Несмотря на действительную трудность и известную запутанность этих процессов, существуют объективные и достаточно убедительные исследования, в которых эта проблема была всесторонне изучена и нашла адекватное отражение. Не случайно, видимо, ни фактологическая основа данных работ, ни система их доказательств, ни отдельно взятые положения газетными оппонентами не только не опровергнуты, но даже и не представлены к опровержению.

Это, конечно, не значит, будто науке уже все давно известно и не осталось ни в чем сомнений, а имеющиеся исследования лишены ошибок, неточностей и могут претендовать на статус священного писания. Отнюдь нет. Спорные вопросы были и есть, как есть, к сожалению, передержки, и недомолвки, и конъюнктурные грехи. Но, во-первых, они касались лишь частных вопросов и незначительных деталей, так что общую концепцию, картину в целом не деформировали. А во-вторых, чтобы о них квалифицированно судить, надо прежде всего их знать, надо подняться на тот уровень владения источниками, обобщения, методологии, на котором они написаны. Ведь если о поэте судят по законам, которые он сам над собой установил, то об ученом, вероятно, следует судить по законам науки, объективной истины, а не по правилам, устанавливаемым нашими не всегда сдержанными и не всегда – увы! – разумными критиками.

Следовательно, есть смысл рассмотреть, как современная историческая наука трактует проблему формирования молдавской буржуазной нации, той самой, которой – это нам теперь пытаются втолковать – вроде и вообще не существует. А существует, оказывается, под именем молдаван просто часть румынской нации, отторгнутая от своего отечества и крайне русифицированная. Так это или не так, мы поговорим ниже. Начнем же с изменений в этнической структуре населения края после присоединения его к России.

Бурные этнические процессы, связанные с демографическими движениями, начались в Днестровско-Прутском междуречье и левобережных районах Поднестровья задолго до присоединения их к России, что мы уже отмечали. Победы российского оружия в сражении при Ларге и особенно в Кагульской битве в ходе русско-

турецкой войны 1768–1774 годов способствовали тому, что 26 татарских мурз из Буджака вместе со своими ордами присягнули на верность русскому правительству и были переселены в Крым и на Кубань. Главное препятствие к заселению неосвоенных земель этой части Молдавского княжества и левобережного Поднепровья было, таким образом, устранено благодаря успешной политике России в Северном Причерноморье.

Левобережные районы Поднепровья, которые усиленно заселялись выходцами из Молдавского княжества на протяжении 60–90-х годов XVIII века, после Ясского мира 1791 года стали в большей степени осваиваться украинскорусскими переселенцами. Прекращение миграций, бегства молдавских крестьян на левый берег Днестра было предусмотрено рядом договоров между русским и турецким правительствами, запрещавших такое движение⁵⁶.

В результате форсированной русско-украинской миграции удельный вес молдавского населения на территориях бывшей «татарской пустыни» существенно снизился. Если в 1792 году на землях Очаковской области молдаване составляли около половины (49%) всего населения, то через несколько лет, в 1799 году – уже 39, 1%. В то же время абсолютная численность молдаван за те же годы выросла с 11, 7 тыс. до 18, 3 тыс. человек⁵⁷.

Этот процесс продолжался и далее. К середине XIX века удельный вес молдавского населения упал в этом регионе до 17%, хотя его абсолютная численность в Тираспольском, Ананьевском и Одесском уездах выросла до 60 тыс. человек, то есть на 225%. В середине XIX века здесь преобладали украинцы – 54, 1% (правда, их численность за 50 лет в относительном выражении также несколько снизилась, ибо в 1799 году она составляла 60%), а немецкие колонисты (11, 5%), русские (4, 6%) и евреи (5, 5%) представляли гораздо менее значительные группы в общей массе населения. Бывшую Очаковскую область в середине XIX века населяли в основном украинцы и молдаване⁵⁸. Следует особо подчеркнуть, что основные более или менее компактные группы молдаван проживали главным образом в приднестровских

⁵⁶ Дмитриев П. Г. Народонаселение Молдавии (по материалам переписей 1772–1773, 1774 и 1803 гг.). Кишинев, 1973. С. 75–76.

⁵⁷ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 60.

⁵⁸ Там же. С. 20.

районах, где было сосредоточено 85, 5% (24 650 человек) всего молдавского населения Тираспольского уезда Херсонской губернии⁵⁹.

Этническая структура населения Бессарабии после присоединения ее к России на протяжении первой половины XIX века была более стабильной и в целом претерпела меньше изменений, несмотря на значительные миграционные процессы этого периода. В то же время изменения в этнической структуре различных районов были по своей интенсивности и глубине неоднозначными. Это было связано в первую очередь с историческими условиями формирования населения, имевшими в разных районах существенные различия.

Для пояснения этих различий обратимся к источнику – военно-экономическому обозрению Бессарабии, составленному офицерами Генерального штаба. Отметив, что Бессарабия никогда не составляла независимой или даже одной общей области, авторы сообщали: «Она заключала в себе три, бывшие прежде совершенно отдельными: 1) Большая часть нынешнего Хотинского уезда была райею, т. е. христианской провинцией Молдавского господарства, исключительно принадлежавшего туркам. Это была страна пограничная, где поляки вели вечную войну с турками и молдаванами за Буковину. 2) Нынешние уезды Ясский, Сорокский, Оргеевский, Кишиневский и часть Кагульского до Трояновавала была не что иное, как запрутская часть Молдавии (то есть часть левобережного Попрутья и Днестра. – Н. Б.). 3) Наконец, Буджак, то есть нынешние уезды Аккерманский, Бендерский и нижняя часть Кагульского, а также и Измаильское градоначальство, был искони степью, обитатели которой не изменяли никогда кочевому образу жизни. Последние из скитавшихся здесь племен были ногайцы, подвластные крымскому хану и Оттоманской порте»⁶⁰.

В конце XVIII века татары в основном были переселены в Крым, а последние из ногайцев стараниями герцога Ришелье, память о котором с такой любовью чтут одесситы, покинули Буджак во время русско-турецкой войны 1806–1812 годов. В 1807 году в Буджаке поселились задунайские запорожцы, перешедшие в подданство России и сформировавшие Усть-Дунайское казачье войско на берегах Прута. С 1809 года в Буджаке расселялись православные болгары, сербы,

⁵⁹ Жаркуцкий И. И. Указ. соч. С. 185.

⁶⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 3. С. 98.

бежавшие от османского террора, а также русские – некрасовцы, старообрядцы-беспоповцы, потомки донских казаков, искавшие убежища от преследований правительства и официальной церкви. В 1814 году здесь же поселились немецкие колонисты – выходцы из Герцогства Варшавского, а затем, с 1818 года, – из Вюртемберга и Баварии. Их численность к концу 20-х годов XIX века достигла 50 тыс. душ мужского пола. Немецкие переселенцы основали 108 колоний на выделенных им 800 тыс. десятин земли.

Между прочим, в том же источнике читаем: «Кроме того, обширное пространство и плодородие почвы привлекло в этот край многих бродяг из внутренних губерний России, Молдавии и Турции. Пользуясь еще неопределительной тогда переписью народонаселения, они приходили в пустые степи Буджака, но при строгой полиции, оставляя скоро свой бродяжеский быт, присоединялись к обществам, уже имевшим свою оседлость; так составлялись богатые и благоустроенные селения, поступившие впоследствии в ведение Министерства государственных имуществ; с 1839 года стали учреждаться там же цыганские поселения.

Таким образом, Бессарабия и по народонаселению своему, как и по топографическому характеру, разделена на две совершенно разнородные половины. Северная и средняя ее части населены преимущественно жителями молдавского происхождения, а в северо-западной части Хотинского уезда и по берегам Днестра – русняками⁶¹, перешедшими из Галиции и укоренившимися здесь с давнего времени; южная составлена вся из новых переселенцев различного происхождения: великороссиян, казаков, некрасовцев, болгар, молдаван, волохов, сербов, швейцарцев, вюртембергцев, баварцев и проч., подчиненных даже разным управлениям. Города и местечки занимаются преимущественно евреями в обеих частях Бессарабии. Кроме того, в Бессарабии, особенно южной, находится значительное число иностранцев: они занимаются управлением имений, ремеслами и торговлей»⁶².

Сложившееся еще до присоединения к России как территория с полиэтнической структурой редкого, немногочисленного сравни-

⁶¹ Самоназвание украинцев, проживающих в прикарпатских районах.

⁶² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 3. С. 99–100.

тельно населения после 1812 года Днестровско-Прутское междуречье, названное Бессарабией, переживавшее бурный демографический рост, оставалось многонациональным регионом с неоднородной этнической структурой в различных его районах. В южных уездах русско-украинская, болгаро-гагаузская, а также немецкая колонизация протекала интенсивнее, чем молдавская. Этим объясняется сокращение здесь удельного веса молдаван и возрастание доли украинцев. В Аккерманском уезде молдаване составляли в 1818 году 33%, в 1827 – 31, в 1850 – 27, в 1897 – 22%; украинцы – соответственно 17%, 23, 28, 36%; русские – 11%, 13, 14, 13%. Оставался значительным, хотя и несколько изменился удельный вес немцев-колонистов: в 1818 году – 25%, в 1827 – 22, в 1850 – 22, в 1897 – 22%⁶³.

В Измаильском уезде в 1818 году молдаване составляли 35%, а в 1850 – 15%, украинцы в те же годы – 16 и 12, русские – 8 и 10, болгары и гагаузы – 38 и 39%. Снижение удельного веса молдавского населения в первой половине XIX века наблюдалось также в Бендерском уезде – с 77% в 1818 году до 66% в 1860 году, хотя доля и украинцев здесь несколько упала – с 14 до 12%. А вот в Хотинском уезде при уменьшении процента молдаван с 40 в 1835 году до 26 в 1850 году доля украинцев выросла с 44 до 58%, а евреев – с 12 до 14%⁶⁴.

Как видно из приведенных цифр, изменение этнической структуры в сторону понижения доли молдавского населения происходило в тех районах Бессарабии, которые были освобождены от засилья османов (Хотинская раяя) и ногайских татар (Буджак), а потому представляли собой практически полупустые неосвоенные земли, нуждающиеся в заселении, колонизации. Однако изменения в соотношении различных национальностей были вызваны не уменьшением абсолютного числа молдавского населения – никаких выселений здесь не производилось, – а лишь тем, что молдаване осваивали данные районы менее интенсивно, чем украинцы, русские, болгары, гагаузы, немцы и другие.

По-другому обстояло дело в центральных районах Бессарабии, где молдавское население проживало компактно, составляло достоверное большинство. Так, в Кишиневском уезде доля молдаван составляла 79, 4%, Оргеевском – 82, 9, Ясском (Бельцком) – 79, 1, Сорокском – 68%. К середине XIX века этническая структура Бессарабии

⁶³ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 56.

⁶⁴ Там же. С. 57.

стабилизировалась и больших изменений уже не претерпевала. В это время численность молдаван достигла 432, 5 тыс. человек (что составляло в целом по области 51, 4% населения), русских – 36 тыс. (4, 2%), украинцев – 179, 3 тыс. (21, 3%), болгар и гагаузов – 84, 2 тыс. (10%), евреев – 61 тыс. (7, 2%), немцев – 24 тыс. (2, 8%)⁶⁵. Кроме этих сравнительно больших национальных групп в Бессарабии проживали и составляли в некоторых населенных пунктах весомый процент армяне, поляки, цыгане, греки, валахи, швейцарцы и другие.

Широкий диапазон этнической структуры населения края, разноразовое и культурное многообразие и богатство обращали на себя внимание современников. «Быть может, нет на земле другого пространства – отмечается в статистическом справочнике, изданном Министерством внутренних дел России по сведениям 1859 г., – которое бы видело на своей поверхности столько людей различного происхождения, как Бессарабская область. Почти в продолжение 2500 лет этот край был какою-то ареною, где сталкивались и сменяли друг друга различные народы». И далее говорится: «Число всех молдаван (с небольшою примесью валахов) простирается до 515000 душ обоего пола. Наибольшее количество находится в Кишиневском уезде, около 135000 человек (в том числе в самом Кишиневе почти 46000 человек); за ним прочие уезды располагаются в следующем порядке: Оргеевский – 92000, Ясский – 78000, Бендерский – 55000, Хотинский – более 41000 и Аккерманский – более 34 000 человек обоего пола. И на левом берегу Днестра, в соседних уездах Подольской губернии – Балтском, Ольгопольском и Ямпольском, также есть молдаване, живущие здесь издавна. Есть молдавские поселения и в Херсонской губернии в уездах Тираспольском и отчасти Бобринецком; но водворение их в этих местах совершилось гораздо позднее. Точно так и в самой Бессарабской области, в Буджакской степи южных уездов молдаване стали водворяться преимущественно с тех пор, когда совершенно удалились оттуда ногайцы, что произошло в 1806 году». Отметив далее численность представителей различных этносов, населявших Бессарабию (болгары и гагаузы – 57000, русские – 17500, украинцы, – 70000, русняки то есть прикарпатские украинцы, – 130000, евреи – 70000, цыгане – 10000, армяне – 2000, поляки – 7000 человек), авторы справочника подчеркивали: «Перечислить все селения, занятые

⁶⁵ Зеленчук В. С. Указ. соч. С. 153; Кабузан В. М. Указ. соч. С. 56.

молдаванами, малороссиянами или другим каким-либо народом, не представляется возможности. Для этого привелось бы переписать в известном порядке несколько раз имена почти всех населенных мест, потому что состав населения их большею частью разноплеменной. Можно указать следующие примеры: в местечке Ганчешты... живут молдаване, евреи, армяне, малороссы; в местечке Манзырь находятся молдаване, малороссы-райляне, русские, поляки, немцы и евреи, цыгане; в селе Гура-Каменка – молдаване, малороссияне, цыгане и греки. Подобная пестрота населения в иных только комбинациях встречается и во многих других местах»⁶⁶.

Во второй половине XIX века, хотя население продолжало увеличиваться чрезвычайно быстрыми темпами, соотношение этнических групп менялось медленно и незначительно вплоть до конца века, главным образом потому, что механическое движение населения, миграции, связанные с освоением края, в основном прекратились, а численность увеличивалась за счет естественного прироста. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала следующее распределение населения Бессарабии по национальностям (если быть точнее – по родному языку): молдаване – 920,9 тыс. (47,6%), украинцы – 379,6 тыс. (19,6%), русские – 155, 7 тыс. (8%), евреи – 228,1 тыс. (11,8%), болгары – 103,7 тыс. (5, 4%), немцы – 60,2 тыс. (3,1%), гагаузы – 57 тыс. (3%), поляки – 11, 6 тыс. (0,6%)⁶⁷. Вместе с ними в крае постоянно проживали выходцы из Австро-Венгрии, балканских стран, других стран Европы, различных районов Российской империи. Не менее сложную картину являл национальный состав населения в левобережном Поднестровье. В конце XIX века молдаване в Тираспольском уезде составляли 25, 9%, немцы – 12, 3%, евреи – 4, 8%, болгары – 4%, а украинцы и русские – больше половины⁶⁸.

⁶⁶ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. III: Бессарабская область. СПб., 1861. С. XVI, XIX, XX, XXIII, XXV, XXVI.

⁶⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. III: Бессарабская губерния. С 70–73. Еще раз подчеркнем, что перепись зафиксировала не национальную, а языковую принадлежность переписываемого населения, что, как известно, не всегда совпадает.

⁶⁸ Военно-географическое и статистическое описание Одесского военного округа. Вып. III: 1. Западный театр. 2. Днестровско-Бугский район. Одесса, 1911. С. 202.

Таким образом, налицо исторически сложившаяся полиэтническая среда, в которой протекало формирование молдавской буржуазной нации. Как ее оценить?

В. И. Ленин считал национальный состав населения одним из «важнейших экономических факторов»⁶⁹. И в этом плане многонациональная структура населения края несомненно являлась важным позитивным условием его социально-экономического развития. Это обстоятельство было достаточно очевидным еще для современников, отмечавших, что здесь «этнографическое разнообразие населения и такое же разнообразие местностей, из которых сюда шло переселение, дало развитие ряду промыслов, создало благотворное взаимодействие, а смышленное сельское население легко воспринимало и проводило в жизнь нововведения, раз оказывалось, что они выгодны»⁷⁰. В совместной жизни и производственной деятельности межэтнические контакты представителей самых различных народов как генетически близких, так и более отдаленных, населявших Бессарабию и левобережное Поднестровье, постепенно формировали и обогащали общие традиции быта, обусловили взаимный обмен трудовым опытом и навыками, сближение культур и психологического склада этих народов.

Разносторонний учет населения в ходе всеобщей переписи 1897 года позволяет вскрыть и особенности социальной структуры основных национальных групп населения Бессарабии, уровень урбанизированности каждой из них. Рассмотрение национальной структуры населения в свете его социального положения и профессиональной деятельности позволяет сделать следующие выводы.

Из 921 000 молдаван в городах проживали немногим более 4, 5%, подавляющее их большинство – 95, 5% были жителями сельской местности. Преимущественно в сельской местности проживали также украинцы (горожане среди них составляли 12, 1%, сельские жители – 87, 8%) и болгары – (соответственно 11, 2% и 88, 8%). Почти исключительно в селах жили цыгане и гагаузы.

Согласно переписи, наиболее урбанизированными национальностями в крае были русские (горожане – 45%, жители сел – 54%), поляки (соответственно 52, 6% и 47, 3%) и евреи (47, 8% и 52, 2%).

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 149.

⁷⁰ Могиланский Н. К. Прошлое и настоящее Новороссии. Одесса. 1919. С. 11.

Однако эти цифры следует специально пояснить. Высокий процент городского населения среди русских объяснялся средоточием в городах воинских частей, административных и финансовых учреждений, учебных заведений, и т. д., основным языком в деятельности которых являлся русский. Учитывая лишь языковый признак, перепись причислила занятое этими видами деятельности население к русским, хотя, понятно, оно включало людей различных национальностей, говоривших по-русски. Высокий удельный вес горожан среди еврейского населения объяснялся тем, что Бессарабия входила в черту еврейской оседлости, поэтому евреям запрещалось проживать в селах, арендовать там землю и заниматься сельским хозяйством (исключение составляли несколько еврейских земледельческих колоний). Евреи вынужденно поселялись только в местечках и городах, где занимались ремеслами и торговлей.

Низкая урбанизированности молдавского населения объясняется особенностями демографических процессов на протяжении XIX века. В первой его половине в период бурных демографических движений рост населения городов происходил не за счет притока молдаван, а в значительной степени в результате правительственной и народной колонизации. К моменту присоединения Бессарабии к России города в европейском понимании в крае практически отсутствовали, но к середине XIX века численность горожан достигла 20%, тогда как в целом по стране едва превышала 9%. Резкий скачок численности городского населения в дореформенный период объяснялся притоком выходцев из других губерний России и из-за рубежа. А во второй половине века численность горожан увеличивалась главным образом за счет естественного прироста. Более того, из-за перенаселенности, скученности многие жители городов даже переселялись в сельскую местность, поскольку число рабочих рук при неразвитости промышленного производства намного превышало спрос на них. Вне городов к началу XX века проживало более 40% мещан⁷¹. Примерно те же причины сдерживали урбанизацию украинского населения во второй половине XIX века⁷².

⁷¹ Жуков В. И. Города Бессарабии (1861–1900 гг.). Кишинев, 1975. С. 36.

⁷² См.: Бабилунга Н. В. Национальный состав городского населения Бессарабии в эпоху империализма//Известия АН МССР. Серия общественных наук. 1979. № 3. С. 24–25.

Большая часть проживавших в городах молдаван (51, 2%) была занята в сельскохозяйственной сфере. Промышленной деятельностью, включая ремесла, промыслы и поденные работы, занимались 34, 7% городских молдаван. В торговле их насчитывалось немного – 4, 7%, а пенсионеров, рантье и ростовщиков – 6, 6%. Большинство горожанукраинцев также были заняты в сельском хозяйстве – 55, 5% и промышленности – 29, 9%. Русские были заняты в промышленности – 40, 6%, на государственной службе – 16, 7%, в сельскохозяйственных промыслах – 14, 2%, в торговле – 27, 5%, жили на доход с капитала и средства от казны – 7, 4%. Несколько отличной была профессиональная структура еврейского населения: около половины его – 44, 7% – занималось различными видами торговли и торговым посредничеством, примерно столько же – 41% – промышленностью и поденными работами, а 3, 4% – врачебной, юридической и прочими видами «гуманитарной» деятельности.

Как видим, функциональное положение основных национальных контингентов городского населения края характеризовалось определенной дифференцированностью. Молдаване и украинцы большей частью были заняты сельскохозяйственным производством, а потому являлись одной из главных производительных групп, поскольку экономика городов сохраняла яркую аграрную направленность, как и весь хозяйственный комплекс Бессарабии. Русское население в меньшей степени было сосредоточено в одной из отраслей. Евреи традиционно концентрировались в торговом предпринимательстве, поскольку само законодательство империи (законы от 3 мая 1882 года и другие) буквально принуждало их к тому. И в более или менее одинаковых пропорциях (от 30 до 40%) все национальные группы участвовали в промышленном производстве, ремесле и промыслах как в качестве рабочих и подмастерьев, так и в качестве владельцев предприятий, ремесленных и кустарных мастерских⁷³.

Для правильного понимания процессов формирования молдавской буржуазной нации большое значение имеет выяснение тех изменений, которые имели место в национальном составе городского населения края в XIX – начале XX века.

Динамику национального состава населения городов Бессарабии за полувековой период позволяют проследить данные табл. 1 (См

⁷³ Там же. С. 26.

Приложения: Таблица 1. Национальный состав городского населения Бессарабии. Источник: Жуков В. И. Города Бессарабии (1861–1900 гг). Кишинев, 1975.).

Исторические особенности формирования городского населения края обусловили его неоднородный, многонациональный состав. В Бессарабии еще до присоединения к России среди коренного населения доля немолдаван была в XIX веке, % довольно значительной. Миграционные процессы XIX века закрепили многонациональную структуру городского и сельского населения. Характерно, что к концу XIX века молдаване составляли 14, 2% населения городов и 53, 6% жителей села, то есть расселялись по большей части в сельской местности. Такое соотношение городского и сельского контингента коренной нации было вовсе не уникальным и наблюдалось не только в Бессарабии, но и в других национальных районах Российской империи. Полиэтнический состав городского населения был характерен также для Прибалтики, Украины, Белоруссии, Кавказа и других местностей.

В начале XX в. (1910 год) молдаване составляли основную часть в центральных и северных уездах Бессарабии: в Кишиневском – 175900 человек из общей численности населения уезда 279600 человек; в Бельцком – 140 200 из 211400; в Оргеевском – 166200 из 213400; в Сорокском – 158300 из 218800 жителей. В остальных уездах численность молдавского населения оставалась если и не преобладающей, то, во всяком случае, значительной: в Аккерманском – 44500 человек, в Бендерском – 88000, в Измаильском – 96000, в Хотинском – 73300 человек⁷⁴.

Городов, в которых молдаване составляли бы достоверное большинство, в начале XX века в Бессарабии не было. Лишь в Кагуле и Рени наблюдался рост удельного веса молдаван. Общей тенденцией, как видно из табл. 1, было снижение относительной численности молдаван, хотя в абсолютном выражении число горожан молдавской национальности росло, особенно в начале XX века, о чем речь пойдет ниже. В большинстве городов уменьшался также удельный вес русского населения, а вот доля еврейского росла практически повсеместно. Евреи составляли 37, 2% всех горожан и только 7, 3% жителей уездов (главным образом – обитателей местечек). Русских в

⁷⁴ Бессарабский календарь-ежегодник. 1910 год. С. 153–154.

городском населении насчитывалось 24, 4%, в сельском – 5, 1%, украинцев – соответственно 15, 8 и 20, 3, болгар – 3, 3 и 5, 6, поляков – 2, 1 и 0, 3, молдаван (как уже было сказано) – 14, 2 и 53, 6%⁷⁵.

Наиболее многочисленную группу городского населения в конце XIX века, как это видно из материалов переписи 1897 года, составляли евреи. Как уже отмечалось, Бессарабия входила в черту еврейской оседлости, где закон запрещал евреям проживать в селах, и они сосредоточивались большей частью в городах и местечках, занимаясь ремеслами и торговлей. Небольшая группа крупных предпринимателей и коммерсантов еврейской национальности занимала ключевые позиции в бессарабской промышленности, торговле, финансовой деятельности. Подавляющее большинство евреев – мелких торговцев и особенно ремесленников, кустарей, поденщиков, пролетариев – влачили жалкое, полунищенское существование.

Представим себе какой-нибудь бессарабский городок начала XX века. Как разительно он отличается от любого современного молдавского города! Полистаем свидетельства той поры. «Здесь в тесных небольших помещениях, лишенных воздуха, нередко и света, ютятся мелкие торговцы и полуголодные ремесленники – читаем в одном из них. – Боже, какая бедность, какая нищета в этих домах! Из тусклых, позеленевших от времени окон выглядывают чахлые лица. Перед дверьми в теплое время играют оборванные, грязные дети. Но самые игры их какие-то невеселые, безжизненные»⁷⁶. А вот другое свидетельство, принадлежащее С. Д. Урусову, непродолжительное время занимавшему пост бессарабского генерал-губернатора и с симпатией относившемуся к местному населению. Он так описывает свои впечатления о городах края: «Дома даже второстепенных и захолустных улиц заняты подряд лавками, лавчонками и мастерскими часовщиков, сапожников, слесарей, лудильщиков, портных, столяров и т. п. Весь этот рабочий люд ютится по углам и закоулкам в тесноте и поражающей наблюдателя бедности, вырабатывая себе с трудом дневное пропитание, при котором ржавая селедка с луком является верхом роскоши и благополучия. В маленьких городах, жители которых в большинстве не имеют часов, можно насчитать

⁷⁵ Перепись 1897 г. С. 70–73.

⁷⁶ Нестеровский П. А. На севере Бессарабии: Путевые очерки. Варшава, 1910. С. 106.

десятки мастеров часового дела, и вообще трудно понять, на каких покупателей и заказчиков рассчитывают все эти ремесленники, нередко сами составляющие 75% всего населения города и местечка. Конкуренция сводит их заработки до пределов, необходимых для поддержания жизни, притом в таких минимальных дозах, которые вполне противоречат учению о заработной плате». Борьба за существование порождает взаимную ненависть, пишет далее Урусов, плодит доносы и заставляет прибегать «к самым гнусным способам с целью избавиться от конкурентов и, насколько возможно, разрядить искусственно сгущенную ремесленную среду»⁷⁷.

Об искусственно сгущенной ремесленной среде говорят и материалы исследования Еврейского колонизационного общества (ЕКО) конца 90-х годов прошлого века: «...Благодаря чрезмерному предложению ремесленного труда, часто не находящемуся ни в каком соответствии со спросом на него, огромная масса ремесленников периодически остается без работы»⁷⁸. Страх безработицы – свирепого и беспощадного врага мелких ремесленников, торговцев, малоимущих слоев населения – постоянно довлел над ними в перенаселенных городах края.

Избыток городского населения – явление противоречивое. Динамика городского населения Бессарабии в период капитализма имела сложные и неоднозначные тенденции, в которых нашли отражение, с одной стороны, элементы прогрессивной капиталистической эволюции городов, с другой стороны – особенности исторического развития края после 1812 года. Широкие демографические процессы первой половины XIX века, правительственная колонизация, народные миграции, приток населения из внутренних губерний России и из-за рубежа вызвали повышение численности горожан. Избыток городского населения определялся именно тем, что рост его был вызван не внутренними причинами и потребностями развития городов, а в основном внешними, и главной – ростом русского капитализма вширь. Однако в ряду прочих факторов не последнюю роль играл и политический – антинародная политика царского самодержавия.

⁷⁷ Урусов С. Д. Записки губернатора: Кишинев 1903–1904 годов. Берлин, 1908. С. 174.

⁷⁸ Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Т. 1. СПб., 1904. С. 222.

Временными правилами 3 мая 1882 года, о которых мы уже упоминали, некоторым категориям населения запрещалось проживать вне черты оседлости, а также в сельской местности, покупать или арендовать там землю и другую недвижимость. Иными словами, города и местечки Бессарабии и некоторых других губерний России стали единственными разрешенными законом местами проживания многочисленной группы населения России, часть которой после принятия Временных правил вынуждена была бросить занятие сельским хозяйством и перебраться в города.

Царское правительство не могло не осознавать, что притеснения и гнет сделают невыносимыми условия жизни в городах, определенных для проживания еврейского населения. Уже в 1880-х годах известный буржуазный экономист и банкир И. С. Блюх писал: «С выселением из деревень и внутренних губерний то жалкое существование, которое влачат теперь в черте оседлости евреи-ремесленники, должно будет превратиться для них в положительную безысходную нищету, так как конкуренция между ремесленниками, скученными в городах и местечках, неизбежно понизит их заработки до самого крайнего минимума»⁷⁹. Однако это, очевидно, и входило в планы творцов внутренней политики самодержавия. А в начале XX века власти попытались использовать недовольство мелкой буржуазии «коренной» национальности в городах и местечках черты оседлости для вовлечения ее в погромные организации типа «Союза русского народа» и для борьбы с революционным движением. Как известно, несмотря на ряд подобного рода акций (в том числе кишиневский погром в апреле 1903 года и другие), вызывавших широкую волну протестов прогрессивной общественности всего мира, в конечном счете политика правительства по сраиванию наций была обречена на полный провал.

Основная масса погромщиков рекрутировалась из деклассированных элементов, а их социальной опорой объективно являлась часть мелких ремесленников и торговцев черты оседлости, недовольных «засильем инородцев». Бессарабский губернатор Урусов отмечал, что прибыльное ремесло, как и торговля в крае, «...немыслимы для жителей тех городов и местечек, в которых сосредоточена еврейская

⁷⁹ Субботин А. Еврейский вопрос в его правильном освещении (в связи с трудами И. С. Блюха). СПб., 1903. С. 33.

беднота. В результате, в таких поселениях является поголовное прекращение занятий ремесленниками и мелкими торговцами других национальностей, а вместе с тем раздаются и обычные жалобы на захват евреями в свои руки всех отраслей промышленности и торговли. Недовольство евреями растет по мере увеличения их численности, благодаря чему создается та почва, на которой за последнее время столь пышно расцвели погромные организации»⁸⁰.

В архивных источниках нередко указания на то, что «христианские» ремесленники и торговцы (молдаване главным образом, украинцы и русские) были вынуждены покидать города и переселяться в сельскую местность. Так, мелкие предприниматели Сорокского уезда в прошении министру финансов России в 1906 году сообщали, что из-за сильной конкуренции в городах и местечках северной части Бессарабии «мещане, не имея опоры на другие средств, решили выехать в селения Сорокского уезда... с 1890 года, когда евреям было запрещено селиться по селам»⁸¹.

Согласно переписи 1897 года, лица еврейской национальности составляли около 40% всех занятых промышленной деятельностью в Бессарабии. «Исключительные условия, – как отмечалось в уже цитируемом исследовании ЕКО, – в которые поставлена еврейская масса, не только концентрируют ее в определенных пунктах страны, но и принуждают жить лишь определенными профессиями. Как принято утверждать, в черте оседлости предложение еврейского труда превышает спрос в тех профессиях, которые евреям доступны»⁸².

Эти исключительные условия во многом объясняют снижение удельного веса молдавского населения и повышение доли еврейского в городах Бессарабии в XIX веке. В свою очередь, эти условия определили следующую особенность формирования молдавской буржуазной нации: молдавская нация консолидировалась в большей степени как крестьянская, основные антагонистические классы которой были представлены, с одной стороны, национальной сельской буржуазией и помещиками-землевладельцами и с другой – сельскохозяйственным

⁸⁰ Урусов С. Д. Указ. соч. С. 174.

⁸¹ ЦГИА СССР. Ф. 23. Оп. 11. Д. 310. Л. 28.

⁸² Бруцкус Б. Д. Профессиональный состав еврейского населения России по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1908. С. 58, 28.

пролетариатом, батрачеством. Городской пролетариат и городская промышленная буржуазия не имели в XIX веке достаточно сильных национальных формирований складывавшейся молдавской нации.

В то же время именно эти «исключительные условия» стали причиной мощных демографических движений начала XX века. В. И. Ленин, отмечая, что в России евреи осуждены господами Пуришкевичами на положение хуже негров, что они здесь не нация, а каста, насильем держатся в положении касты, писал: «...Несчастливые, забитые, бесправные, задавленные Пуришкевичами (русскими и польскими) евреи России и Галиции живут в условиях наименьшего «ассимиляторства», наибольшего обособления, вплоть до «черты оседлости», «процентной нормы» и прочих пуришкевичевских прелестей»⁸³. В начале XX века, особенно после кишиневского погрома 1903 года, приобретает массовый характер эмиграция евреев из России в поисках лучшей доли, равноправия, человеческих условий существования, подальше от исключительных условий «пуришкевичевских прелестей».

За период с 1 июля 1897 года по 1 июля 1915 года, по данным американских иммиграционных служб, из России в США выехали 1108 тыс. лиц еврейской национальности, что составляло примерно около половины всей иммигрирующей в США массы⁸⁴. Кроме того, масса эмигрантов из царской России направлялась в страны Западной Европы, Ближнего Востока, Южной Америки, Австралии. Неучтенной оставалась нелегальная эмиграция.

Определенную долю среди выезжающих составляли выходцы из Бессарабии, главным образом горожане. При этом до 75% эмигрантов составляли представители неимущих слоев. По данным главного комиссара по иммиграции США, из числа мигрирующих в страну из России людей имели более 50 долларов 5%, менее – 35%, вообще не имели денег – 60%⁸⁵. По профессиям эмигрирующий из России контингент представлял в большинстве своем обученных рабочих и ремесленников. Так, в 1906 году из 71070 иммигрантов, въезжающих

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 125–126, 135.

⁸⁴ Еврейское население в России по данным переписи 1897 года и по новейшим источникам. Пг., 1917. С. VI; Форнберг К. Еврейская эмиграция: Опыт статистического исследования. Киев, 1908. С. 14.

⁸⁵ Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России 1820–1910 гг. Либава, 1909. С. 8; Форнберг К. Указ. соч. С. 8.

в США из Российской империи, обученные рабочие и ремесленники составляли 51141 человек, сельскохозяйственные – 1712, необученные рабочие – 8278, прислуга – 9839 человек⁸⁶.

По расчетным цифрам (точных данных по отдельным губерниям нет), за 20-летний период, с 1897 по 1917 год, из Бессарабии за границу эмигрировали приблизительно 60 тыс. евреев⁸⁷. В источниках отмечается, что «... враждебное отношение местного населения к евреям повлекло за собой обширное, почти массовое выселение последних из пределов Бессарабии»⁸⁸. Конечно, дело, как мы уже говорили, было не во враждебности местного населения, а в антинародном режиме царизма, разжигавшего национальную рознь. Да и сами очевидцы событий из среды местного еврейского населения подчеркивали, что отношение жителей края к евреям было всегда дружественным: «... Как русский народ, так и наши бессарабские молдаване добродушны, чужды религиозной или национальной вражды»⁸⁹.

Как бы там ни было, но факт налицо: в начале XX века из городов и местечек Бессарабии за пределы России устремился поток эмигрантов; более четверти жителей края еврейской национальности покинули его⁹⁰. Этот поток негативно повлиял на рост городского населения не только Бессарабии, но и других южных губерний страны. Источники объясняют замедленный рост городов здесь «...не экономическими, а политическими причинами – еврейскими погромами и дальнейшим притеснением евреев, заставившим их большими массами покидать южные города и эмигрировать за границу». При этом отмечается: «От современного националистического шовинизма пострадали на юге крупные города, прирост которых вопреки

⁸⁶ Фортберг К. Указ. соч. С. 7.

⁸⁷ Еврейское население России... С. IX.

⁸⁸ Военно-географическое и статистическое описание Одесского военного округа. Вып. I: Западный театр. 1 Бессарабский район. Одесса, 1905. С. 216.

⁸⁹ Слуцкий М. Б. В скорбные дни: Кишиневский погром 1903 года. Кишинев, 1930. С. II–III.

⁹⁰ Необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Говоря о городах Бессарабии, мы постоянно имеем в виду, что все описываемые процессы в той или иной степени характерны также для городских поселений левобережного Поднепровья. Согласно переписи 1897 года, доля евреев среди горожан Тирасполя составляла 27% (8668 человек), Дубоссар – 43% (5220), Рыбницы – 39% (1374), Григориополя – 11% (832) (Еврейское население России... С. 61, 70, 72).

обычному правилу был ниже мелких... Наиболее слабый прирост более крупных городов наблюдался на западе Новороссии, где, например, население Кишинева сократилось даже абсолютно. Конечно, это явление преходящее: экономическая жизнь нашего юга слишком кипуча, чтобы зияющие бреши и пустоты, образованные погромами и современной политикой, остались незаполненными»⁹¹.

Эмигранты – выходцы из Бессарабии, вероятно, так же, как и основная часть эмигрантов черты оседлости, были представлены главным образом ремесленниками, кустарями, мелкими торговцами. В этой связи интересно отметить, что эмигрирующие из края мелкие производители не очень-то дорожили своими ремесленными профессиями и навыками (что косвенно указывает на их искусственное «оремесливание»). Так, в Бессарабии наблюдался большой интерес к переселению в Бразилию для основания колонии Кварто Ирмаос, где предоставлялись возможности для занятия земледельческим трудом, к переселению в другие страны, где можно было «устроиться на земле»⁹². Как отмечали Бельцкий и другие пункты ЕКО, а их в губернии насчитывалось 16, «главная причина эмиграции – безработица»⁹³. Некоторая же часть евреев, разрывая ненавистную черту оседлости, перебиралась в северные и восточные губернии Европейской России. Статистический справочник, увидевший свет в период первой российской революции, констатирует: «В настоящее время евреи перешли уже реку Днепр и встречаются во всех без исключения губерниях Европейской России»⁹⁴.

Однако, как совершенно справедливо отмечалось в приведенном выше исследовании, образовавшиеся с отъездом евреев из городов и местечек Бессарабии бреши и пустоты чрезвычайно быстро и заполнялись рабочей силой, мигрирующей из сел в города, в основном молдаванами. Дело в том, что социальные и демографические про-

⁹¹ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3: Обновление земледельческой России. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914. С. 39.

⁹² Отчет о деятельности Центрального комитета Еврейского колонизационного общества в 1912 и 1913 годах. Работы по упорядочению еврейской эмиграции из России. Пг., 1914. С. 27.

⁹³ Отчет Центрального комитета Еврейского колонизационного общества по упорядочению еврейской эмиграции в 1910 году. СПб., 1911. С. 59.

⁹⁴ Статистический ежегодник России. 1907 г. СПб., 1908. С. 63.

цессы, протекавшие в сельской местности Бессарабии в конце XIX–начале XX века, в частности все более явные признаки аграрного перенаселения, растущее малоземелье и безземелье, приводили к миграции молдавских крестьян в города и вовлечению их в промышленное производство. Никаких даже приблизительных цифр о количестве мигрантов из сел в города и местечки Бессарабии не имеется. Однако о размахе этого движения можно судить по косвенным свидетельствам.

В начале XX века, особенно после столыпинской реформы, мечта о «земле и воле» заставляла крестьян продавать жалкий скarb и вливаться в поток переселенцев. Начиная с 1896 года из Бессарабии в восточные регионы страны выехали 65 тыс. человек⁹⁵. Не менее интенсивный поток двинулся также из районов левобережного Поднестровья. В одном из исследований начала XX века отмечается: «В последние годы началось массовое переселение крестьян за Урал. В 1908 г. из Тираспольского уезда подано заявлений о переселении от 875 семей. 70 немецких колонистов из Тираспольского уезда уехали в Америку»⁹⁶.

Столкнувшись в Восточной Сибири с суровым климатом и непривычными условиями жизни, крестьяне убеждались в эфемерности и несбыточности своих надежд, что приводило к оттоку переселенцев. Причем если в первое десятилетие XX века в среднем возвратились третья часть переселенцев, то в 1911–1915 годах – подавляющее большинство. Бессарабия относилась к тем губерниям Европейской России, которые давали наибольшее число переселенцев за Урал; однако она отличалась еще и тем, что принимала и наибольшее количество обратных переселенцев⁹⁷. За 20 лет, с 1896 по 1916 год, в Бессарабию официально возвратились более 30 тыс. переселенцев. Собственно, возвращались подавляющее большинство эмигрировавших в Сибирь молдавских крестьян. По переписи 1920 года, в Сибири проживали лишь 2310 молдаван⁹⁸. Определенная их доля оседала в городах (как видим, число выехавших за границу из

⁹⁵ Статистический ежегодник России. 1916 г. Вып. 1. М., 1918. С. 94–95.

⁹⁶ Военно-географическое и статистическое описание Одесского военного округа. Вып. III. 1. Западный театр. 2. Днестровско-Бугский район. С. 201.

⁹⁷ ЦГИА ССР. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 272, 275.

⁹⁸ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923: Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 36.

городов края евреев – 60 тыс. – соотносимо с численностью сельских жителей, мигрировавших в Сибирь – 65 тыс. – и реэмигрировавших в Бессарабию), пополняя ряды наемных рабочих, ремесленников, поденщиков, кустарей. Часть возвратившихся переселенцев, надо полагать, были вынуждены отдаваться в наем к сельской буржуазии, кулакам, помещикам. В совокупности же процессы эмиграции населения из городов Бессарабии и миграции в города и местечки сельских жителей могли вести лишь к изменению национального состава городского населения, но не к разрежению «искусственно сгущенной ремесленной среды».

Изменение национальной структуры в городах привело к увеличению удельного веса молдаван и уменьшению доли евреев, другими словами – проявилась устойчивая тенденция, прямо противоположная той, что определяла соотношение национальностей на протяжении большей части XIX века. К 1907–1908 годам доля еврейского населения, по весьма приблизительным подсчетам, снизилась в Кишиневе до 43%, в Бендерах – до 33, 5, в Измаиле – до 10, 8, в Оргееве – до 55, в Хотине – до 45, в Сороках – до 33, 3%⁹⁹. В 1907 году на особом совещании представителей городов края было признано, что «в Бессарабии не имеется городов с резко преобладающим еврейским населением»¹⁰⁰. Молдаване же в 1904 году составляли в восьми из двенадцати городов края довольно значительный процент, в том числе в Кишиневе – 32%¹⁰¹. К 1910 году удельный вес молдаван в городах составлял: в Рени – 40%, Килие – 31, 1, Бельцах – до 34, Измаиле – 20, Аккермане – 10, 4%¹⁰².

В то же время во многих городах (Кишинев, Аккерман, Измаил, Болград, Килия, Оргеев, Хотин) происходило снижение доли русского населения, а в некоторых городах – и украинского. Молдаване в начале XX века были, пожалуй, единственной национальностью, доля которой в составе городского населения последовательно возрастала. О размахе этого процесса говорит, возможно, преувеличенное но все же показательное сообщение о численности молдаван в Кишиневе в 1914 году: «Почти половину населения составляют молдаване, затем

⁹⁹ ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 224. Л. 1, 14, 71, 130, 160, 179.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 23. Оп. 7. Д. 499. Л. 17.

¹⁰¹ Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 146.

¹⁰² ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 224. Л. 1, 11, 53, 71, 120, 149.

следуют по численности евреи, русские, греки, болгары, румыны, цыгане, армяне, поляки и иностранцы»¹⁰³.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в национальную структуру городского населения. На первый план выдвинулись такие факторы, как воинские мобилизации и движения войск. Кроме того, сказались привлечение сельского населения в города к различным работам по приказам военных властей, отъезд немцев-колонистов и представителей некоторых других национальностей, прибытие в 1916 году в Бессарабию выдворенных из Румынии болгар и гагаузов, дезертирство солдат с фронта, эвакуация и бегство мирных жителей, другие причины.

К концу войны на изменения национального состава населения края повлияли такие факторы, как разложение русской армии, начало гражданской войны и оккупация Бессарабии, уход части населения вместе с Красной Армией. На территории Советской России (кроме районов левобережной Молдавии) проживали в начале 20-х годов более 43 тыс. молдаван¹⁰⁴. Даже румынские буржуазные статистики, подсчитывавшие городское население Бессарабии в 1918 году, вынуждены были признать заметное сокращение числа горожан, объясняя это «потерями, причиненными войной, и бегством населения от румын»¹⁰⁵. Кстати, по их расчетам, молдаване составляли в 1918 году 63, 2% населения Бессарабии, украинцы и русские – 15, 3, евреи – 10, болгары и гагаузы – 4%¹⁰⁶ (См. Приложение: Таблица 2. Национальный состав городского населения Бессарабии в 1918 году. Источник: Filipescu C. Giurgea E. Basarabia: Consideratfuni generale, agricole, economice si statistice. Chisinau, 1919. P. 55).

Представленные в таблице данные не заслуживают большого доверия, поскольку основаны не на переписи населения, а в большей мере на предположениях авторов, первопричина которых нам не известна. Во всяком случае, внимательный анализ этих данных, сравнительное сопоставление с цифрами переписей 1897 и 1930 го-

¹⁰³ Весь Кишинев: Адресная и справочная книга по 1914 году. Кишинев, 1914. С. 23.

¹⁰⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР: 1918–1923 годы//Труды ЦСУ. Т. XVIII. М, 1924. С. 37.

¹⁰⁵ Filipescu C., Giurgea E. Basarabia: Consideratiuni generale, agricole, economice si statistice. Chisinau, 1919. P. 54.

¹⁰⁶ Ibidem. P. 55.

дов позволяют сделать следующие выводы. Доля русского населения явно занижена. Неточно указан и процент молдаван в некоторых городах. В Рени и Оргееве, как явствует из таблицы, доля молдаван по сравнению с 1897 годом уменьшилась, чего на самом деле не было. И наоборот, в Аккермане и Хотине показан слишком большой рост численности молдаван при резком снижении доли украинцев, что тоже неверно. В Кишиневе, если верить таблице, молдаване составляли 30%, тогда как в действительности эта цифра была выше. Одновременно авторы явно завысили численность молдаван в сельской местности – 68, 9%, указав при этом, что русские и украинцы составляли вместе всего 14, 2%. Это соотношение неверно.

Тем не менее в целом в таблице верно, очевидно, отражена тенденция, о которой шла речь: доля молдаван в городском контингенте росла в большинстве случаев при относительном уменьшении доли русского, украинского и еврейского населения. По сравнению с 1897 годом изменились соотношение и абсолютная численность основных национальных групп горожан. Так, в городах насчитывалось 98 тыс. молдаван; 48 тыс. русских; 29 тыс. украинцев; 139 тыс. евреев; 7 тыс. немцев; 23 тыс. болгар и гагаузов; 34 тыс. представителей других национальностей¹⁰⁷. Насколько эти цифры заслуживают доверия?

Чтобы читатель мог правильно ориентироваться и составить собственное мнение о наших выводах, обратимся к материалам румынской переписи 1930 года. Несомненно, за 12 лет с начала оккупации демографическая характеристика городов Бессарабии претерпела довольно серьезные изменения. И все-таки, думается, мы вправе ссылаться на эту перепись, говоря о национальном составе населения края в 1917–1918 годах, поскольку структура стабильного населения, зафиксированная переписью 1930 года, определялась в большей мере процессами конца XIX – начала XX века.

Согласно этой переписи, в городах Бессарабии в 1930 году насчитывалось 108 966 молдаван (32,4% всех горожан), 91 922 русских (27,3%), 17 504 украинцев (5,2%), 92 075 евреев (27,3%), 10 794 болгар (3,2%), 3513 поляков (1%), 2839 немцев (0,8%), 512 гагаузов (0,2%)¹⁰⁸. Молдаване, как видим, стали преобладающей по численности нацио-

¹⁰⁷ Dictionarul statistic al Basarabiei. Chisinau, 1923. P. 11. 75.

¹⁰⁸ Recensământul general al populației României din 29 decembrie 1930. Vol. 2. București, 1938. P. 64.

нальностью не только в сельской местности (59,9), но и в городах¹⁰⁹. Национальная структура населения городов отражена в табл. 3 (См.: Приложение: Таблица 3. Национальный состав городского населения Бессарабии в 1930 году, %. Источник: *Recensământul general al populației României din 29 decembrie 1930*. Vol. 2. București, 1938. P. 54).

Сравнивая данные переписей 1897 и 1930 годов, нельзя не заметить некоего универсального явления: не было ни одного города, в котором бы удельный вес молдаван не увеличился, а доля еврейского населения не уменьшилась. Признавая огромное влияние, которое оказали в этом плане события после 1917 года – гражданская война, оккупация, бегство населения за Днестр, эмиграция в поисках работы, мы должны отметить и чрезвычайную интенсивность процессов изменения национальной структуры населения городов, о которых речь шла выше и которые играли исключительно важную роль в консолидации молдавской буржуазной нации. Почти повсеместное снижение доли украинского и уменьшение в ряде местностей доли русского и болгарского населения, абсолютный и относительный рост числа молдаван до преобладающего в структуре городского населения уровня – все это является бесспорным и весомым признаком процессов формирования нации, несмотря на ярко выраженную полиэтническую среду, в которой они осуществлялись.

Говоря об этой среде, мы должны подробнее осветить одну проблему, которая в последнее время становится в нашей прессе объектом всяческих инсинуаций и спекуляций и вокруг которой многие авторы с особым удовольствием строят бастионы фантастических домыслов, «добросовестных» заблуждений и сознательных подтасовок. Речь идет об ассимиляции, которую большинство авторов определенных изданий путают с русификацией, объявляют главным врагом консолидации молдавской (а чаще – румынской) нации, а потому осыпают проклятиями и не всегда пристойными определениями. Не испытывая ни нужды, ни желания подробно разбирать высказываемые перлы, отметим «основополагающий» тезис нашей публицистики, согласно которому ассимиляция рассматривается как некое дьявольское наваждение, глубоко враждебный молдавскому народу непрерывный процесс, в 1812–1917 годах принявший форму «русификации», а в более позднее время и в наши дни – форму

¹⁰⁹ Ibidem. P. 51.

«манкуртизации». Считается, что он привел молдавскую культуру и язык, более того – саму молдавскую нацию на край пропасти, гибели, кризиса и т. д.

Повторяемый бесконечно в различных вариантах – от газетной карикатурки до торжественного хора, этот тезис был навязан общественному сознанию в виде банальной истины, как всем известная, само собой разумеющаяся аксиома, над которой никто не задумывается и в правильности которой никто не сомневается. А жаль, ибо задуматься, право же, есть над чем. И мы позволим себе немного порассуждать по данному предмету, насколько это поможет более полному раскрытию нашей темы. И прежде всего зададимся вопросом: что такое ассимиляция? В широком смысле это слияние одного народа с другим путем утраты своего языка, культуры и т. п., утраты своей обособленности, буквально – уподобление, отождествление. Как естественный процесс ассимиляция всегда была присуща человеческому обществу, и ее смогли счастливо избежать только некоторые племена далеких тихоокеанских островов или бассейна реки Амазонки. Эти племена являются ценнейшим материалом для исследователей, изучающих эволюцию общества на ступени каменного века. Однако в антагонистических формациях ассимиляция часто сопровождается насилием и неравноправием, что вызывает национально-освободительную борьбу угнетенных народов. Сама по себе ассимиляция как постепенный объективный процесс остается и после устранения насилия.

В наши дни, когда с постоянной эмоциональной настойчивостью раздаются призывы занести целые народы и языки в Красную книгу, может прозвучать диссонансом этим призывам обращение к нашим идейным первоисточникам. Тем не менее хотелось бы открыть работу В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу», в частности, на главе «Национальный жупел „ассимиляторства»», чтобы освежить в памяти некоторые моменты, без понимания которых действительно трудно оценить процессы, сопровождавшие формирование молдавской нации. В. И. Ленин размышляет о двух исторических тенденциях развивающегося капитализма в национальном вопросе. Первая – это пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая – развитие и уча-

щение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Причем первая тенденция преобладает в начале развития, вторая «характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»¹¹⁰. В связи с этим В. И. Ленин задает вопрос: «Остается ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия?

Безусловно, да. Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм». При этом В. И. Ленин заметил, что «тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за „ассимиляторство», на деле представляет из себя просто националистического мещанина»¹¹¹. К этому «малопочтенному разряду людей» Ленин относил всех бундовцев, украинских национал-социалов и всех, кто поддерживает их крики об «ассимиляторстве». Одного из идеологов, яркого противника ассимиляции и проповедника «национальной сознательности» пролетариата, он называет не иначе, как «настоящий буржуа и притом близорукий, узкий, тупой буржуа», и прямо заявляет, что «...всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре и т. п. есть буржуазный национализм, с которым обязательна беспощадная борьба»¹¹². В настоящее время мы, к сожалению, стали свидетелями того, что ослабление или отсутствие такой борьбы ведет к опасному распространению вируса национализма, обычно дремлющего где-то в глубинах подсознания и поражающего весь организм «коричневыми» метастазами, как только его провоцируют. Как в прошлом, так и сейчас главным объектом злобных нападок националистического мещанина является ассимиляция, одинаково ненавистная как тем, кто жалобно стонет и плачет о гря-

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

¹¹¹ Там же. С. 125.

¹¹² Там же. С. 130.

душей якобы гибели родного языка, так и тем, кто в обезумевшей от националистического угара толпе совершает преступления, убивая ни в чем не повинных людей.

Интересно наблюдать при этом, как в наши дни некоторые идейные наследники «близоруких, узких, тупых буржуа», «националистических мещан» (кстати, как правило, с партбилетом в кармане) пытаются даже В. И. Ленина «подправить» по своему вкусу, выдать собственное отношение к ассимиляционным процессам за отношение самого марксизма, с непременными, конечно, ссылками на Ленина. Так, в газете «Народное образование» два филолога, постоянно выступающих в соавторстве в периодической печати, приводят ленинские слова: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...», – здесь они цитату прерывают, а мы продолжим: «...разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов – особенно в отсталых странах вроде России»¹¹³. Обвиняя всех несогласных с их пониманием проблемы в стремлении «к разного рода подтасовкам фактов и понятий, к искажению и фальсификации ленинских высказываний по национальному вопросу», они без тени смущения заявляют: «Читатель, надеемся, понял, что Ленин в работе 1913 года говорит об ассимиляции наций капитализмом, т. е. совсем другой общественно-экономической формацией, нежели та, в которой мы живем». При этом авторы возмущены, что их оппоненты «как бы говорят нам, националам: не пытайтесь оказывать сопротивление ассимиляции (то есть русификации), это не по-ленински».

Логика наыворот. Ассимиляция, по такой логике, действительно является величайшим историческим прогрессом и величайшим двигателем, превращающим капитализм в социализм, но только до того момента, пока не произошла социалистическая революция, освобождающая нации, кстати, от последних проявлений насилия и неравноправия. По такой логике, промышленно развитые страны Запада действительно будут идти по пути укрепления экономических связей в «Общем рынке», фактической ликвидации таможенных и прочих границ, по пути исторического прогресса. Нам же следует возводить языковые, гражданские и прочие перегородки, лечь костями в защиту «суверенитета», укреплять

¹¹³ Там же. С. 127.

внутри страны государственные границы, вводить межреспубликанские таможи, местную валюту, потешные республиканские войска и не менее потешный хозрасчет, придумывать все новые и новые меры против ассимиляции, не останавливаясь перед дискриминацией и ущемлением людей (ведь право наций, как нам твердят, выше прав человека). То есть нам предлагают идти по пути, обратному «величайшему историческому прогрессу». Вполне возможно, что эта логика присуща взбесившемуся националистическому мещанину. Но зачем же кандидатам филологических наук приписывать В. И. Ленину свое понимание националистического жупела «ассимиляторства»; тем более непонятно, зачем это делала газета, открывавшая каждый свой номер лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

И чтобы больше не возвращаться к этой теме, заметим следующее. В. И. Ленин говорил о существовании двух политик (более того: двух мирозерцаний) в национальном вопросе, непримиримо враждебных между собой¹¹⁴. Националистические мещане, а вместе с ними завсегдатаи всевозможных литературно-музыкальных кружков и активисты фронтов, которые исповедуют принцип «национальное превыше всего, превыше общечеловеческого, классового, индивидуального», то есть являются носителями соответствующего мировоззрения, выдвинули и чрезвычайно интенсивно эксплуатируют тезис о «манкуртизации». Вряд ли кто-нибудь из них сумел бы обоснованно и понятно разъяснить смысл, который вкладывается в слово «манкурт». Понимается оно совершенно однозначно – человек, подвергшийся ассимиляции или русификации (это для них разницы не имеет) и разговаривающий не на языке той национальности, к которой он должен был бы принадлежать.

Однако внимательные читатели романа «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»), вероятно, понимают, что здесь происходит шулерское передергивание, подмена понятий. Ибо Чингиз Айтматов, давший жизнь этому слову, вовсе не ассимиляцию имел в виду, когда привел древнюю притчу о жестоких племенах, подвергавших пленных ужасающим, нечеловеческим пыткам, в результате которых они полностью теряли волю, память, моральный и вообще человеческий облик, превращаясь в бессловесное, тупое орудие в руках своих господ. Этих несчастных и называли манкуртами. В

¹¹⁴ Там же. С. 123.

этой гуманистической, глубоко трагичной притче о хрупкости человеческого в человеке обнаружить какие-либо намеки на ассимиляционные процессы прошлого или настоящего могло только больное воображение близорукого, тупого националистического мещанина.

Но вернемся к нашей теме. Признавая ассимиляцию наций величайшим историческим прогрессом, В. И. Ленин привел в качестве примера грандиозности происходящих перемен слияние эмигрантов со всего мира в Америке и разрушение там национальной заскорузлости: «О том, в каких размерах идет вообще процесс ассимиляции наций при современных условиях передового капитализма, можно составить себе приблизительное представление, например, по данным об эмиграции в Соединенные Штаты Америки. Европа отпустила туда за 10 лет, 1891–1900 гг., 3, 7 млн человек, а за девять лет, 1901–1909 гг., – 7, 2 млн человек. Перепись 1900 года насчитала в Соединенных Штатах свыше 10 млн человек иностранцев. Штат Нью-Йорк, в котором было по той же переписи свыше 78 тыс. австрийцев, 136 тыс. англичан, 20 тыс. французов, 480 тыс. немцев, 37 тыс. венгерцев, 425 тыс. ирландцев, 182 тыс. итальянцев, 70 тыс. поляков, 166 тыс. из России (большей частью евреи), 43 тыс. шведов и т. д., – походит на мельницу, перемалывающую национальные различия. И то, что в крупных, интернациональных размерах происходит в НьюЙорке, происходит также в каждом большом городе и фабричном поселке»¹¹⁵.

Да, в Бессарабии и в целом в Новороссии как многонациональном регионе шли интенсивные процессы ассимиляции. В нашем крае наиболее тесное взаимовлияние объединительного плана испытывали три самые крупные национальные группы – молдаване, украинцы и русские, общность материальной и духовной культуры которых, а также быта, традиций, религиозных воззрений и т. д. формировалась на протяжении многих веков. И здесь важно подчеркнуть такую особенность. Вовмодно, это прозвучит неожиданно для тех читателей, которые подвергаются массивованному пропагандистскому удару с осуждением «русификации», «мигрантов», «оккупантов» и т. д., но тем не менее факт остается фактом: ассимилирующей национальностью здесь, как правило, выступало молдавское население, ассимилируемыми – другие национальности. Исследователи начала XX века, изучавшие демографическую ситуацию в крае, отмечали: «На каждом шагу встречаются

¹¹⁵ Там же. С. 126.

в смешанных молдавско-малорусских селениях малорусские семьи, где старшие члены семьи хорошо говорят на своем родном языке, а младшее поколение не умеет говорить и даже иногда не понимает его. Случается нередко то же даже с целыми малорусскими селениями, заброшенными в молдавскую стихию. Вот по этой-то причине весьма часто представляется трудным и даже невозможным установить без специальных научных изысканий подлинную национальность жителей того или иного селения: называть ли их малороссами, прекрасно понимающими по-молдавски, или молдаванами, говорящими или только понимающими по-малорусски»¹¹⁶.

Ассимиляционные процессы, которые протекали в Бессарабии, расширяя сферу распространения молдавского языка, молдавской культуры, традиций, быта и т. д., были абсолютно лишены какого-либо насилия, законодательного принуждения или ограничения. Уже в силу этого обстоятельства мы можем оценить их по-ленински как прогрессивную историческую тенденцию капитализма к ломке национальных перегородок и ассимилированию национальностей преобладающей в крае молдавской нацией, интенсивное формирование которой приходится именно на вторую половину XIX – начало XX века. В цитированном уже исследовании говорится, что «перепись 1897 года насчитала в губернии из общего количества населения 47, 58% молдаван, т. е. немного менее половины всего населения. Но все же они являются относительно самой многочисленной и, притом, господствующей народностью в губернии, так как остальные 52, 42% населения принадлежат не одной национальности, а многим... Еще и теперь, после ста лет владычества в крае России, не русский, а молдавский язык служит международным языком для представителей разных народностей при взаимных сношениях. Вместе с тем молдавский язык имеет какую-то притягательную силу для представителей многих из живущих в губернии народностей, которые охотно заменяют им свой родной даже в семье и быстро превращаются в молдаван. Процесс подобной денационализации идет быстро вперед»¹¹⁷.

Не хотелось бы шокировать тех представителей молдавской интеллигенции, которые носят русские, украинские и прочие «не-

¹¹⁶ Бутович В. Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. С. 10.

¹¹⁷ Там же. С. 22.

коренные» фамилии и энергично требуют прекратить всякую ассимиляцию («манкуртизацию», «русификацию», «миграцию» и т. д.), но, пожалуй, не будет ошибкой назвать их в своем роде продуктом той же ненавистной им ассимиляции. Ибо их предки в не таком уж отдаленном прошлом сами ассимилировались, отказались от своего языка и слились с молдавской нацией, что квалифицируется ныне их потомками как превращение в «манкуртов».

Этот пример показывает, с какой осторожностью следует пользоваться подобными терминами, особенно тем, кто плохо знает собственную историю даже в рамках школьного курса. Тем более осторожно следует бросаться такими словами, как «оккупанты», и прочими обидными и никакого реального содержания не имеющими прозвищами. Да не сочтется легкомыслием напомнить по этому поводу старый мудрый восточный анекдот. Когда Ходжа Насреддин увидел мальчишку, сына блудницы, бросающего с крыши камешками в прохожих, он крикнул ему: «Что ты делаешь? Ведь среди них может оказаться твой отец!». Очень ценное предостережение, не правда ли, люди добрые?!

Но продолжим знакомство с процессами ассимиляции. Исследователь В. Н. Бутович, объективную и разностороннюю работу которого мы уже цитировали, кстати, работу оригинальную, не потерявшую своего значения до настоящего времени, в первом десятилетии XX века изучил на анкетном материале динамику и расселение в Бессарабии основных национальных групп населения, составил таблицы национального состава сельских поселений. Обратимся к его выводам.

Отмечая значительный отток украинцев в северные уезды края, он подчеркивает одновременно их быструю ассимиляцию молдавским населением (по терминологии Бутовича, «быструю денационализацию местных малороссов»). Это происходило не только в Сорокском, Бельцком, даже Хотинском уезде, но фактически в большинстве районов, где молдавское население преобладало. В Оргеевском уезде, например, украинцы «быстро усваивали язык, нравы и обычаи хозяев края – молдаван, смешиваясь с ними, и теряли свой национальный облик. Здесь процесс денационализации малороссов шел даже еще скорей, чем в соседних северных уездах, где малороссов гораздо более. Соображаясь с местными условиями, можно с уверенностью сказать, что через одно-два поколения от малороссов в Оргеевском уезде останутся только

одни воспоминания, исключая, быть может, только немногие поселения, где они проживают в значительном числе и несмешанно»¹¹⁸.

Усиленную ассимиляцию испытывали не только украинцы. «Евреи, немцы и великороссы-старообрядцы своей народности держатся, как и везде, крепко, но православные великороссы и почти все цыгане омолодались. Последних же в уезде довольно много, но их по разным причинам, главным образом ввиду потери своего языка, чрезвычайно трудно или даже невозможно выделить из общей молдавской массы»¹¹⁹. Еще некоторые интересные наблюдения: «Евреи, как и везде в Малороссии, живут совершенно обособленной жизнью, одинаковою во всех отношениях с жизнью заднепровских своих соплеменников. Единственная разница – знакомство в большей или меньшей степени с молдавским языком». Или: «В Ганчештах проживает около сотни армян григорианского вероисповедания, совершенно утративших свой язык»¹²⁰.

Определенные изменения происходили и в национальной структуре населения левобережных районов Поднестровья, где также протекал процесс формирования молдавской буржуазной нации. В целом в Тираспольском уезде во второй половине XIX века преобладало украинское население и абсолютно, и относительно, хотя с 1857 по 1905 год его удельный вес понизился с 42, 5% до 34, 1% при росте численности с 40, 7 тыс. до 97, 1 тыс. человек. Численность русских за этот период выросла стремительно: с 4 тыс. до 46, 6 тыс. человек, а удельный вес – с 4, 2% до 16, 4%. Увеличилась также доля еврейского населения (с 5, 4% до 9, 1%) и в меньших размерах – численность немцев и болгар¹²¹.

Что же касается второй по абсолютной и относительной численности национальности – молдаван, то их количество выросло в 2, 5 раза (с 29, 9 тыс. до 71, 4 человек), но удельный вес снизился с 31, 1 до 25, 1%. Важно заметить, что сократилось также число поселений, в которых проживали молдаване. Это сокращение происходило в районах Тираспольского уезда, находившихся за пределами Поднестровья. В них число молдавских сел снизилось с 46 до 5, а молдаване были ассимилированы более многочисленным украинским и русским окружением¹²².

¹¹⁸ Там же. С. 16.

¹¹⁹ Там же. С. 15.

¹²⁰ Там же. С. 11, 17.

¹²¹ Жаркуцкий И. И. Указ. соч. С. 184–185.

¹²² Там же. С. 185.

Другая тенденция замечается в правобережных районах Поднестровья, в которых молдаване проживали компактно. Здесь в середине XIX века молдавское население составляло абсолютное большинство жителей – 51%, тогда как остальные этнические группы представляли сравнительно небольшие доли населения: украинцы – 19%, русские – 4, немцы – 8, евреи – 8, армяне, болгары и другие – 10%. В течение второй половины XIX века национальная структура в молдавском Поднестровье изменялась следующим образом. К 1905 году произошло увеличение удельного веса украинского (до 23%), русского (до 11%) и болгарского (до 4%) населения при одновременном снижении удельного веса немцев (до 5%), евреев, армян и других (до 6%). Доля молдавского населения оставалась примерно на том же уровне, а его численность в абсолютных величинах выросла более чем вдвое – с 23 тыс. до 55 тыс. человек. Пропорции в этническом составе городского населения левобережного Поднестровья (Тирасполь, Дубоссары, Григориополь) были в начале XX века иными, чем в сельской местности. Из 52 тыс. горожан молдаване составляли 21% (10, 9 тыс.), русские – 32% (16, 5 тыс.), украинцы – 14% (7, 4 тыс.), евреи – 29% (15 тыс.), армяне, поляки, немцы и другие – 4% (более 2, 2 тыс.)¹²³.

Можно было бы привести еще ряд фактов и цифр, свидетельствующих о тенденциях и направленности ассимиляции в нашем крае, но, по-видимому, общая картина и так достаточно ясна: в тех районах Молдавии, где молдавское население составляло абсолютное и относительное большинство, интенсивные процессы ассимиляции этим населением представителей других народов расширяли поле консолидации молдавской буржуазной нации. Этим объясняется неуклонное возрастание удельного веса молдаван в составе населения России на протяжении всего XIX – начала XX века: в 1817 году молдаване составляли 0, 72% населения страны (всего 317 тыс. молдаван из 43950 тыс. жителей империи), в 1834 году – 0, 83% (524 тыс. из 63058 тыс.), в 1858 году – 0, 98% (745 тыс. из 75927 тыс.), в 1897 году – 0, 95% (1217 тыс. из 128223 тыс.)¹²⁴. В конце XIX – начале XX века рост численности молдавского населения превышал естественный прирост в 4

¹²³ Кабузан В. М. Указ. соч. Прилож. 4; Жаркуцкий И. И. Указ. соч. С. 187.

¹²⁴ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 56. Некоторое уменьшение процента молдаван в 1897 г. объясняется изменением в общей численности населения России в связи с присоединением Средней Азии. В границах территории 50-х гг. XIX в. этот процент составлял 1, 2.

раза. К началу первой мировой войны, по оценкам исследователей, молдаване составляли в Бессарабии около 60% населения¹²⁵.

В городах, а также в местечках края, где молдаване не являлись доминирующей национальностью, процессы ассимиляции носили взаимный характер. Интеграция и обогащение национальных традиций, производственных навыков, культуры, психологии, бытовых черт различных народов вели к формированию определенной интернациональной городской общности, элементы которой были весьма многочисленными (нечто аналогичное происходило в Одессе и других исторически сложившихся многонациональных населенных пунктах). Применяя сравнение В. И. Ленина, не будет ошибкой утверждать, что бессарабские города, как в крупных масштабах штат Нью-Йорк, походили на мельницы, перемалывающие национальные различия.

Эти процессы обусловили широкое усвоение молдавским населением городов русского языка, что, кстати, и было зафиксировано переписью 1897 года. Современники отмечали, что в городах «мужчины говорят по-русски, но женщины между собой, в разговоре с мужчинами и детьми употребляют исключительно молдавский язык»¹²⁶. Многонациональные по составу населения города края в период капитализма выполняли прогрессивную функцию, являясь центрами взаимной ассимиляции различных этнических групп. В. И. Ленин называл эту функцию прогрессивной, и мы не видим причины изменить эту оценку на прямо противоположную, говорить о какой-то национальной трагедии.

Другой вопрос, мог ли процесс взаимной ассимиляции в городах и усвоение горожанами молдавской национальности русского языка задержать консолидацию молдавской нации или оказать на нее неблагоприятное влияние? Мы уже отмечали, что рост численности молдаван превосходил их естественный прирост в 4 раза. Так что ассимиляция не только не мешала, а наоборот, способствовала консолидации молдаван в единую нацию.

А как же быть с русификацией? Была она или нет? Ну, что же, пора внести ясность и в этот вопрос.

¹²⁵ Зеленчук В. С. Население Молдавии. Кишинев, 1964. С. 19.

¹²⁶ Кочубинский А. А. Частные молдавские издания для русской школы//Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. С. 398.

Прежде всего посмотрим, как сами современники оценивали степень потери молдаванами своего языка, национальных черт и т. д. под напором русского языка. В одной из журнальных статей читаем, что «поступательное движение от Прута к Днестру молдавского элемента мало-помалу охватывало местные русские поселения, романизовывало их и, таким образом, по истечении веков, старый хозяин земли, отступая перед натиском запрутской стихии, очутился в положении загнанного в угол и припертого к Днестру этнографического элемента между Буковиной, Галицией и Подолией. Такова в немногих словах судьба русского этнографического пояса во второй части нынешней Бессарабии. Иными словами, известная часть нынешних молдаван средней Бессарабии – это романизированные малороссы». Что же касается потери молдаванами своего родного языка, то есть и об этом: «Каковы бы ни были судьбы Бессарабии в прошлом, но население ее в настоящую минуту много более наполовину – молдавское. Русский элемент представлен в ее двух концах; на севере автохтонным «руси́нским», на юге, в Буджаке, – пришлым, великой малорусским, от недавнего времени. Знание русского языка населению молдавских сел не только центральных уездов Бессарабии, но и Буджака, совсем почти неизвестно. Помимо образованных и официальных лиц, только еврей со своим полиглотизмом в коренном бессарабском селе южной и значительной доли северной части губернии является единственным «знатоком» русского языка, а потому удобным и неизбежным посредником»¹²⁷.

Приведенное мнение принадлежит исследователю, историку и филологу профессору А. А. Кочубинскому, который, кстати, был чужд официозным воликoderжавно-захватническим тенденциям. А вот что писал человек, который должен был контролировать ситуацию во «вверенном» ему крае. Из политического обзора помощника начальника Бессарабского жандармского управления в Кишиневском, Измаильском и Аккерманском уездах за 1901 год: «Низшие учебные заведения, как-то: народные министерские училища 2 и 3-х классные, церковно-приходские школы и школы грамотности – имеются в каждом селении и вообще можно было бы сказать, что дело грамотности стоит в уездах удовлетворительно, если бы сами родители не тормозили бы это дело и не брали бы детей из школ не окончив

¹²⁷ Кочубинский А. А. Указ. соч. С. 399.

курса. В особенности в Кишиневском уезде, сплошь состоящем из молдаван, да и в Измаильском тоже, русский язык еще долго будет чужд коренному населению. Можно встретить молдаванина, говорящего на русском языке, но зато часто видишь русского человека, говорящего на молдавском или другом местном языке. Таков уж русский человек – не умеет он привить свою родную речь и считает для себя куда легче выучить самому чужой язык»¹²⁸. Оставим на совести автора его сетования по поводу «русского человека». Однако не может не обратить на себя внимание утверждение этого, несомненно, информированного жандармского чиновника о весьма незначительном распространении в гуще населения русского языка.

Можно было бы привести немало документов, свидетельствующих о том, что ни о какой потере молдаванами своего родного языка не могло быть и речи, хотя бы просто из-за незнания большей частью сельских жителей русского языка. Поэтому все нынешние разговоры такого рода имеют спекулятивный характер. И когда на страницах республиканского журнала одна поэтесса заявляет, что царское иго в Бессарабии было гораздо хуже турецкого, ибо турки приходили, грабили и уходили, а русские грабили и русифицировали непрерывно, мы, отдавая должное эмоциональному накалу, с каким чувства добрые такой лирой пробуждаются, заметим все же, что иногда не мешает проверять звучание своего инструмента по лире великих классиков. Чтобы меньше фальшивить...

Не вдаваясь в обостренные дискуссии по этой теме, предоставим слово величайшему знатоку молдавского языка, его певцу и классику Алексею Матеевичу.

«Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения. К началу девятнадцатого века за Прутом началось «пробуждение национального самосознания», которое, неся на своем знамени ту идею, что румыны являются потомками римлян и преемниками их доблести, – приняло, благодаря увлечению этой идеей, крайне странные выражения, приведшие в конце концов к уничтожению национальных особенностей жизни и языка. Стремясь создать из румынского какой-то новолатинский язык, латинизаторы беспощадно выбрасывали из него все веками укоренившиеся и получившие

¹²⁸ ЦГА МССР. Ф. 297. Оп. 1. Д. 26. Л. 65.

право гражданства славянские и греческие элементы, заменяя их латинскими, а в случае невозможности – итальянскими и, в особенности, французскими. Созданный ими язык, который и не напоминал собой народного, они распространяли сначала в литературе, потом в государственных учреждениях и, наконец, не сознавая совершаемой ими профанации, ввели в богослужение православной церкви. Молдавские богослужебные книги были оставлены и забыты.

Катясь уже издавна по наклонной плоскости, румынский богослужебный язык перешел естественным образом к своей национальной гибели, к вырождению. И причиной этому были сами румыны, которые в своем неразумном увлечении националистической идеей, из области влияний, сослуживших языку службу, попали в сферу ими же созданного латинизаторского течения, подписавшего ему смертный приговор.

От этой трагедии национального быта и богослужения Бессарабия была избавлена Россией, к которой она перешла в 1812 году. Под сенью русской церкви она зажила своей епархиальной жизнью, благодаря чему, вступив на путь тех постепенных улучшений и прогресса, к которым шли и идут другие русские епархии, имела возможность, не в пример Румынии, сохранить в богослужении свои книги и древний язык своих предков»¹²⁹.

С тезисом о гибели языка под ударами невиданной русификации, видимо, все ясно. Другое дело – то насилие и неравноправие, о которых говорил В. И. Ленин и которые были связаны с антинародной политикой царизма. Российская империя была тюрьмой народов – это бесспорно. Тюрьмой для молдавского народа, как и для русского, украинского, еврейского и всех других. Самодержавие сознательно тормозило развитие демократической культуры молдаван в той же степени, что и демократической культуры всех других малых и больших народов, включая русский. Запрещение во второй половине XIX века школьного преподавания на молдавском языке, отсутствие книгопечатания, национальной литературы, театра и т. д. – все это усугубляло и без того тяжелое положение трудящихся масс в крае, придавало антинародному режиму и его политике в Бессарабии зловещую русификаторскую сущность. А насаждением черносотенной «культуры», разжиганием национальной розни, стремлением держать

¹²⁹ Матеевич Алексей. Избранное. Кишинев, 1988. С. 115–116.

народные низы в темноте и невежестве самодержавие пыталось действовать в духе древнего принципа «разделяй и властвуй».

И если под русификацией понимать именно эти трагичные для народа, его сознания и культуры явления, то русификация, несомненно, была, и вряд ли найдется хоть один здравомыслящий человек, который бы ее отрицал. Тем не менее было бы ошибкой не видеть тех позитивных явлений, которые происходили в этой сфере независимо от субъективных устремлений царизма и вопреки им. Речь идет о развитии сети начальных школ и классов, принятии бессарабским земством программы всеобщего начального образования, введении в школах преподавания на молдавском языке, открытии и расширении системы среднего образования, гимназий, реальных, коммерческих, художественных и прочих училищ и школ, появлении периодической печати на молдавском языке, издании молдавской учебной и художественной литературы. Все это способствовало созданию собственной национальной интеллигенции. Молдавская демократическая национальная культура развивалась не простым путем – в условиях многонациональной структуры населения, в неблагоприятной обстановке жесткого авторитарного режима самодержавной власти.

Совершенно неправомерно абсолютизировать негативные моменты и факторы, тормозившие развитие национальной культуры в крае. Многочисленные запоздалые стенания некоторых публицистов по поводу губительности «русификации Молдавии» в прошлом веке нисколько не способствуют выявлению истины и не содержат ничего, кроме эмоций. Истина же состоит в том, что единый (в первой половине XIX века, а во многом и после 1859 года) процесс развития культуры молдавского народа в Бессарабии и запрутской Молдове протекал в различных условиях. И если после образования Румынского государства молдавская национальная культура за Прутом, постепенно теряя самостоятельность, сливалась с валашской, хотя на протяжении десятилетий еще продолжала сохранять самобытные черты¹³⁰, то новая духовная среда в Бессарабии и левобережном Поднестровье после 1812 года характеризовалась отнюдь не потерей молдавским народом культурных традиций и навыков, самобытного

¹³⁰ Чиботару С. С., Корбу Х. Г., Левит Е. Д., Попович К. Ф. Молдавская литература и ее недруги // Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972. С. 147.

народного искусства, фольклора, а наоборот – сравнительным облегчением приобщения к ценностям и русской, и мировой цивилизации, развитием и обогащением оригинальных традиций собственных искусства и культуры, не говоря уж о вовлечении молдавского народа в общероссийскую революционно-освободительную борьбу за освобождение от социального и национального гнета.

Этническое многообразие Бессарабии и левобережного Поднепровья как отличительная черта структуры населения этого региона наложило отпечаток на формирование молдавской нации. Капиталистическое развитие объективно взрыхляло почву национальной однородности даже в тех районах, которые отличались этнической замкнутостью и однообразием. Разрушение крестьянской общины, усиление подвижности населения, совершенствование путей сообщения и средств передвижения, укрепление связей со всероссийским и мировым рынками не оставляли места для национальной обособленности каких бы то ни было районов страны, тем более таких многонациональных.

Здесь вообще вряд ли можно было бы найти хоть одно селение с «чистым» и национально замкнутым населением.

Но интернационализация многих сфер экономической, социальной и духовной жизни края, ассимиляционные процессы вовсе не тормозили, не прерывали, да и не способны были затормозить или прервать консолидацию молдаван в единую нацию. Они, несомненно, влияли на процесс формирования молдавской буржуазной нации, вносили в него свои особенности и неповторимость, в отличие от тех исторических реальностей, которые существовали за Прутом, где население бывших Дунайских княжеств Молдовы и Валахии, объединившихся в единое королевство, вместе с некоторыми другими близкими этническими компонентами постепенно консолидировалось в единую румынскую буржуазную нацию. Эти две нации (молдаване и румыны), имеющие общие корни, и поныне не потеряли близости и родства по общности исторических судеб, предков, культурных традиций и духовных воззрений, по общности классиков литературы, искусства, по общности языка. Тем не менее это две самостоятельные и различные нации, сформировавшиеся в различных государствах, в различных условиях, на различных почвах. Они обе сформировали собственную государственность и развиваются своими путями.

Формирование молдавской буржуазной нации в XIX – начале XX века протекало в благоприятных условиях многонационального края. Находясь в прямом и непосредственном контакте с этнически разнородным населением и ассимилируя его, формировавшаяся молдавская нация впитывала в себя самые различные элементы материальной и духовной культуры, национальных традиций, производственного опыта, образа жизни, верований многих народов, при этом не теряя собственный тысячелетний опыт и культуру, а обогащая, в свою очередь, другие национальности.

Совместная жизнь, общий труд, борьба за лучшее существование молдавской нации вместе со многими другими народами формировали в Молдавии глубокие традиции интернационального единения, взаимной поддержки и дружеской приязни людей труда разных народов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ...

Очень часто, особенно в последнее время, когда официально была признана идентичность молдавского и румынского языков, высказывается мнение об идентичности румынской и молдавской наций, а точнее – об отсутствии последней как таковой. Подобные суждения, как правило, преподносятся в виде всем известной абсолютной истины, не требующей никакого обоснования, проверки, доказательства, и как бы походя – мол, о чем тут спорить! Возможно, именно поэтому многие все чаще с недоумением спрашивают: кто же мы все-таки – молдаване или румыны?

Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего помнить о том, что каждый человек сам выбирает свою национальность и причисляет себя к какому-либо этносу. На этот выбор могут оказывать влияние различные факторы – национальность ближайших и более отдаленных предков («голос крови»), язык, на котором человек мыслит и общается, культурная и языковая среда, в которой он воспитывается и живет, психологический склад, обычаи и традиции местности, его малой родины, условия быта и так далее. Каждый из этих факторов может сыграть решающую роль, но ни один из

них в то же время не может претендовать на исключительность и универсальность.

В подтверждение этого можно привести множество исторических фактов, сослаться на пример таких выдающихся личностей, как Карл Маркс, В. Даль, И. Левитан и многие другие. Но лучше обратиться к истории нашей земли. Бессарабский молдаванин по происхождению П. Горя считал себя румыном, другой – П. Крушеван считал себя русским. Алексей Матеевич осознавал себя молдаванином и никем иным. А вот бессарабский еврей по происхождению Михаил Кац стал одним из видных организаторов и теоретиков румынской социал-демократии – румыном Константином Доброджану-Геря. И таких примеров сознательного выбора личностью национальности можно было бы привести сколько угодно не только из истории, но и из нашей повседневной жизни.

Каждый человек делает выбор самостоятельно. И, вероятно, ничего нет страшного в том, если кто-либо из молдаван чувствует свою духовную или иную близость к румынской нации, либо к русской, либо к украинской, либо к другой. Это не повод бить во все колокола и спускать с цепи собак. Не надо сразу же кричать о «манкуртизации» и бежать в старый чулан за пропыленными ярлыками типа «безродный космополит», «буржуазный националист», «великодержавный шовинист», а тем более придумывать новые – «мигрант», «русофон», «манкурт» и т. д. Наверное, единственное, что стоит сделать, – это на секунду задуматься и решить: «вольному – воля!», проявить понимание и уважение к выбору ближнего. И еще – как хорошо, что человек может хоть в этом почувствовать себя свободным; что хоть в этом ему никто ничего не предписывает, не регламентирует, не повелевает.

Вот, пожалуй, и все, что можно ответить на часто задаваемый ныне вопрос – кто мы такие? – если дело касается национальной идентификации каких-то людей. Памятуя при этом, конечно, что национальные проблемы, затрагивающие очень широкий диапазон чувств, ассоциаций, а то и предубеждений, – предмет чрезвычайно сложный, требующий крайне осторожного обращения.

Однако вопрос зачастую ставится гораздо шире – об идентичности наций. Действительно ли молдаване не составляют самостоятельной нации, а являются частью нации румынской? То есть нет молдаван, а есть лишь румыны?

А когда вопрос касается не человека, а целой нации, «вольному-воля!» не ответишь. Здесь необходимо вооружиться знаниями очень многих наук, проделать кропотливые исследования, воспользоваться определенными методами познания объективной действительности. Ибо нации представляют собой объективную реальность, независимую от воли и желания отдельных людей, и формируются не в один день, как и культуры, как и национальное самосознание народов.

Поэтому невозможно в один день, по желанию какого-либо человека, или группы единомышленников, или даже целого правительства «отменить», изменить национальное самосознание народа. Инструментов же для определения национальной идентификации больших групп людей есть немало. Один из наиболее простых – перепись.

Надо полагать, что результаты последней переписи, когда они будут обнародованы, представят ясную картину: сколько людей в нашей республике считают себя молдаванами, сколько – румынами. И это будет достаточно убедительный ответ, ведь счетчики заполняли графу «национальность» со слов переписываемых, не требуя паспорта или какого-нибудь еще документального подтверждения национального самосознания людей. Так что каждый был волен причислить себя к любому этносу. А потому в скором времени в нашем распоряжении окажется бесспорное подтверждение той или иной точки зрения – либо молдавская нация действительно существует и национальная идентификация самосознания абсолютного большинства населения на это явно укажет, либо молдавской (Нации действительно нет, о чем бесстрастно поведает перепись, являющаяся своеобразным плебисцитом, всеобщим референдумом.

Но такого «референдума», конечно же, мало. Этнические процессы крайне сложны и полифоничны. И чтобы в них разобраться, следует сначала договориться о терминах. Ведь получается невообразимое недоразумение филологического рода. Одни заявляют, что молдавской нации нет, есть румынская, существующая в данном ареале уже несколько тысячелетий. Другие доказывают, что румынская нация сформировалась после объединения Дунайских княжеств – Валахии и Молдовы – за Прутом, а молдавская нация сложилась в конце XIX – начале XX века в пределах Пруто-Днестровья в Российской империи. И те, и другие фактически говорят на разных языках. Ибо одним и тем же термином «нация» они обозначают различные понятия. И приходится только со-

чувствовать читателям, которые вынуждены самостоятельно разбираться в получившейся путанице. Чтобы не возникало споров о терминах и все было расставлено по своим местам, поясним, о чем идет речь.

Под этносом (народом) мы понимаем – как это принято в современной науке – исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную общность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологии, а также самосознанием, то есть сознанием своего единства и отличия от всех других подобных общностей. Важно знать, что этносы имеют несколько исторических типов: племя, народность, нация. Этнос выступает в этих типах, качественно видоизменяясь во времени в зависимости от степени развития общества и, главным образом, развития способов производства.

Для первобытной эпохи характерен родовой строй, когда общности людей были связаны узами прочного кровного родства, а близкородственные союзы объединились в племена. Племена имели свой язык (диалект), самоназвание, территорию, культурно-бытовые особенности. В эту эпоху были распространены межплеменные образования, союзы племен, в которых этносы объединялись под общим управлением, сохраняя свои специфические черты материальной и духовной культуры, а также этническое самосознание.

Царем даков, объединившим их племена в 60-х годах до нашей эры, был Буребиста, который во главе большой армии совершил ряд удачных походов против соседних племен кельтов и бастарнов. Во второй половине I века нашей эры дакийский этнос был объединен под властью другого царя – Децебала. Его армия успешно противостояла римским легионам, которые вели войны с целью завоевания Дакии. В конце концов римляне победили и основали на части современной территории Румынии провинцию. Романизация гето-дакийских племен сыграла важную роль в судьбе этноса. Северо-фракийские племена даков и северо-восточные фракийские племена гетов были родственными и проживали со второй половины первого тысячелетия до нашей эры на землях к северу от Дуная до отрогов Карпат, то есть на территории современной Румынии и МССР. В первых веках нашей эры они составляли единый этнос – дако-романскую этническую общность.

Следующий, более высокий исторически, тип этноса – народность. Когда под воздействием развития производительных сил гибнет перво-

бытнообщинный строй, а вместе с классами формируются государственные образования, люди различных родов и племен, организованных по принципу кровного родства, все более и более перемешиваются между собой, на первый план выдвигается территориальный, а не родовой признак. Если для племени объединяющим фактором являлись брачно-родственные отношения, то для народности это территориально-политические связи. Причем народность, в отличие от племени как образования достаточно замкнутого в себе, являлась более открытой для культурного многообразия в силу неоднородности социального и этнического состава проживавшего на данной территории населения.

В ареале, охватывающем север Балканского полуострова и Карпатские горы, на основе романизированных фракийских племен, вступивших в контакт со славянами на левобережье Нижнего Дуная (при этом славяне были ассимилированы ими), с VI в. сформировалась восточнороманская волошская народность, которая сложилась на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Эта народность стала основой для формирования и дальнейшего развития всех восточнороманских этносов. В частности, с XII века в Восточном Прикарпатье в результате контактов волохов и восточных славян сформировалась молдавская народность. Этот процесс завершился в XIV веке на территории образованного Молдавского княжества. На несколько десятилетий раньше Молдавского было создано Валашское государство. С развитием феодальных отношений в обоих княжествах шел процесс консолидации молдавской и валашской феодальных народностей. За их государственными границами крепла самостоятельность двух этносов, хотя османское господство, под которое вместе с другими балканскими народами попали молдаване и валахи, тормозило их этническое развитие.

Ликвидация феодальной разобщенности в период зарождения капитализма, формирование единого национального рынка способствует тому, что этнос переходит в новое качественное состояние – нацию. С интенсификацией социально-экономических и культурных связей стираются местные этнические различия, исчезают «медвежьи углы», утрачиваются культурно-языковые особенности отдельных местностей и районов, на единой территории формируется единый этносоциальный организм – нация. Как правило, европейские нации складывались на основе общности языка, территории, экономических

связей и психологического склада, поскольку он проявляется в особенностях национальной культуры.

В процессе формирования нации общность языка является необходимым условием (хотя бывают и исключения – канадцы, например, или швейцарцы). Но это вовсе не означает, что носители одного языка являются представителями одной нации. Англичане, американцы (в США), канадцы, ирландцы, австралийцы говорят на английском языке, однако все они составляют разные нации, сформированные на разных территориях, в различных экономических условиях на базе собственных национальных капиталистических рынков и обладающие специфическими особенностями психологического склада, национального характера, собственной национальной культурой.

В этом и содержится ответ на вопрос: означает ли идентичность молдавского и румынского языков единство нации? Если бы мы определили нацию как совокупность людей, говорящих на одном языке, тогда, вероятно, мы ответили бы на этот вопрос положительно. И тогда бы мы не видели никакого различия в исторических типах этноса, называли бы нацией племенные союзы и образования дохристианской эры, в частности говорили бы о фракийских племенах как о «румынах».

Но дело в том, что такой подход не имеет ничего общего не только с наукой, но и просто со здравым смыслом. Никто в мире не определяет нацию таким образом. Ни австралийцы, ни даже ирландцы, говорящие на английском языке, себя к английской нации не причисляют. Также и многочисленные этносы Латинской Америки, которые говорят на испанском и португальском языках, – мексиканцы, кубинцы, аргентинцы, бразильцы, чилийцы и другие этносы – сформировали нации в своих государствах и идентифицировать себя с испанской или португальской нацией пока вроде не собираются.

Надо думать, что и в Молдавии найдется достаточное количество здравомыслящих людей, которые, прежде чем торжественно провозглашать единство румынской нации на базе общности языка, не сочтут за труд подумать, насколько же остальные признаки нации позволяют говорить о существовании единого этноса. То есть формировалась ли исторически единая нация на базе общности территории, экономических связей, психологического склада? Выше уже рассматривались различные стороны этого вопроса, резюмируем их теперь в виде самой общей канвы.

В 1812 году, за 50 лет до образования Румынского княжества, Россия освободила часть Молдавии от османского гнета и присоединила Днестровско-Прутское междуречье к своей империи. Молдавский этнос (феодалная народность) этим актом был разорван на две слабо связанные между собой части. После 1812 года судьбы некогда единого молдавского этноса разделились.

Объединение Дунайских княжеств в единое национальное государство – сначала, с 1862 года – Румынское княжество, затем, с 1881 года – Румынское королевство, зарождение и развитие капиталистических отношений, складывание единого национального рынка, формирование основных классов буржуазного общества – все это вело к тому, что на базе двух родственных феодальных народностей, то есть валахов (мунтян) и молдаван, консолидировалась румынская буржуазная нация. В другом государстве, в Российской империи, в частности в пределах части Бессарабской, Херсонской и Подольской губерний по мере развития капиталистических отношений, складывания местного рынка, формирования буржуазии и пролетариата молдавский этнос консолидировался в единую молдавскую буржуазную нацию. Здесь была своя общность территории, свои экономические связи, формировался свой психологический склад.

Данные процессы шли параллельно и почти не соприкасались. Молдавская буржуазная нация формировалась на основе трансформации одной феодальной народности – молдавской. Тогда как румынская нация складывалась путем слияния, сплочения в единую нацию нескольких близкородственных народностей – главным образом молдаван и мунтян, позже – и трансильванских румын. Условия, в которых эти этносы консолидировались в нации, были совершенно различными. Так, например, формирование молдавской нации в Бессарабии и левобережном Поднестровье протекало в ярко выраженной полиэтнической среде, когда молдаване не составляли и половины в национальной структуре населения края, что было совершенно не характерно для Румынии. Кроме того, условия для развития национальной культуры молдаван были в самодержавной империи до крайности стеснены, – царизм осуществлял политику русификации, что также полностью отсутствовало в Румынии.

Можно было бы приводить еще множество примеров различных факторов, которые были характерны для одной и абсолютно

отсутствовали у другой формировавшейся нации. Но хотелось бы обратить внимание и на то, что их объединяло. Это развитие национальной культуры, духовных ценностей, литературного языка. В силу жестоких притеснений царским самодержавием демократической национальной культуры многие ее представители эмигрировали в Румынию, где продолжали творить в более благоприятной обстановке. По этой причине во второй половине XIX века молдавская национальная культура развивалась в большей степени за Прутом, где формировавшаяся молдавская нация черпала свои духовные силы. И тем не менее, несмотря на общность языка, общность классического культурного наследия в прошлом – начале нынешнего века сложились две разные нации – молдавская и румынская.

И здесь пришло время сделать одно очень важное и совершенно необходимое замечание, которое – будем надеяться – поможет уяснить многие недоразумения, касающиеся национальной идентификации, и даже признать определенную степень правоты тех, кто утверждает, что молдавская нация является частью румынской. Ведь ни у кого не вызывает возражений утверждение, что русские являются частью восточнославянской общности, а мавры Западной Сахары – частью арабской общности.

Дело в том, что до сих пор мы вели речь на уровне этноса и его качественно отличных типов – племя, народность, нация. Однако этнические процессы имеют более сложную структуру и особую иерархию, которая включает и этнические образования, более широкие, чем нации, и менее широкие. Причем каждый из этих уровней определенным образом сочетается в самосознании людей, а у каждого конкретного человека могут быть свои доминанты на той или иной ступени иерархии этнических категорий. Пример: один и тот же человек может осознавать себя одновременно и славянином (уровень метаэтноса), и украинцем (этнос), и гуцулом (субэтнос). Как в одну, так и в другую стороны можно было бы продолжать ступени общностей, к которым может относить себя та или иная личность (в данном случае украинец), – европеец, евразийская раса, вплоть до *Homo sapiens*, и вместе с тем – житель определенного района с особенностями диалекта, обычаев и т. д., житель некоторого города, села или даже слободы, части села с характерными чертами самосознания.

У каждого человека этническая самоидентификация включает в большинстве случаев всю эту многоэтажную структуру, «о в обыден-

ном сознании доминирует какой-то один из уровней, самым сильным и привычным из которых является все же этнос, нация. Хотя, очевидно, чем богаче и разнообразнее духовная жизнь человека, чем совершеннее его внутренний мир, интеллектуальные способности и нравственные идеалы, тем выше доминантный уровень самоидентификации личности.

Близкородственные народы, нации, имеющие общие черты культуры и самосознания, составляют метаэтнос. Этноты, входящие в эту категорию, обладают генетической и языково-культурной близостью, которая может также строиться на длительном культурном взаимодействии. К таким метаэтносам относятся народы Латинской Америки, Скандинавии, арабского мира и др. На этой же ступени, на уровне метаэтноса, вполне закономерно выявляется самосознание у народов, составляющих восточнороманскую общность – молдаван, румын, аромун (куцовлахов). истрорумын и других. Эту метаэтническую восточнороманскую общность в обыденной жизни иногда не вполне корректно объединяют общим названием «румыны», что вполне объяснимо древним происхождением этого термина, которым иногда называли себя представители различных этносов, входящих в единую восточнороманскую общность.

Так что вполне естественно, когда один и тот же человек считает себя восточным романцем («румыном»), молдаванином и, скажем, буковинцем. Чувство общности своей нации с другими близкородственными народами, проживающими в разных государствах и составляющими метаэтническую общность, не должно никого пугать или вызывать раздражение.

Настораживать должно другое, когда на незнании, подчас просто невежестве одних пышным цветом распускаются политические спекуляции и претенциозные амбиции других. Ибо когда игрой на возбуждении или противопоставлении различных уровней этнического самосознания народных масс начинают злоупотреблять определенные силы и даже планировать на этой основе массовые акции, строить политические программы, это не может не грозить обществу грядущим народным нестроением. Панславизм, пантюркизм, пансионизм, пангерманизм, панафриканизм и прочие теории и политические программы, направленные на объединение метаэтносов в рамках единой сверхдержавы, никогда не были осуществлены

на деле, а попытки этого слишком часто приводили к величайшим народным бедствиям, трагедиям и безвинной крови.

Историю нельзя ни обмануть, ни переделать. Любые попытки насильственного вторжения в естественный ход истории с тем, чтобы исправить «исторические ошибки» путем грубого изменения границ, устоявшегося равновесия, политического строя и т. д., могут потребовать такой высокой цены, которая обесмыслит все возможные выгоды от подобного «исправления».

И сейчас часто задают вопрос: а могла бы история сложиться по-другому, если бы в 1812 году не произошло то, что произошло? Иначе говоря, считали бы мы современных молдаван румынами или нет?

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, ибо ответ на вопрос: «что было бы, если бы...» имеет бесконечное количество вариантов, каждый из которых зависит от разнообразных факторов и может претендовать «а исключительность и вероятную возможность. Но свершается только один из них, тот, который уже свершился, в котором уже ничего изменить невозможно, как невозможно заново прожить жизнь ни человеку, ни народу, ни государству. Однако ничего нет зазорного и в том, чтобы рассмотреть возможные альтернативы, сопутствовавшие тому или иному выбору, повороту событий, ходу и пути исторического развития, тем более, если это поможет уяснить и четче выделить пройденный путь, не говоря уж о том, что отсутствие продуманных, обоснованных ответов на «острые» вопросы может порождать в умах мифы, домыслы и искаженное представление о действительности.

Если же говорить об альтернативах историческому акту 1812 года в жизни молдавского народа, когда часть Молдавского княжества была освобождена от турецкого ига, присоединена к России и тем самым оторвана от определенной целостной системы, включена в другую систему, то в первом приближении можно очертить следующие варианты¹³¹.

1. Наполеоновская Франция начала войну против России не в июне 1812 года, а несколькими месяцами раньше. Отсюда возможно следствие: Кутузов прерывает переговоры в Бухаресте с Галиб-эфенди и уводит Дунайскую армию на северо-западные границы России. Турция добивается сохранения своего господства в Молдавии и Валахии

¹³¹ См.: Бабилунга Н. В. Молдавия. XIX век: формирование нации // Коммунист Молдавии. 1989. № 3. С. 66–67.

на неопределенное время и укрепляет границу на Днестре, а возможно, и за Днестром. Ослабленная проигранной войной с Турцией и походом Наполеона Россия не в силах покровительствовать балканским народам, положение которых в системе Османской империи намного ухудшается. Что касается Молдавии и Валахии, то никаких шансов на их объединение и создание Румынии при усилившейся Турции и ослабевшей России не появилось бы.

2. Наполеон замешкался и перенес вторжение в Россию с июня 1812 года на несколько месяцев позже. Тогда вероятен иной ход событий. Русская армия не покидает Молдавию, а Кутузову удастся вынудить Турцию освободить Молдавское княжество и согласиться на его присоединение к России. Со временем в составе Российского государства молдаване консолидировались бы в единую нацию на территории Карпато-Дунайских земель, то есть на всей территории своего исторического обитания. В княжестве Валахия сформировалась бы валашская нация.

3. Россия вновь присоединилась к континентальной блокаде Англии на основе Тильзитских договоренностей. Что тогда? Наполеон, возможно, вообще отказывается от похода на Россию и предоставляет ей возможность победоносно завершить войну с Турцией, окончательно разгромить ее армию на Балканах. Такой оборот дела означал бы, что Россия освобождает от османского ига не только Бессарабию, но и оба Дунайских княжества, а может быть, к тому же Болгарию и даже Грецию. В любом случае Молдавия и Валахия вошли бы в состав Российской империи или, объединившись, находились бы под протекторатом и защитой России в рамках самостоятельного королевства. И в том, и в другом варианте шел бы процесс формирования единой нации «а всей территории Валахии и Молдавии – либо в границах России, либо вне ее.

Осуществились бы на практике эти варианты или нет – определенно сказать невозможно. Ибо в рассуждениях своих мы не учитывали огромного множества других факторов и сил, составлявших в ту пору вектор мировой политики, которая и определила судьбу молдавского народа – именно этот, а не другой путь.

В конечном же итоге это был путь прогресса.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Национальный состав городского населения Бессарабии

Город	Молдаване		Евреи		Русские		Украинцы		Болгары		Поляки		Греки		Немцы		Армяне		Цыгане	
	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897	1844	1897
Кишинев	37,4	17	30,1	45	9	27	10,7	3	6,3	0,8	0,1	3	0,6	0,3	0,1	1,3	0,3	0,3	0,3	0,1
Измаил	6,2	7,8	7,4	14	54,3	35	25,7	37	2	4	-	-	3	2	-	-	1	-	-	-
Аккерман	9,5	0,8	6	19	37	22	34,5	53	4	1	-	0,5	4,6	-	-	0,3	4,2	3,1	2	-
Бендеры	20,3	8	9,5	34	70,2	35	-	17	-	0,3	-	3,1	-	-	-	0,9	-	-	-	-
Бельцы	23,1	17	37,4	55	25,6	19	11,3	3	-	-	-	3	-	-	-	0,6	1	-	1	-
Оргеев	73,6	27,6	21,3	58	-	10,3	0,4	1,2-	-	-	0,4	0,9	-	-	-	-	3,7	0,5	-	0,9
Сороки	16,4	20,9	27,8	57	54,2	14,6	0,3	4,9	-	-	-	2	-	-	-	0,1	-	-	0,7	-
Хотин	-	0,3	37,6	50	43,1	24,8	15,1	21	-	-	1	2,3	-	-	-	0,1	2,8	-	0,4	-
Болград	-	5	-	9,8	-	11,3	-	2,4	-	70	?	0,7	-	0,3	-	-	-	-	-	-
Киция	12,7	21,5	3,5	17	63,7	20	19	40	0,5	0,7	-	-	-	0,4	-	-	-	-	-	0,3
Кагул	17	40	-	11,5	32,5	17,5	50,4	20,8	-	1	-	0,4	-	4,6	-	-	-	-	-	0,9
Рени	22	37,8	1,2	10,5	27,3	17,2	-	39,8	39,8	9,4	0,5	1	9	2	-	0,3	-	-	-	-

Таблица 2. Национальный состав городского населения Бессарабии в 1918 году, %

Город	Молдаване	Евреи	Русские	Украинцы	Болгары и гагаузы
Кишинев	30,0	46,6	9,0	5,3	1,5
Аккерман	23,5	23,5	20,6	8,8	8,8
Бендеры	19,2	30,8	19,2	11,5	7,7
Бельцы	31,8	36,4	9,0	9,0	-
Измаил	21,6	29,7	16,2	8,1	8,1
Болград	11,1	11,1	11,1	5,5	61,1
Килия	33,3	20,0	26,7	6,7	-
Кагул	41,7	25,0	8,3	8,3	8,3
Рени	28,6	28,6	14,3	7,1	7,1
Оргеев	26,3	42,1	10,5	10,5	-
Сороки	26,3	31,6	15,8	15,7	-
Хотин	23,5	35,3	11,8	11,8	-
Всего	26,6	35,0	13,0	7,8	6,3

Таблица 3. Национальный состав городского населения Бессарабии в 1930 году, %

Город	Молдаване	Евреи	Русские	Украинцы	Болгары
Кишинев	42,2	35,7	17,1	0,5	0,5
Аккерман	14,8	12,3	36,9	29,5	1,3
Бендеры	17,4	26,4	48,2	4,3	0,5
Бельцы	29,0	46,5	17,7	0,9	0,1
Измаил	20,0	6,5	59,4	6,1	2,7
Болград	19,1	8,5	10,1	-	57,9
Килия	25,9	11,3	50,2	4,9	0,5
Кагул	49,4	7,1	26,5	2,1	1,6
Рении	51,3	9,8	29,1	0,9	3,2
Оргеев	52,5	41,2	4,5	-	-
Сороки	52,0	36,1	8,6	0,8	0,1
Хотин	8,8	12,3	36,9	29,5	1,3
Всего	32,4	27,3	27,3	5,2	3,2

ВЕРЮ В ПОБЕДУ РАЗУМА¹³²

Господину Анатолю Царану, директору Института истории
Национальной академии наук Республики Молдова от
Бабилунги Николая Вадимовича, заведующего сектором
по изучению незаконных репрессий в Молдавии советского периода

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Перестройка», в настоящее время осуществляемая в нашей исторической науке, все больше приобретает характер лысенковщины. Вместо очищения от чуждых наслоений и заскорузлых догм, вместо истинной позитивной перестройки, совершается беспощадное разрушение целых школ и направлений, основанных на научной концепции исторического процесса в Молдавии. Той самой концепции, которая создавалась и разрабатывалась несколькими поколениями исследователей в течение многих десятилетий.

Ныне объективная истина вновь приносится в жертву сомнительным политическим мифам определенных кругов, стоящих у власти. Исторической науке снова отводится унизительная роль иллюстратора очередных примитивных идеологизированных схем, антинаучных по своей сути и форме.

Увольнение «неблагонадежных» исследователей и подбор кадров по степени их лояльности к существующему политическому режиму, по их готовности выполнять любой заказ руководства ясно указывают на возврат старой политики искоренения инакомыслия и запрета на профессии. Стандартные ярлыки брежневской эпохи – «политическая незрелость», «обывательские разговоры» и проч. – заменяются новыми (например, «антинациональные псевдонаучные идеи»), сущность же политики остается прежней: запрет на научные исследования по политическим мотивам. К ним стали присовокуплять и мотивы лингвистического характера.

Считая невозможным в таких условиях работать в системе Академии наук республики и не желая разделять даже косвенно от-

¹³² Днестровская правда, № 166 (7575), 3 августа 1991.

ветственность за разгром исторической науки в Молдавии, я отказываюсь участвовать в объявленном вами конкурсе и прошу уволить на «общих» основаниях в связи с так называемой реорганизацией.

Н.БАБИЛУНГА,
кандидат исторических наук

Не правда ли, – интересный документ эпохи гласности и перестройки?! С разрешения автора мы публикуем его, потому, что он помогает лучше понять противоречивость переживаемого нами времени.

Самого автора, думается, можно не представлять. Н.В. Бабилунга – исследователь и публицист. Автор книг «Промышленность Бессарабии в конце XIX – начале XX в. Очерк капиталистической эволюции», «Барометр показывает бурю», «По историческим местам Молдавии», «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? Ассимиляция? Русификация?», а также школьного учебника «Страницы истории Молдавской ССР», ряда сценариев документальных фильмов и множества других научно-исследовательских, популярных, публицистических произведений. Читателям «Днестровки» хорошо известно это имя. Н.В.Бабилунга – сопредседатель кишиневского общества «Мемориал» и вице-президент тираспольского общества «Отечество», искренний друг нашей республики, принципиальный противник насилия, экстремизма, национализма и произвола. Корр. А.Акимов попросил его прокомментировать опубликованное выше заявление.

Н.Б. – Я думаю, что увольнение целой группы способных исследователей из стен Института истории Национальной академии – А.В.Хействер, П.М.Шорников, Б.Г.Бомешко и др. – явление, можно сказать, нормальное, то есть объяснимое и в общем-то закономерное. Правящий режим твердо взял курс на претворение в жизнь (если выражаться старомодным языком) исторических решений II съезда НФМ об объединении Молдавии с Румынией. Для успешного решения этих «предначертаний» молдавский народ в сжатые сроки должен быть идеологически и психологически подготовлен к этому акту, к повторению 1918 года. Ведь господа фронтисты, почти сплошь гуманитарии, не могут не учитывать возможность повторения и Бен-

дерского, Хотинского и Татарбунарского восстаний, и возможности размывания массовой освободительной борьбы, в том числе и вооруженной, на «осчастливленной» ими территории, что при явной слабости карательных органов и всеобщем социальном напряжении сразу положит конец этой политике. Вот почему истории отводится чрезвычайно важная роль в морально-психологической обработке общественного мнения. И вот почему безжалостно изгоняются все те историки, на которых режим не может положиться вполне, не говоря уж о тех, кого трудно запугать или купить.

Все ясно и логично. Но меня в данном случае занимает другое. Это – парадокс и, если хотите, – трагический парадокс перестройки, выявляемый в полной мере на таком факте. Посмотрите, – увольняют, скажем, не самых худших ученых (не сочтите за нескромность; речь не обо мне, а о явлении), главным образом тех, кто глубоко и добросовестно копал, кто работал в полную силу и добился успеха. Ради того, чтобы освободить таких людей от всех пут и оков, чтобы раскрепостить их инициативу, заинтересовать в результатах своего труда, перестройка в общем-то и начиналась. Что же в результате? Именно они не у дел.

А кто же в руководстве, кто нынче на коне? Заслуженные конъюнктурщики! Те, кто еще недавно самозабвенно восхвалял героические свершения народа под мудрым руководством партии, кто воспевал советский образ жизни, преимущества колхозно-совхозного строя и социалистической демократии, руководящую роль партии в процессе упрочения развитого социализма... и кто сейчас громче всех обвиняет во всех бедах идеи социализма, марксизм-ленинизм, интернационализм и все ту же партию, кто требует суда над партией и сделал ныне антикоммунизм своей новой профессией, специальностью.

Они были удобны прошлым режимам, они удобны и нынешнему. Вы понимаете, как это страшно? Каждый из них не представляет из себя ничего интересного, ничего примечательного: обыкновенный обыватель-карьерист с куриными мозгами, стальными локтями, великолепным нюхом и змеиной гибкостью. Это лично. Но все вместе как социальный слой непрофессионалов, могущественный слой лжеспециалистов, они представляют собой страшное несчастье для страны, для народа. Когда-то Чернышевский сказал: «Жалкая нация,

нация рабов; сверху донизу все рабы». Думаю, это сказано не о русских вообще, а о том социальном слое, который составляют рабские натуры в любой национальности.

Я хотел бы ошибиться, но вижу главную опасность для дела свободы в этой когорте послушных энтузиастов идеи. Как они доводили до абсурда все, к чему ни прикасались ранее, так они действуют и сейчас. Создают государственный аппарат, органы подавления, административно-тоталитарную систему, и все это – ради и во имя «блага народа», «демократизации», «национального возрождения». Еще придет время, когда черные воронки будут увозить в ночь «противников перестройки», а «враги нации» заполнят до краев старые и новые тюрьмы и концлагеря. Уверяю вас, это не кошмарные фантазии в стиле театра абсурда, а наша сегодняшняя и завтрашняя действительность. Почитайте кишиневские фронтистские газеты, почитайте румынские газеты с одами маршалу Антонеску, и вы убедитесь, что здесь нет большого преувеличения.

А.А. – В Вашем заявлении речь идет о замене стандартных ярлыков брежневской эпохи новыми формулировками. У Вас есть горький опыт в этом отношении?

Н.Б. – О да, у меня богатый опыт. Именно в «политической незрелости» обвиняли меня и несколько моих товарищей во времена, когда застой и маразм пышно агонизировали. Затем я даже был уволен с работы, отстранен от исследований и занялся на свой страх и риск популяризацией науки. Но дело не в этом.

Люди, которые «отстукивали» в компетентные, так сказать, органы о «политической незрелости», а затем на партийных собраниях громогласно требовали вырвать с корнем крамолу, выжечь ее каленым железом, теперь, конечно же, быстренько перестроились, понадежнее запрятали свои партийные билеты и убеждения, сегодня делают карьеру на почве «деполитизации», «департизации» и прочего.

И если раньше я для них был недостаточно партиен, то теперь – недостаточно антипартиен. А все мое преступление состоит, видимо, в том, что я не пел и не пою в хоре, вместе со всеми, вместе с ними. Раньше интересовался идеями Сахарова, читал Солженицына, осуждал вторжение в Чехословакию и Афганистан, посмеивался над

нашим горячо любимым бровеносцем, а сейчас отвергаю бредовые «концепции» о формировании единой румынской нации в первом тысячелетии новой эры, не признаю приоритета прав нации над правами человека и «коренной» нации над прочими, выступаю против авторитарного режима «национал-демократической» бюрократии. Какой ужас!

В одном журнале меня называли Николаем третьим, душителем молдавского возрождения. В другом издании меня включают в черный список людей, которых следует немедленно изгнать из академии, ибо без такого изгнание невозможно «возрождение бессарабских румын». В третьем... В четвертом... А меня все эти булавочные уколы не раздражают. Пожалуй, смешат. Вот будет весело, когда в один прекрасный день по-настоящему откроются тайные архивы и весь честной народ сможет прочесть доносы, которые совсем недавно строчили многие местные «прорабы перестройки», радикальные ниспвергатели «коммунистических идолов», любимцы толпы, борцы за безграничный суверенитет против «коммунистической империи». Ныне идеологи и вожди, а в недавнем прошлом – вульгарные осведомители, субъекты, измученные комплексом неполноценности, снедаемые страхом, завистью и злобой. И ведь не зря же в Новом завете, в этом кладезе древней мудрости, записано: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься». И каждый, кто берет в руки чистый лист бумаги и перо, должен вспомнить предупреждение Воланда – «Рукописи не горят!»

А.А. – Вы, Николай Вадимович, в своем заявлении сравниваете перестройку в нашей исторической науке с лысенковщиной. Что именно Вы имеете в виду?

Н.Б. – Прежде всего то, что перестройка и разгром – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Перестройка в истории абсолютно необходима. Я часто выступал задолго до ее начала против того, что мы превращаем историю в пособие для иллюстрации каких-то постулатов истмата. А история должна быть живой, со всеми ее противоречиями, коллизиями, заблуждениями, взлетами и падениями. И не каких-то там «господствующих классов» или безликих «трудящихся», а конкретных и реальных людей, которые жили и творили в свое время, достигая определенных целей, вольно или невольно прокладывая истории

именно этот путь, а не иной. Я предлагал подготовить специальное издание – энциклопедию персонажей молдавской истории, в которой бы нашла отражение вся гамма чувств и интересов «действующих лиц и исполнителей» из нашего прошлого, всех, кто сыграл в нем какую-то свою роль. Это воспринималось многими с подозрением. Не собираюсь ли я подложить мину под основу основ? И вообще – на чью мельницу я лью воду? При обсуждении рукописи «Барометра...» один маститый ученый сказал, что за одну страницу такой книги в его время партбилет клали на стол. А о двух страницах ему страшно и подумать... А ведь шел уже 1987 год!

Перестройка поначалу в истории двигалась медленно, со скрипом и скрежетом, как ржавая вагонетка. И вдруг, в конце 80-х годов, будто по чьей-то команде, страницы всей прессы заполнились невежественной стряпней и какой-то безграмотной антинаучной мешаниной всякой всячины. Стали говорить, что молдавского языка не существует, что нет и молдавского народа, а потому не было и нет молдавской истории, что есть лишь непрерывная история в каком-то румынском пространстве. Волна невежества и сознательных фальсификаций достигла апогея в период «обсуждения» проблемы триколора. Казалось, что остановить этот поток уже невозможно. Не давали не только слушать аргументы против, но и говорить их. Наука как таковая стала ненужной. Ее перестройка закончилась, так в принципе и не начавшись. Подавление и грубое насилие над своими оппонентами в науке – это и есть лысенковщина. Мое поколение, наконец, увидело ее воочию.

Объективные исследования, которые базировались на солидной фактологической основе и не вписывались в навязываемую обществу примитивную схему, просто перестали издавать. Любое слово, свободное от цензуры, стало пресекаться. Началось вытеснение специалистов из издательств, средств массовой информации. Одни подались в Россию, другие – на Украину, третьи – в Израиль. Те кто их заменил, зорко следят, чтобы в печать не попало никакой «крамолы», противоречащей новым догмам, установкам НФМ, до удивления примитивным и абсурдным.

Я знаю много отличных исследований по истории Молдавии и Румынии, которые были запрещены для печати в Кишиневе. А запрет на мысли, на идеи, как мы знаем из собственной истории

сталинского периода, неминуемо ведет к запрету их носителей, запрету на людей...

А.А. – И тем не менее, сейчас высказывается мысль, что власти в Кишиневе в последнее время стали занимать более осторожную и взвешенную позицию, прекращаются гонения на инакомыслящих, на «мигрантов»...

Н.Б. – Это опасное заблуждение. На днях я прочитал в вашей уважаемой газете что-то в этом роде. Поймите, никаких изменений к лучшему не происходит. Да, действительно, последние несколько месяцев что-то не громят и не жгут неудобные газеты. А за что же, скажите, бить «Молодежь Молдавии», если «сам» Снегур, по его словам читает ее теперь с удовольствием?! На пользу, видать, пошла воспитательная работа с журналистами вездесущей дамы в тапочках и ее агрессивных помощников с железными кулаками и лбами. Кто-нибудь из них наказан? А из тех, кто громял и избивал работников Молдэнерго? А те, кто зверски убивал Диму Матюшина? А дубоссарские убийцы? А участники бесчинств периода волонтерских рейдов? А вандалы, разрушавшие и осквернявшие памятники в Кишиневе? А бандиты, организовавшие погромы в Кишиневе в октябре прошлого года? Скажите, упал ли хоть один волос с их голов?

Власти их покрывают не случайно, ибо эти необузданные силы должны быть под рукой, могут понадобиться в любой момент. Как там сказано у Салтыкова-Щедрина? – когда раздается клич, из нор выползают те Ивановы, которые сейчас нужны; те Ивановы, которые сейчас не нужны, сидят в норах и дрожат.

Погромы во время референдума 17 марта доказали это наглядно и вне всякого сомнения. Нет более осторожной позиции. Есть окончание одного акта спектакля и начало другого. Население Кишинева деморализовано, запугано, забито. Протесты исключены. Морально-психологический и политический террор принес свои результаты. Интердвижение сошло на нет, оппозиция разбита, и режим действует практически бесконтрольно. Он даже намял бока некоторым своим не в меру бравым поклонникам, которые не поняли маневра с Друком и требовали продолжения политики старыми средствами.

Ситуация меняется, и правящий режим, не имеющий никакого авторитета ни в Союзе ни на международной сцене, ни у себя дома,

пытается придать себе хоть немного европейского лоска. И мы, мол, тоже демократы, и даже цивилизованные малость: у нас есть Гребенщиков и русских на улицах больше не убиваем. Более того, начинаем планомерное выселение из Кишинева всех русофонов, что всем сердцем откликнулись на наши неназойливые рекомендации: «Чемодан! Вокал! Россия!» Создали даже целую службу в каком-то департаменте, которая должна заведовать такими переселениями. А чтобы русофонам эта служба медом показалась, постепенно выдавливаем их из всех контор, учреждений, откуда только можно. И заметьте, – почти все это на законном, так сказать, основании. Никакого суда Линча!

Я смогу понять, если эмиссары от Гамсахурдия (а любовь между Кишиневом и Тбилиси нынче – не разлить водой!) с восхищением оценят эти новшества в политике режима, и может быть, даже подружески пожурят за излишнюю мягкость и либерализм в отношении «проклятых оккупантов». Но тираспольчане, неужели они могут строить хоть какие-то иллюзии о смягчении правящего режима в Кишиневе?!

Не попадайте в эти капканы. Впереди еще не один крутой поворот, еще не одного соратника они выбросят за борт, оставив нетронутыми основания своей политики. Думаю, Снегур подпишет Союзный договор или присоединится к нему так или иначе. Скривится, поскрежещет зубами, а присоединится, никуда не денется. Так что же при этом изменится суть режима? Прекратится деление людей по сортам, на «коренных» и «пришлых»? Воссияют справедливость, разум, свобода?

Нет, нет и нет! Национал-тоталитарная бюрократия отдаст и Снегура на съедение фронту, разгромит и сам фронт, если посчитает это полезным для себя. И все это вовсе не будет означать ее либерализации, готовности поставить превыше всего права личности, права каждого отдельно взятого человека вне зависимости от его национальности, языка, места рождения, партийности и т.д. Обстоятельства меняются, и, я полагаю, Приднестровье должно хорошо подготовиться к защите своей независимости в новых, более сложных и запутанных условиях. А ждать милости от кишиневского режима могут только самые наивные или просто нечестные люди.

А.А. – Вы считаете, что Приднестровье сможет защитить свою независимость, отстаивать свободу?

Н.Б. – Я глубоко верю в это. И не только я. Помню, как многие люди в самые напряженные периоды переводили к вам в ОСТК свои не такие уж большие сбережения. Каждый номер «Бастующего Тирасполя» или «Днестровской правды» зачитывался до дыр, передавался из рук в руки. Каждое выступление приднестровских депутатов Кишиневе внимательно, с жадностью ловилось, пересказывалось соседями, друзьями, сослуживцами, знакомыми.

Справедливости ради должен признать, что сейчас настроения во многом уже не те. Надежды мало; наоборот – подавленность, апатия, усталость, безразличие, а то и отчаяние. И все же я верю в победу разума, как это ни трудно сейчас. Нужно прекратить всяческие раздоры между своими, выяснение отношений, пустопорожнюю полемику и двигаться вперед твердым шагом. Таково мое мнение.

А.А. – И последний вопрос. Совсем не оригинальный: каковы Ваши планы на будущее?

Н.Б. – Я преподаю в Тираспольском университете историю Молдавии. Вместе с руководством университета мы задумали организовать при этом вузе научно-исследовательскую лабораторию по истории Приднестровского региона. Над этим сейчас работаем. А вообще планы перспективные. Хотим написать фундаментальное исследование «История Приднестровья» в двух томах. Разрабатываем курс лекций «История Молдавии» для студентов вузов, которыми сможет пользоваться и любой учитель. Совместно с обществом «Отечество» и горкомом партии собираемся издавать серию брошюр «Библиотека историка Приднестровья», а так же исторический, краеведческий и общественно-политический журнал. Наша история – наше богатство, общий капитал, который принадлежит всем, но не каждый это понимает. А мы хотели бы, чтобы таким капиталом владел каждый житель Приднестровья. И будем думать, как это лучше сделать. Вот и все наши планы на будущее, если в двух словах.

А.А. – От имени читателей «Днестровской правды» благодарю за беседу и желаю успехов.

А.АКИМОВ

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО: ФЕОДАЛИЗМ КАК СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА¹³³

Лозунг рабов на демонстрации в Риме:

«Да здравствует феодализм – светлое
будущее всего человечества».

Популярный анекдот эпохи развитого маразма.

Когда-то в древние времена, а точнее – в первой половине XVII века, правил в Молдавии Радул Михня. И с чего бы нам сегодня его вспоминать? Мало, что ли нам своих современных господарей, от которых не знаешь, куда и бежать? Но давайте по порядку. Дойдем и до нынешних.

Так вот, слыл этот самый Радул Михня человеком кристальной справедливости и честности, объективным, неподкупным, беспристрастным. Летописец Мирон Костин (ничего, кстати, не имеющий общего с бывшим доцентом по научному коммунизму, а затем одним из лидеров НФМ примаром Кишинева Николае Костиным) описывал справедливейшего господаря следующим образом: «Был тот господарь, Радул воевода, образованным и весьма здравомыслящим. Его слово было законом для всех, судил он с великой справедливостью и с толком, без лицемерия, и по честности, и не держал заранее ни чьей стороны».

Не правда ли, – это именно тот, о ком так мечтают миллионы людей и по сей день: мудрый, добрый справедливый. Но почитаем, что пишет летописец дальше. А пишет он о незыблемом правиле, которым руководствовался этот замечательный господарь, когда совершал правосудие. Вот это правило; «Каждый господарь, разбирающий дело боярина с дворянином, должен прислушиваться к боярину, а судьи обязаны следовать за ним. Так же и тогда, когда будет судиться дворянин и крестьянин, с большим почетом должно относиться к дворянину, как в обращении и разговоре с ним господаря, и судьи, чтоб не сбивались со своего правильного пути».

¹³³ Днестровская правда (День шестой), № 103-104 (7790–7791), 8 мая 1992.

Итак, справедливость должна быть для всех категорий людей разной. Для бояр она одна, для дворян – другая. И справедливость-дворянина выше справедливости крестьянина. Это было в порядке вещей, это было законом. Таков был стиль феодального мышления, которое просто не было готово к пониманию простых, кажется, истин – все люди рождаются равными и остаются равными перед законом; справедливость может быть только в единственном числе и для всех одна; судья не зависим ни от кого, кроме закона и проч. Казалось бы, простые истины, но человечеству пришлось выстрадать их, пройти через очистительный огонь революций вынести террор, братоубийственные войны и кровь, кровь, кровь...

Как же дико выглядят теперь они., рецидивы феодального мышления, после всех мук и трагедий, что пришлось вынести народам, нашим дедам и отцам, нам самим и нашим детям. Странно и чудовищно! Неужели многострадальный и многонациональный народ Молдавии начинает свой путь в цивилизацию не с сегодняшнего дня, не с «Пакта о правах человека» 1949 г., не с идей Октября (пусть даже искалеченных), и даже не с Великой французской революции и ее «Декларации прав человека и гражданина», а с мрачного средневековья, феодального типа мышления сего обязательным и четким разделением общества на сословия, кланы, касты?! Похоже, что нас всех пытаются загнать именно в эту феодальную пучину, из которой человечество выбралось несколько столетий назад.

Вот он выступает на трибуну, новый господарь, именующий себя президентом. О чем он говорит? Да все о том же: «обнаглевшие иностранцы», «мигранты», «пришельцы», «оккупанты», которые, конечно же, испытывают долготерпение «коренного» населения. То есть граждане Молдавии состоят из различных категорий: «коренные», «манкурты», «мигранты», «оккупанты», кроме тех (есть и такая категория), кто вообще не получит гражданство, будь он хоть Эйнштейном, хоть Ростроповичем, хоть Буниным. И ведь не сумасшедшая поэтесса, мечтающая мыть кишиневский асфальт русской кровью, вещает это. Нет, такую градацию постоянно и упорно вбивает в сознание собственного народа сам господарь, простите, – президент и его челядь.

А уж челядь и рада стараться. Официальные летописцы на все лады восхваляют деятельность своего сюзерена. Уж он и образцовый, и весьма здравомыслящий, и справедливый, и честный, и без лицемер-

рия, и не держит заранее ничьей стороны. Он, говорят нам, президент всех граждан Молдовы, а не только лучшей ее части – «коренных». Нельзя без слез умиления слушать это, нельзя не восхищаться мудростью и человеколюбием мужественного президента, который не боясь Народного фронта, посулил частичку своего благоволения не только «чистым», но и «нечистым».

Не нужно слез. Ущипните себя за ухо. Вспомните, какое столетие сегодня на дворе. Ведь и средневековый господарь был повелителем для всех своих подданных – и для бояр, и для дворян, и для крестьян. Но справедливость у каждой из категорий была своя, а потому самым честным и неподкупным властелином считался не тот, кто всех признает равными, а тот, кто не путает эти понятия, строго соблюдая установленную феодальную иерархию правосудия и справедливостей. Президент тоже считает все население своими подданными. Но у «коренных» своя справедливость, у «манкуртов» – своя, у «пришельцев» – своя. Никакой путаницы здесь нет, будьте уверены. Что позволено «коренному», то не дозволяется «оккупанту». А на что же еще приняты законы о языках, о гражданстве и все прочие?! Права человека будут соблюдаться в Молдове – можете не сомневаться, но каждый человек должен занять свою ячейку строго в той иерархии, которая ему определена согласно официальной таблицы о сословно-этнических рангах. И права человека, уважение которых гарантирует господарь-президент, в каждой из ячеек разные.

Вспомните, что отвечали левобережным депутатам, когда они робко, если не сказать униженно попросили маленькой культурной автономии в составе единой Молдовы. Их и за народ-то не признала парламентская комиссия. А чуть приподняли головы – Косташс автоматами поехал разбираться. А затем Друк встал во главе волонтерского сброда и повел его на Комрат. И только твердая позиция десантников Советской Армии не позволила хлынуть такой крови, перед которой, может быть, и Карабах померк бы.

Вспомните, что отвечали левобережным депутатам, когда они просили при обсуждении закона о языке принять во внимание пожелания их избирателей. ВУ парламенте отвечали улюлюканьем, свистом и бранью, а подготовленные Навродным фронтом «статисты» с кулаками и дубинами уже поджидали этих депутатов на ступенях парламента, чтобы преподнести им очередной урок демократии.

Вспомните, что сказал Снегур, когда депутаты просили обеспечить их безопасность от буйства оплачиваемой толпы бездельников, день и ночь стоявших «на стреме» у парламента. Снегур сказал, что надо их слушаться и вести себя так, чтобы не раздражать «народ», – «Меня же не бьют!»

Логику и стиль мышления нашего экс-коммунистического господаря многие не понимают, а это его злит и сердит. И здесь он прав. Не такая уж это мудреная наука. Ее можно и нужно понять всем. Права человека никто не отменяет и не запрещает, но каждый должен твердо знать их границы, рамки в своей категории. Все недо-разумения присходят от того, что люди не знают своей ячейки, просто не усвоили, кто они – «оккупанты», «пришельцы», «манкурты» или еще кто. А значит, они могли присвоить себе часть прав, которые принадлежат не им, а другим людям. Вдумайтесь вы и поймите, что здесь есть и логика, и даже справедливость, пусть и в феодальном ее понимании.

Рассмотрим пример. Диму Матюшина толпа фронтистских активистов убила несколько лет назад не за то, что он громко разговаривал и смеялся, а за то, что он делал это в районе святого для них места, тем самым как бы высказывая свое равенство и дерзкое неповиновение установленным в обществе законам иерархии. Ведь смеялся бы он у себя дома на кухне, фронт бы не предъявил никаких претензий. И на русском языке говорите себе на кухне сколько хотите хоть недели подряд без перерыва – никто ничего. Другое дело, если вы станете навязывать этот «язык овчарок», как изящно назвал его на великом национальном собрании некий демократ, коренным гражданам, да еще в общественных местах, да еще государственным служащим... Это уже прямая диверсия с целью ущемить законные права и интересы привилегированных слоев общества. То есть предоставленные вам права и свободы вы захотите использовать во вред хозяевам. Конечно же, ни одно уважающее себя демократическое и цивилизованное феодальное государство не допустит такого издевательства над законом и здравым смыслом. Не даром в проекте закона о языках, который в 1989 г. был подготовлен в недрах Союза писателей предусматривалось уголовное наказание за такого рода преступления. И в этом, кстати, не было ничего уникального. Ведь еще при национальном вожде Антонеску, столь высоко чтимом

многими газетами Кишинева и Бухареста, этот закон, что называется, жил, работал и боролся. Надо ли удивляться, что убийцы Димы Матюшина отпущены на свободу?! Правда, и не награждены – награживать не будем.

Если еще кому-то непонятна логика кишиневского режима, рассмотрим другие примеры из жизни. 23 февраля 1990 г. десяток активистов НФМ не пустили на кишиневский стадион несколько тысяч человек и сорвали разрешенный городскими властями митинг, которых хотела организовать КПМ под своим излюбленным лозунгом «консолидации всех здоровых сил на платформе перестройки». Милиция (тогда еще милиция!), естественно, охраняла малочисленные силы активистов-фронтистов, ибо они – представители сословия «коренных», а значит, их права выше права всех остальных, даже если последним власти что-то там и разрешили.

По этой же причине власти палец о палец не ударили, чтобы защитить от погрома «Молдглавэнерго», где по мнению фронтистов работало много сторонников «Единства» и хранились номера «Днестровской правды». Власти не защитили от разгрома с захватом заложников и последующим поджогом и редакцию «Молодежи Молдавии». Власти и не подумали защищать права человека в десятках, сотнях, тысячах случаев их нарушения, не усматривая в этих случаях никаких нарушений законности. Люди возмущались, протестовали, писали, говорили; жертвы пытались найти справедливость и правосудие у государства, которое руководствовалось совершенно другой логикой, не понятной его гражданам. Им казалось, что они все равны перед законом, а их уже давно разделили на группы, сословия, категории, их разделили по сортам. На свою беду они этого не понимают.

А ведь все просто. Можете представить себе, чтобы какая-нибудь группа русскоязычных «пришельцев» разгромила на глазах полиции редакцию «Цары»? А чтобы они оскорбили словом или жестом кого-нибудь из лидеров НФМ или парламентских депутатов? А чтобы они напали на штаб-квартиру фронта? При самой буйной фантазии это невозможно. Но любой человек очень живо представит себе, как полиция расстреливает на месте из автоматов русофонов, совершающих такое. Следовательно, на уровне нашего подсознания процесс, как говорится, пошел. Скоро и сознание охватит это «новое мышление» феодальной логики.

Ну, и последний случай. В ночь с воскресенья на понедельник (в пасхальную ночь, когда наши «национал-христианские» силы должны, вроде бы, прощать, если они христиане) группа людей вошла в кишиневский двор, в которой ютится в скромненькой квартирке руководство движения за равноправие «Унитатя-Единство». Они выдавили стекло, плеснули какую-то горючую жидкость и подожгли. Очередное преступление совершено, и в очередной раз оно останется безнаказанным. Всем известно и каждому понятно, что эта акция является мстью за ту твердую позицию, которое заняло интердвижение в приднестровском конфликте. Это мсть и угроза «русофонам» Кишинева за их тайные симпатии приднестровцам, которые не в силах забить даже гром барабанов лживой пропаганды. А чтобы предупреждение прозвучало более убедительно, полиция отказалась расследовать это преступление – сами, мол, разбирайтесь, нам бы ваши заботы. Впрочем, погром такого рода и не считается преступлением даже официально.

Время показало, что разделение собственных граждан на касты, формирование какой-то иерархической пирамиды в обществе на основе этнического принципа – это не какие-то издержки «национального возрождения» и установления «национальной демократии». Вовсе нет. И если кто-то еще сохранил эти по юношески романтические иллюзии, отказывайтесь от них поскорее в собственных же интересах, чтобы не быть раздавленным новой системой по незнанию. Разделение и травливание собственного народа – это ясная, твердая и бесповоротная стратегическая линия, которую проводит партийно-национальная олигархия ради укрепления собственной власти.

Жестокая, дикая, бесчеловечная война, которую ведет в Приднестровье партийно-коммунистическая номенклатура, сохранившая свои кресла и рычаги власти благодаря мимикрии в «национально-освободительную» силу, эта война показывает не только нам, но и России, и Украине, и всему миру цену кишиневской «демократии» и цену ее своеобразного понимания прав человека. Феодальное мышление, варварская кровожадность, мафиозное сознание и уголовный закон круговой поруки, отличавшие сталинско-брежневских партийных вождей Молдавии, были сохранены и приумножены в наше время новым, а по сути – старым руководством. И если есть какие-либо отличия тех от других, то лишь в одном. Одни хотя бы на словах

пытались казаться стоящими на уровне века, выкрикивая какие-то лозунги из самого передового учения руководящей и направляющей силы. Другие без всякого стеснения выставляют напоказ свою нецивилизованность, варварство, бесчеловечность, бессознательное стремление к дикости. Чаще всего то и другое выступает в одном лице, место которому в панноптикуме уродов, а не в человеческом обществе. Иначе не только Молдова, но и все человечество может прийти к такому «светлому» будущему, как феодализм.

РАСКОЛ МОЛДАВИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹³⁴

Молдавская ССР как союзная республика просуществовала полвека. Гибель этой формы государственности молдавского народа и его дезинтеграция тесно связаны с переходом в конце 80-х гг. местных национально-партийных номенклатурных элит союзных республик на позиции агрессивного национализма, русофобии и антикоммунизма. Эти позиции позволили названным элитам сравнительно быстро трансформироваться в независимые от центра могущественные кланы компрадорской буржуазии в процессе начавшейся «перестройки» и грабительской приватизации, т.е. дележа национальных богатств народов СССР узкими группами лиц, обладавших в своих республиках монополией на государственно-административные, политические и социальные функции власти.

Советский Союз с конца 80-х гг. как единая многонациональная держава был обречен, несмотря на то, что подавляющее большинство советских людей на референдуме 17 марта 1991 г. высказалось за сохранение и обновление его. Это при том, что в Прибалтике, Молдавии, Грузии и некоторых республиках СССР власти категорически запретили проведение референдумов, и любое «непослушание» чрезвычайно жестоко подавлялось милициейскими и др. карательными органами. Советский Союз был обречен, потому что национальные правящие элиты утратили необходимость в существовании централизованной вертикали власти и сознательно разрушили ее, развалив единое государство.

Этому способствовала авторитарная форма власти советской системы, отсутствие противовеса партийно-государственным органам власти в виде развитого гражданского общества с его институтами оппозиции, свободной прессой, общественными независимыми ассоциациями и др. автономными политическими подсистемами, которые не сложились, да и не могли сложиться за считанные годы

¹³⁴ Бабилунга Н.В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики / Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь. № 3. 1999. С. 4–16.

так называемой «перестройки». Бурная деятельность всевозможных «народных фронтов» и подобных им «неформальных» объединений, неожиданно возникших в 1988 г. с задачей шумной симуляции «народных волеизъявлений» в виде «великих национальных собраний» и прочих лицедейств, была, как ныне неоспоримо доказано, почти во всех бывших республиках СССР инспирирована агентами советских секретных спецслужб, вдохновлялась и прямо направлялась как центральными, так и местными структурами власти. Введенное в заблуждение деморализованное, дезориентированное, неструктурированное общество всех союзных республик ничего не смогло противопоставить буржуазной контрреволюции «сверху» начала 90-х гг., в результате которой сказочно обогатилось до 10% населения, составляющее правящие национальные элиты. Страна была разрушена, а населяющие ее народы отброшены в период средневековья и варварства, погружены в кровопролитные межэтнические конфликты и войны, в невиданные по масштабам и безысходности перманентные кризисы.

Однако «прорабы перестройки» и архитекторы насильственного развала СССР не учли, что страна не может расползтись точно по границам пятнадцати республик, которые устраивались в сталинские и хрущевские времена абсолютно произвольно. Эти границы имели условный характер и терпеливо игнорировались гражданами СССР до тех пор, пока в житейском отношении не имели для них никакого или почти никакого значения. Положение изменилось коренным образом, когда границы, паспортные режимы, гражданство стали -резать по живому не только целые народы, но и семьи, судьбы, интересы и устремления людей. Развал СССР с железной закономерностью вызвал и распад неофитов «суверенитета» и «независимости».

Во всех пятнадцати новообразованных государствах необычно остро встали национальные, языковые и территориальные проблемы. Семьдесят миллионов человек, т.е. почти каждый третий гражданин бывшего СССР, оказались за пределами своих национально-государственных образований. Во многих случаях они стали объектом гонений, притеснений, издевательств не только со стороны разъяренных толп (как правило, управляемых), но и со стороны государственных органов суверенных республик. Оскорбительные клички «манкурты», «оккупанты», «пришельцы», «мигранты» и др. в отношении сотен тысяч собственных сограждан прочно вошли в лексикон таких по-

литиков, как Ландсбергис, Дудаев, Снегур, Гамсахурдиа. Миллионы беженцев, потерявших работу, имущество, близких, семьи, заполнили пространство бывшего СССР. Только в течение одного 1992 года в конфликтах и войнах на этой территории погибло 150 тыс. бывших граждан СССР, что в 11 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане. «Мировая общественность», в лице ведущих средств массовой информации, лидеров и политиков стран Запада, чрезвычайно остро реагирующая на высказывания генерала Макашова, активно участвующая в судьбе журналиста Шеремета, абсолютно равнодушно наблюдала за этим невиданным в современной истории по массовости и циничности нарушением прав человека.

Джинн сепаратизма, выпущенный из бутылки партийно-государственными элитами союзных республик в период их целенаправленной и методичной работы по развалу Советского Союза, не испарился с гибелью Союза, а продолжает царствовать на его просторах, набирая силу и размах. Вышли из-под контроля властей суверенных и независимых республик Южная Осетия, Абхазия, Нагорно-Карабахская республика, Чеченская республика Ичкерия, в которых создана или восстановлена своя государственность со всеми необходимыми структурами и атрибутами независимости!» самостоятельной страны. В одном ряду с ними и Приднестровская Молдавская Республика. Наблюдается постоянное наращивание усилий по укреплению автономии и независимости в Татарстане, Башкортостане, Гагауз Ери, Республике Крым, Горном Бадахшане, Карелии, Уральской республике и др. регионах.

Таковы наиболее общие условия дезинтеграции бывших союзных республик и образования на их территории новых государств, неподконтрольных властям. Без учета общих моментов трудно понять раскол Молдавии в начале 90-х гг., создание Приднестровской Молдавской Республики, особенности конституционного строя последней, возрождение и эволюцию государственности на р. Днестр. В каждом отдельном случае аналогичные процессы протекали своими уникальными и непохожими путями, которые определялись местными, локальными этнополитическими и культурно-историческими факторами. Свой непростой, трудный, подчас трагический путь пришлось пройти и народу Приднестровья в образовании, строительстве и защите своего государства как единственной возможности спасения от агрессивного

прорумынского национализма, экстремистских сил, захвативших рычаги государственного управления Молдовы.

Раскол Молдавии берет начало в конце 1988 г., когда в столице МССР г. Кишинев усилиями некоторых представителей творческой интеллигенции – писателями, журналистами, преподавателями вузов и т.д., лидеры которых являлись штатными осведомителями КГБ, – были сформированы национал-экстремистские кружки и группы, объединившиеся затем в Народный фронт. Поначалу откровенно антисоветских и прорумынских лозунгов они не выдвигали и не представляли для единства МССР и ее государственности какой-либо серьезной опасности, если бы национальная партийно-бюрократическая номенклатура не решила использовать их в качестве ударного отряда для борьбы со своими более компетентными конкурентами иных национальностей и полной ликвидации подчиненности центру, освобождения от его контроля. Расшатанный в первые годы перестройки каркас бюрократического абсолютизма мог быть укреплен идеологией государственного национализма, разжиганием ксенофобии и этнических распрей, стравливанием граждан различных национальностей и поиском внутреннего врага, «виновного» во всех бедах молдавского народа. Именно поэтому в короткие сроки национал-экстремистские организации были возвращены национал-бюрократической элитой при одновременном очищении партийных, государственных и общественных структур от убежденных интернационалистов, которые могли бы помешать осуществлению подобных планов.

Постепенно чистки приобретали массовый характер и осуществлялись в обстановке травли, нарушения прав человека и существующего тогда законодательства. Сценарий раскола общества в Молдавии мало чем отличался от аналогичных планов вдруг их республиках. Универсальным «ключом» становился закон о государственном языке. Большинство средств массовой информации, переданные национальной бюрократией в руки фронтистов, в первой половине 1989 г. развернули настоящий психологический террор и давление на общество, имитируя как бы волеизъявление молдавского народа: объявить молдавский язык единственным государственным языком в республике, несмотря на то, что им владело немногим более 60% населения, а русским – практически все. Кроме того, объявлялась

идентичность молдавского и румынского языков. Молдавский переводился на латинскую графику, что сразу же отбрасывало и многих молдаван в разряд малограмотных «манкуртов», ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность.

Отличие молдавского пути раскола общества от эстонского, латышского, грузинского, азербайджанского и др. путей было очень существенно. Если в тех республиках раскол шел по линии: коренные (азербайджанцы) и армяне; коренные (эстонцы) и русские, советские оккупанты; коренные (грузины) – и абхазы, осетины, турки-месхетинцы и др., то в Молдавии водораздел не только отделял «коренных» от «пришельцев», но и раскалывал самую «титულную» нацию. Дело в том, что замена молдавского языка румынским, принятие румынской государственной символики, изменение учебных программ в школах и вузах по румынским стандартам, предание анафеме самих понятий «Молдавия», «молдаванин», «молдавский» потребовало массового изменения этнической идентичности молдавского народа. Те из молдаван, кто не желал ударными темпами перевоплощаться в румын, кто пытался сохранить историческую самобытность народа, его традиции, культуру и менталитет, объявлялись «манкуртами», изувеченными коммунистическим режимом. Эти молдаване стали особенно ненавистны идеологам правящего прорумынского режима и причислены к врагам национальной элиты «бессарабских румын».

Таким образом, раскол Молдавии зарождался и развивался не столько по этническому, сколько по политическому принципу. Противостояние оформлялось не между молдаванами как «коренной», «титульной нацией», с одной стороны, и гагаузами, русскими, украинцами, болгарам, евреями как «мигрантами», «пришельцами», «оккупантами», с другой стороны (названные термины – принятое в начале 90-х гг. и используемое в речах высших государственных чиновников деление граждан Молдавии на своеобразные касты). Усилиями властей и официальной пропаганды соседи, сослуживцы, знакомые, друзья и даже родственники были поделены на «добрых хозяев» и «обнаглевших пришельцев», на «коренных жителей» и «оккупантов», на «румынских патриотов», сыновей и дочерей румын-

ской матери-родины и «манкуртов», «шантистов», «идэчобанистов», носителей «примитивного молдавенизма». Противостояли две политические силы, две системы, два мировоззрения.

С одной стороны – это альянс правящей национальной бюрократии и национал-экстремистского Народного фронта. Цель – сохранение в целостности и неприкосновенности всех привилегий и преимуществ системы унитарного этнократического абсолютизма, прежде всего – неограниченного господства над богатствами страны и монополии власти; геополитическая переориентация Молдавии на Запад, превращение края в полуколониальную окраину Румынии при безраздельном господстве нескольких семейных кланов компрадорской буржуазии над нищим, безграмотным, вымирающим населением. Путь – насаждение этнической и социальной розни, разделение населения на враждующие между собой группы, милитаризация сознания граждан, разжигание конфликтов до степени гражданской войны или, как выразился яркий представитель этих сил премьер-министр Друк, «ливанизация Молдавии» и «бейрутизация Кишинева».

С другой стороны, построение в Молдавии правового цивилизованного государства, демилитаризованного, демократичного и свободного, федералистского, с широкими полномочиям местных властей, межнациональной гармонией и этнической свободой по примеру Швейцарской конфедерации или Аландских островов Финляндии (в этом заинтересованы самые широкие слои всех представленных в Молдавии этносов и в первую очередь – молдаване, поскольку агрессивная румынизация может в скором времени привести к постепенному исчезновению этноса); геополитическая ориентация на укрепление традиционно тесных связей с восточными соседями либо честная политика неприсоединения и разоружения под ее ответствующими гарантами мирового сообщества. Путь – активный поиск компромиссов, укрепление мер доверия между различными этническими общими ми, отказ от любых форм политического насилия, языковых или национальных притеснений, запрещение каких бы то ни было национальных преимуществ лингвистических предпочтений уважительное отношение государства ко всем этносам и гражданам республики, безусловный отказ от провозглашаемого приоритета прав нации (румынской нации) над правами человека.

Желание первой стороны распространить тоталитарный режим мононациональной бюрократии на максимально возможные пределы и заставить подчиниться ему тех, кто никоим образом органически не принимал этот режим, вызвало конфликт и привело к кровопролитному противостоянию, трагедии – гражданской войне и расколу Молдавии. Республика Молдова стала полем политического действия одной стороны (с некоторыми коррективами середины 90-х гг.). Приднестровская Молдавская Республика – ареной политического творчества другой. Необходимо учитывать существование в Молдове мощных левых сил, ориентированных на создание цивилизованного демократического государства, которые в состоянии в корне переломить ситуацию. В Приднестровье, в свою очередь, существуют прорумынские, прокишиневские элементы, желающие установить у себя национал-тоталитарный «конституционный порядок», однако организационно не оформленные.

Отличие заключается в том, что в Приднестровье названные элементы состоят главным образом из маргинальных личностей, не способных не только интегрироваться в референтное сообщество, но и навязать ему хоть в малейшей степени свою перевернутую систему ценностей. В Республике Молдова же маргинальные представители социальных субгрупп, составлявшие постоянный контингент фронтистских шествий, митингов, «великих национальных собраний», погромов и бесчинств, рекрутировались и возглавлялись фанатично настроенными прорумынскими интеллигентами с их лозунгами и призывами: «Мыть кишиневский асфальт русской кровью», «Молдавия – для молдаван», «Чемодан – вокзал – Россия!», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!». Они были искусственно выпестованы и подняты национал-бюрократической элитой на уровень «народа», поэтому сумели навязать свою антиобщественную волю, свою систему антиценностей, свою мораль и нормы поведения тому обществу, в которое они не могут интегрироваться.

Доминирующее положение национал-маргиналов Народного фронта в Молдове конца 80-х – начала 90-х гг., их жестокая антинародная диктатура, походы на Гагаузию и Приднестровье, погромы административных зданий, газет, частных квартир, избиения и убийства ни в чем не повинных людей – все это объясняется острой необходимостью национальной бюрократии в подобной субгруппе

для сохранения своего господствующего положения в политике, экономике, образовании, науке и культуре республики. Справедливое по закону возмездие за преступления могло бы отпугнуть маргиналов, внести в их ряды неуверенность и смятение, ослабить ударный отряд националистов, что не входило в планы партийно-бюрократической национальной элиты. Наоборот, гарантированная системой полная индульгенция за преступления любой тяжести поощряла на расширение и углубление гражданского конфликта, вовлекая в него новые силы. Так, безнаказанные выступления на митингах и в печати с клеветой и оскорблением национальных чувств поощряли на призывы к погромам, глумлению над флагом, др. советскими символами (еще не отмененными). Срыв военного парада 7 ноября в г. Кишинев поощрял к погрому здания МВД, безнаказанный погром – к разгрому редакции русскоязычных газет, избиениям и убийствам случайных людей, погромам частных квартир. Безнаказанность за преступления привела к походу на Гагаузию военизированного сброда, убийству приднестровцев на Дубоссарском мосту, нападениям полицейских и террористов Молдовы на жителей г. Дубоссары, с. Кошница, г. Григориополь, с. Роги, г. Бендеры. Они оставили кровавые следы на земле Приднестровья, что явилось следствием широкомасштабной войны с применением танков, авиации, тяжелой артиллерии, трагедии мирного города Бендеры.

Альянс национал-бюрократической номенклатуры с маргиналами при посредничестве представителей национальной творческой интеллигенции базировался, таким образом, на «взаимовыгодном» сотрудничестве: система гарантировала маргиналам безнаказанность за преступления; маргиналы обеспечивали системе постоянную и целенаправленную эскалацию конфликта от лозунга «Мы в своем доме!» – до боевых вылетов МиГ-29, развязывания гражданской войны. Прорумынские фанатики из рядов молдавской интеллигенции получили возможность делать политическую карьеру, соревнуясь в разжигании низменных страстей наэлектризованной толпы, открыто удовлетворять свои патологические комплексы русофобии и публично призывать в лоно румынской «родины».

Но самое главное – эскалация насилия помогала укреплять жесткую тоталитарную систему бюрократической власти националистов, усиливать репрессивные органы, расширять и сплачивать вокруг

национальной идеи бюрократический аппарат, раздувать милитаристский психоз в стране, направлять недовольство низов на указанных им «врагов» и, конечно, – нагло и грабительно обогащаться за счет присвоения «приватизированных» богатств республики. По мере погружения республики в пучину экономического кризиса и социального хаоса, разжигания гражданской войны и углубления раскола Молдавии функционеры этнобюрократического режима богатели, захватывая в собственность то, что раньше считалось государственной или общенародной, причем, вне всякой конкуренции, контроля со стороны, обладая полной монополией на власть

Нельзя не выделить особенности национальной психологии местной бюрократии, формировавшиеся и развивавшиеся в течение многих веков (примерно полтысячелетия). Можно ли сбрасывать со счетов такой долговременный фактор? Аналитики и наблюдатели при рассмотрении настоящей темы почему-то игнорировали его.

В течение 300-летнего османского ига в силу ряда особенностей молдавского феодализма (господство централизованной ренты при постепенном ослаблении сеньориальной ренты, пятикратное превышение государственной эксплуатации крестьян над боярской, изнурение крестьянского хозяйства под тяжелым налоговым прессом государства и, как следствие, – разорение вотчинного хозяйства бояр, откупная система сбора налогов и др.) привилегированные слои княжества могли развиваться экономически и обогащаться только тогда, когда находились на государственной службе, близко стояли к государственной иерархии. Чтобы быть в средневековой Молдавии богатым, обязательно нужно было иметь отношение к распределению и перераспределению централизованной ренты, государственных налогов. Те феодалы, кто не был причастен к государственной службе и занимался своими вотчинами, быстро разорялись и превращались в крестьян-резешей. В тех условиях обогащаться могли только бояре-откупщики и бояре-чиновники. «Свободные» и «независимые» от государственного аппарата становились крестьянами.

В силу этого психология «власть – это богатство» вошла в плоть и кровь молдавского чиновничества. Если для американского или западноевропейского государственного служащего вполне естественна и даже гораздо важнее формула «богатство – это власть» (демократическая система выборов требует популярности, создания имиджа,

рекламы, а значит – денег), то для молдавского чиновника богатство, как и политический вес, авторитет, жизненные блага, надежность положения и даже семейное благополучие рождает и олицетворяет только власть. Без должности нет жизни, нет смерти. И цель жизни – в государственной должности.

В эпоху 100-летнего пребывания Бессарабии в составе России, чиновники которой буквально изощрялись в умении давать и получать взятки, ее система не способствовала слому сложившейся психологии служащих, а два десятилетия румынской оккупации еще больше укрепили ее (хотя чиновничество Бессарабии почти сплошь составляли выходцы из Старого королевства).

В советские времена, сталинскую, хрущевскую и брежневскую эпохи, несмотря на их непохожесть, была одна чрезвычайно характерная особенность – частная собственность на средства производства отсутствовала. Все функции управления и распределения сосредоточивались в партийно-государственных структурах, что вполне соответствовало сложившемуся менталитету и лишь усиливало его особенности. Сделать карьеру в любой области (науке, архитектуре, медицине, искусстве, образовании, журналистике и др.) можно было, находясь в структурах власти либо прислуживая им. Способности, талант, упорный труд, порядочность, профессионализм почти никакого значения не имели, чаще мешали. Как шутили в 70-е гг., для успешной карьеры человеку нужны были три диплома: «высшее образование», «член КПСС» и «молдаванин» – все остальное происходило автоматически.

Начало эпохи гласности и перестройки с ее мощным демократическим напором на бюрократию, когда с высоких трибун раздавались призывы: «Хватит содержать дармоедов-бюрократов! Не ловит мышей – не кормите!», в высшей степени напугало бюрократическую олигархию МССР. В этих условиях переход национальной бюрократии на позиции агрессивного национал-экстремизма был не просто реализацией (когда «стало можно») тайных подавленных влечений к русофобии и даже не глубоко продуманными планами скорого обогащения за счет государственной собственности в период будущей приватизации. Это был инстинкт самосохранения целого социального слоя партийно-государственных управленцев. В какой-то определенный момент они в массе своей стали думать и действовать

одинаково, в едином порыве, возможно, не договариваясь между собой. Так стая ворон из десятков и сотен тысяч особей, летящих в одном направлении, вдруг, подчиняясь неизвестной нам силе, в некое неуловимое мгновение поворачивает в сторону. Все до единой, в одно мгновение.

Неожиданный залет партийно-государственной олигархии Молдавии в стан пещерного антикоммунизма и первобытного сепаратизма диктовался инстинктом самосохранения. Все «басни» о каком-то «национальном возрождении» были рассчитаны на самый низкий уровень понимания. Да и сам термин «национальное возрождение», введенный в тот момент акынами национальных элит союзных республик, в настоящее время не может не выглядеть злым издевательством и над нацией, и над возрождением.

Ситуация в Приднестровском регионе МССР складывалась несколько по-иному благодаря уникальным историческим особенностям этой территории. После присоединения Днестровско-Бугского междуречья к России в конце XVII в., после выселения кочевых татар с этих земель, они заселяются, главным образом, молдаванами, украинцами и русскими. Вот уже более двухсот лет национальная структура населения Приднестровья обладает устойчивой стабильностью, причем все три основных этноса, составляющие единый народ Приднестровья, не претерпевают в удельном весе каких-либо существенных колебаний. Они находятся в условиях неизменного равновесия, к тому же ни один из них не представляет собой достоверного большинства (молдаване составляют 33,5 %, русские – 30, украинцы – около 30, болгары – 2%, почти столько же евреи, гагаузы и белорусы – по 0,6%). Никто из них не только не объявляет себя «коренным», но и не выдвигает себя в качестве единственного этноса, который испытывает жгучую потребность в ускоренной программе «национального возрождения» за счет прочих, провозглашения одного государственного языка и подавления, законодательного ограничения всех других языков и культур.

В Приднестровье за последние несколько сотен лет не сложилось этническое большинство, которое пожелало бы объявить себя «титულიной» нацией в ущерб прочим, «нетитულიным» или так называемым «некоренным» народностям. Провозглашение 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) преследовало

цель – создание исключительно молдавской государственности в условиях, когда национальная элита Молдовы взяла курс на отказ от своей молдавской идентичности, на усиленную и насильственную румынизацию молдавского этноса и утверждение румынской идентичности.

Самоидентификация населения Приднестровья представляет собой явление, в очень сильной степени отличающееся от идентификации населения Республики Молдова (РМ). Для менталитета населения ПМР не характерны болезненная раздвоенность сознания и глубокое противоречие в определении своей национальной идентификации, которые характерны для молдавского населения РМ последнего десятилетия благодаря усилиям элиты национальной интеллигенции прорумынской ориентации. Свою румынскую идентичность признает в ПМР лишь считанное количество респондентов молдаван.

На вопрос: «С населением какого из соседних государств Вы видите наибольшее сходство?» – лишь 15% всех респондентов ответили: «С населением Молдовы» (32% респондентов молдаван, 6% – русских, 8% – украинцев). С населением России обнаружили сходство 15% (13% всех респондентов молдаван, 23 – русских, 13 – украинцев), с населением Украины – 9% (7% – русских и украинцев). Но большинство приднестровцев видят в своем народе уникальный этносоциальный и культурный феномен, ибо наибольшее количество (44%) ответили, что «отдельные черты сходства с населением соседних государств, несомненно, есть... но в целом население Приднестровья уникально» (ответили 39% респондентов молдаван, 47 – русских и 40 – украинцев).

Таким образом, вопрос о государственности не явился для населения Приднестровья искусственным и навязанным извне, как это зачастую преподносится средствами массовой информации Молдовы. Он полностью и гармонично соответствует исторически сложившимся особенностям и менталитету приднестровского населения. Согласно социологическому опросу 1998 г. только 9% всех опрошенных отрицательно ответили на вопрос: «Считаете ли вы, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность?». Более 70% являются активными сторонниками своей республики, двое из десяти не определились. Лишь 6% при-

днестровцев видят будущее региона в качестве части Молдовы как унитарного государства. За федеративные отношения с Молдовой высказались 18% опрошенных, за независимость ПМР – 15, федеративные отношения с Россией – 22, вхождение в союз Белоруссии и России – 28. Следовательно, 83% жителей Приднестровья являются республиканцами и выступают за укрепление государственности ПМР, более тесные отношения с восточными соседями.

Неудивительно, что, как только созрели необходимые политические условия для возрождения государственности на р. Днестр, республика была создана в течение нескольких месяцев. Необходимо отметить, что за полтора года до развала СССР власти Молдовы провозгласили путь на выход из Советского Союза и создание независимого государства, что сразу лишало население Приднестровья союзного гражданства и ставило его перед угрозой возможного включения в состав Румынии. В июне 1990 г. Верховный Совет Молдовы принял два документа чрезвычайной важности для понимания механизма раскола республики и образования ПМР:

– Декларацию о суверенитете Советской Социалистической Республики Молдова, принятую высшим органом законодательной власти 23 июня 1990 г., в которой объявлялось о фактическом выходе Молдовы из Союза ССР, в том числе о верховенстве законов Молдовы над союзными законами; об оставлении земли, недр, воды и прочих экономических, финансовых, научно-технических потенциалов и ценностей в руках государства Молдовы; об объявлении Молдовы демилитаризованной зоной и др.

– Заключение комиссии Верховного Совета МССР по политико-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, принятого 18 июня 1990 г.

Названный советско-германский договор потерял всякую юридическую силу 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия вместе с Италией, Румынией, Венгрией, другими сателлитами нарушили его условия. Данный документ не нуждался в «отмене» той стороной, которая его и не подписывала, т.е. органами государственной власти МССР. Однако власти, находившиеся под контролем ударного отряда национальной бюрократии, так называемого Народного фронта, соч-

ли возможным принять этот документ, чтобы объявить Молдавию оккупированной частью румынского государства: «28 июня 1940 г. СССР оккупирован силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края. Незаконное провозглашение 2 августа 1940 г. Молдавской ССР было актом расчленения Бессарабии и Буковины».

Отмена акта 2 августа 1940 г. создавала чрезвычайно редкий и запутанный прецедент. Дело в том, что объявление собственной государственности порождением иноземного оккупационного режима не так часто встречается в мировой практике, но оно имело два абсолютно необходимых последствия:

а) юридическая самоликвидация страны, прерывание юридической преемственности власти должны были одновременно сопровождаться полным самороспуском всех органов законодательной, а впоследствии и исполнительной власти, поскольку названные органы были созданы оккупационным режимом (как следует из цитируемых документов) на территории другого не зависимого государства;

б) на территории данной страны после ликвидации оккупационных властей следовало бы провести под эгидой международных организаций плебисцит о дальнейшем государственном устройстве с последующим формированием всех необходимых органов власти и наделением их соответствующими прерогативами. Это тем более было необходимо, что акт 2 августа 1940 г. ликвидировал молдавскую государственность на левом берегу р. Днестр. Поэтому провозглашение Бессарабии и Буковины частью румынского государства совершенно обязательно должно было сопровождаться референдумом населения той части бывшей Молдавской ССР, которая никогда не входила в состав Румынии и которая с отменой МССР обязана была пройти все необходимые процедуры самоопределения.

Руководство СССР (правительство Горбачева) не отреагировало на отмену парламентом Молдовы акта 2 августа 1940 г., хотя по законам существовавшего тогда еще СССР республиканское правительство не имело прерогатив отменять конституционные законы союзного правительства. Тем самым, т.е. своим бездействием, правительство СССР определенным образом признало отмену акта 2 августа 1940 г. и одновременно признало незаконность создания

Молдавской ССР и «незаконность» самих властей Молдовы, которые «отменили»... сами себя.

Многонациональный народ Приднестровья был поставлен перед выбором: вернуться ли ему в состав Украины в качестве автономной республики, признать ли Приднестровье вслед за Молдовой оккупированной румынской землей или приступить к созданию собственного независимого государства. На многочисленных собраниях трудовых коллективов, митингах и сельских сходах, референдумах народ Приднестровья высказал свои надежды и желания свободно и демократично.

Борьба против кишиневского национал-экстремизма развернулась в Приднестровье в августе 1989 г. в ходе предупредительной забастовки против дискриминационных законов о государственном языке. По сведениям ОСТК на 30 августа бастовало 179 коллективов республики и еще более 400 выразили солидарность с бастующими, оказали им материальную помощь. Это было невиданное по своему размаху и масштабам самое мощное рабочее движение во всей многовековой истории Молдавии. Требования бастующих: провести все-народное обсуждение и постатейное голосование по законопроектам в городских, районных и поселковых советах; учесть предложение тираспольского городского Совета о введении двух государственных языков.

Нежелание национальной бюрократии совместно искать компромиссные решения привело к принятию Верховным Советом Молдавии законов «О возврате молдавскому языку латинской графики» и «О статусе государственного языка МССР», а затем – «О функционировании языков на территории МССР» Политический раскол общества – это именно то, за что боролась национальная номенклатура все годы «перестройки», – стал реальностью. Руководство республики проявило несвойственную ему твердость в поддержке национал-экстремистских сил, в осуществлении их тактических и стратегических замыслов. Забастовка закончилась поражением рабочего движения, но население Приднестровья вышло из него окрепшим, имея бесценный опыт политической борьбы.

В г. Рыбница 3 декабря 1989 г. состоялся первый в СССР референдум. Был поставлен перед горожанами вопрос о целесообразности создания Приднестровской Автономной Советской Социалисти-

ческой Республики (ПАССР), и 91% голосов был отдан за создание такой республики. События развивались стремительно.

Аналогичный референдум был проведен 6 января 1990 г в г. Тирасполь, и 96% голосов были отданы за вхождение города в ПАССР в случае создания республики. В апреле на сессиях горсоветов гг. Тирасполь, Бендеры и Рыбница было отказано в признании на своей территории румынского флага, принятого фронтистскими депутатами парламента Молдовы без обсуждения. Прекратили свою работу в Верховном Совете ССР Молдова в мае 1990 г. депутаты от Приднестровья, подвергшиеся в высшем органе законодательной власти беспрецедентным избиениям, оскорблениям, шантажу и угрозам. И вслед за тем на I съезде депутатов всех уровней в с Пар-каны было принято решение о создании Приднестровской свободной экономической зоны.

Летом того же года референдумы о вхождении в ПАССР прошли в г. Бендеры («за» – 97,4%), в Рыбницком р-не (98,6%), в г. Дубоссары (87%). На II Чрезвычайном съезде депутатов всех уровней Приднестровья 2 сентября 1990 г. в г. Тирасполь была провозглашена Приднестровская Молдавская ССР. Депутаты избрали также временный Верховный Совет и приняли Декларацию о суверенитете, в которой заявлялось, что ПМССР – суверенное государство в составе Союза ССР. Объявленный властями Молдовы незаконным акт от 2 августа 1940 г. рассматривался данной Декларацией в качестве исторической и политико-правовой основы государственного самоопределения народов Молдавии. Признавая языки всех народов на территории ПМР (молдавский, украинский, русский и др.) равноправными. Декларация провозгласила: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство и обеспечивает равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, которые народ ПМССР составляют.

ПМССР гарантирует соблюдение прав, свобод и интересов человека, не допускается деление граждан по национально-языковым критериям, им гарантируется защита от шовинизма, нацио-нал-тоталитаризма, бюрократизма посредством соблюдения законов, принимаемых демократическим путем».

А через два месяца, 2 ноября 1990 г., в Приднестровье пролилась кровь: полицейские Молдовы впервые применили оружие против

мирных жителей – трое молодых людей погибли, шестнадцать человек были ранены. Национал-бюрократическая номенклатура Молдовы с помощью прорумынской части творческой интеллигенции, учреждавшая на р. Прут подобострастные «мосты из цветов», на р. Днестр проявляла свои способности совсем по-другому.

С самого момента образования ПМР руководство Молдовы не скупилось на угрозы, грубую ругань и выпады не только в отношении лидеров новой республики, но и в адрес всего народа – всех жителей Приднестровья. Даже в отношении Верховного Совета Союза ССР 13 ноября 1990 г. была направлена удивительная по своей нелепости телеграмма, в которой лидеры Молдовы, еще полгода тому назад рассматривавшие Советский Союз с известной точки зрения концепции «империи зла» и объявлявшие себя оккупированными румынами, неожиданно решили пугнуть руководство СССР скорым началом гражданской войны в связи с образованием «Приднестровской Республики»: «Не нам объяснять вам, что нарушение Конституции и территориальной целостности одной из союзных республик по существу приведет «по законам домино» к всеобщему натиску на республиканские и союзную Конституцию, что, несомненно, может послужить началом гражданской войны». Буквально через неделю, 20 ноября 1990 г. руководство Молдовы в обращении к населению левобережья Днестра подчеркиваю: «Мы провозгласили себя суверенным государством. Это значит, что мы хотим быть подлинными хозяевами своей земли, всех ее богатств, хозяевами своей судьбы». Ни о каком «законе домино» номенклатура не вспоминала, когда речь заходила о развале общего государства и приватизации бюрократией национальных богатств республик. Более того, эскалация братоубийственных конфликтов организовывалась ею последовательно и с размахом.

Вооруженными группами спецназа Молдовы в августе г. были схвачены и вывезены в г. Кишинев из городов и сел ПМР многие общественные и политические деятели, народные вожди, в том числе и депутаты действовавшего в г. Кишинев парламента, т.е. люди, обладающие неприкосновенностью: 29 августа в г. Киев был незаконно арестован признанный лидер Приднестровья И.Н. Смирнов, что привело к блокаде железной дороги женским забастовком ПМР. Не прошло и месяца, как вооруженные ополченцы предпринимают

вторую попытку прорваться в г. Дубоссары, применяя оружие против мирных жителей. А в декабре – третье вооруженное нападение полиции Молдовы на Дубоссары. На своем посту погибли работники ГАИ ПМР. Однако все это являлось лишь прелюдией к широкомасштабной агрессии Молдовы против ПМР в начале марта 1992 г., в том числе и к неспровоцированному нападению в июне 1992 г. на мирный незащищенный город Бендеры. Только в конце июля, в результате подписания между Россией и Молдовой при участии Приднестровской Молдавской Республики Соглашения о прекращении огня и мирном разрешении конфликта, была создана трехсторонняя Объединенная контрольная комиссия (ОКК), определены зоны безопасности, и российские миротворческие силы разъединили враждующие стороны.

Чего же добилось руководство Молдовы агрессией против ПМР? С той и другой стороны тысячи убитых, десятки тысяч раненых, изувеченных, покалеченных; сотни детей-сирот, тысячи несчастных семей, потерявших дорогого, любимого человека; миллионы лей, миллионы рублей материальных убытков и потерь; моральные издержки и политические потери Молдовы как государства-агрессора, с одной стороны, – и единение народа Приднестровья перед лицом смертельной опасности, политические симпатии общественности к ПМР как государству-жертве агрессии, с другой стороны. Этого можно было избежать, не допустить пролития крови, убытков, раскола Молдавии. Стоило только почувствовать обеспокоенность сотен тысяч людей и создать компромиссные лингвистические законы. Стоило лишь принять предложение об основании в Приднестровье свободной экономической зоны или организации Приднестровской автономной республики в составе МССР. Стоило (какая малость!) не избивать и не изгонять из парламента депутатов от Приднестровья, внимательно выслушать их. Стоило всего лишь проявить минимум понимания устремлений народа Приднестровья и на высшем уровне договориться о взаимном делегировании полномочий между властями РМ и ПМР. начать кропотливый поиск взаимоприемлемых решений федеративной реконструкции унитарной Молдовы.

Однако такова, очевидно, природа мононациональной тоталитарно-бюрократической элиты, которая представляет интересы и силы мракобесия, национальной и социальной дискриминации

собственных сограждан. Для того, чтобы пойти на переговоры с молодым государством – Приднестровской Молдавской Республикой, народ которой желает жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права человека являются высшей государственной ценностью и целью системы, национал-бюрократическая олигархия должна была бы изменить силы, которые она представляла, и самой себе. Цветы в ее представлении были хороши для р. Прут, а для наведения мостов в Приднестровье использовались силы полиции, карабинеров, регулярной армии, рекрутов из «волонтеров»; танки, тяжелая артиллерия, авиация, минометы и пулеметы.

Национал-демократические силы, пришедшие к власти в Молдове, на деле представляли собой национальную часть старой партийно-государственной бюрократии, сохранившей и даже приумножившей в годы «перестройки» в своих руках всевозможные синекуры. Именно она, в первую очередь, являлась заложником раздутого средствами массовой информации милитаристского психоза в республике, митинговых бесчинств наэлектризованных маргинальных толп, погромной безнаказанности и черносотенного мракобесия. Все это ею не только порождалось и разжигалось, но и чрезвычайно пугало данные силы. Они были наименее компетентными, наименее гибкими и наименее способными к проведению адекватной и прагматичной политики, направленной на благо народов Молдавии, к недопущению ее раскола, сохранению единства и территориальной целостности, нахождению общественного консенсуса и согласия. Если кто-то из них в глубине души предвидел гибельность проводимой политики, то все вместе в качестве единого клана они выступали за ужесточение курса по отношению к «русофонам» и «сепаратистам», соревнуясь между собой в кровожадности и бескомпромиссности программ и планов «восстановления конституционного порядка». Даже сам этот термин не может не эпатировать наблюдателя своей абсурдностью. Ведь речь шла о «восстановлении конституционного порядка» в пределах той территории, которая была создана актом 2 августа 1940 г., отмененным будущими «восстановителями» как незаконный в июне 1990 г. Следовательно, ими восстанавливалась та, сталинско-молотовская территориальная «целостность» республики, которая уже была объявлена вне закона и которая ежедневно проклиналась подконтрольными властям средствами массовой информации, радио

и ТВ. Предъявляя лишь слегка завуалированные территориальные требования к Украине и объявляя не только земли Молдовы, но и часть земель Украины территорией румынского государства (кстати, без ясно выраженного согласия румынского правительства), власти Молдовы в специальном заявлении от 30 ноября 1990 г. решительно осудили «попытки негативного влияния на перестроечные процессы в угоду сторонникам сталинщины и застоя», которых они обнаружили в лице «лидеров сепаратизма» и которые, якобы, «стремятся расчлениить Молдову, задушить пробудившееся национальное самосознание ее народа». То, что Приднестровская Молдавская Республика создавалась в том числе и с целью защиты молдавского этноса от агрессивной румынизации, властями Молдовы тщательно скрывалось от населения, как и то, кто же на самом деле был сторонником «сталинщины и застоя», активным вдохновителем и исполнителем антинародных законов и даже уголовных преступлений во имя сохранения и укрепления тоталитарного и унитарного режима бюрократического абсолютизма этнократии Молдовы.

Образование ПМР не угрожало территориальной целостности и суверенитету отколовшейся от Советского Союза Республики Молдова. Все предложения о создании в Приднестровье свободной экономической зоны или автономной республики, не говоря о просьбах второго государственного «языка, мыслились и лидерами рабочего движения и населением в целом исключительно в рамках единой Молдавии.

Как же обстояло дело после провозглашения на II Чрезвычайном съезде депутатов всех уровней Приднестровья возрождения государственности в форме союзной республики?

Съезд принял 2 сентября 1990 г. ряд основополагающих документов, положивших начало Второй республике в Приднестровье: Постановление, провозгласившее создание республики в составе Союза ССР, Декларацию об образовании ПМССР, Декрет о государственной власти. Политико-правовое обоснование создания ПМССР и др. документы, а также Заявление народных депутатов Приднестровья в адрес председателя Верховного Совета ССРМ М. Снегура: «Наша главная цель – обеспечение свободного и равноправного, не на словах, а на деле, развития всех народов Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. II съезд народных депутатов

выражает готовность сохранить и развивать взаимовыгодное сотрудничество и связи в различных областях общественной и социально-экономической жизни Между республиками».

На территории Приднестровья 25 ноября 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет ПМР первого созыва. Через несколько дней на первой сессии Верховного Совета депутаты сформировали палаты национальностей и палату республики, комитеты и комиссии. В конце ноября прошел второй этап II Чрезвычайного съезда депутатов всех уровней Приднестровья, на котором была одобрена деятельность временного Верховного Совета. Несмотря на то, что руководство Молдовы признало 27 ноября состоявшиеся в Приднестровье выборы недействительными, съезд в своем постановлении отметил, что «народные депутаты всех уровней ПМССР и их избиратели видят сохранение целостности ССР Молдова на основе содружества республик, на принципах федерации равноправных республик с делегированием определенных полномочий федеральным органам власти».

В Декларации о суверенитете ПМССР и Декрете о государственной власти республики, принятых на первой сессии ВС ПМР первого созыва, были заявлены основные конституционные параметры новой государственности: территория и народ; структура власти в Приднестровье; гражданство; социальное и экономическое развитие; экологическая безопасность; культурное развитие; внешняя и внутренняя безопасность; международные отношения и государственная символика. Верховные Советы Гагаузии и Приднестровья в начале декабря 1990 г. приняли специальную Декларацию об объединении республик, в которой обе стороны выразили намерение объединиться на федеративной основе, для чего создать комиссию по разработке федеративного договора, при этом «в целях сохранения территориальной целостности Молдавии, установления гражданского мира и согласия Верховные Советы ГР и ПМССР обращаются к Верховному Совету ССР Молдова с предложением о вхождении в образуемую федерацию». Это была еще одна возможность сохранить целостность Молдавии на путях реформирования и демократизации общественной жизни республики.

Ответ Молдовы – усиление насилия и возведение насилия и террора в ранг официальной политики государства. Особенно за-

метен стал проявившийся террор после того, как население Приднестровья приняло участие в голосовании («за» – 93%) на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. в условиях, когда кишиневский режим запретил проведение референдума на территории Молдовы и лишил ее жителей возможности высказать свое отношение к судьбе Союза. Власти Приднестровья предприняли новую попытку решить спорные вопросы за столом переговоров и сохранить территориальную целостность Молдавии. 26 апреля 1991 г. Верховный Совет ПМССР принимает обращение к властям Молдовы, в котором, исходя из Постановления Совета Национальностей Верховного Совета СССР от 26 апреля 1991 г. «О путях достижения согласия по нормализации обстановки в ССР Молдова», предложил незамедлительно начать переговоры по выработке компромиссных решений: «Общественно-политическая ситуация вокруг Молдовы и в целом по стране такова, что сегодня нельзя с уверенностью сказать, к какой форме государственности придет Союз ССР и каково будет там место Молдавии. Реальностью является и то, что у нас разные подходы к данным вопросам. Наша позиция известна и подтверждена неоднократным волеизъявлением народа Приднестровья. Поэтому для сохранения целостности ССР Молдова и совместного решения задач по достижению реального государственного суверенитета, нормализации общественно-политической обстановки ПОВТОРНО предлагаем рассмотреть предложения о федеративном устройстве Молдавии. В этом мы видим единственный на сегодняшний день путь к миру и стабильности».

Однако поиски пути к миру и стабильности менее всего беспокоили правящую в Молдове национальную олигархию. Президиум Верховного Совета Молдовы в середине апреля 1991 г. принимает постановление, обязывающее карательные органы республики «принять оперативные и эффективные меры по обеспечению неукоснительного исполнения законодательства ССР Молдова» в Приднестровье. Здесь содержалось провокационное «предупреждение» руководства СССР о том, что Молдова приняла решение «пересмотреть свои обязательства... в отношении средств и способов поддержания конституционного правопорядка в республике и сохранения ее территориальной целостности». Проведенные вскоре рейды вооруженных групп спецназовцев Молдовы, аресты, избиения,

похищения людей, развязанный в Приднестровье террор, который сопровождался резкими выступлениями политических деятелей и средств массовой информации Молдовы, запугиванием и угрозами, явно представили приднестровцам эти «средства и способы».

В этих условиях десятая сессия Верховного Совета ПМССР первого созыва принимает 25 августа 1991 г. Декларацию о независимости ПМССР, в которой независимость приднестровского государства связывалась с неоднократным отказом Молдовы от предложений об образовании федеративной республики и провозглашалась естественным и необходимым условием существования государственности: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство, призванное обеспечить равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, образующих народ Приднестровской МССР». Декларация приобрела силу Конституционного закона. А через неделю, 2 сентября 1991 г., IV съезд депутатов всех уровней Приднестровья утвердил Конституцию, герб и флаг ПМССР. Съезд отметил, что, несмотря на огромные трудности на отсутствие опыта парламентской, законодательной работы, был принят ряд важных судьбоносных для народа Приднестровья документов: Декрет о государственной власти; Декларация о суверенитете; законы о Правительстве и Председателе Приднестровской МССР, о местном самоуправлении и основах местного хозяйства, о государственном бюджете и банковской системе; приняты Декларация о независимости и Конституция (Основной закон) ПМССР. Все это позволило за год создать фундамент государственности, поэтому съезд счел необходимым обратиться к V внеочередному Съезду народных депутатов СССР с предложением о признании независимости и суверенитета ПМССР, а главное – об участии республики как самостоятельного субъекта в подписании Союзного договора.

Судьба договора была, как известно, решена в Беловежской пуще. Но развал Советского Союза не нанес государственности Приднестровья смертельного удара. В республике был проведен референдум о независимости 1 декабря 1991 г. и одновременно состоялись выборы на альтернативной основе первого президента ПМР. На выборах за И.Н.Смирнова отдали свои голоса 65,4% избирателей, за независимость ПМР–98. Верховный Совет ПМР принимает

18 декабря 1991 г. Постановление, в котором, выражая неколебимую волю народа Приднестровья к созданию на новой основе единого политического, экономического, финансового, стратегического и общегражданского пространства, одобрил образование Россией, Украиной и Белоруссией Содружества Независимых Государств, а также поручил президенту Смирнову решить с учредителями СНГ вопрос о вхождении ПМР в Содружество.

В течение последующих четырех лет ПМР жила по своей первой Конституции, принятой с некоторыми последующими дополнениями и изменениями 2 сентября 1991 г. В эти годы процесс укрепления государственности принял необратимый характер, ибо опирался на волю и чаяния подавляющего большинства граждан, республики, отвечал их самым насущным интересам и ожиданиям. Формирование органов государственной власти и кредитно-финансовой системы, создание системы правоохранительных органов. Вооруженных сил ПМР, переход всех предприятий и учреждений под юрисдикцию республики, регулярно проводимые выборы в центральные и местные органы власти способствовали стабилизации общественно-политической обстановки и выживанию государственности в условиях финансово-экономической, политической, информационной блокады со стороны Молдовы. Провал военно-террористических авантур военщины и национал-экстремистов Молдовы способствовал укреплению международного авторитета ПМР, разрыву международной дипломатической и экономической блокады, несмотря на крайне осторожное отношение международного сообщества к процессам, признания «самопровозглашенных» государств. В настоящее время ни у кого (в том числе и правящих кругах Республики Молдова) не вызывает сомнения полная экономическая, государственная, политическая юрисдикция законно избранных властей ПМР над территорией Приднестровья, как и то, что органы государственной власти республики созданы и функционируют стабильно и слаженно по воле народа, а не в результате заговора «белых воротничков», «коммунистических директоров», «шовинистов-сепаратистов» и др.

Борьба с экономическим кризисом в сложившихся условиях непризнанности наметившийся рост экономики, активизация внешних связей, совершенствование кредитно-финансовой системы, укрепление и развитие системы власти в целом привели к необхо-

димости реформирования законодательства и совершенствования механизмов власти, которые бы соответствовали новым условиям сохранения мира и безопасности государственности в условиях утверждения политической стабильности. После широкого обсуждения политическими кругами и общественностью республики текст новой Конституции ПМР был вынесен на общереспубликанский референдум и получил всенародное одобрение 24 декабря 1995 г., основной закон вступил в силу после подписания его Президентом ПМР 17 января 1996 г.

Конституция, по которой живет и развивается государственность ПМР, соответствует самым высоким требованиям и международным стандартам. В ПМР признается государственная, частная и иные формы собственности, в равной степени защищенные государством. Граждане ПМР пользуются всеми основными свободами. Причем презумпция невиновности, запрещение свидетельствовать против себя и своих родных, как и многие другие нормы цивилизованного права, внесены в Основной закон как конституционные положения. Официальными языками, закрепленными Конституцией, являются молдавский, русский и украинский. Гражданам государство гарантирует получение бесплатного образования, среднего общего и среднего специального, причем основное общее образование обязательно. На конкурсной основе каждый вправе получить и бесплатное высшее образование. Гарантируется бесплатное медицинское обслуживание.

Конституция Приднестровской Молдавской Республики живет и действует уже более трех лет. Нельзя не отметить главный принцип организации системы законодательства, власти, государственности и общественных отношений, по которому в конце XX в. живут самые цивилизованные народы планеты, – принцип субсидиарности. Он предполагает установление полного приоритета прав и интересов личности по отношению к правам и интересам любой общности (национальной, партийной, религиозной, культурной и др.). Общности более мелкие, а потому более близкие к личности (например, семья) имеют приоритет перед правами более крупных общностей, объединений более высокого порядка. Субсидиарность исходит из той аксиомы, что в человеческом обществе ничего нет выше конкретной человеческой личности. Все прочие общности, в которых участвует эта личность, – семья, партия, профсоюз, религиозная община,

национальность, трудовой коллектив, ассоциации, организации и учреждения – и вне которых она не может реализовать себя как таковая, в конечном счете являются субсидиарными, т.е. добавочными к конкретному индивиду. И ни в коем случае не наоборот – не индивид для нации, для партии, для завода или учреждения. Поэтому деятельность государства и гражданского общества, деятельность любых существующих общностей следует рассматривать только с точки зрения субсидиарности (дополнительности) к интересам индивида, правам человека. В целом публичная сфера дополнительна к частной сфере. Эта гуманистическая идея рано или поздно восторжествует и у тех народов, государственность которых провозглашает какую-либо сверхценную цель – национальное возрождение, расовую чистоту, ликвидацию классов, ибо тоталитарная система прежде всего предполагает наличие какой-то объединяющей идеи, которой подчиняется все и вся. В Конституции ПМР нет упоминаний о Республике Молдова. Но она содержит необходимый механизм для изменения положений ряда разделов основного закона. И если бы руководство ПМР сумело бы договориться с властями РМ о создании на неких условиях единого государства, что потребовало бы изменения соответствующих статей Конституции, данная ситуация могла бы быть разрешена исключительно на основе всенародного референдума, т.е. одобрения этого шага гражданами ПМР. Практически такой шаг маловероятен, теоретически он не исключен, если Молдова «созреет» до принятия идеи субсидиарности, причем не только в своих внутренних отношениях, но согласится распространять ее на федеративные отношения.

Субсидиарность в области федеративных отношений создает в государстве наиболее эффективный и обоснованный механизм управления, нацеленный на самую полную реализацию интересов личности и прав каждого конкретного человека, распределяя компетенции центральной и местных властей, исходя из потребностей отдельно взятого гражданина. Примерно такая система функционирует в Швейцарской конфедерации. В этой системе федерализма центральная власть является добавочной (субсидиарной) к местной территориальной власти. Последняя имеет приоритет по сравнению с руководством более высокого уровня. Полномочия передаются снизу вверх, и только те, которые власти нижестоящих общностей не имеют

возможности реализовать. А вышестоящие органы не имеют права и возможности вмешиваться в действия более мелких общностей в самых широких пределах их компетенции, которые соответствуют интересам буквально каждой конкретной личности, входящей в данную общность.

Федерация на самом верхнем уровне осуществляет лишь те функции, которые не могут реализовать ни субъекты федерации, ни местное самоуправление.

Способна ли национал-бюрократическая система Молдовы принять идеи субсидиарности и перестроиться в соответствии с ними? Это означало бы ее самоликвидацию. Что будет в будущем? Покажет время. Но уже сейчас можно твердо сказать, что время показало правильность выбора, сделанного народом Приднестровья в 1990 г. Жертвы и лишения были не напрасными.

Десятилетний юбилей свое республики народ Приднестровья будет встречать с Конституцией, соответствующей высоким требованиям грядущего XXI в., третьего тысячелетия, торжества человечности и справедливости.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ НА БЕРЕГАХ ДНЕСТРА: РУССКИЙ МИР И «ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕСОПОТАМИЯ»¹³⁵

Конфигурация современных государственных границ Приднестровской Молдавской Республики определялась в XX веке. Во многом на нее оказывали влияние случайные факторы, в том числе территориально-государственное размежевание двух союзных республик – Украины и Молдавии. Эта земля была и остается частью очень важного в геополитическом отношении региона Европы, который протянулся с севера на юг вдоль Днестра от Карпат до Черного моря. На всем обозримом протяжении человеческой истории Днестр играл исключительно важную в отношении роль, являясь естественной границей между различными этнокультурными зонами Восточной Европы. И это не случайно.

Земли, простирающиеся к Востоку от Днестра, являются составной частью славянского ареала славяно-православной цивилизации «срединной земли», Евразии. Они никогда не входили в островную сферу влияния или «береговую зону», которая имеет свойство переходить из одного геополитического пояса в другой и обратно, как это постоянно происходит с Пруто-Днестровским междуречьем, исторической территорией Бессарабии, называемой некоторыми исследователями «Европейской Месопотамией»¹³⁶. В отличие от береговой, «дисконтинентальной» зоны, в какую-то несомненно входит территория Республики Молдова, Приднестровье уже несколько столетий, включая и наши дни является частью такого культурно-исторического и цивилизационного феномена как Русский мир, объединяющего в своем пространстве различные православные народы и государства, в том числе и ПМР, подобно тому, как понятие «Германия» у немцев оставалось единым всегда, несмотря на существование в различные эпохи множества германских государств. Са-

¹³⁵ Гражданское общество и правовое государство: опыт становления и перспективы развития. Сборник по итогам Международной научно-практической конференции 5 февраля 2010 г. – Тирасполь, 2010. С. 81–108.

¹³⁶ Хаусхофер Карл. О геополитике: работы разных лет. М., 2001. С. 162.

моидентификация многонационального народа Приднестровья как неотъемлемой части православного русского пространства в самом широком значении этого слова подчеркивает значение этой сравнительно небольшой территории в системе восточно-христианской цивилизации, где граничат влияния Русской Православной Церкви и автокефальной Румынской Православной Церкви, находящейся в авангарде экуменизма и сближения с Ватиканом. Постоянно укрепляя и наращивая с помощью Запада свое присутствие и активность в Молдове, эта сила приобретает все более и более четкий политический характер, придавая Приднестровскому региону одну из ключевых ролей в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации¹³⁷.

По мнению ведущих российских исследователей в области геополитики «Приднестровская трагедия и антироссийские настроения в нынешней Румынии и Молдавии снова заставляют обратить особое внимание на униатское и прокатолическое лобби, которое только и может быть носителем антимосковских настроений и латинских тенденций в этих областях»¹³⁸. И если в романовской России XIX века и в советской России XX века Приднестровье большую часть времени не играло почти никакой геополитической роли в играх на «великой шахматной доске», то после разрушения сначала царской Российской империи, а затем и советской супердержавы СССР Приднестровье приобретает все большее и большее значение для успеха или, наоборот, неуспеха в создании атлантистами «санитарного кордона» между Россией и Европой (особенно Германией). Тем самым, исключается возможность установления между ними их интеграционных связей в рамках стратегического союза, а тем более – внешнеполитической оси Москва–Берлин (или даже Берлин–Москва–Токио), которая может ослабить контроль США (НАТО) над европейскими странами и в других регионах мира.

Для современной России, пытающейся после десятилетий предательства, смуты и неустойчивости снова занять подобающее место в

¹³⁷ Фролов К.А. Приднестровский регион в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002. С. 68–69.

¹³⁸ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 404.

мире в соответствии со своей ролью в развитии человеческой цивилизации, Приднестровье становится очень важным геополитическим регионом в условиях, когда Молдова кардинально сменила ориентацию с евразийской на атлантическую. Это тем более важно, когда «независимые» государства «ближнего зарубежья» и бывшего советского блока, вышедшие из-под контроля Москвы, охотно становятся послушным орудием в осуществлении мондиалистской политики США на европейском континенте и сознательно превращают свои территории в «санитарный кордон» на службе у США по формуле «независимость от ближнего и зависимость от дальнего». В отличие от этих стран российского «ближнего зарубежья», добровольно ставших на путь колониальной подчиненности Западу и манифестирующих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное – свою неколебимую верность России. Возможно поэтому многие политики, в том числе и депутаты Государственной Думы России, неоднократно сравнивали Приднестровье с «Брестской крепостью» на юго-западных рубежах православно-славянского мира, крепостью, не сдававшейся на милость врагам России.

И эта роль геополитического пограничья и контактной зоны различных пластов человеческой цивилизации и культур не была навязана Приднестровью искусственно в последние десятилетия, а являлась его постоянной функцией на протяжении столетий и даже тысячелетий. Здесь сталкивались и контактировали оседлые земледельцы Балкано-Карпатского региона и кочевые цивилизации Великой степи, восточно-славянский мир православия и западно-славянская католическая культура, мир христианства и мир ислама, германо-романское пространство и пространство славянское. На протяжении веков и тысячелетий ни о какой стабильности на этих землях не было и речи. Могущественные державы боролись за эти территории. Очень часто Приднестровье разрывалось между враждебными государствами, переходило из рук в руки, завоевывалось и отвоевывалось вновь.

Это вовсе не случайно. Еще известный немецкий социолог, один из классиков геополитики как науки Карл Хаусхофер относил Днестр к рекам, имеющим в мире наиболее дестабилизирующее значение.

«Из самого беглого рассмотрения границы по востоку, – писал он, – вытекает с точностью одно: она становится все сложнее [для охраны], чем больше русло реки развивается в рамках культурного ландшафта, чем более освоенным оно становится. Все пограничные реки мира – Рейн, Дунай, Висла, Прут и Днестр, Инд, Шатт-эль-Араб, Амур, Красная река, Рио-Гранде – становятся в возрастающей степени исходной точкой политических волнений и угроз не только для соседей, но и для всех, для мира во всем мире, чем больше возрастает их коммуникационная и энергетическая ценность, чем нераздельнее хозяйственное развитие по обоим берегам связывает соседей, чем больше враждебный жизни и сношениям облик крупной реки отходит на задний план перед дающими энергию и дружелюбно связующими процессами»¹³⁹.

В работе «Границы в их геополитическом значении», написанной в 30-е годы, когда Бессарабия была оккупирована, а Днестр стал временной пограничной линией между СССР и Румынией, профессор Хаусхофер сравнил Пруто-Днестровское междуречье с Месопотамией: «Междуречье в «Промежуточной Европе», которое в двухтысячелетней истории отражает в миниатюре судьбы классического месопотамского Двуречья, вследствие борьбы вокруг его речных границ, – это Бессарабия. Здесь на долю полосы земли, составляющей около 45000 кв. км, с абсолютно гетерогенным населением выпала сомнительная честь вслед за проблемой трех крупных рек Внутренней Европы – Рейном, Дунаем и Вислой – ...образовать границу Европы по водотoku между Прутом и Днестром, о которой много уже говорилось. В самом узком месте две судьбоносные реки сближаются на расстоянии 22 км, сухопутная граница с сопредельной, ныне живущей в том же самом союзе Буковиной является 55,5 км – расстояние по географической широте основного центра власти Кишинева – 77 км, самое большое растяжение при впадении рек в Дунай и берегам лимана – 198 км»¹⁴⁰.

Но самое поразительное это то, что немецкий классик уже тогда отчетливо понимал ненормальность навязанного Днестру статуса, который был не только вреден и невыгоден никому экономически, но и создавал очаг опасности военного противостояния. И если в 1940

¹³⁹ Хаусхофер Карл. Указ. соч. С. 161–162.

¹⁴⁰ Хаусхофер Карл. Указ. соч. С. 160.

г. Советскому Союзу удалось предотвратить подобное противостояние мирным разрешением Бессарабского вопроса 28 июня 1940 г., когда румынские войска и власти освободили край и граница была восстановлена по Пруту, то в 90-х годах XX в. Бессарабский вопрос был возрожден кишиневским режимом как политическая проблема, Днестр вновь приобрел функции пограничной реки и Молдова сумела возвести политическое противостояние в степень военной агрессии и войны против возродившейся государственности Приднестровья. Но еще тогда, в 30-е годы К. Хаусхофер, считая вполне естественной принадлежностью Пруто-Днестровского междуречья России, что снимало бы с Днестра статус пограничья и ликвидировало бы угрозу войны на его берегах, писал: «Из-за своеобразия двух многократно оспаривавшихся речных границ известная страна видится отчетливейшим образом: оказывавший ранее услуги сообщению, проходимый для плоскодонных пароходов, по меньшей мере, на небольших участках, извилистый Днестр сегодня по причине навязанного пограничного своеобразия полностью парализован с точки зрения ценности реки как коммуникации и источника энергии. Нынешний Днестр – это всего лишь отличная подпора для контрабанды между разными экономическими системами – Советским Союзом и капиталистической Румынией и арена политических происков, очаг войны не только в Европе, но и в мире; тем более, что Япония и, само разумеется, Советский Союз еще не признали границу по Днестру и более чем сомнительно, что кто-то действительно вступился бы за нее»¹⁴¹.

¹⁴¹ Хаусхофер Карл. Указ. соч. С. 161. Речь идет о том, что 28 октября 1920 г. Англия, Франция, Италия и Япония подписали с Румынией Парижский протокол, по которому стороны признали «суверенитет Румынии над Бессарабской территорией». Однако ратификация этого протокола так и не была завершена: Англия ратифицировала его в 1922 г., Франция – в 1924 г., Италия – в 1927 г., Япония не ратифицировала вообще, Соединенные Штаты отказались принимать участие в его разработке и подписании, а Советский Союз, Германия и другие страны не привлекались даже к его обсуждению. Поэтому Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не имел международно-правовой силы и считался дипломатами неправомочным. Поскольку на момент 25 октября 1917 г. все жители Бессарабии являлись гражданами России, Советский Союз продолжал рассматривать их как своих подданных, а земли от Днестра до Прута как свою территорию, временно оккупированную соседней державой, с которой ни Россия, ни Советский Союз не находились в состоянии войны, более того – они являлись союзниками по Антанте.

Именно Хаусхофер обратил внимание на принципиальную разницу в геополитическом значении границы по водотоку (wasserlaufgrenze) в отличие от границы по водоразделу (wasserscheidergrenze). В одном случае на первый план выдвигается разделяющая способность реки в условиях конфликта этносов, конфессий, цивилизаций, когда река может служить разграничителем противоборствующих сил. В другом случае приоритетным становится единство жизненного цикла. Тогда река полностью удовлетворяет самые разнообразные ожидаемые от нее функции в естественном и бесконфликтном состоянии. Она служит и водопоем для охотников и скотоводов, и источником орошения для земледельцев, служит и транспортным путем перемещения товаров для купцов, и средством коммуникации, источником энергии и проч. При этом второй случай более характерен для того состояния, когда река прекращает свои функции разделительного пограничья и становится внутренней артерией того или другого геополитического плато.

Имея важное геополитическое значение Днестр мог легко выступать как в одной, так и в другой ипостаси. «Вся история Бессарабии..., – говорит К. Хаусхофер, – важное обвинение превратностям природы, делающим невозможной границу по крупной реке, ведущим к расколку единых жизненных областей, и это тем пагубнее лежит бременем на соседях, чем больше развивался или мог бы развиваться культурный прибрежный ландшафт, чем чаще единоплеменные слои населения и расы издревле пересекали реку, оставляя на ее берегах лишь местно чуждые противоречия силы»¹⁴².

Таким образом, геополитически Днестр уже много веков является условным пограничьем между германо-романским миром Запада и восточнославянской цивилизацией огромных пространств Евразии. После объявленной руководством республики Молдова твердой переориентации своих устремлений в сторону Запада, Приднестровье с начала 90-х гг. XX в. прочно утверждается в качестве юго-западного форпоста восточнославянской православной цивилизации, ее геополитических интересов, духовных ценностей и культурного влияния. Поэтому так ощутимо в этих землях воздействие различных факторов мировой политики, с такой непримиримой ожесточенностью в последнем десятилетии XX в. растет наступление западных по-

¹⁴² Хаусхофер Карл. Указ. соч. С. 161.

литиков на ослабленную Россию, чтобы окончательно выдавить ее присутствие из Приднестровья, максимально сузить влияние Кремля на Юго-Западе Европы.

При этом Молдове как наиболее яркому и типичному примеру несостоявшегося на развалинах Советского Союза государства отводится достаточно примитивная и подчиненная роль политического киллера. Ее задача – насильственное уничтожение приднестровской государственности и насаждение здесь «демократии» полунацистского молдавского толка. Главными «демократизаторами» станут шизоидные субъекты типа Илашку, Нантоя, Рошки, Дабижи, Лари и проч. И это, видимо, является довольно важным элементом планов западных политиков, поскольку они вовсе не спешат предложить Молдове и Приднестровью выход из политического кризиса на действительно демократических принципах, наработанных в течение многих столетий (Швейцарской конференции, например). Умиротворение кризиса и снятие напряжения в таком случае не сопровождалось бы бесповоротным вытеснением из данного региона Европы восточнославянского присутствия и православного духовного влияния.

Именно поэтому западные страны запретили правителям Молдовы соглашаться на предложенный Россией план разрешения конфликта и установления прочного мира на Днестре. Конфликт между Канадой и Квебеком разрешается западными политиками совсем не так, как на Днестре. Не выдвигая своих проектов, основанных на собственном федералистском опыте и принципах субсидиарности, Запад подталкивает Молдову на «восстановление конституционного порядка и территориальной цельности». Почему? Все очень просто. Только новая кровавая авантюра полоумных и продажных фанатиков в руководстве Молдовы может вызвать существенный отток населения из региона, – бегство и депортации, заселение «освобожденных» земель колонистами из Румынии, а вместе с тем – желанное изменение здесь геополитической ситуации в сторону романо-германского вектора. Что в принципе невозможно в Канаде или, скажем, в Чехословакии, то вполне осуществимо и желательно для евробюрократии на нашей родине.

Этим, главным образом, и объясняется столь упорное неприятие западными политиками и дипломатами идей мирного развода Молдовы и Приднестровья, признания приднестровской государственности

сти или хотя бы честной федерализации Молдовы и Приднестровья в рамках единого демократичного государства с гарантированными правами человека и правами населяющих эти земли народов. А восстановление власти кишиневского этнототалитарного режима над приднестровскими землями представляются чуть ли не в виде перво-степенной задачи мирового сообщества. Но какие на то существуют международно-правовые обоснования? Является ли, другими словами, современная Молдова правопреемницей Молдавской Советской Социалистической Республики?

О какой бы то ни было правопреемственности государственной власти в Молдове речи быть не может хотя бы на том основании, что псевдокоммунистическое руководство Молдовы вообще отказывается от всех подписанных его предшественниками дипломатических и межгосударственных документов, являвшихся итогами многотрудного переговорного процесса, проходившего под патронажем ОБСЕ, России и Украины. Сам по себе отказ правительства от международных соглашений и подписанных им документов в современном мире чреват для данной страны огромными сложностями и масштабными проблемами, связанными с ее изоляцией и, в конечном счете, коллапсом, ибо вряд ли найдется много желающих вести переговоры и о чем-либо договариваться с государством, правительство которого не уважает даже собственное слово. Однако Молдове пока прощается и это, поскольку она не выполнила еще своего главного и, пожалуй, единственного предназначения, – уничтожения приднестровской государственности и окончательного вытеснения из региона восточнославянского влияния.

Но интересно в данном случае другое, еще 23 июня 1990 г. парламент Республики Молдова как высший орган государственной власти принял решение о «незаконности» освобождения Бессарабии 28 июня 1940 г. и «неправомочности» образования Молдавской ССР. С правовой точки зрения это решение означало полную самоликвидацию республики, поскольку отменяло юридическую преемственность власти, Молдавия объявлялась оккупированной румынской землей, а потому все законы, акты и декреты, принятые предшествующей (т. е. «оккупационной» Советской властью) подлежали немедленной отмене, поскольку были незаконными. Забавно, что незаконным становился и сам парламент (Верховный

Совет) Молдовы, который подлежал немедленному роспуску, ибо его депутаты не могли представлять волю и интересы избравшего их населения, завоеванного населения аннексированной и расчлененной страны, неправомочность создания которой парламент торжественно провозгласил.

Уникальность этого решения очевидна, поскольку во всемирной истории найдется немного подобных прецедентов, когда руководство страны добровольно заявляет о собственной незаконности и неправомочности, признавая себя порождением «оккупационного режима» на части другого независимого государства. Впрочем, строго оценивая это событие в рамках права, нельзя не заметить, что парламент Молдовы не мог отменить в 1990 г. Закон Верховного Совета СССР (а в это время СССР еще существовал) от 2 августа 1940 г., по которому была создана «неправомочная» Молдавская ССР и ликвидирована Молдавская АССР в составе Украины на Левобережье Днестра. Однако мировому сообществу в те времена было не до юридических тонкостей законотворческой деятельности неквалифицированных и недалеконевидных депутатов парламента Молдовы. Правительство же Советского Союза, единственно обязанное отменить незаконное решение законодателей одного из субъектов, было занято увлекательным состязанием перераспределения власти между Ельциным и Горбачевым, а потому просто не заметило этого важнейшего решения парламента Молдовы. Таким образом, этот спектакль абсурда сам по себе приобрел как бы законную силу.

Еще более удивительным является то обстоятельство, что Коммунистическая партия Молдовы, находясь у власти долгие годы, имея в своих руках все рычаги государственной власти, имея в парламенте РМ квалифицированное большинство, ни разу, ни единого разу(!) не сделала и малейшей попытки отменить постановление парламента от 23 июня 1990 г. и Декларацию о независимости Молдовы, которая его подтверждала. Не было и попыток отменить хотя бы их отдельные положения и формулировки, с тем, чтобы признать Молдову юридическим и историческим правопреемником МССР и ввести свою республику в приемлемое правовое поле. До сих пор Молдова является довольно странным порождением мировых катаклизмов конца XX века. Непонятно, откуда вообще появилось на свет это удивительное новообразование.

Это государство не может быть правопреемником Молдавского княжества, созданного в 1359 г., ибо таковое право узурпировало государство Румыния, включившая в свой состав большую часть княжества в 1859 г. Молдова не может быть правопреемником и Бессарабской губернии (1812–1917 гг.) или даже автономной Бессарабской области (1813–1828 гг.) в составе Российской империи. Не существует больше ни Румынского королевства, ни Российской империи, хотя у королевства и у империи есть законные наследники в виде Румынии и России. Молдова не может быть правопреемником Молдавской ССР (1940–1990 гг.), ибо уже назвала данную форму своей государственности «незаконным» и «неправомочным» порождением оккупационного советского режима. Наконец, Молдова не может быть и правопреемником Молдавской АССР (1924–1940 гг.) в составе Украины, о чем подробнее будет сказано ниже. Остается лишь одно, – руководство этой страны всерьез рассматривало и продолжает рассматривать свое государство в качестве оккупированной румынской земли, в качестве аннексированного кусочка румынской матери-родины. Значит, все-таки – Румынии?!

Продолжающееся зомбирование собственных граждан антинаучным и абсурдным курсом «история румын» и вся стратегия агрессивного румынизма последних двух десятилетий являются лучшим доказательством преемственности власти и политики в этой стране при калейдоскопической смене всевозможных правительств, – «фронтистских», «центристских», «коммунистических», «либеральных». А теперь, когда Воронин ушел в отставку, имея в Парламенте почти половину мест и без боя передал власть в руки оголтелых фронтистов, называющих себя ныне Альянсом «евроинтеграторов» и стремящихся во чтобы то ни стало осуществить аншлюс с Румынией, положение запуталось еще больше. Недавний визит президента Румынии Траяна Бэеску в Кишинев и тот визгливый восторженно-истеричный прием, который ему организовали унионистские власти Кишинева показал, что Молдова воспринимает бухарестское руководство уже даже не в качестве «старшего брата», а в виде своего законного хозяина и распорядителя. Настроения и интересы собственного населения (не только русских, украинцев, гагаузов, болгар и прочих «русофонов», но и самих молдаван) в расчеты не принимаются никоим образом.

Пусть так. Но при чем здесь «восстановление конституционного порядка и территориальной целостности» Молдовы? Какой «конституционный порядок» должен быть восстановлен в Приднестровье? Это тоже «оккупированная румынская земля»? И о какой вообще «территориальной целостности» нам постоянно толкуют в Кишиневе и других столицах? О целостности Румынии или о целостности непонятого государственного образования, провозгласившего себя при своем создании оккупированной румынской землей и продолжающего упрямо рекламировать себя в качестве некоего осколка то ли республики, то ли королевства?!

Однако то, что вполне естественно выглядит для правителей Молдовы конца XX – начала XXI в., по меньшей мере странно звучит в устах западных политиков и дипломатов, гордящихся (трудно сказать, по праву ли?) своим здравомыслием, рассудительностью и самодостаточностью. Еще десятилетие назад посол США в Молдове г-жа Мэри Пэнделтон, как, впрочем, и ее современные коллеги неустанно втолковывала нам, что «жителям приднестровского региона» не нужна «государственность», повторяя «простые» истины о том, что Соединенные Штаты придают огромное значение «самоопределению», которое по ее мнению «не включает в себя права на отделение или права игнорировать международно признанные нормы».

Как и ее нынешние коллеги, посол искренне «хотела бы, чтобы люди Приднестровского региона поняли, что с международных позиций Приднестровью невозможно получить статус «государства» в конфедеративном соглашении». Видимо, «объективность» такого рода политиков и имел в виду великий русский писатель Александр Солженицын, когда с горечью констатировал: «Молдавия объявила себя независимой – пожалуйста, пожалуйста, это самоопределение. Приднестровье, которое ни сном, ни духом к этой Молдавии не относится, Сталин его прирезал для показухи перед Румынией, – Приднестровье – это сепаратизм, этого не может быть».

А, собственно, почему – «не может быть»? На каком таком основании приднестровцам отказано в приемлемой для них форме государственности? Исторические исследования показывают, что Приднестровские земли с глубокой древности в силу своего географического положения являлись лакомым куском и очень часто

включались в состав разнообразных государственных формирований. Но в составе Молдавии они не были никогда!

Еще в начале I тысячелетия до н. э. по Днестру проходила западная граница Киммерийского царства, простиравшегося на территориях Северного Причерноморья и упомянутого еще Гомером. Скифия, а затем Сарматия в первых веках новой эры закрывали фракийцам путь на восток. В III–IV вв. варварские державы германских племен остготов и вестготов граничат между собой в Приднестровье. Но союзы германских племен Атанариха и Германариха были наголову разбиты на Днестре и изгнаны на запад жестокими гуннами в начале Великого переселения народов. В VI–VII вв. долины Днестра осваивают мощные союзы славянских племен антов и склавинов. А в первой половине IX в. земли Приднестровья вошли в созданное мадьярами княжество Этелькез. Предки венгров в конце IX в. были вытеснены на запад печенегами, которые захватили и поделили между собой Северное Причерноморье, и Днестр разделил границы двух племенных союзов – Гиасихопона (восточнее реки) и Хавуксингилы (правобережье Днестра). Господство беспокойных кочевников заставило славянские племена Приднестровья подчиниться киевскому князю и признать себя его подданными. С середины X в. тиверцы, белые хорваты и уличи вошли в состав Киевской Руси, границы которой расширились до Карпат. А нижнее Приднестровье с первой половины X в. вошло в пределы Первого Болгарского царства.

В X–XI вв. киевские князья успешно сражались с печенегами, торками, узами и другими кочевниками, нападавшими на южно-русские земли, в том числе и Приднестровье. Однако в 1068 г. половцы разбивают рать сыновей Ярослава Мудрого и устанавливают свое господство на обширнейших территориях от низовьев Дуная до Алтая. А Приднестровье становится зоной обитания «диких половцев», которые впоследствии, приняв христианство, во второй половине XII в. создают на территории между Карпатами и Черным морем объединение племен под названием «Черная Кумания». Славянское население вынуждено было уходить с этих территорий на север, в верховья Днестра, постепенно усиливая Галицкое княжество.

Территория Галицкой Руси от верховьев Днестра до Карпат называлась ее жителями Подгорьем, а земли Приднестровья южнее княжества вплоть до Черного моря назывались Понизьем. Здесь

проживали кочевники, враждовавшие с галицкими князьями, сюда же стекались из Руси вольные, лихие люди, промышлявшие охотой и рыбной ловлей, которых называли бродниками и выгонцами и которые становились прообразом будущего казачества. Некоторым сильным галицким князьям на время удавалось подчинить себе население Понизья. А новгородский и галицкий князь Мстислав Мстиславич Удалой, изгнавший из Галицкой Руси венгров и передавший престол Галича волынскому князю Даниилу Романовичу, вознамерился даже, поссорившись с галицкими боярами, создать на землях Понизья свое самостоятельное княжество, а затем присоединить Приднестровские земли к Киевскому княжеству. Только смерть в 1228 г. помешала Мстиславу осуществить свои планы. Вероятно, это была первая из известных нам попыток создать в Приднестровье самостоятельное государство. Но, как мы увидим впоследствии, - попытка далеко не последняя.

Разгром половецкой Черной Кумании и ослабление половцев привело к возрождению славянской цивилизации на Днестре во времена Даниила Романовича (1221–1264 гг.). Но монголо-татарское нашествие вновь привело к очередному опустошению Приднестровских земель, которые с середины XIII в. вошли в состав Золотой Орды в качестве ее Подольского улуса. Столетнее господство ордынских баскаков на этих землях завершилось в 60-х гг. XIV в. после разгрома русско-литовским войском Ольгерда Гедиминовича татарских князей на Южном Буге. Подолье как и другие славянские земли от Балтийского до Черного морей стали частью Великого княжества Литовского. Начинается жесткая подчас кровопролитная конкурентная борьба за Подольские земли между Литвой и Польшей. Захваченную у литовцев территорию Подолья поляки были вынуждены поделить с крымскими татарами, которые приняли магометанство в 1475 г. и объявили своим улусом все земли от Крыма до Днестра.

Во второй половине XV в. Приднестровье было частью Киевского княжества Русско-литовского государства, но после его упразднения польским королем Казимиром IV жители Приднестровья как и другие жители Южной Руси оказались незащищенными как от католических притеснений, так и от мусульманской экспансии Османской империи и крымских татар. Ни Польша, ни Литва, ни Московская Русь не могли защитить местное население от погромов и уничтоже-

ния свирепыми янычарами. Люблинская уния 1569 г., объединившая две католические державы Польшу и Литву в единое государство Речь Посполитую, законсервировала разделение приднестровских земель между двумя враждебными местному православному населению государственными системами – шляхетской и магнатско-польско-католической севернее р. Ягорлык и татаро-мусульманской южнее р. Ягорлык. Приднестровье стало постоянной ареной кровопролитных польско-турецких войн, грабительских опустошительных набегов татарских орд, разорительных экспедиций полчищ турецкого султана. В XVII в. именно Приднестровье становится, пожалуй, одной из наиболее беспокойных горячих точек Европы, в связи с многочисленными войнами, набегами, сражениями, в связи с развернувшейся освободительной борьбой украинского народа.

В середине XVI в. зарождается украинское казачество, центром которого становится Запорожская Сечь, а земли Приднестровья – важнейшим плацдармом антиосманской, антипольской и антитатарской борьбы. Предводители казачества прекрасно понимали значение этих территорий для успеха своего дела и намеривались создать здесь казацкое государство, для чего в первую очередь необходимо было вытеснить турок за Дунай и посадить на молдавский престол лояльного казакам господаря. Такое буферное казацко-молдавское государство пытался создать основатель Сечи Дмитро Байда-Вишневецкий в 60-е гг. XVI в. и казацкий предводитель Иван Подкова в 70-х гг. XVI в., занимавший даже на время молдавский престол. А казацкий гетман Северин Наливайко в 90-х гг. XVI в. вообще предполагал создать автономную казацкую республику в составе Речи Посполитой от Днестра до Южного Буга. Эти новые попытки создать в Приднестровье свою государственность оказались нереализованными, но они еще раз подчеркивают стратегическое значение этих территорий не только для украинского казачества, но и для всего православного восточного славянства в целом.

Следующей важной вехой в истории приднестровской государственности стал Зборовский мир 8 августа 1649 г. Победа казаков над польскими войсками под Зборовом в годы освободительной борьбы украинского народа позволила заключить договор, по которому власть казацкого гетмана польским королем признавалась в трех

воеводствах Речи Посполитой – Брацлавском, Киевском и Черниговском, на территории которых запрещалось пребывание польских войск. Этот мир стал первым документом, по которому признавалось существование Украинского государства на правах автономии Речи Посполитой. Приднестровье по Зборовскому миру получало статус казацкой территории Украинского государства. Правда, по условиям Белоцерковского мира Приднестровские земли в сентябре 1651 г. были вновь переданы Польше, но через полгода, весной 1652 г. войска Богдана Хмельницкого возвратили Приднестровье, Западное Подолье и Волынь казацкой республике. В январе 1654 г. на Всеукраинской Черной Раде в Переяславле было принято решение о воссоединении Украины с Россией. Это был первый в истории акт, по которому Приднестровские земли в составе Украины вошли в Россию и стали ее частью. И в русско-польской войне 1654–1667 гг. Приднестровье, находившееся на стыке границ Речи Посполитой, Украины и Османской империи, впервые стало щитом для России.

С 1654 по 1667 г. Приднестровье находилось в составе России, пока по Андрусовскому перемирию поляки не восстановили свое господство на территориях к северу от р. Ягорлык, которые они, впрочем, через пять лет передали Османской Порте. Последнюю четверть XVII в. Приднестровье находилось в составе Османской империи и управлялось «князем Малороссийским» Юрием Хмельницким, а фактически – каменецким пашой Халилем, наместником турецкого султана. По Карловицкому миру 1699 г. Приднестровье вместе со всей Правобережной Украиной было вновь передано Польше. Причем, территорию эту получили не казаки, которые проливали кровь за ее освобождение, а польское государство, Сейм которого вскоре вообще запретил казачество.

Еще целое столетие приднестровцам пришлось бороться за свое освобождение. Россия весь XVIII век в кровопролитных русско-турецких войнах стремилась освободить южнорусские земли от турецко-татарского засилья и вернуть их в состав страны. Приднестровье играло в этих войнах стратегически важную роль, хотя и не являлось непосредственной ареной боевых действий. Наконец, по Ясскому миру 1791 г. к России была присоединена территория нижнего Приднестровья, а по второму разделу Польши в 1793 г. – земли севернее р. Ягорлык.

С конца XVIII в. Приднестровье перестает быть горячей точкой Европы. Наступил самый длительный мирный период в истории этих земель, эпоха созидательного труда, освоения заброшенных земель некогда Татарской пустыни, рост населения и формирование его нынешней структуры, создание и консолидация уникальной приднестровской многоэтнической культурно-исторической общности людей.

Почти 130 лет, вплоть до начала гражданской войны Приднестровье не знало ни войн, ни оккупации, ни вражеских набегов, ни массовых кровопролитий. Более века Днестр не являлся историческим и геополитическим пограничьем. Функции пограничья между Османской и Российской империями, между Румынией и Россией стал играть Прут. Когда германо-романский и славянский миры разделял не Днестр, а Прут, приднестровцы спали спокойно.

Агрессия боярской Румынии против Советской России и оккупация королевскими войсками Бессарабии вновь выдвигают на первый план функцию Днестра как геополитического пограничья. После окончательной победы Красной Армии в гражданской войне территория левобережного Приднестровья вошла в состав Херсонской (впоследствии Одесской) и Подольской губерний Украинской ССР. Попытки группы местных большевиков в разгар гражданской войны провозгласить Бессарабскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР закончились неудачей, поскольку выбить оккупантов из Бессарабии тогда не удалось. Однако всеобщий энтузиазм первых революционных лет в период провозглашения государственности малых наций и народов на территории СССР благоприятствовал зарождению в среде лидеров революционного подполья Бессарабии, героев гражданской войны и румынских коммунистов на территории СССР идеи образования молдавской государственности в Приднестровье.

Рассматривая этот факт в исторической ретроспекции, мы можем отметить, что это была очередная попытка создания в Приднестровье своей государственности. Но в отличие от прошлых попыток, этот проект обладал всеми реальными шансами на действительное осуществление. Первая в истории республика в Приднестровье могла состояться и она состоялась.

Несколько отступая от хронологической последовательности, хотелось бы к слову отметить следующее. Господа, называющие

себя ныне «демократами», реки слез проливают по поводу несчастной, якобы, судьбы угнетенных народов бывшего СССР. Иногда Советский Союз называют большевистской империей, или Второй империей, очевидно по аналогии со Второй империей Наполеона III, известной из истории Франции.

Мы понимаем, что принцип исторических аналогий в целом малопродуктивен и бездоказателен. И, тем не менее, используя тот же принцип исторических аналогий, вероятно, мы имеем все основания выстраивать хронологический ряд различных форм государственности в Приднестровье в определенной логической последовательности, подобной истории пяти республик во Франции. В этом случае просматриваются действительно интересные аналогии. Почти все республики (кроме Пятой, связанной с конституционной реформой генерала де Голля в октябре 1958 г.) были созданы в период революций или победы над фашизмом. Первая республика во Франции связана с Великой революцией 1789 г., Вторая республика – с революцией 1848 г. Третья республика – с Парижской коммуной 1870 г., и, наконец, Четвертая республика – с падением режима Петена в 1944 г.

Весьма характерно и то, что межреспубликанские периоды представляли собой либо торжество полной серости и политического безвременья, либо жесткие авторитарные и тоталитарные режимы. Это консульство (1799–1804), империя Бонапарта, период Реставрации (1815–1848), правление Луи Бонапарта (1852–1870), фашистский режим маршала Петена. Периоды общественного торможения, регресса и даже маразма наступали тогда, когда народ утрачивал историческую инициативу, и власть из его рук выхватывали ничему не научившиеся Бурбоны, авантюристы или изменники.

По-видимому, есть определенная закономерность и в том, что создание государственности на Днестре и в первый раз и во второй раз базировалось как и в случае с республиками во Франции, с историческим взлетом революционной инициативы всего народа Приднестровья. Такой взлет происходит в моменты, когда каждый человек начинает осознавать и ощущать свою силу в объединении с рядом живущим и рядом работающим товарищем, а не в словоблудии продажных политиканов. Именно в такие моменты каждый в отдельности и все вместе берут на себя ответственность за судьбу

родины и судьбу детей. Следовательно, как и во Франции, победа здесь возможна лишь тогда, когда историческая инициатива переходит в руки основной массы населения, осознающей себя единым народом, независимо от этнических сложностей демографической структуры. И, вероятно, о таких моментах говорят, что ничего нельзя поделаться с народом, который познал вкус свободы.

Первая республика в Приднестровье (МАССР) создавалась на революционной волне 1917 г. и победы большевиков в гражданской войне. И вот, что характерно. Гибель самодержавной системы и распад Российской империи в 1917–1918 гг. должен был бы вызвать, казалось бы жесточайшие и кровопролитнейшие конфликты в таком регионе как Приднестровье. Ибо здесь находится тот стык геополитических базисов, которые так часто высекают искры этнических войн даже при легком касании в других регионах. Ничего этого не было или почти не было в Приднестровье. Почему?

Потому что с конца XVIII в. здесь шел процесс, который мы условно можем назвать феноменом Приднестровья. Он заключался в интенсивной ассимиляции разнообразных культур, этносов, исторического опыта народов, главным образом, – это молдаван, украинцев и русских, которые приблизительно в равных пропорциях формировали региональную, а затем и гражданскую идентичность единой социокультурной приднестровской общности. В Приднестровье формировался особый психологический характер людей терпимых, открытых, дружелюбных. Иначе и быть не могло. Взаимные разборки и абсурдные, даже подлые споры как в Молдове, Грузии, Прибалтике или где-то еще, кто на этой земле древнее, кто здесь «коренной», а кто – «мигрант» или «манкурт», неминуемо привели бы к столетней, а может быть и тысячелетней войне. Мы и сегодня видим, как все усилия фронтистов, псевдокоммунистов или так называемых «либералов» разыграть карту румынизации образования, разжечь «школьную проблему» и поссорить, разделить единый приднестровский народ на враждебные друг другу этнические группы, не дают результатов. Молдова может попытаться физически уничтожить всех приднестровцев до одного (не будем говорить об опасностях для самой Молдовы подобных авантю!), но поссорить приднестровцев между собой и спровоцировать абсурдистский «базар» между ними - кто здесь хозяин - ей не удавалось и не удастся никогда.

Итак, после Октябрьского переворота и развала буржуазной Российской республики, в годы гражданской войны в Приднестровье хотели укрепиться власти Центральной Рады, Сфатул цэрий, петлюровцев, белогвардейцев и красновардейцев, – эти земли пытались занять румыны, французы, немцы. Победа большевистской партии в гражданской войне привела к установлению в Левобережном Поднестровье Советской власти. В условиях, когда Бессарабия была оккупирована королевской Румынией, а провозглашенную правительством И.Н. Криворукова Бессарабскую ССР удалось лишь провозгласить, но не создать на деле, Тираспольщина стала частью Украинской ССР. Как до 1917 г. она на протяжении более 100 лет являлась частью Херсонской губернии Российской империи, так и после окончания гражданской войны эти земли продолжали оставаться частью Украины.

Создание в 1924 г. Молдавской АССР шло на волне революционных преобразований и ожидания скорого начала мировой пролетарской революции, в которой республике отводилась определенная роль на балканском направлении. Но для нас важны в данном случае не глобальные планы всемирной революции и их тактическое обеспечение, которые занимали умы большевистских лидеров, а совершенно иное. И этот энтузиазм, и эти ожидания близкого всеобщего счастья несколько не противоречили менталитету, воле и чаяниям приднестровского народа, а наоборот – полностью им соответствовали.

Следует иметь в виду, что большевики воссоздавали молдавскую государственность, которой практически не существовало с похода султана Сулеймана на Молдавское княжество в 1538 г. Но и это не все, – большевики создавали молдавскую государственность на той территории, где ее до 1924 г. никогда не существовало. Ибо МАССР включила в себя земли Тираспольского, Балтского и бывшего Ольгопольского уездов Российской империи. На этой территории молдаване составляли всего 30% населения автономной республики. Однако идеи всеобщего братства народов и скорого освобождения всех трудящихся от ига капитала, которые были столь сильны в менталитете приднестровцев, делали абсолютно неактуальным учет исторической территории молдавской государственности на протяжении многих веков. Как, впрочем, и то, насколько национальная

структура населения соответствует планам образования молдавской государственности и, как сейчас говорят, – выделению титульной национальности республики. Но она просуществовала 16 лет и сыграла в жизни приднестровцев и в судьбах всего молдавского народа совершенно исключительную роль.

Ликвидация 2 августа 1940 г. Первой республики в Приднестровье и создание МССР сталинским руководством совершенно не учитывали особенности процессов консолидации молдавского этноса в Приднестровье, его национальной самобытности, которая существенно отличала левобережных молдаван от бессарабских, а тем более от запрутских молдаван или румын. Акт 2 августа 1940 г. впервые в истории включил Левобережное Поднестровье в состав единого молдавского государства МССР. Современный юридический его анализ дает поразительные результаты.

Этот закон «Об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики» 2 августа 1940 г. не может иметь правовой силы по ряду причин, о которых уже неоднократно говорили специалисты, делали заявления политики и общественные организации. Вкратце вот они:

- территория Молдавской АССР (6 районов) были переданы вновь образованной республике без согласия на то Украины, ее верховных органов власти, и без согласия верховных органов власти МАССР и соответствующего опроса населения, как требовали действующие тогда конституции СССР, УССР и МАССР;

- постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 июля 1940 г. «Об образовании союзной МССР» противоречит целому ряду статей конституции СССР, Украины и МАССР и может рассматриваться как расчленение территории УССР и МАССР по решению высшего партийного органа, не имеющего на то полномочий;

- бывшая Молдавская ССР была создана произвольно и искусственно, поскольку высшие органы государственной власти МАССР, УССР и ССР не разработали и не приняли соответствующих правовых актов, базировавшихся на свободном волеизъявлении народов Украины, Бессарабии и МАССР.

Однако, нельзя не признать, что ликвидация Первой республики в Приднестровье в 1940 г. не имела для его народа особых драматических последствий. В бывшем Советском Союзе границы между

республиками в житейском плане были чисто условными. Формальные границы не разделяли народы, не мешали передвижению людей и товаров, обмену информацией и т. д. Поэтому полстолетия, пока Приднестровье находилось в составе СССР, никому и в голову не могла прийти безумная мысль о выходе из состава Молдавской ССР, отделении или строительстве собственного приднестровского государства. Воссоздание Второй республики встало в повестку дня как актуальнейшая задача вместе с процессом распада (точнее – уничтожения) СССР и националистического мракобесия на землях бывших республик-сестер, в том числе и Молдовы.

Уже сам выход Молдавской ССР из единого союза в корне изменил ситуацию в Приднестровье, ибо лишенный в 1940 г. своей государственности народ оказался перед лицом реальной угрозы геноцида и включения его в состав того государства, в котором он имел несчастье побывать с августа 1941 по апрель 1944 г. Эта угроза, подкреплённая политикой фронтистского руководства Кишинева («Чемодан! Вокзал! Россия!»), не могла не вызвать широкого общественного движения по восстановлению своей государственности. В создании и защите Второй республики (ПМР) наш народ увидел реальный и единственный шанс обеспечить свои права, сохранить свою историческую самобытность, демократию и свободу.

Неожиданная поддержка и помощь в деле воссоздания государственности в Приднестровье пришла из... Кишинева. В июне 1990 г. парламент Молдовы как бы преподнес Приднестровью замечательный подарок: в одностороннем порядке высший орган государственной власти Молдовы отменил закон 2 августа 1940 г., по которому была создана Молдавская ССР. Провозгласив, как уже отмечалось, акт 2 августа «незаконным» образованием советского режима фронтистский парламент объявил Молдавскую ССР оккупированной румынской землей. Тем самым была фактически отменена юридическая преемственность власти в Молдове и начался процесс ее политической самоликвидации.

Новый состав молдовского парламента при коммунистическом большинстве сделает затем робкие попытки приостановить эти нежелательные явления, свидетельства неизбежного краха государственности Молдовы. Но как говорил некий Горбачев «процесс пошел». В его контексте для жителей ПМР не имеют никакого значения ни объявляе-

ние о существовании «двух румынских государств», ни бесконечные академические и митинговые дискуссии об этнонимах и глотонимах, ни какие-то туманные и ни к чему не обязывающие обещания отдельного статуса для «Приднестровского региона Республики Молдова». Принятый парламентом Молдовы закон о предоставлении Приднестровью каких-то элементов автономии по гагаузским клише, не произвел в Приднестровье никакого эффекта и полностью игнорируется нашим народом, поскольку был принят кишиневской бюрократией без совета и без учета стремлений и чаяний жителей ПМР.

Территория восточного Приднестровья (еще до создания МАССР) вошла в единый Союз в составе Украинской ССР в декабре 1922 г. Что же касается Бессарабии, то формального решения, не говоря об опросе (референдуме) о ее включении в состав СССР и МССР, не было. Это положение зафиксировано и в Декларации о независимости Республики Молдова, принятой парламентом ее 27 августа 1991 г. В данной Декларации подтверждается тезис из постановления от 23 июня 1990 г. о том, что СССР «оккупировал силой оружия» Бессарабию и Северную Буковину «вопреки воле населения этого края». В Декларации о независимости справедливо утверждается, что, не спросив население Молдавской АССР (Заднестровье), образованной 12 октября 1924 г., Верховный Совет СССР 2 августа 1940 г. создал союзную Молдавскую ССР. Таким образом, парламент Молдовы недвусмысленно признал, что включение Приднестровья в состав Молдовы является историческим и юридическим нонсенсом. Как говорится, спасибо и на том.

Впрочем, священное и неотъемлемое право народа Приднестровья на воссоздание своей республики – ПМР, т. е. право на осуществление своего самоопределения, не предполагает, не требует и не нуждается в каком бы то ни было разрешении или санкционировании правительством Молдовы, либо любого другого государства. Проведенные референдумы, выборы в центральные и местные органы власти, выборы Президента ПМР свободно и демократично выявили волю населения. Суть ее предполагает строительство Второй республики в Приднестровье, своей собственной государственности, как гаранта мира, безопасности, свободы и процветания.

Неучастие народа Приднестровья в выборах высшего руководства соседней республики подчеркивает раз за разом, что население

ПМР признает законной лишь свою государственность на своей земле. А это означает, что оно отвергает насильственную румынизацию под видом возрождения национального самосознания, не принимает созданного в Кишиневе этнототалитарного режима власти с разделением собственных граждан на «коренных», «мигрантов», «манкуртов» и «оккупантов», осуждает нарушение элементарных прав человека, провозглашение приоритета над ними прав нации. ПМР, как вторая республика в Приднестровье, создана на законном основании, и, несмотря на все трудности, успешно функционирует как правопреемник МАССР, как законный правопреемник первой приднестровской государственности.

История действительной государственности в Приднестровье к настоящему времени насчитывает менее четырех десятков лет, – шестнадцать из них составляет период Первой республики (МАССР с 1924 по 1940 г.) и двадцать лет – Второй республики на Днестре (ПМР с 1990 по наши дни). По сравнению с многотысячелетней историей наших земель это как будто не много. С другой стороны, беспристрастное изучение всего предыдущего опыта с совершенной очевидностью и бесспорностью показывает:

1. Приднестровье геополитически было и остается важнейшей контактной зоной Европы и заселяющий его народ исторически тяготеет к восточнославянскому православному миру. Попытки его насильственной переориентации контрпродуктивны и чреваты опасными для мира последствиями.

2. Как первая, так и вторая государственность в этом регионе Европы созданы на абсолютно законных основаниях в соответствии со всеми нормами международного права и не противоречат никаким юридическим основаниям Молдовы, России, Украины, Румынии или любой другой страны, заявляющей о своих интересах на данной территории.

3. Правопреемственность Первой и Второй республик в Приднестровье при всех отличиях и непохожести данных государственных образований не подлежит сомнениям и очевидно доказываются всеми историческими, юридическими, демографическими, культурно-психологическими и прочими фактами.

Представляется также достаточно обоснованным мнение, что Молдова и Приднестровье в настоящее время напоминают бинарный

снаряд, который состоит из инертных и не опасных самих по себе веществ. И только их неожиданное соединение может привести к взрыву, прямые и отдаленные последствия которого действительно трудно просчитать. В этих условиях замораживание конфликта в режиме status quo выглядит как единственно разумная и безопасная мера, которая позволит впоследствии вернуться к переговорам на условиях полного равноправия и возможного доверия. Хотя перспективы этих переговоров как и время их начала весьма и весьма туманны.

Но худой мир, как известно, лучше доброй ссоры. И в Молдове, и в Приднестровье уже вступает в зрелый возраст поколение людей, которые никогда не жили в составе единой страны. Социологические исследования показывают, что и не горят особым желанием к тому. Зачем же приучать их смотреть друг на друга сквозь прицелы своих автоматов и пулеметов? Или события в Грузии никого ничему не научили?

Решительные действия России по пресечению грузинской агрессии против Южной Осетии с последующим юридическим признанием государственной независимости Южной Осетии и Абхазии создают совершенно новую ситуацию, в которой могут состояться переговоры на высшем уровне между Молдовой и Приднестровьем. Получив ясный сигнал из Москвы, как поведет себя Россия при любой попытке Молдовы сменить экономическую, транспортную, финансовую и все прочие блокады на военную авантюру, руководство Молдовы, возможно, проявит меньше высокомерия и капризности, больше реализма и сговорчивости. Но надежды эти слишком уж зыбки, слишком эфемерны.

И дело не только в недоговороспособности самого господина Воронина, которая уже стала притчей во языцех, а тем более Гимпу, Филата и прочих унионистов старой и новой генерации, перехвативших кормило власти у коммунистов Молдовы. Дело в том, что за почти два десятилетия раздельного существования в двух государствах сложились абсолютно независимые и не нуждающиеся друг в друге государственные, экономические, политические, финансовые, социальные, образовательные, судебные, правоохранные и все прочие системы, которые невозможно соединить в принципе. Любой вариант соединения этих систем в одну не может не предполагать

насилия. А любое насилие очень легко достигает стадии кровопролития. В свою очередь, кровопролитие просто начать, но очень не просто остановить. Учитывая, что Россия не имеет общей границей с Приднестровьем, а поведение Украины в случае разгорания военного конфликта теоретически сейчас не сложно просчитать, становится совершенно очевидным неизбежное втягивание в военные действия кроме ПМР и РМ Украины, России, Румынии. А Румыния уже – член НАТО. Кому это нужно?

Гораздо более простым, безопасным и продуктивным шагом видится проведение отдельного референдума о судьбах государственности в Молдове и Приднестровье с последующим их цивилизованным разводом по примеру Чехословакии, Кипра или ряда образований бывшей Югославии. Такой вариант требует трезвого расчета, здравомыслия и мудрости. Но эти качества, нельзя не признать, в определенном дефиците у политиков, воспитанных в период холодной войны на параноидальных фантазиях Збигнева Бжезинского или несбыточных грезах Мадлен Олбрайт. Поэтому, к сожалению, самый оптимальный, безопасный и надежный путь одновременно является и самым маловероятным. Во всяком случае, в обозримом будущем.

Приход после погромов апреля 2009 г. к властным структурам в Кишиневе унионистских сил, ориентированных на ликвидацию нейтрального статуса Молдовы, ее насильственное вовлечение в североатлантический союз и присоединение к Румынии с одновременной ликвидацией государственности собственно Молдовы, весьма расширяет перспективы ПМР на укрепление и развитие своего государства, а также шансы на его международное признание, как это произошло с Южной Осетией и Абхазией. Насколько легко или, наоборот, с мучительной болью и крупными общественными катаклизмами Молдова – эта наследница «Европейской Месопотамии» - может влиться в Румынию сейчас или в будущем, вопрос достаточно туманный, проблематичный и неоднозначный. Время покажет. Но совершенно ясно и понятно всем, что Приднестровье было, остается и останется неотъемлемой частью Русского мира. Другим Приднестровье не было и не будет. Перетягивание Приднестровья в систему береговой евроатлантической цивилизации невозможно. Как невозможно и даже опасно насильственное пристегивание этой

части Русского мира к постоянно колеблющейся и нестабильной, да и не состоятельной как государство «Европейской Месопотамии».

В связи с этим со всей определенностью и возрастающей актуальностью встает вопрос: как в этих условиях избежать нового военного конфликта и нового кровопролития? Не пора ли международному сообществу учесть собственный негативный опыт и прекратить поддержку полунацистских режимов типа Саакашвили или кишиневских фронтистов, выступающих ныне в тоге «либералов»? Неужели законное право приднестровского народа на свое самоопределение и строительство свободного цивилизованного общества в очередной раз потребует кровавых жертвоприношений? И не слишком ли большую цену платят народы Европы за авантюризм, некомпетентность и недальновидность своих политических элит?

КТО КОНТРОЛИРУЕТ ПРОШЛОЕ, ТОТ ВЛАДЕЕТ БУДУЩИМ: КАК ПРЕПОДАЮТ ИСТОРИЮ В СТРАНАХ СНГ¹⁴³

СТЕНОГРАММА ОТКРЫТОЙ ЛЕКЦИИ В ТИРАСПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

8 апреля 2009 г.

Вопрос о прошлом народа, – вопрос о его будущем. Это аксиома и нет смысла тратить время на ее доказательства. Ее значение, кстати, очень хорошо понимали идеологи советского строя, хотя они так и не смогли спасти его от распада и гибели. Но всем известно, что бесконечное переписывание учебников истории в годы господства коммунистической идеологии вело к тому, что Советский Союз во всем мире считали удивительной страной, которая имеет «непредсказуемое прошлое». Можно было бы очень долго рассказывать, как советская историография меняла свою интерпретацию важнейших проблем истории России и СССР в зависимости от изменения политической конъюнктуры. Изменилось ли с тех пор хоть что-нибудь?

Да, изменилось и очень сильно. Разрушение СССР не только не положило конец этому стыду, но и придало ему новый мощный импульс. Независимые и суверенные государства, образованные на развалинах советской супердержавы, пережили настоящий бум очередного переделывания исторического прошлого своих народов. Ниспровергнув догмы исторического материализма, национальные историки с усердием стали в очередной раз заново переписывать истории народов суверенных государств. При этом они, как правило, основывались не на достоверных и социально значимых исторических фактах, не на глубоких и разносторонних объективных

¹⁴³ Портал «Приднестровье XXI», Тираспольская Школа Политических Исследований http://pmr21.info/text.php?cat=2&name=lekcia_babilung&arch=onsite

исследованиях. Чаще всего новые учебники готовились торопливо и поверхностно на основе национальных мифов, сказаний, народных преданий, а то и неумных выдумок и даже анекдотов. Неприкрытая политическая ангажированность создаваемых национальных историй, не только не приближала их к научной объективности, но отдаляла от нее, пожалуй, даже в большей степени, чем официальную советскую историографию.

После развала СССР бывшие члены могучего Союза стали активно переписывать совместную и свою собственную историю – кто во что горазд. Правда, прослеживается общая тенденция – практически везде Россия представляется в неприглядном свете. И существуют лишь единичные исключения из этого всеобщего правила. В их числе – Приднестровье. Вы, вероятно, знаете, что вся наша концепция исторического образования в ПМР, хотя и подвергалась со стороны «отдельных товарищей» маловразумительной критике, но принята обществом и успешно реализуется на практике. Возможно, она имеет какие-то свои изъяны, - но, тем не менее, ее основные постулаты не оспариваются разумными людьми. Они состоят в том, что наши стандарты базируются на российских основах, наши дети обучаются истории по российским учебникам и программам, наш региональный компонент гармонично вписан в российскую концепцию истории, - как по существу, так и в мелочах. Ни школьникам, ни учителям республики не грозит раздвоение личности при изучении своей и всеобщей истории.

Я не буду долго заострять ваше внимание на этих вопросах, хотя, наверное, и здесь есть о чем поговорить. Но я хотел бы воспользоваться представленной возможностью нашего общения, чтобы рассказать о преподавании истории в других республиках бывшего Союза, потому что в наши времена ни обмена опытом, ни всевозможных межреспубликанских курсов повышения квалификации, ни учительских конференций, ни прочих форм прямого и непосредственного общения уже не осталось, к большому сожалению. Узнать, как преподают историю наши коллеги в странах ближнего зарубежья чрезвычайно сложно. Я решил восполнить этот пробел, поскольку профессионально интересуюсь данными вопросами и как зав. кафедрой отечественной истории, и как автор учебников и другой учебной литературы по истории Молдавии и истории Приднестровья.

В этой связи мне хотелось бы рассказать, о чем учат своих детей на уроках истории в суверенных странах бывшей единой страны. Общась с коллегами из различных республик, приобретая и изучая их учебную литературу, доступную мне, наконец, знакомясь с материалами прессы и Интернета, я постарался составить, насколько возможно, объективную картину преподавания истории в школах СНГ. Я оставил в стороне только Российскую Федерацию. Во-первых, потому что их основные учебники вам хорошо и так известны, во-вторых, Россия, имеющая в своем составе татар, мордву, чувашей, удмурдов, чеченцев, осетин, ингушей и прочие малые народы в этом смысле очень разнообразна и может быть предметом отдельного разговора, особенно в том, что касается региональных компонентов в автономиях. Итак, начнем краткий анализ школьных учебников непосредственно по каждой из бывших братских «республик-сестер».

(Далее докладчик рассказал об основных особенностях преподавания истории в Азербайджане, Белоруссии, Литве, Эстонии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, которые мы сочли возможным опустить - *примечание администрации школы*).

Итак, мы видим довольно внушительное разнообразие в подходах к преподаванию истории и в ее интерпретации в тех или иных бывших советских республиках. Единственное, в чем прослеживается некая общность почти для всех концепций, - это безудержное восхваление, идеализация и мифологизация истории своей нации, стремление возвысить ее роль в мировом историческом процессе. Удивительным образом это переплетается и сочетается с попытками представить ее жертвой коварства большевиков или имперских амбиций России. За редкими исключениями (Белоруссия) антироссийскую направленность учебников по истории их авторы даже и не пытаются как-то скрывать и камуфлировать. Вероятно, подобные подходы к истории объясняются не просто болезненными пристрастиями каких-то воинствующих русофобов на местах, а определяются политическим заказом правящих в этих республиках сил и имеют вполне конкретные цели. Эти цели многомерны и, прежде всего, связаны с попытками дать разумное объяснение необходимости уничтожения Советского Союза, к чему эти режимы имели прямое и непосредственное отношение, а также особенностями формирования

нового национального менталитета у населения новых суверенных и независимых государств.

Но я думаю, наиболее интересным и важным для нас будет анализ школьных курсов истории у наших непосредственных соседей, - на Украине и в Молдове. Начнем свой обзор с Украины.

В этой республике существует огромное множество учебников и учебной литературы, как говорится, на любой вкус. По количеству исторических учебников Украина, пожалуй, могла бы посоперничать и с Россией. Одни из них разработанны государственными образовательными ведомствами, другие как бы неофициальные, но вполне используются в практике преподавания. Поэтому в данном разнообразии можно обнаружить все, что душе угодно, - есть и вполне объективные, есть и такие, в которые неподготовленному к шокирующим сюрпризам читателю лучше и не заглядывать. Но если вы не из робкого десятка, я бы предложил открыть для примера подобного рода шедевр под названием «Словник давньоукраїнської міфології» некоего С.Плацинди, который, как указано в предисловии, является «ведущим писателем, литературоведом и лингвистом, краеведом и этнографом». Но главное – прошу обратить внимание! – труд этого «ведущего» введен в программу обязательного школьного обучения уже в пятом классе.

Что же полезного почерпнут пятиклашки из этого учебника? Вот, полюбуйтесь, – «Амазонки... – воинственная община древнеукраинских женщин III – I тысячелетий до н. э.». Очень смело для начала, зато очень патриотично. Читаем дальше, – «Галичане (галичи, галлы)... основали страну Галлия, которая со временем получила название Франция». Не плохо, правда? Но не только Францию основали украинцы, Италия тоже им обязана своим рождением, – «Этруски древнеукраинское племя, которое переселилось из Прикарпатья в Нижнюю Италию». Да что уж там мелочиться с какой-то Италией?! Вся мировая цивилизация, все, что создано человечеством за всю его историю берет свое начало в рідной Украине! Возьмем, например, племя пеласгов (по античной традиции так именовалось догреческое население материковой Греции, которое, по мнению некоторых исследователей не принадлежало к числу индоевропейских). Прочь все сомнения! Учебник разъясняет школьникам, что пеласги – вы только вдумайтесь! – «объединение древнеукраинских племен», которые

«заселяли Фракию, Малую Азию, Палестину, Грецию, Македонию, остров Крит, Италию, все острова Эгейского моря, Сицилию, и другие территории». Теперь вам понятно, что такое человеческая цивилизация и кто был ее творцом?!

А вот, что должны знать украинские детишки о славянском племени антов. «Анты – первоначальное название воинов (первоказаків) древнеукраинских племен, которые заселяли Иллирию и другие территории древней Италии, Греции, прочие». А чтобы закрепить эти открытия в неокрепшем сознании школьников, автор, кстати, видный деятель общества «Просвита», щедро снабжает их новой информацией. Вы не поверите, но – цитирую не в переводе, – боюсь, мне не поверят!, – а как в оригинале – «апостол Андрій був галілеянином, тобто – походив зі старовинного роду галлів (галичан)».

Причем, надо сказать, что это не единственный на Украине учебник, из которого школьники получают сведения о том, что древние арии (так любимая Адольфом Шикльгрубером «арийская раса») были украинцами, что древним украинцем был Иисус Христос, и Будда, как и прародитель человеческого рода Адам и его гарная жинка Ева, не говоря уж о таких «украинцах» как Аттила и все прочие полководцы, императоры, вершители земных судеб. Не будет преувеличением, продолжая интерпретировать историю в таком же духе, заявить, что и борьба сумо берет свое начало в Сумской области Украины, где тамошние хлопцы, хорошо подкрепившись салом с горилкой, развлекались этой игрой в свободное от эпохальных свершений время. А безродным японцам ничего не оставалось, кроме как скопировать и перевести эту забаву из Сумщины на свои острова. И у вас не будут округляться глаза, когда вы прочтете в учебниках об «украинско-норманском характере Киевской Руси» и прочих открытиях наших украинских коллег.

Я полагаю, что в данном случае мы видим не какой-нибудь процесс деинтеллектуализации общества, которым руководит государство и его структуры. Мне представляется, что это – самая настоящая программа полной дебилизации молодого поколения. Потому как не трудно предположить, что будут представлять собой вскоре взрослые люди, обученные и воспитанные на подобных материалах и учебниках. Мы без труда представим, как к ним, проявляющим такие познания, будут относиться их сверстники и коллеги из других стран,

не прошедшие подобной подготовки. Добавьте к этому государственные измышления по поводу так называемого «голодомора», всю эту гнусную свистопляску на костях миллионов загубленных украинцев, русских, евреев, казахов, молдаван, болгар и прочих представителей советского народа, пострадавших от сталинского тоталитаризма в одинаковой мере! Добавьте героизацию подленького изменника и предателя Мазепы, проклятого на все времена как Иуда православной церковью! И не забудьте о гитлеровском холопе Бандере, кровавом палаче поляков, евреев, украинцев, русских и всех других жителей западных районов Украины. И у вас останется мало сомнений в том, что программа дебилизации украинского общества успешно претворяется в жизнь; что есть все основания рапортовать о ее торжестве в этой республике, как всепобеждающем учении украинской «национальной исторической науки».

Но не будем сгущать краски, все не так уж и беспробудно. Поскольку существует две основные точки зрения на украинскую историю. В одной превалируют положительные оценки роли русского государства в истории украинского народа. Другая изображает Россию как врага и колонизатора. Здесь очень важны региональные различия. В Харькове и вообще в восточных районах Украины, понятно, что и в Новороссии, историки решительно против попыток отделить историю Украины от истории России. Но в «западных» регионах все по-иному. Там Украина приобрела вид невинной жертвы под жестоким сапогом русских насильников и захватчиков. Поэтому выбор учебников и, в общем-то мировоззрения, в огромной степени зависит от местных учителей. Давайте признаем, что Украина все-таки страна не тоталитарная. Поэтому выбор всегда остается, – кого будем растить: закомплексованных дебилов, гордых своим «арийским» происхождением и «вкладом» в мировую историю, тупых бандитов и убийц а ля Бандера, или вдумчивых и знакомых с истиной патриотов?!

А для этого давайте заглянем и в другие учебники. Что мы там увидим? Ну вот, возьмем, например, учебник «Гомін віків». Мы в нем можем прочитать, что «про Киев и украинскую державу вспоминают в своих книгах древние греки, так как греческие купцы ездили со своим товаром в Киев». Ну, просто некуда деться от этих древних греков, не подозревавших о своем украинском происхождении. Дались они вам! Надоело.

А вот, наконец, и что-то новое. В учебнике по истории Украины для девятого класса можно прочесть, что лучше всего жилось украинцам под властью Австрии. Ну, действительно, сплошное процветание в феодальной стране, в которой, как признается тут же, украинские земли «имели колониальную систему подчинения с засильем польских, немецких, венгерских и румынских помещиков». Вот и пойми, если можешь, этих «евроинтеграторов»! Лучше или хуже было вам в «цивилизованной Европе», колониальное положение которой признать национальные историки согласны, лишь бы кто заплатил за безупречную службу! Зато ситуация на Украине в начале XX века характеризовалась, оказывается, существованием «острых русско-украинских противоречий», вызванных «преступлениями русского царизма перед украинским народом». Ни одного «преступления» такого рода, понятно, не приводится в качестве неоспоримого факта. А зачем? Дебилам хватит и выводов. Доказательства не для них. Их не было и не будет.

Может, в качестве подобной неопровержимой улики украинские историки почитают Конотопскую битву?! Очень уж это для них излюбленная тема. В большинстве учебников именно она провозглашается величайшей победой украинского оружия, когда в 1659 году, украинотатарское войско гетмана Выговского разбило русских стрельцов. Нескольких слов по сути дела. После воссоединения Украины с Россией Польша начала против России войну, которая продолжалась с 1654 по 1667 годы. В 1658 г. гетман Выговский переметнулся на сторону Речи Посполитой, а русское правительство направило в Переяславль 30-тысячной войско уговаривать казаков, «чтобы они государю побии челом». 19 апреля 1659 г. русские осадили крепость Конотоп. В июне на помощь осажденным пришел Выговский, под командованием которого было 30 тыс. казаков, 3 тыс. поляков, 3 тыс. наемников-иноземцев и 30 тыс. татар. Русские войска попали в ловушку, когда Выговский сжег мост через реку Сосновку. Выходя из окружения с кровопролитными боями, русские стрельцы потеряли около 10 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными, которых затем казаки Выговского перебили всех до одного. Потери Выговского составили – 4,5 казаков, 9 тыс. татар, 1,5 тыс. поляков. Попавшие в плен русские воеводы князь Пожарский и Ляпунов были обезглавлены по приказу крымского хана Мухаммед-Гирея. Царь Алексей Михайлович был очень обе-

спокоен поражением русского войска и начал всерьез готовиться к войне против крымчаков. Но татары ограничились разорением нескольких русских и украинских городов (Курск, Белгород, Путивль и др.), а потом ушли в Крым. Лишенные поддержки крымского хана полки Выговского в сентябре 1659 г. бежали под натиском воеводы Трубецкого и Шереметева. Гетманом Украины был избран Юрий Хмельницкий.

Так вот. Именно этот малозначительный эпизод, в котором бессмысленно пролилось много русской и казацкой крови, украинские историки преподносят ныне своим детям как беспримерную доблесть и мужество в борьбе с «клятыми москалями». Им, вероятно, кажется, что это, можно сказать, дурацкое кровопролитие является торжеством украинского духа и свободолюбия. Просто, вот, не находят они в украинской истории более подходящих поводов для национальной гордости.

Впрочем, нет. Отдадим должное украинским национально-озабоченным авторам. Первой конституцией в мире, по мнению многих украинских историков, стала не британская «Великая хартия вольностей», не «Декларация прав человека и гражданина», и не американское законодательство времен Джефферсона, а «Пакты и конституции законов и вольностей Войска Запорожского» 1710 года, разработанные генеральным писарем гетмана Мазепы Филиппом Орликом. Оказывается, «краеугольные положения этого уникального документа стали фундаментом основных законов США, Великобритании, Франции и многих других развитых стран». Так и пишут черным по белому. А чего уж особенно и удивляться, если-то и народы этих стран, – сплошь украинские выходцы! Вспомним «древнеукраинское племя» пеласгов!

Я хотел бы заметить, что рассматривать псевдоисторическую литературу, выпущенную немалыми тиражами на Западной Украине в конце 80-х-начале 90-х годов прошлого века, в которой рассказывается о великих украинцах – строителях египетских пирамид, украинце Христе, украинце Аттиле, украинце Будде и пр. – довольно занятно только поначалу. Потом приходит скука и апатия, поверьте мне. Бесследно схлынувшая в известные места, эта макулатура 90-х гг. XX в. и тогда воспринималась нормальными людьми как не поддающийся анализу этнопсихологический феномен. А теперь – и

подавно. Патологии существуют на каждом шагу у многих народов и никуда от этого факта не уйти. Но здесь нечто особое.

От объемной советской историографии в современную украинскую науку перекочевала удивительная фанатичность и полная непримиримость к другому мнению, а подчас и к голосу рассудка. В целом можно выделить несколько основных посылов современной украинской историографии, кстати сказать, весьма тесно связанных с идеологическими установками национал-демократов, которые не так уж и давно называли себя национал-социалистами, националистами. О тяжести советского багажа, который довлеет над современной украинской наукой, может свидетельствовать и нереализованная идея введения в высшей украинской школе в начале 90-х годов преподавания научного национализма (видимо, вместо научного коммунизма). Вообще, мне кажется, что все абсурды в современной историографии на Украине, как, впрочем, и в других неофитах «незалежности» бывших республик СССР, продиктованы тупостью и ханжеством бывших «спецов» по истории КПСС, по научному коммунизму и прочим псевдонаукам, пышным цветом процветавшим в большой и казавшейся тогда несокрушимой державе.

Если ранее в основу изучения истории был положен марксистско-ленинский тезис о классовой борьбе, пронизывавшей всю человеческую историю, то на Украине его место занял другой не менее спорный, – борьба за независимость. Этим господам кажется, что смысл существования всех поколений украинцев, которые положили на алтарь свободы миллионы жизней, состоит в какой-то биологической ненависти к «москалям» и столь же биологической любви к свободе, понимаемой не иначе, как свобода от москалей. И в этой связи история России никак не дает украинским историкам покоя. Во многих учебниках истории открыто провозглашается, что Россия – это враг, нещадно эксплуатировавший Украину на протяжении веков, душивший ее культуру и язык и не брезговавший даже геноцидом. При этом они стараются не просто трактовать, я бы сказал даже, – смаковать украинскую историю как историю европейскую, тесно связанную с европейской политической и культурной средой. Понятно, что украинская история как история исключительно европейская, была насильственно изъята русскими из общеевропейского контекста. А поскольку доказательство этого довольно спорного положения у

них никак не получается, ибо подобные авторы не знают не только европейской истории, но и истории самого украинского народа, им постоянно приходится обрушивать свой гнев на «клятых москалів», которым они никак не могут простить самого их существования на белом свете.

Вообще, я бы хотел сказать о том, что касается украинской исторической школы периода независимости, следующее. Несмотря на то, что ее верхушка сформировалась в Украинской ССР, а многие были коммунистами, подчас крайними и непримиримыми догматиками и проводниками марксизма с его историческим материализмом в сталинско-хрущевско-брежневской интерпретацией, то теперь это не мешает им спокойно исповедовать диаметрально противоположную идеологию. Неудивительно, что они довольно болезненно воспринимают упоминания о собственном тоталитарно-коммунистическом прошлом. Мне кажется, что и все реабилитированные Сталином бандеровцы, так легко перешедшие в стан своих врагов в конце 40-х – начале 50-х годов, являются идеалом и объектом подражания для огромной массы бывших борцов за чистоту марксистско-ленинского учения, ныне размахивающих паникадиллом в честь фашистских недобитков на Украине.

Вместе с крайними формами русофобии и субъективных оценок мы сегодня в учебниках для школ и вузов сможем встретить более-менее объективный подход к подаче и освещению прошлого. Однако с годами количество таких книг неуклонно сокращается. Может я и не прав, но, по-моему, мало осталось у наших соседей тех, кто старается осмыслить национальную историю во всем многообразии красок, а не только в черно-белой антироссийской гамме.

Переходя непосредственно к ключевым событиям украинской истории в современной трактовке, и не вдаваясь в глубокую полемику, можно вычленить несколько «узловых» тем. Прежде всего, это отрицание общности происхождения русских, украинцев и белорусов; которые, оказывается, никогда не составляли единой древнерусской народности и не имели общего языка. Об этом мне говорили на историческом факультете Киевского национального университета им. Т.Шевченко, знаменитого в прошлом своим интеллектом Университета святого Владимира. Об этом пишут фактически все школьные учебники Украины последнего времени. Их авторы заявляют, что

украинцы существовали уже в глубокой древности и всегда были более демократичными, чем русские, склонные к авторитаризму.

Это очень важно для украинской исторической науки, – лишение России своей доли наследия в истории Киевской Руси. Последнее государство объявлено достоянием исключительно украинского народа – его творца. «История России имеет такое же отношение к истории Киевской Руси, как история Галлии к истории Римской империи» – провозгласил еще 100 лет назад в своей многотомной «Истории Украины-Руси» корифей украинской науки сталинского периода Михаил Грушевский. Ныне его наследники тратят немало сил для поиска доказательств этого тезиса. Уже в истории XII века современные историки, заметили первые случаи «русской экспансии» на украинские земли, во главе которой стояли владими́ро-суздальские князья. Им постоянно, мерещится, что Юрий Долгорукий или Андрей Боголюбский пытались захватить «украинский Киев». Их никак не смущает, например тот факт, что в разгроме Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 году свою черную роль сыграли как раз черниговские и волынские жители. Учебники истории для школы трактуют это событие как русский погром города.

Понятно, что оценивая период русской истории XIV–XVI веков, авторы школьных учебников любят особенно подчеркивать важное место украинцев в Великом княжестве Литовском, а также участие местной шляхты в войнах с Москвой. Особенно им импонирует Оршинская битва 8 сентября 1514 г., которая закончилась тактическим отступлением русской армии и сдачей незначительных крепостей полякам и литовцам, или, скажем, несостоявшийся поход польского королевича на Москву, когда семибоярщина какое-то время называла «Влаислава Жигимонтовича» царем. При этом действия московских князей по защите своих земель они рассматривают как недружественные. Да и вообще, все, что делали московские князья было как бы сфокусировано в их непрестанном желании покорить Украину и отнять свободу у ее народа.

Естественно, что по поводу Переяславской рады 1654 года и воссоединения Левобережной Украины с Россией единомышленники украинской исторической братии страдает абсолютным и вовсе не показным единомыслием. Оказывается, никакой присяги, и подлинных Мартовских статей договора между Богданом Хмельницким и

московским руководством не найдено, а хитрые «москали» обманули как всегда украинцев, которые в это время переживали что-то вроде очередной национальной оранжевой революции. Мол, москали обещали им толи автономию, толи какую-то федерацию, но обманом загнали их под свое ярмо. Почему-то историков совершенно не смущает тот факт, что украинское население сконцентрировалось на Левобережной Украине под московским протекторатом, тогда как Правобережная польская часть лежала в руинах и обезлюдела. Никакой информации в этом плане мы не обнаружим в украинских учебниках. Национальной истории она не интересна и, видимо, недостаточно патриотична.

Особой любовью авторов новой украинской истории пользуются такие исторические личности как гетманы Иван Выговский и Петр Дорошенко, которые хотели разорвать союз с Москвой. А Конотопская битва 1659 года, в которой украино-татарской войско разбило русских воевод, провозглашается, как уже говорилось, величайшей победой украинского оружия. Понятно, что занял свое почетное место в украинском пантеоне героев и Иван Мазепа, – достойный борец против ига москалей. Его деятельность вместе с беглым генеральным писарем Филиппом Орликом («разработчиком самой демократической в мире Конституции»), запорожским кошевым атаманом Костем Гордиенко и наказным гетманом Павлом Полуботком, очень и очень высоко ценится украинскими историками особенно на фоне негативного восприятия правления Петра Первого и его преемников, которые из года в год не знали другого занятия, кроме как урезать автономию Украины, пока «вражья девка» Екатерина вообще не отменила институт гетманства в 1761 году.

Вы, конечно, и не удивитесь, что Украина в составе России конца XVIII – начала XX веков оценивается как самая мрачная страница национальной истории. Здесь и крепостничество с подлинными или вымышленными ужасами, и преследование украинского языка, и русификация, и прочие несмываемые пятна российской истории. Об этом пишут много и охотно. В творчестве гениального украинского и русского поэта и общественного деятеля Тараса Шевченко, ищут и находят антироссийские мотивы, несмотря на то, что большая часть его произведений написана на русском языке. О том, что он был выкуплен из крепостной неволи русскими интеллигентами и членами

императорской семьи, вы информации не найдете ни в одном историческом учебнике Украины.

Вот зато короткий период самостоятельного существования киевской центральной власти в 1917–1920 годах рассматривается тамошними историками подробно и охотно. Причем эта власть выдается за общеукраинское правительство. Полная нежизнеспособность Центральной рады, гетманата и Директории, которые имели слабую поддержку украинского народа, в расчет не принимаются. А вот о «героизме» Симона Васильевича Петлюры, антиеврейские погромы и массовые убийства ни в чем неповинных людей которого вошли в самый черный список человеческих злодеяний всех времен и народов, сообщают много и с удовольствием.

Кстати, оранжевая власть развернула сейчас самую широкую кампанию по реабилитации Петлюры. Ему уже собираются поставить памятник. Особо выпячивают гибель 300 студентов, которые вышли против большевиков под местечком Круты и погибли. Ясно, что украинские историки охотно пишут о жестокостях большевиков. О том, что ничего не осталось от украинской армии в 1917 году они сообщать школьникам ничего и не собираются, но много говорят о московской агрессии против Украины, вообще-то оккупированной тогда немцами. Подчеркивается антирусский характер национально-освободительной борьбы украинцев, которую, кстати, разжигали спецслужбы Пилсудского. Ему-то прощается все. А вот о Донецко-Криворожской республике на востоке Украины вы ничего не найдете в украинских учебниках. И искать не стоит!

Я даже не хочу особо останавливаться на такой излюбленной оранжевыми историками теме, как «голодомор» 1932–1933 года, который как утверждают в учебниках, был искусственно организован Москвой. Число его жертв с каждым годом и каждым выступлением политиков увеличивается от публикации к публикации. Иногда это действие напоминает аукцион, – кто больше?! Как считают заслуживающие доверия объективные исследователи, жертв голода этой эпохи насчитывалось до 7 млн. человек. Из них на Украине погибло 3 млн. 500 тыс., в том числе и Молдавской АССР, остальные, – в Казахстане и России. Но, судя по украинским учебникам, только в самой Украине число жертв уже достигло астрономической цифры в 20 миллионов человек. О том, что ни Сталин, ни Деканозов, ни Хрущев,

ни Каганович русскими никогда не были украинские историки, видимо, позапамятовали, как и о том, что в самый разгар голода именно национальное руководство УССР требовало от Москвы увеличить цифры поставок хлеба, так что Сталину даже приходилось урезонивать Чубаря в его услужливом рвении.

Особый интерес у нас вызывает трактовка украинскими историками периода Великой Отечественной войны, которую они предпочитают называть Второй мировой войной. Вы будете удивлены, возможно, но учебники учат детей, что украинцы в эти годы сражались друг против друга за независимость от немецкого и русского господства. До такого кощунства не додумалась пока еще никакая коллаборационистская историография ни в одной стране мира (кажется, кроме Молдовы, но об этом – ниже)!

Понятно, что и деятельность Степана Бандеры и его соратников по ОУН-УПА, хлебом-солью встречавших гитлеровцев на западе Украины в этом контексте пока однозначно не оценивается. Известно, что и в оранжевом соглашении в свое время даже была сформулирована задача реабилитации местных фашистов как защитников «незалежности» и достойных предшественников современных «демократичных» владетелей страны. А как отмыться от кровавых следов фашистских нелюдей? До просто. В некоторых учебниках уже пишется о том, что это русские энкаведешники переодевались в одежду бандеровцев, чтобы творить свои зверства. А сами бандеровцы были беленькими и пушистенькими! Ясно, что зверства творили вероломные москали! Вот, зачем и почему они это делали, никто из историков объяснить не может.

Но не думайте, что это издевательство над историей, над памятью людей и вообще над здравым смыслом, творится только в западных областях Украины. Увы, это не так. В последнее десятилетие эти точки зрения усиленно вбивается в сознание не только «западянцев», но и жителей Левобережной Украины. Я хотел бы ошибиться, но, к сожалению, действительность опровергает все худшие предположения.

Чтобы не быть голословным приведу отрывок из современного украинского учебника по истории Украины для 9-го класса под редакцией Ф.Турченко и В.Мороко, выпущенного издательством «Просвита» в Запорожье и переведенного на русский язык для рус-

скоязычных детей юго-востока Украины. Заметьте, – мы говорим не о Львове, а о Запорожье!

С первых же страниц школьники узнают, что Украина была колонией России, «имперское правительство» которой целенаправленно проводило антиукраинскую политику, душило украинскую самобытность, разжигало национальную вражду, в то время, как украинцы только и мечтали о независимости. Тезис этот так полюбился авторам, что они повторяют его с каким-то маниакальным остервенением, буквально переносят безо всякого стыда из раздела в раздел. Украинцы, как должны усвоить школьники, были «резервуаром пушечного мяса» для России – «это была их плата за безгосударственное существование». Так и пишут авторы черным по белому, – «Украине пришлось кормить чужую армию и отдавать своих сынов на войну за чужие интересы».

Россия не давала развивать здесь отдельные отрасли промышленности. Вот, например, хлопковую. При этом авторов ничуть не беспокоит мысль о том, почему же сейчас в независимой и суверенной Украине хлопковая промышленность уже без злобной России не расцвела, наконец, бурным цветом. Что помешало их померанчевому кумиру Ющенко засеять всю территорию Украины хлопком? А кроме того, Россия, оказывается, строила не в тех направлениях железные дороги. Благо, что Россия вообще их строила, но видимо, авторами это как-то просто оказалось незамеченным. Они уверены, что Россия выкачивала из бедной Украины несметные богатства и капиталы. Ну, просто как «цивилизованная» Великобритания из Индии. Нет, господа, – были бы колонизаторами англичане, все, возможно, было бы и краше, и приятнее. О том, что Украинские губернии были неотъемлемой составной частью всероссийского рынка, авторы просто не знают. Как и о том, что Донбасс и при царе, и при Советах превратился в промышленное сердце страны. Но эти историки делают вид, что и ведать о том ничего не ведают. А точнее, не хотят, чтобы ведали школьники.

Понятно, что в их представлении на Украине, существовали «острые русско-украинские противоречия». В чем они состояли школьникам, не объясняется. Да и мы не знаем. Точно так же, как в чем же состояли «преступления русского царизма перед украинским народом» – этого смертным понять не дано! Но именно эти голос-

ловные обвинения авторы настойчиво вбивают как гвозди в сознание детей. Ну, не нравятся им русские, что ж тут поделаешь! А ведь этих русских, как они утверждают, специально переселяли на юг и восток Украины, чтобы они не давали разгуляться украинской воле. Еще бы, ведь идеи славянского братства «уродовали национальное сознание и не отвечали интересам украинского народа». И до такого додумались!

Вот о визите поэта Василия Капниста в 1791 году в Берлин с целью прозондировать позицию Пруссии в отношении идеи украинской независимости сообщается с большой гордостью. Более того, авторы еще дважды о нем упомянули, поскольку других примеров подобного рода они в истории больше не нашли. Вообще, в учебнике немало противоречий, где желания историков плохо согласуется с приводимыми ими же фактами. Например, школьники никогда не поймут, почему западные украинцы так стремились соединиться с русской Украиной, а не наоборот. Если было хорошо им в составе Австро-Венгерской империи, что ж они так рвались в состав Российской империи, где Украина была на положении худшем, чем даже Индия в составе Британской империи?! Авторы этого не знают, объяснить членораздельно и внятно не могут, а потому и школьники останутся в неведении. Впрочем, для поцесса дебилизации нации это даже и хорошо.

Но особую брезгливость и отторжение вызывают те разделы, где авторы пытаются испачкать грязью Православие. Они спешат во всем обелить униатов, то есть греко-католиков, которые, якобы, играли «диаметрально противоположную роль в сравнении с Православной церковью». И не случайно, видимо, подобные идеи выделяются в учебнике жирным шрифтом. Пусть запомнят наши дети, кто их главный враг даже в сфере духа и веры! В этой связи я хотел бы подчеркнуть следующее. Этот учебник был принят Министерством образования Украины не при оранжевой власти, не в последние годы, а еще при Кучме. И я очень удивляюсь, когда некоторые российские политики считают этого самого Кучму чуть ли не русофилом. Автора книги «Украина – не Россия»! Я понимаю, что в политике нет ни порядочности, ни чистоты, ни чести. Но, господа, не да такой же степени!

И ведь в многонациональной Украине с ее многомиллионным русским населением историки за подобные опусы получают награды,

премии и благодарности. Почему-то украинским политикам кажется, что чем более они внесут в сознание и души своих детей злобы и ненависти к русским, тем более устойчивой будет их государственность, их неотъемлемое право угнетать, дурачить и обольщать свой собственный народ. Поэтому не удивительно, что дети на уроках отвечают, что в Крымскую войну русские воевали с украинцами, дети рисуют на советских танках в годы Великой Отечественной войны желто-голубые знамена. Я думаю, что когда эти дети вырастут, то есть не в таком уж далеком будущем, лет через пять-шесть, российско-украинские отношения ждет еще более безрадостное состояние, чем сейчас. О будущем боюсь и предполагать. Ибо процесс дебилизации украинского населения принял характер селевого потока и его, как мне кажется, мы уже не остановим. Увы!

А вот теперь позвольте окунуть вас в совершенно иную среду. В удивительную атмосферу исторического образования в Республике Молдова. Хотя, почему, – иную? Очень даже близкую украинской среде. И не только по их союзническим обязательствам по ГУАМу, а по звериной русофобии и национал-социалистскому миропониманию в целом. Бывшие специалисты по истории КПСС и научному коммунизму Молдовы вкупе с писателями, поэтами и поэтессами, сочетающиеся церковным браком с кишиневскими памятниками, не сидели сложа руки два десятка лет!

Конечно, свои «изюминки» внесла в общих процесс фальсификации истории и постперестроечная Молдавия. Да просто не могла не внести! В конце 80-х годов XX в., еще при существовании СССР здесь запретили преподавание в школах и вузах курса «История СССР» («История Отечества»). Был запрещен в Молдове также и курс «История Молдавской ССР». Массированная критика печати сложившейся к тому времени в Молдове историографии привела не к ее перестройке, не к очистительным изменениям и углубленному изучению истории народа, а к замене одной официозной доктрины другой официозной доктриной. В начале 90-х годов XX в. место некоего эталона, утверждаемого высшими сферами власти и не допускающего никаких сомнений в своей истинности, занял курс «История румын», в котором тезис о принадлежности молдаван к единой румынской нации был принят в качестве не требующей доказательств аксиомы.

Эта аксиома опиралась на ряд постулатов, которые также не требовалось ничем доказывать и запрещалось подвергать сомнению. А именно:

румынская нация сформировалась не в XIX в., а в период римской колонизации Балкано-Дунайских земель;

вся история «румын» на протяжении веков и тысячелетий состоит из попыток «восточных варваров» и «славянских кочевников» разорвать «единую румынскую общность» и расчлениить ее территории;

эта общность, т. е. румынская нация на протяжении своей многотысячелетней истории ведет героическую борьбу за создание в «румынском пространстве» единого великого государства, основы которого были заложены еще в дохристианскую эру и включают территории многих независимых государств Европы, на которых якобы, когда-то проживали «румынские» (т. е. фракийские) племена.

Естественно, что в этой системе постулатов существование молдавского государства, молдавского народа, молдавской культуры и в целом – молдавской истории как таковой, – рассматривается лишь как досадная ошибка, нарушившая целостность румынского этноса, суверенитет единого румынского государства. Загвоздка в том, что никакого румынского государства в природе не существовало до середины XIX в. Именно этот факт и вызвал назойливое стремление представить всех славян, особенно дореволюционную Россию и СССР в качестве естественного и зловещего врага румын.

Но эффективность пропагандистских усилий историографии Молдовы по изменению традиционной этнической идентичности молдаван по факту должна быть признана весьма и весьма низкой. Как показал референдум «Молдова – наш общий дом», проведенный властями этого государства в 1995 г., а также последняя перепись населения, румынами себя признают лишь несколько процентов населения, – подавляющая часть молдаван в настоящее время, как и прежде, продолжают идентифицировать себя в качестве самостоятельной нации, отличной от окружающих ее народов.

Такая низкая эффективность работы несколько не снижает писательского зуду современных сочинителей учебной литературы по истории Молдовы, как, впрочем, и удивительной щедрости тех, кто продолжает финансировать издателей подобных «трудов». Не

будем говорить о «спонсорах» – это тема отдельного разговора. Не будем говорить и о конкретных авторах, – их просто не стоит рассматривать всерьез. Как правило, это бывшие историки КПСС, те, кто с воодушевлением воспевал свершения партии и успехи колхозного строительства в Молдавии, те, кто борзо писал монографии по «советскому образу жизни», те, кто громче всех боролся с «буржуазными фальсификаторами». Они никогда ничего путного в науке не создали, а потому было бы ошибкой ожидать от них чего-то такого и в наше время.

Кстати, очень показательная картина, которая еще ждет своего исследователя: самыми рьяными фальсификаторами истории и в Молдове, и на Украине, и в других бывших республиках Советского Союза стали в первую очередь историки партии, специалисты по научному коммунизму, по советскому образу жизни и воспеванию социалистических успехов своих республик. Почему? Видимо эта закономерность объясняется тем, что будучи прожженными циниками и карьеристами в советские времена они быстрее всех поняли, что оплачивать всю их тошнотворную писанину будет теперь не «государство рабочих и крестьян», а совсем другие силы и державы. И надо успеть занять теплое место у кормушки, ведь конкуренты не дремлют! Но это – к слову. Давайте откроем их современные учебники в Молдове, чтобы приобщиться к тому разумному, доброму, вечному, что сеет сейчас эта публика. И тут нас ожидает множество шокирующих открытий.

Школьники, например, могут вычитать из учебника для V класса, что «румынский господарь» Штефан чел Маре был простым человеком и очень любил молдавские народные блюда, особенно мамалыгу с приправами. Я вполне допускаю, что университетские профессора Молдовы не знают, что Стефан никогда не был господарем Валахии (господарем был его двоюродный брат Влад Цепеш, более известный миру как Дракула), возможно, они не знают и то, что Румыния была создана в 1859 г., когда первый господарь объединенных княжеств Александр Куза в своем манифесте торжественно провозгласил: «Объединение исполнилось. Румынская нация основана!» (заметьте – основана в середине века XIX, а не в середине века XIV). Но я никак не могу понять, что они думают о мамалыге во времена Стефана Великого, когда ее не было и не могло быть. Америка еще не была

открыта и в Европе не знали такого продукта как кукуруза. Или они считают, что великому господарю кукурузную муку американские индейцы самолетами доставляли по специальным заказам?

И вот такую, извините за вульгарность, туфту, молдавским школьникам гонят и гонят учебники истории. Группа их авторов непрерывно воскуривает фимиам братской Румынии, сочиняя в ее адрес торжественные оды. Иной раз эти оды принимают характер комического абсурда, читать который просто удовольствие, – Румыния самая лучшая страна на свете, румыны – это самый благородный народ, ведущий свои корни из античной цивилизации, плохих румын просто не бывает на свете. Но существует Россия и страшное ее порождение – СССР, в котором правила русские, – народ кочевых варваров, стремившихся всегда поработить народы европейской цивилизации. Но благородные румыны грудью своей заслоняют незащищенную культуру человечества. С шаманской глубокомысленностью и цыганской изворотливостью современные акыны Великой Румынии проклинают на страницах своих учебников сталинскую историческую науку, придумавшую, будто бы молдавскую нацию, чтобы навредить румынской цивилизации.

Вообще, если бы кто-нибудь догадался объявить конкурс на самые абсурдные в мире школьные учебники истории, я думаю, Молдова далеко обогнала бы всех своих конкурентов из стран СНГ и торжественно вышла бы на мировую арену, просто не имея себе равных. Кишиневская школа фальсификации – это, можно сказать, фирма, в которой и стратегия и тактика основаны на голом абсурде.

Для примера посмотрим, как преподают 10-летним школьникам Молдовы историю Второй мировой войны (заметьте, – не Отечественной! – такой войны историки Молдовы «не знают»). Итак, пересказывать не буду, а для убедительности прямо прочту, что написано по этому поводу в учебнике «История румын» для IV класса: «Гитлер, правитель Германии, и Сталин, который правил СССР, договорились поделить чужие территории и государства. В результате этого началась Вторая мировая война... Вначале Румыния участвовала в этой войне против СССР, желая освободить (так и написано, – освободить!, т. е. эсэсовцы и их румынские двойняшки железногвардейцы – это освободители!) Бессарабию и Буковину, аннексированную большевиками в 1940 г. В августе 1944 года стало ясно, что Германия про-

игрывает войну. Румыния включилась в борьбу против нацистской Германии. Румынские войска, совместно с силами союзников (вы понимаете, – войска СССР, Англии, США, Франции и еще многих десятков стран, просто были союзниками Румынии!) воевали против фашистов и дошли до Германии». Вот и все, что должен знать школьник Молдовы о величайшей в истории человечества войне. Из этого текста никто не поймет даже, на чьей же стороне воевали молдаване в период Великой Отечественной войны, – ни школьник, ни учитель не поймет, ведь так и задумано.

Зато другой детский наставник, бывший директор академического института истории, специалист в области колхозного строительства Молдавской ССР, в своем учебнике «Новейшая история румын. Экспериментальный материал для IX класса» с упоением описывает школьникам все прелести оккупационного режима в губернаторстве «Транснистрия» с 1941 по 1944 гг. На полном серьезе сей муж убеждает деток, что румынская администрация проявляла о завоеванном народе трогательную заботу: здесь создавались образцовые коммуны (читай: румыны не распустили колхозы в своем губернаторстве, а лишь приспособили их к своим нуждам ограбления крестьян), румынская администрация строила тут шоссейные дороги и бассейны, бесплатно возводила дома, сажала сады и проч. Неудивительно, что военный преступник Антонеску, казненный по приговору румынского суда в 1946 г., объявлен ныне мучеником и национальным героем. Ни у кого не вызывает сомнение справедливость такой реабилитации. Набравшись мудрости подобных учебников школьники идут на демонстрации и требуют снести памятник «бандиту» Котовскому, чтобы установить на этом месте памятник «святому национальному мученику» Иону Антонеску.

Правда, хочу быть объективным и сослаться на слова вице-премьера молдавского правительства Виктора Степанюка, который в начале этого года на Международном дне памяти жертв Холокоста заявил, что «в учебниках, которые были изданы до 2004 года, многие авторы защищали фашистских преступников, подобных румынскому диктатору Антонеску, и говорили, что никакого Холокоста на территории Румынии, Молдавии и Приднестровья не было». По их мнению, добавил Степанюк, «маршал Антонеску проводил миролюбивую политику по отношению к евреям». Это ложь, сказал вице-премьер,

которую можно опровергнуть историческими документами в архивах Румынии, Молдавии и Украины.

Все это, конечно, обнадеживает. Обнадеживает то, что хотя бы по отношению к евреям Молдова, наконец-то перестанет фиглярствовать. А как быть с русскими, украинцами, гагаузами, цыганами и прочими жертвами фашизма? И, в конце концов, как быть с самими молдаванами? Сколько лет еще им ждать пока государство не прекратит сознательное зомбирование своих граждан и сознательное оглушение молодого поколения?

Впрочем, на подобные вопросы ответов нет и не будет. И не потому, что они риторические, – они-то как раз, конкретные и прямые. А потому, что самое государство организует, вдохновляет и спонсирует кишиневскую школу фальсификации. Об этом с предельной откровенностью написал доктор истории из Кишинева, молдаванин, честный и порядочный ученый, интернационалист, член компартии Молдовы, фамилии которого раскрывать не будем по его просьбе (к сожалению, в Кишиневе свобода слова еще не достигла степени гарантированной безопасности для здоровья и жизни пользующегося этим правом человека). Так вот, упоминая о преступлениях военщины Молдовы в Приднестровье начала 90-х гг. XX в., он задался вопросом: «Но откуда взялись (давайте задумаемся!) все эти грабители и мучители людей? Ведь подавляющее большинство из них когда-то были октябрятами и пионерами, ходили в советские школы, выступали на комсомольских собраниях, оканчивали советские вузы, ездили на целину и в стройотряды... Что же с ними произошло? Почему они стали фашистами и убийцами?». И на эти вопросы историк отвечает следующим образом. «Думается, дело здесь не только во всеобщем умопомрачении рассудка людей, живущих в период «перестройки», не в бесчестных и бессовестных политиках, заразивших толпу своим гниlostным влиянием и злобной агрессией – пишет доктор истории И. Григоряну. – Почитайте опусы и творения кишиневской школы фальсификации, и все станет на свои места. Зомбирование целой нации не могло произойти без титанических и щедро оплаченных усилий ее служителей. Было бы несправедливо всю вину за развязывание гражданской войны в Молдавии возлагать на Снегура или Косташа. Без жрецов кишиневской школы фальсификации все их попытки направить одних представителей народа на других оказались

бы тщетными. Поэтому не следует забывать, что на кишиневских историках и обществоведах не меньше крови, чем на тех палачах, которым они преданно служили. Леонида Лари была не так уж далека от истины, когда вопила в микрофон перед многотысячной толпой своих сторонников; «Пусть мои руки будут по локоть в крови, но, клянусь вам, что ни одного русского в Молдове не останется!».

Думается, эта оценка глубоко справедлива. Фальсификация собственной истории была абсолютно необходима властям постперестроечной Молдовы, провозгласившей свою независимость от Советского Союза и взявшей курс на объединение с Румынией, а тем самым – на разжигание конфликта и развязывание гражданской войны. На историков была возложена задача форсированным курсом идеологически обосновать и утвердить правильность такого крутого поворота в исторических судьбах молдавского народа. И не просто обосновать, а буквально насильственно вбить эти идеи в сознание общества, абсолютно не готовое к восприятию этого поворота и противостоящего ему всеми силами. Академическая наука Молдавии также мешала этим планам, и она была, по сути, обречена. Ведь из всех наук когда-то процветавшей Молдавской ССР, пожалуй, именно историческая понесла самые невосполнимые потери в результате невиданного разгрома конца 80-х гг. XX в., организованного правящей тогда национал-коммунистической элитой и маргиналами так называемого Народного фронта Молдовы.

Политические цели разгрома академической науки правящими в Молдове силами, в общем-то, известны общественности. И в этой связи хочется еще раз процитировать уже упомянутого кишиневского историка: «Из молодого поколения, считают они, следует лепить «пушечное мясо» – бездумно марширующих нацистов, не знающих своей истории и уверенных в собственном превосходстве и древних римских корнях своего «рода». Для этой цели необходимы услуги ожогов и шаровых, морарей и визеров, мовилианов и петренков, царанов и парасок, всех тех, для кого шелест зеленых банкнот возвышеннее и слаще симфоний Моцарта. «Пушечное мясо», в свою очередь, нужно для захвата и грабежа ПМР, поскольку без Приднестровья, глядишь, и в Румынию не пустят, не то, что в Европу».

Меняются в Молдове политические режимы, меняются властные элиты, меняется риторика. Но не меняется только одно, – отношение

к исторической науке. По-прежнему школьникам вдалбливаются в сознание догматы антинаучной по сути и антимолдавской по форме панрумынской теории, т.е. агрессивного румынизма, отрицающего право молдаван на свой язык, свою культуру, свою историю, свою государственность, да и просто на свое существование. По-прежнему остаются в политическом обиходе такие перлы первых лет «национального возрождения» как «манкурт», «оккупант», «мигрант», «русофон», «шантист» и проч. Разве что, время от времени к ним добавляются новые ярлыки: «примитивный молдавенист», «идэчобанист», «пунктист», «патриот» и т. д.

В учебниках истории, подготовленных группой историков Молдавского госуниверситета, утверждается, что когда в 1941 году Румыния вступила в войну на стороне Германии, то, она всего лишь выполняла функции прикрытия германской армии – фашизм тут ни при чем. И более того, «своим участием в военных действиях Румыния в немалой степени способствовала поражению фашистской Германии». Между тем, пишут они, – советские войска в 1944 году вновь «захватили» Бессарабию. А так как «захватывали» ее прадеды нынешних молдавских школьников, то и вывод однозначен: они правнуки «оккупантов». Но ведь большинство молдаван воевало против фашизма в рядах Советской, а не гитлеровской армии, следовательно, подавляющее большинство жителей современной Молдовы являются потомками оккупантов.

Школьники Молдовы оказались настолько запутанными в собственной истории, что уже точно не могут сказать, кто из них «оккупант», кто – «манкурт», кто – «освободитель», кто – «истинный хозяин земли». Ничего принципиально нового не дало и введение в школьные программы так называемого курса интегрированной истории при власти «коммунистов». В последние годы все усиливается тяжба среди различных кланов молдавской исторической элиты, если будет позволено так ее назвать. Появились и сторонники независимой государственности Молдовы, ее территориальной целостности и суверенитета, которые также желают получить свою долю пирога с помощью коммунистической власти. Это еще больше запутало ситуацию.

А ведь в жизни каждого из нас и даже в жизни целых народов и государств очень многое зависит от того, как нам в детстве пре-

подавали историю. Может быть, и не хорошо повторяться, – как-то на одной из наших конференций мне уже приходилось об этом говорить, – но, тем не менее, хочется подчеркнуть. Именно на основе наших первых впечатлений, удовлетворяющих детскую любознательность к окружающей жизни, в частности, к истории (а интерес к ней начинается с простых вопросов – «Как я появился?» и «Что было, когда меня не было?»), формируется затем общественное сознание, гражданское общество, самоидентификация народа. Здесь черпает свои силы способность народа к пониманию и защите собственных интересов, к осознанию своей целостности и неповторимости, к желанию и состоянию построения и защиты собственной государственности. Здесь же рождается и способность народа пройти через испытания для самосохранения во имя своей будущности.

Увы! Мы являемся свидетелями того, как неуважение к собственной истории, издевательства над исторической наукой, сознательный раскол общества его политической правящей элитой и предательская коллаборационистская позиция национальной интеллигенции в отношении собственного этноса размягчают силы и способности народа, ущемляют его самосознание и препятствуют формированию гражданского общества. И это весьма поучительный пример, несмотря на усиливающуюся свару различных «школ» националистической историографии Молдовы, от которой страдает и молодое поколение, и все общество, и государственность этой республики.

Борьба между румынизаторами так сказать классического разлива и новой генерацией молдавских националистов из «самобытников», окончательно ввергла детей Молдовы в полный хаос по поводу своей истории. Теперь уже точно никто не сможет сказать, кто там «истинный патриот», кто румынский прихвостень («пунктист»), а кто пособник «шантистов» и прочих сепаратистов. Одно несомненно, – кишиневская школа фальсификации продолжает здравствовать и господствовать на пространствах Молдовы. Ибо в ее основе не борьба за научную истину во всей ее полноте и объективности, а борьба за место у кормушки, приближенной к власти. А дети – жертвы этой борьбы. Если только они не дети кого-то из «борцов».

Такова, дорогие друзья, картина преподавания истории в республиках бывшего Союза. Картина, могу сказать, безрадостная, не дающая поводов для оптимизма. Справедливости ради стоит

отметить, что с недавно (хотя тяжба на государственном уровне по этому поводу велась с 2002 года) ситуация несколько изменилась. Группой патриотически настроенных историков был создан новый исторический курс «История Молдовы», но правительство отказалось вводить его в систему образования. Этот учебник оказался невостребованным, хотя многие учителя особенно из Гагаузии, из болгарских, украинских и русских школ буквально засыпали правительство просьбами ввести этот учебник. Мне известен даже такой казус: когда прорумынская газета «Литература ши арта» начала печатать отдельные разделы из этого учебника, чтобы вызвать вомущение у молдавских учителей истории «просоветскими про-исками» его авторов, неожиданно редакция стала получать мешки с письмами, в которых ничего не понявшие читатели газеты стали благодарить редакцию, что наконец-то на страницах этой газеты они могут прочесть правду по молдавской истории. Редактор Дабижа понял свою оплошность и тут же прекратил не только перепечатку каких-то сюжетов, но даже не упоминает с тех пор о существовании подобного издания.

Вот, собственно, и все! Господа, планирующие в будущем манипулировать своими народами, как и теперь, желают контролировать прошлое этих народов. У них в услужении всегда были, всегда найдутся в каком-то количестве бездарные, но вечно готовые на любую подлость историки, для которых изувечение сознания собственных граждан было и остается профессией, призванием и службой. Что мы можем сделать в этих условиях? Да ничего! Кроме того, чтобы по-прежнему служить Истине!

ПЕТР, КАРЛ И МАЗЕПА ОТ ПОЛТАВЫ ДО БЕНДЕР: СТРАТЕГИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ¹⁴⁴

Основной задачей внешней политики Петра Великого с конца XVII в. стала борьба за выход к Балтике. И дело не столько в том, что прибалтийские земли издревле были заселены славянами и принадлежали Русскому государству. Суть состояла в том, что без этого прямого выхода на Запад, Россия была обречена на хозяйственную и экономическую отсталость, политическую консервацию и быструю деградацию в обширную, но третьеразрядную ослабевшую державу, легкую добычу любого хищника с запада или востока. Начиная Северную войну, Петр прекрасно понимал, что перед ним стоит национальная задача исторического масштаба, – быть или не быть России как державе, как единому народу, как цивилизации.

В поисках союзников против своего главного соперника Швеции, Петр заключает в 1699 г. Северный союз с королем Польши Августом II, к которому вскоре присоединяется и Дания. А в июле 1700 г. после трудных переговоров в Стамбуле был заключен и мирный трактат с Турцией. Посчитав внешнеполитическую безопасность страны достаточно обеспеченной, Петр через месяц двинул русскую армию против шведской крепости Нарва. Так началась Северная война. И началась она для России с поражений.

Карл XII осадил Копенгаген и вынудил Данию капитулировать. Затем он разбивает русские войска под Нарвой, приводит свою армию в Польшу, свержает союзника Петра Августа и возводит на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. Военная удача и звезда Карла достигли своего зенита. К нему в Саксонию, где он расположился в 1706 г., едут иностранные дипломаты, искавшие союза со Швецией. Приезжали из Франции, из Англии, из других стран, приезжали, чтобы выразить свое восхищение героем и предложить перспективные союзнические отношения. Но Карл не

¹⁴⁴ Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 109–114.

прельстился выгодами от вмешательства Швеции в войну за Испанское наследство, к чему его так склоняли французы. Поверив тайным посулам гетмана Мазепы о полной поддержке шведов запорожским казачеством в деле разгрома «клятых москалей», Карл принял судьбоносное решение, – двинуть все свои силы в русский поход. Разбить и развалить Россию окончательно и навсегда.

Король Швеции Карл XII был воистину личностью незаурядной. Рано оставшийся без отца, он воспитывался матерью в духе высокого благочестия, веры, кротости и глубокой нравственности. Ему было присуще и редкое для монархов чувство справедливости. Король-воин, крупный полководец, он был и блестящим политиком, понимал назревшую необходимость внутренних реформ в Швеции и наметил их пути. Ему не были чужды и научные интересы. Уже после своего разгрома, прячась под защитой турок в Бендерах, Карл сумел организовать и снарядить ученую экспедицию в Египет и Палестину. Но рядом с этими качествами жизнь зародила и воспитала в нем удивительную самонадеянность и упорную настойчивость, перешедшую в упрямство. Он продолжил абсолютистскую и великодержавную политику своего отца, Карла XI и вероятно, мог бы стать великим шведским королем, если бы так слепо не доверял профессиональному предателю Мазепе и не выбрал бы себе такого сильного противника, как Петр I. За спровоцированный Мазепой поход на Москву Карл расплатился катастрофой своей армии, почти пятилетним пребыванием на турецкой чужбине, а затем и смертью в Норвегии от раны при неясных обстоятельствах.

Но кто же такой Иван Мазепа, облагороженный портрет которого украинцы ежедневно лицезреют на купюрах Национального банка и с иронией называют его «десятигривенным гетманом»? И это при титанических усилиях всей «помаранчевой» пропаганды представить эту фигуру в качестве нового национального героя украинского народа и, якобы, первого «евроинтегратора», пытавшегося ввести Украину в «семью цивилизованных народов Европы»! Но, поскольку, не только на Украину, но и на другие страны (в том числе и на нас с вами) этот поток умелой или неумелой пропаганды льется не ослабевая и принимает порой характер грязевого селя, есть полный смысл рассмотреть роль этого деятеля в Северной войне подробнее. К своей Полтаве Мазепа шел долгим путем.

Окончив Киевско-Могилянскую коллегию, а затем Варшавскую иезуитскую коллегию, этот шляхтич, всю жизнь говоривший на украинско-польском суржике, верно служил польскому королю на дипломатической службе. В 1669 г. за свои амурные проказы он был физически опозорен польским магнатом. Однако предпочел не драться на дуэли, как того требовал кодекс дворянской чести у поляков: «Душа – Богу, жизнь – королю, сердце – даме, а честь – никому!». Мазепа предпочел изменить Яну Казимиру и бежать к непримиримому врагу короля гетману Правобережной Украины и турецкому ставленнику Петру Дорошенко. И в качестве гетманского дипломата Мазепа готовит материалы позорнейшего Бучацкого мира, по которому в 1672 г. часть Украины, вся Подолия, включая и северные районы Приднестровья, перешли в руки турок на четверть века. При этом Брацлавщина и юг Киевщины составили «самостійну» Украину, находившуюся в руках гетмана Дорошенко под контролем Блистательной порты. Не тогда ли зародилась у молодого беспринципного шляхтича мечта о своей собственной державе под протекторатом кого угодно?!

Отправив Мазепу под татарской охраной в Стамбул на переговоры, Дорошенко дал ему своеобразный «подарок» султану, – полтора десятка пленных запорожцев на лютую казнь. Казаки атамана Сирко, не подчинявшиеся турецкому ставленнику Петру Дорошенко, в степи перехватили посольство и выпустили пленных на свободу, а Мазепу доставили к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу. Предательство своих у казаков наказывалось не иначе, как смертью. Гетман Самойлович, тем не менее, не учинил над предателем расправу и даже взял Мазепу на службу, чтобы использовать его для компрометации Дорошенко в глазах Петра I. Оказываясь в Москве, Мазепа был щедр с высшими сановниками, а фаворит царевны Софьи князь Голицын получил от хитрого шляхтича чуть ли не 10 тыс. золотом. Неудача Крымского похода 1687 г. стала очередной удачей Мазепы, – после коллективной жалобы казацкой старшины на Самойловича, Петр отправляет его в ссылку, а гетманом становится сам Мазепа.

Два десятилетия верой и правдой служил Мазепа Петру, сдавая ему, то фаворита Софьи князя Голицина, как взяточника и казнокрада, то казацкого полковника Палия, то других несчастных, которых он подозревал в нелояльности, или богатства которых ему пригля-

нулись. Став одним из крупнейших феодалов в Европе (а количество крепостных у Мазепы достигало 100 000 человек) он впервые в истории Украины ввел барщину и запретил крестьянам вступать в казаки. В связи с тем, что рядовые казаки и крестьяне крайне враждебно относились к «ляху» Мазепе, его гетманскую резиденцию в г. Батурине охраняли русские стрельца, потом – солдаты. Русские спасали жизнь Мазепы от справедливого гнева его соотечественников. Но когда Карл XII сверг с польского престола Августа и поставил Станислава Лещинского, природный нюх профессионального предателя подвел Ивана Степановича, – он слишком поторопился переметнуться на сторону более сильного сюзерена. В тайных переговорах с польским королем 1705–1707 гг., он договорился присоединить к Речи Посполитой всю Украину, а себе в награду выпросил княжеский титул и в свое личное владение – Витебское и Полоцкое княжества. Гарантом выступал Карл XII.

Своему новому сюзерену Карлу Мазепа пообещал 50 тысяч казацких сабель, поддержку всего украинского народа, соблазняя огромными запасами пушек, боеприпасов и продовольствия, которые он заготовил к приходу шведов. И Карл решился. В 1708 г. шведская армия вторгается в Россию.

Со своей стороны, Петр, принимая план отражения шведской агрессии, основывался на вере в то, что народ поддержит русскую армию, начнет партизанскую войну против иноземцев, лишит их продовольствия и фуража, измотает и ослабит неприятеля. Так оно и получилось. Карл столкнулся в России с беспощадной народной войной. Население бежало в леса, сжигая все съестные запасы, а мелкие партизанские отряды уничтожали шведских фуражиров; ни отнять, ни купить продовольствие не представлялось возможным.

Понимая, что взять Москву с наскока не удастся, Карл поворачивает на юг в надежде втянуть в войну против России Стамбул и Бахчисарай, а главное, – здесь его ждал Мазепа с обещанной поддержкой. Но отряд Меньшикова с помощью казаков Прилукского полка взял Батурин и вывез Петру 40 пушек приготовленных Мазепой для шведов. Склады продовольствия и боеприпасов были уничтожены. А Голицын без боя взял родину Мазепы Белую Церковь, которую ему сдали казаки полковника Бурляя. Но самым тяжелым ударом для Карла стал разгром 16-тысячного корпуса Ливенгаупта, который

шел на соединение с войском Карла из Прибалтики, и был разбит 12-тысячным отрядом, возглавляемым Петром.

Шведы передвигались по Украине во враждебном окружении ненавидящего их населения. Не встретив обещанной поддержки, шведы мстили украинцам с беспрецедентной жестокостью, сжигались хутора и села, уничтожались мирные жители. Это еще более подхлестывало народную войну, массовый террор сопровождал шведское нашествие. В лагерь к Карлу Мазепе удалось привести не 50 и даже не 20 тысяч, а жалкую горстку казаков, которые, увидев обман, стали просто разбегаться. А некоторые из них, как полковник Галаган, с боем уходили в Россию, да еще приводили с собой пленных шведов.

Петр в это время прилагал титанические усилия для создания новой армии и флота, их комплектации русским командным составом, а не иностранными наемниками. Делалось все для создания военной промышленности, – ведь армию нужно было одеть, вооружить, обучить. И постепенно военная инициатива в Северной войне перешла к России. Сначала взята крепость Орешек, затем основан Санкт-Петербург, взята Нарва, в течение нескольких лет на две трети очищена от шведов Прибалтика. А вот, армия Карла на Украине таяла на глазах, и поход на Москву становился все более несбыточным. И это было совершенно очевидным фактом.

Мазепа заволновался и попытался исправить свою поспешность. С помощью полковника Апостола он передает Петру просьбу о прощении и даже предлагает выдать России шведского короля. В конце концов, предательство царя Петра можно было бы искупить предательством короля Карла, а при случае даже представить это дело как глубоко продуманную операцию по заманиванию шведов на Украину, чтобы помочь русским в полном разгроме Швеции. Есть сведения, что Петр брезгливо отверг предложения гетмана со словами: «Не царское это дело с изменником якшаться!». Можно сказать, только благодаря Петру I Мазепа не предал еще одного своего благодетеля, Карла XII. Впрочем, еще до Полтавского сражения, однажды на берегу Днепра, Карл, видимо, обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, воскликнул: «Зачем мы не последовали доброму совету нашего верного генерала Реншильда и тому, что высказывал граф Пиппер? Мазепа, Мазепа! Вы нас погубили!»

Очень скоро события показали, насколько был прав шведский король в своих предчувствиях и как точно он определил виновника своей будущей гибели. Разгром шведов под Полтавой был полным. Россия преодолела внешнеполитическую изоляцию. Август II вновь занял польский престол и возобновил наступательный и оборонительный союз с Россией. Несмотря на противодействие Англии и Голландии подобный союз вновь был заключен с Данией. Союзниками Петра стали Пруссия и Ганноверский курфюрст Георг I, будущий английский король. Антишведский Северный союз, распавшийся в результате побед Карла XII, не только возродился, но и расширился. И хотя до окончания Северной войны было еще далеко, король Швеции «гостил» у турок в Бендерах и господству его страны в Северной Европе был положен конец. Датчане, прибалты, финны, все изгоняли шведов со своих территорий, пока Карл в гневе и неистовстве метался между Бендерами и Варницей, пытаясь втравить турок в войну против России. Швеция навсегда покинула разряд сильнейших мировых держав и во многом должна быть благодарна за это гетману Мазепе, которого по большому счету никогда не интересовала ни Швеция, ни Россия, ни Польша, ни Турция, ни Украина.

И это прекрасно понимали все его современники, являлись они друзьями Петра, или его непримиримыми врагами. Умер Мазепа в Бендерах, став свидетелем собственного краха, умер в неизвестности и позоре, покинутый почти всеми. По настоянию Карла, преемником Мазепы стал генеральный писарь Филипп Орлик, один из немногих сохранивших верность покойному гетману до конца. В Бендерах, оставшись без средств и поддержки, потеряв самостоятельность, Орлик довершил дело Мазепы последних и самых неудачных лет его жизни, – признал «вечный протекторат» Швеции над Украиной. Орлик упорно и настойчиво пытался втянуть Крымское ханство в войну против России, обещая Бахчисараю всенародную поддержку казачества в борьбе против «москалей». Но охотников верить этим посулам уже не находилось.

После неудачного Прутского похода Петра I Россия возвратила туркам Азов, но зато Турция твердо вышла из числа потенциальных союзников бендерского сидельца Карла XII. Шведский король был взбешен. Он наотрез отказался покинуть Варницу, яростно ругал турецких сановников за подписанный мир и пытался любым

образом спровоцировать новую войну между Турцией и Россией. Дело дошло до того, что великий визирь по секрету сказал русскому дипломату Петру Шафирову, что он, «визирь, шведа (т.е. Карла) почитал за умного человека, а теперь признает его за самого дурака и сумасбродного скота». А после того, как шведский король учинил в Бендерской крепости «калабалык» – вооруженную потасовку, – турки насильственно выдворили Карла из Бендер. Его схватили и отвезли в турецкий замок Тимурташ близ Адрианополя. Так бесславно закончился этот «полтавско-бендерский» период в жизни шведского монарха. А для Петровской России этот период стал трамплином к новым победам, к собственному самоутверждению.

И в заключение, – два слова о нашей с вами современности. Оранжевые власти Украины учредили государственную награду – «Крест Мазепы». Никто не оспаривает право самостийной власти учреждать любые награды и возвеличивать в качестве героя любого персонажа своей истории. Но им, властям и учредителям, наверняка известно, что Мазепа пять раз присягал своим хозяевам на вечную верность. При этом четыре раза целовал крест. А потом переходил к врагу своего хозяина с новым крестоцелованием. И повторял это вновь и вновь. Так что цена этой награды очевидна не только народу Украины, но и всему миру. И мы все прекрасно понимаем, кто на Украине по-настоящему достоин этой оригинальной награды. Пусть носит ее с гордостью. Заслужил по праву!

В прессе уже прозвучало предложение одного их депутатов Государственной Думы России о том, что неплохо было бы в ответ на введение новой награды на Украине «Крест Мазепы» вспомнить и об «Ордене Иуды», который Петр Алексеевич учредил специально для гетмана Мазепы. И неплохо было бы награждать этим орденом автоматически всех кавалеров, удостоенных «Креста Мазепы». Предложение, как нам представляется, достаточно обоснованное и вполне резонное. Как говорится, народ должен знать своих героев.

ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ В НЕСОВЕРШЕННОМ МИРЕ: КЛАССОВАЯ БОРЬБА, КОСМОПОЛИТИЗМ ИЛИ ВСЕОБЩЕЕ БЛАГО?¹⁴⁵

Как известно, православие призывает своих адептов любить человечество, братски любить людей независимо от их национальности, гражданской принадлежности, от их политических взглядов, независимо от их благосостояния, происхождения, вероисповедания. Так учил в своих заповедях Спаситель Иисус Христос. Остается ли здесь место для любви к Отечеству, для патриотизма? Остается ли место для заботы о благе своей страны и своего народа, для защиты своей Родины от неприятеля, для участия в делах государственного устройства? И если да, – то место какое?

Прежде всего в этой связи хочется отметить глубокую пропасть, которая разделяет православие как истинное христианство и любого рода национализм, а тем более шовинизм и его крайнюю форму – фашизм. Трудно назвать политическую концепцию более враждебную православию чем та, которая заменяет Бога нацией, противопоставляет одну нацию другой, проповедуют национальную исключительность, делит народы на плохие и хорошие, богоизбранные и второсортные, распространяют ксенофобию, ненависть и межэтническую рознь.

С другой стороны, мы все были свидетелями как в последние десятилетия либеральная журналистика объявляла патриотизм «последним прибежищем негодяев», как любовь к Родине, к своему Отечеству становилась чуть ли не постыдным делом, недостойным гражданина цивилизованных стран в современной системе космополитических отношений. Один из современных агрессивно-либеральных журналистов даже как-то написал, что дьякон Андрей Кураев докатился до того, что не стесняется в открытую говорить о

¹⁴⁵ Покровские чтения. Книга одиннадцатая. Статьи и материалы. Тирасполь, 2010. С. 116–121.

своей любви к России! Нам предлагают отказаться от естественного для любого нормального человека чувства любви к своей Родине, чувства патриотизма.

В этом, кстати, либералы и демократы оказались в одном стане с ненавидимыми ими революционерами большевистской закалки. Ведь мы помним, кому принадлежат слова, что пролетарии не имеют своего Отечества, и кто проповедовал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И пусть в XX веке он превратился лишь в ритуальное заклинание, повторяемое обычно по привычке без всякого осмысленного намерения. Но ненависть большевистских лидеров к российскому казачеству, православному монашеству, к священникам вообще, их намерения пожертвовать целыми народами и странами, прежде всего, Россией, ради разжигания пожара мировой революции уходят своими корнями именно в узкоклассовый характер их мировоззрения. Классовость и космополитизм оказались понятиями достаточно органичными и взаимосочетаемыми в своем отрицании любви к Отечеству как две стороны одной медали.

Современные космополиты противопоставляют все человечество своему Отечеству, которое они презрительно называют «эта страна». При этом «человечество» чаще всего ограничивается для них несколькими, как они считают, «цивилизованными странами», то есть богатыми государствами, выплачивающими щедрые гранты. Хотя с точки зрения просто здравого смысла только недомыслие способно противопоставить такие понятия, как Отечество и человечество. Ибо все человечество выступает не иначе, как в форме государственных образований, различных по своему политическому устройству, по экономическому развитию, культуре, системе образования, духовной жизни и т.д. То есть Отечество каждого из народов и есть та форма объединения человечества, которая дает реальную организованную солидарность людей, слитых в единое государственное целое. Социализм обещает, что когда-нибудь все народы сольются в единое целое, объединенные одним государством или даже вообще лишенные государства, как утверждают теоретики анархизма и даже марксизма. Но пока что все это остается лишь благими пожеланиями мифологизированного сознания.

Социализм отрицает любовь к Отечеству и патриотизм, утверждая, что единение людей возможно лишь на классовой основе вну-

три классов. А поскольку нации состоят из враждебных друг другу классов, то патриотизм как бы помогает эксплуатации и классовому угнетению. Другими словами, между классами не может быть солидарности по определению, следовательно, не может быть общего Отечества для всех, не может быть патриотизма и, стало быть, – пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Мы не будем отрицать существование классовых интересов, существование классовой солидарности, – это было бы в высшей степени неблагодарным занятием. Понятно, что имущих связывают совершенно иные цели, чем неимущих. У богатых интересы и цели, основаны на сохранении своей собственности и приумножении своих богатств за счет усиления эксплуатации угнетаемых и подавляемых общественных групп в данном государстве. Цели неимущих слоев прямо противоположны интересам эксплуататорских классов.

Но мы не можем не признать и другой очевидной истины. Социализм, выдвигая на первый план классовую солидарность, обособляет ее чисто экономическими интересами, грубо говоря, интересами шкурного характера: либо приумножить свою собственность, расширяя эксплуатацию, с одной стороны, либо, с другой стороны, захватить эту собственность и разрушить эксплуатацию. Но этот межклассовый антагонизм абсолютно не принимает во внимание духовную солидарность, культурное единение, нравственную близость и единство человеческих личностей, из которых и состоит каждое Отечество. Классовые интересы, это, прежде всего экономические интересы, которые могут противоречить и даже конфликтовать с моралью, с нравственностью, с духовным миром человеческих существ. Классовая солидарность означает, что человек ценит и любит свои экономические интересы, свое стремление к обогащению и материальное благополучие. И ради своей выгоды возможны безнравственные поступки и даже преступления против Закона и Морали.

Солидарность и объединение людей на основе голого расчета и материальных выгод отрицать нельзя. Это объективная реальность, нравится она нам или нет. Но такое объединение не содержит духовной основы. Погоня за реализацией своих материальных интересов может объединить самых разных людей, даже ненавидящих друг друга. Такая солидарность не предполагает, а чаще всего исключает нравственность и духовное родство, бескорыстную любовь к челове-

ку как таковому, что и проповедует православие. А значит, классовая теория социализма, не обогащенная благородством общечеловеческой солидарности, патриотизма и любви к Отечеству, превращается в банальную проповедь грубейшего эгоизма, пусть и подслащенную туманными рассуждениями о будущем общечеловеческом царстве свободы.

Но истинный патриотизм в его православном понимании проникнут идеей всеобщего блага, блага для своей Родины, для своих соотечественников. Вспомним, что говорил великий князь Ярослав, – «Вот я отхожу от света, – сказал умирающий Ярослав своим сыновьям. – Любите друг друга, потому что вы братья родные... Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами... если же станете ненавидеть друг друга, то и *сами погибнете, и погубите землю отцов своих и дедов, которую они добыли великим трудом своим*». Мысль эта о всеобщем благе соотечественников пронизывает всю созидательную деятельность и помыслы лучших людей русской истории и православных ее подвижников.

И мы не находим этой идеи в других христианских конфессиях, – ни у католиков, ни, тем более, у протестантов. Разве можно себе представить, чтобы кто-нибудь из Людовиков произнес слова, хоть близко напоминающие речь великого Петра перед Полтавским сражением, – «А о Петре ведайте, что не дорога ему жизнь; жила бы Россия в чести и славе». Мы скорее вспомним хвастливую формулу «Государство – это я!», неважно вывел ли ее Людовик XIV, Елизавета I или Вильгельм II. А мог бы американский фермер (не говоря уж о «цветном» рабе) совершить за Веру, Царя и Отечество что-либо подобное тому, что сделал Иван Сусанин в костромских лесах, спасая Михаила Федоровича Романова?!

Да, бесспорно, в обществе существует между людьми и насилие, и несправедливость, и угнетение. Существует и классовая эксплуатация. Но православная идея всеобщего блага позволяет и классам и человеческим личностям внутри общества проявить солидарность на общей для всех нравственной основе и духовном единении, на выгодном для всех обмене услугами. Русские князья защищали со своими дружинами жителей Руси от набегов половцев, печенегов, хазар и прочих кочевников. Русские земли платили князьям дань, они были руководителями, судьями, устроителями основ государственности,

без которой все русские были бы просто вырезаны воинственными племенами степняков. И это был обмен услуг на уровне общественного договора.

Князь Игорь пришел к древлянам за данью, они выплатили ему эту дань сполна. Но когда Игорю показалось, что он может собрать еще больше, древляне заговорили о нем как о волке, повадившемся в стаю, и убили князя. Они посчитали, что он нарушил этот признаваемый всеми договор. Ольга жестоко отомстила древлянам, но и она, видимо, посчитала, что ее супруг пошел дальше этого обмена услугами внутри общества. А это можно расценить как усиление эксплуатации. Поэтому Ольга тут же занялась наведением порядка в сборе налогов, введением различных «уставов», «уроков» и прочего, занялась государственным устройством русских земель. Так уже в самых первых дошедших до нас известиях о процессах зарождения русской государственности мы можем обнаружить не ставку на грубое насилие и беззакония, а нечто иное. Это – учреждение отношений, основанных на взаимослужбах классов. Здесь смерды составляли основу экономического богатства державы, дружинники защищали их жизни и семьи, князья и бояре выступали в роли судей, руководителей, государственных мужей Русской земли.

Патриотизм, основанный на таких взаимоотношениях, рассматривался Православной церковью не как созерцательная абстрактная любовь к родной природе или поклонение каким-то институтам и установлением существующего государства. Православный патриотизм всегда деятелен. Церковь никогда не уходила от защиты Отечества, от радений за благо народа, за его просвещение, а подчас и его вразумление. Почитаемые православными людьми святые и великомученики – это всегда искренние и деятельные патриоты своего Отечества, его защитники, просветители, духовные наставники и поводыри, – Кирилл и Мефодий, Александр Невский, Димитрий Донской, Сергей Радонежский, Михаил Тверской, Паисий Величковский, Дмитрий Солунский, адмирал Федор Ушаков, Амвросий Оптинский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский, Павел Флоренский и другие. Они были из разных пластов нашего народа, но все они верой и правдой служили единому и общему для всех Отечеству.

Разделение нации на классы, – это неизбежность исторических реалий, как и связь того или иного класса с государственной властью.

Но, исполняя в государстве различные функции, граждане и классы могут и должны работать на всеобщее благо, достигая не эгоистических и своекорыстных целей, а удовлетворяя совокупные интересы своего Отечества, то есть всех вместе и каждого в отдельности. И в этом – краеугольный камень патриотизма в его православном понимании. Отрадно, что возрожденная Русская Православная Церковь заняла подобающее место в нашем поруганном, но оживающем и встающем с колен общем Отечестве.

Мы ежедневно можем наблюдать, с какой активной готовностью Церковь принимает участие в самых различных малых и больших делах возрождающейся Русской земли. Это и реформы в области образования, и проповедь традиционных основ православной культуры, воспитание юных граждан в духе патриотизма, осознания подрастающим поколением своих исторических и духовных корней. Церковь использует не только амвоны, но и телевидение, радио, печать, средства массовой информации, школы и вузы, форумы и дискуссии, все другие возможности для решения благородных задач объединения людей и народов в братском союзе мира и любви. Думаю, что и наша конференция «Покровские чтения», которая проводится в одиннадцатый раз, является еще одним наглядным свидетельством и примером деятельного патриотизма Православной Церкви.

Кончина Его святейшества Патриарха Всея Руси Алексия II, вызвала искреннюю скорбь у носителей православного сознания всего мира. Это был один из тех ревностных хранителей устоев веры, который своим личным участием во многом определил и направил основные пути возрождения православной духовности, возрождения Великой России в современном мире. Да, наш мир, к сожалению, несовершенен, увы, – греховен и, к несчастью, – разделен антагонизмами и катаклизмами.

Но его спасение не в усилении классовой борьбы и новых массовых кровопролитиях, насилиях и войнах. Тем более, – не в национализме и ксенофобии с их новыми концлагерями и газовыми камерами для «неполноценных рас». И не в примитивном космополитизме с его отрицанием Отечества и уничтожением собственного государства с вполне понятными и щедро оплачиваемыми панегириками в адрес чужого государства.

Идея всеобщего блага, осмеянная и большевиками, и нацистами, и космополитами, – это идея православного мирозозерцания и действенной жизненной активности. Эта идея, как историческая особенность нашего православного сознания, продолжает оставаться и жить в сердцах современников, пожалуй, как самый добрый и самый позитивный момент нашего древнего духовного наследия в общественно-политической жизни. История совершенно ясно показывает, что наш народ страдал и впадал в ярость, в первобытную дикость, в грех бездуховности, когда отказывался жить по этому завету предков. Он же переживал самые удачные, самые благополучные и самые лучшие времена на своем историческом пути, когда возвращался к этой идее, когда жил по правде, а не по лжи.

ПОЧЕМУ МАЗЕПЕ, А НЕ ВИШНЕВЕЦКОМУ?¹⁴⁶

По мнению профессора истории Приднестровского университета, разыгрывание в Приднестровье украинской националистической карты обречено на провал.

Одним из немногих представителей приднестровской научной общественности, публично осудивших закладку в Бендерах памятника гетману Ивану Мазепе, стал заведующий кафедрой отечественной истории ПГУ имени Т.Г. Шевченко, заместитель ответственного редактора академического труда «История Приднестровской Молдавской Республики», кандидат исторических наук Николай Бабилунга. В интервью корреспонденту ИА «Русская Линия» историк комментирует ситуацию, складывающуюся вокруг пресловутого памятника в Бендерах.

– Николай Вадимович, как лично Вы, с позиции историка, оцениваете личность гетмана Ивана Мазепы?

– Иван Степанович Мазепа был человеком в высшей степени неординарным и экстравагантным. Он успешно служил при дворе польского короля Яна II Казимира, послужил и украинским гетманам Ивану Выговскому, Юрию Хмельницкому, Петру Тетере. Служил писарем в войске правобережного гетмана Петра Дорошенко, а потом столь же успешно переметнулся на сторону гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича. Затем поучаствовал в свержении Самойловича и принес, на святом кресте и Евангелии, клятву на верность России.

Будучи очень богатым человеком – а ему только на Украине принадлежало более 100 тысяч крестьян, да и в Великороссии свыше 20 тысяч душ – он жертвовал деньги на строительство православных церквей и одновременно вел переговоры с католическими странами Швецией и Польшей, пытаясь, в нарушение клятвы, ударить в спину православной России, за это был отлучен от Православной Церкви.

¹⁴⁶ Портал ИА «Русская линия». <http://www.rusk.ru/st.php?idar=113435>

Послужил Мазепа и русскому царю: сражался против крымчаков, ходил на Очаков. Помогая Петру в войне против шведского короля Карла XII, вел переговоры со шведской марионеткой польским королем Станиславом Лещинским о переходе Украины под польскую католическую корону. Сумел увести к шведам около 5 тысяч казаков. Вся остальная казачья масса, как и всё население Слободской Украины, не поддержали изменника и сохранили верность России. Не поддержанный собственными казаками, он опирался на мощь шведских штыков. Видя полный крах своих начинаний, Мазепа пытается подольститься к Царю и начать переговоры о возвращении в русское подданство. Но Петр отверг напрочь эти попытки и не простил предателя, отрешив его от гетманства, заочно наградив его «орденом Иуды» и жестоко разрушив «гнездо измены» – резиденцию Мазепы город Батурин.

Сам Мазепа после разгрома шведов под Полтавой бежал под защиту турецкого визиря в Бендерскую крепость. Здесь он попытался втравить турков и шведов в войну против России, но вскоре умер. По настоянию шведского короля место Мазепы занял генеральный писарь Филипп Орлик, который «продолжил дело» Мазепы признав «вечный протекторат» Швеции над Украиной и союз с крымским ханом в войне против России. Мазепу похоронили в Галаце на Дунае, а не в Бендерах, как почему-то считают некоторые наши современники.

– Достояна ли, на Ваш взгляд, такая «экстравагантная историческая личность» памятника на земле Приднестровья?

– Очень сильно сомневаюсь. И это мягко сказано. Мы знаем, как относятся к этому деятелю власти современной Украины: его представляют чуть ли не в роли евроинтегратора, чуть ли не первого украинца, попросившегося в НАТО за 250 лет до создания этого блока. Мы из Приднестровья не можем властям Украины указывать, кто из их гетманов более достоин почитания потомков. Каждый народ, в конце концов, сам определяет своих героев. Кто-то в Прибалтике ставит памятники эсесовцам, кто-то в Карпатах – Бандере, кто-то за Прутом – маршалу Антонеску, кто-то почитает генерала Власова, а кому-то, возможно, любезнее всех – Мазепа. Дело хозяйское. Но нам, приднестровцам, не к лицу возводить памятники предателям России. Не наши это герои.

Кстати, когда Орлик уже после смерти Мазепы попытался сколотить армию из своих единомышленников для войны против «москалей», население Приднестровья не только не поддержало эту авантюру, но и оказало ему сопротивление. Собравшееся под Бендерами пестрое воинство из татар, ногайцев и поляков Станислава Лещинского, двинувшись по левому берегу Днестра на север, встретили абсолютную враждебность местного населения. Оценив бесперспективность новой войны с русскими, они вновь перешли Днестр и ушли в Польшу.

– К каким внешнеполитическим последствиям для Приднестровья, и в первую очередь в отношениях с Россией, приведёт установка памятника Мазепе в Бендерах? Как скажется подобная акция на отношениях в Кремле к существующему в Приднестровье режиму и к его политической элите? Не заплатят ли приднестровцы за эту авантюру втридорога?

– Не исключаю, что кто-то добивается именно этого. Но не думаю, что все так беспросветно и безнадежно. В Кремле есть люди достаточно умные, чтобы понимать, – борьба с памятниками, как и возведение новых обелисков достаточно одиозным историческим фигурам, а подчас и просто патологическим русофобам, – это болезнь роста, которую надо пережить. Освободившись от мифической «советской империи» (где «метрополия», вместо того чтобы высасывать из «колоний» последние соки, щедро содержала их, отдавая свои последние), неофиты новых государственных образований в первую очередь боятся ответа перед своими народами, – что вы натворили? зачем вы это сделали? кто вам это позволил? Поэтому антирусская истерия нагнетается там с каким-то нечеловеческим усердием и фанатизмом. Мы видим это не только на Украине, но и в Прибалтике, и Грузии, и в Молдавии, и в других странах. Это противно, это обидно, это мерзко, но это так. Вряд ли есть резон ожидать от Москвы выстраивания своей стратегии в зависимости от того, какой памятник снесут или, наоборот, возведут там или сям. Поэтому не думаю, что возведение памятника Мазепе хоть как-то отразится на отношениях России и Приднестровья. Не говоря уже о том, что у Москвы есть гораздо более существенные поводы для серьезных претензий к приднестровской элите.

– Является ли т. н. «украинская общественность Приднестровья» (имеются в виду не 200 тысяч рядовых приднестровских украинцев, а так называемые «профессиональные украинцы») самостоятельным политическим игроком, способным поссорить Тирасполь с Москвой? Насколько эта «профессионально-украинская» политическая группировка способна оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Приднестровья?

– Действительно, мы замечали уже не раз, что люди, считающие себя «приднестровской политической элитой», достаточно бесцеремонно разыгрывают так называемую «украинскую карту», вдруг совершенно неожиданно заявляя, что «на России свет клином не сошелся», что у нас в запасе есть еще Украина, да и вообще, – «многовекторность» – чуть ли не наша «генеральная линия». Рассорить между собой приднестровское общество эти люди не могут, как не могли и недавние антимолдавские политические экзерсисы некоторых «идеологов» и «советников» распалить здесь внутренние конфликты и неурядицы.

– Вы имеете в виду недавнюю постыдную травлю доцента кафедры отечественной истории ПГУ Петра Шорникова, издавшего монографию «Молдавская самобытность», которая, по мнению советника президента ПМР Анны Волковой, «исследует национальные проблемы молдаван, не имеющие отношения к Приднестровью»?

– И это в том числе. Но не удастся им это, поверьте. Как ни хотелось бы разрушить наше единство тем, кто не способен проводить реальную толерантную политику в полиэтническом и поликультурном обществе, а стремится лишь ловить рыбку в мутной воде. Я никогда не оценивал высоко и их шансы поссорить нас с Россией. Не думаю, что эти люди способны помешать нашим международным связям и нашему внешнеполитическому имиджу. Но натворить пакостей они могут. Этим и заняты. Это было и, вероятно, еще будет.

– Возможно ли в Приднестровье появление агрессивно-националистической группировки, которая, при наплевательстве, а порой и откровенном сочувствии властей, с точностью воспроизведёт кишинёвский сценарий конца 80-х – начала 90-х? Могут

ли господ В. Боднар, Л. Ткачук и прочие стать «приднестровско-украинским» вариантом Леонида Лари, Григория Виеру и Иона Хадыркэ – известных организаторов русофобской кампании в Молдавии в конце 80-х годов?

– Никаких «приднестровских хадырок» у нас не будет. От отдельных малахольных экземпляров, конечно, никто никогда и нигде не застрахован. Но за 200 лет своей истории и особенно за два десятка последних лет развития собственной государственности у нашего народа выработалось терпимое отношение к окружающим этносам, к другой культуре, другому мировоззрению. Эта толерантность у нас уже в крови и ее ни изменить, ни отменить в массовом порядке просто не удастся никакими истеричными припадками свихнувшихся интеллигентов в первом поколении на почве своего «национального возрождения» и параноидального желания «осчастливить» в один прекрасный момент свою нацию какой-нибудь «красивой» национальной идеей, вроде того, что Мазепа, с его животной злостью и ненавистью к русским, был первым «евроинтегратором» в украинской истории. Да и сами приднестровские украинцы этого не позволят. Ведь даже на самой Украине профессиональный русофоб, президент Ющенко, оказался без всякой массовой и надежной поддержки, не считая какой-то части обозленных и слепых в своей русофобии «западенцев».

– Кто, на Ваш взгляд, из представителей малороссийского казачества более достоин быть увековеченным на земле Приднестровья?

– Поймите, все персонажи приднестровской истории имеют право на нашу память и соответствующее отношение. Но вряд ли мы будем достойны памяти своих героических предков, если начнем увековечивать султана Сулеймана или султана Селима, польского короля Сигизмунда II Августа или крымского хана Менгли-Гирея. Как их будем изображать, – рубящими головы наших соотечественников и оскверняющими наши святыни? Тогда уж не поставит ли нам заодно и памятник профессору Алексяну, губернатору «Транснистрии» в годы румыно-фашистской оккупации 1941 – 1944 гг.?! Наверное, и его поклонники найдутся где-то рядом!

Что касается меня, то я бы установил в Приднестровье памятник основателю Запорожской Сечи Дмитрию Михайловичу Вишневец-

кому (Байде), который использовал Приднестровье как плацдарм, чтобы объединить под одним православным скипетром Сечь и Молдавское княжество, освободив Молдавию от турков, а Украину от поляков и татар. А разве молдавский господарь Иоанн Лютый и гетман Иван Свирговский (Сверчевский), освободившие на время Молдавию от турков и взявшие Бендерскую крепость в 1574 году, менее достойны нашей памяти именно в Бендерах, чем Мазепа? Или почему бы не возвести в Бендерах памятник гетманам Григорию Лободе и Северину Наливайко, под командованием которых объединенные силы молдаван и запорожцев разгромили здесь турецкие войска в 1595 году, хотя и сами понесли тяжелые потери?! Да и мало ли во всей нашей истории достойных имен?! Гетман Мазепа в их число явно не входит.

Владимир Букарский, специально для Русской Линии

НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ПОДОЛЬЯ (малоизвестный эпизод отечественной истории)¹⁴⁷

Как известно, изгнание монголо-татар из Подольского улуса во второй половине XIV в. положило начало объединению части восточнославянских древнерусских православных княжеств и возрождению славянской цивилизации в Приднестровских землях. Однако польские притязания на эти территории, польско-литовское соперничество за Подолье, которое переросло в ожесточенную кровопролитную войну 1431 г., в конечном итоге прервало процессы славяно-православной стабилизации Днестровско-Бугского междуречья.

Подолье оказалось в невыгодном положении пограничья между Литвой, Польшей, Венгрией и Молдавией, а с XVI в. Приднестровские земли были зажаты между двумя враждующими между собой системами, – миром магометанства (Османская империя, Крымское ханство) и миром католичества (Польша, Литва, Венгрия, затем, – Речь Посполитая). Истощая свои силы вместе с Польшей в бесконечной борьбе с Московской Русью, после Люблинской унии литовцы стали отказываться от православия и массами принимать католическую веру, поскольку все льготы и преимущества, все привилегии в Речи Посполитой предоставлялись только католикам.

Несколько столетий местное православное население находилось под беспримерным прессом католической реакции. И все это время не затихала борьба угнетенных народов против жестоких работодателей, борьба, в которой поддержка и помощь православного Российского государства становилась естественной и необходимой функцией складывающегося братства искусственно разъединенных

¹⁴⁷ Приднестровское Подолье: история и современность // Международная научно-практическая конференция 21–23 ноября 2008 г. Тирасполь. – Тирасполь, 2008. С. 118–125.

народов. Польско-турецкие войны XVII в. показали полную неспособность поляков защитить население Речи Посполитой от османских и татарских грабительских набегов, а в 1672 г. по Бучацкому миру Польша передает Турции на четверть века Приднестровские земли севернее речки Ягорлык. Местные жители как и вся их экономическая, социальная и духовная жизнь, попадают в зависимость от турецких захватчиков, от их ставленников и марионеток, – сначала гетмана Петра Дорошенко, затем – «малороссийского князя» Юрия Хмельницкого и, наконец, молдавского господаря Георгия Дуки, которыми реально управлял каменецкий паша Халиль. В руках всемогущего паши Халиля находились все воинские подразделения османов не только в Подолье, но и в турецких крепостях на Днестре и Дунае, в Бендерах, Аккермане, Килие. И лишь усиливавшаяся мощь Российского государства, которая проявилась в русско-турецких войнах в XVIII в., могла спасти угнетенные православные народы от духовного и физического уничтожения.

Северная часть современной ПМР вошла в состав России не по Ясскому миру 1791 г., с которого мы обычно и ведем отсчет нового периода в истории Приднестровья, а несколько позже, – по Конвенции 1793 г. между Россией и Пруссией о 2-м разделе Польши. Эта страница нашей истории гораздо меньше известна общественности и насыщена сложными хитросплетениями дипломатических интриг в политическом противостоянии великих держав. И можно считать совсем неизвестным для широкой общественности некое событие, хотя и несостоявшееся, но вполне возможное. Для всех нас звучит достаточно банально фраза о том, что история не имеет сослагательного наклонения – что было бы, если бы... Но профессионалы знают, как часто судьбы целых народов и поколений зависят от случая, зачастую нелепого, а зачастую и глубоко обусловленного.

Приднестровье, как составная часть Подолья, оказалось в гуще разнообразнейших исторических, экономических, геополитических, конфессиональных противоречий государств, правительств и народов Восточной Европы последних десятилетий XVIII – первых десятилетий XIX в. В этом водовороте фактов и событий политику России отличала неизменная последовательность и настойчивость в отношении поддержки поработанных Польшей православных народов. Но, как мы в этом убедимся, данная политика могла прерваться

и резко измениться в силу чисто случайных причин. По роковому стечению обстоятельств Россия могла в одночасье потерять не только Каменку и северную часть Приднестровья, но и все историческое Подолье. Этой случайности, которая могла бы существенно изменить нашу историю, к счастью не произошло. И об этом эпизоде так и не свершившегося крутого поворота хотелось бы подробнее рассказать. Ибо, на мой взгляд, он содержит ряд интереснейших деталей и поучительных моментов.

После Кревской унии 1385 г., соединившей в династическом союзе православное Русско-литовское государство с католической Польшей, и, особенно, после Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в одно государство, шел интенсивный процесс полонизации украинских и белорусских земель, в том числе и Подолья, частью которого в те времена было Приднестровье. А Брестская уния 1596 г., объединившая православную и католическую церковь в одну – униатскую – на территории Речи Посполитой в интересах Ватикана, знаменовала установление тяжелого национального гнета и духовного подавления православных народов, помимо своей воли оказавшихся в пределах чуждого и духовно враждебного им государства.

«Схизматики» и «диссиденты» – как называли поляки в Речи Посполитой православных жителей – повели долгую, многотрудную и кровавую борьбу за свое освобождение. Православное Российское государство неизменно оказывало борющимся братским народам всю возможную помощь. Национально-освободительная борьба украинского народа против иностранного угнетения и католического подавления привела к воссоединению Украины с Россией, что официально было провозглашено на Переяславской Раде 8(18) января 1654 г., 350-летие которой столь красноречивым молчанием отметила не так давно «незалежна» Украина. Тем не менее, часть древних восточнославянских земель оставалась под гнетом Речи Посполитой, официально просуществовавшей до 1795 г.

Положение усложняется в начале XIX в. Наполеон Бонапарт в 1807 г. создает на захваченных французами землях герцогство Варшавское, а затем присоединяет к нему всю Западную Галицию с Краковом, т.е. территорию, полученную Австрией по 3-му разделу. Это вызвало в России беспокойство и неудовольствие. По настоянию

Петербурга между Россией и Францией в 1810 г. подписывается Конвенция, по которой Россия получала гарантию на вечное владение землями Украины и Белоруссии. Эта гарантия распространялась, естественно, и на Каменку, и на земли Приднестровья, земли Подолья. Российское правительство немедленно ратифицировало эту Конвенцию, но со стороны Франции ответного шага не последовало.

Дело в том, что Наполеон в это время сватался в женихи к сестре российского императора Анне Павловне. Александр не хотел этого брака. Во время тайных переговоров Бонапарт получил от российского императора твердый отрицательный ответ на свои предложения руки и сердца венценосной невесте. В ярости он отказался гарантировать России неприкосновенность ее новоприобретенных восточнославянских земель и даже потребовал от Петербурга отказа от польских территорий. Это привело к резкому ухудшению русско-французских отношений и, в конечном итоге, послужило поводом к войне 1812 г.

Все это, в общем-то, достаточно хорошо изучено и отражено в литературе. Гораздо менее известны колебания Александра в отношении проводимого русской дипломатией курса уже после разгрома наполеоновской Франции. С этими колебаниями связан эпизод, упомянутый в книге известного историка-эмигранта, профессора Юрьевского университета И.И.Лаппо «Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом» (Прага, 1924). Суть его состоит в следующем.

Император Александр I был очарован крупным сановником и своим фаворитом Адамом Чарторыйским, под влиянием которого стал благосклонно воспринимать требования польской националистической идеи. Кто такой Чарторыйский? Родился в богатой аристократической семье и получил блестящее образование. Адам учился в Англии, где изучал конституционное законодательство. В 1792 г. этот юноша принимает участие в военных действиях против русских, затем снова эмигрирует в Англию. После восстания Костюшки имение Чарторыйских было конфисковано. И тогда родители посылают Адама с братом ко двору Екатерины в качестве залога своей лояльности, поскольку императрица пообещала возвратить молодым Чарторыйским их собственность. В Петербурге Адам сближается с великим князем Александром Павловичем, что вызвало подозрение у Павла

I и он отсылает Адама Чарторыйского послом в Сардинию. Однако Александр, вступив на престол, вновь приближает к себе польского друга. Как член «негласного комитета» Чарторыйский пользуется безграничным доверием императора и становится помощником государственного канцлера Воронцова, а затем и непосредственно руководит Министерством иностранных дел.

Адам Чарторыйский разрабатывает план переустройства Европы, в основе которого был союз России с Англией и Австрией, объявление войны Наполеону и восстановление Польско-литовского государства, теперь уже в самой тесной унии с Россией. Поражение союзников под Аустерлицем означало провал этого плана, и Чарторыйский покинул пост министра, хотя и продолжал оказывать большое влияние на императора. На Венском конгрессе он энергично помогал Александру преодолевать все препятствия, связанные с возрождением Царства Польского. Польское общество видело в нем наместника Царства. Правда Чарторыйский получил лишь звание сенатора-воеводы и члена административного совета, но умный и способный царедворец продолжал пользоваться у царя авторитетом.

И вот, под влиянием своего советника в 1818 г. император Александр открывает в Варшаве заседание польского сейма. От близких друзей император не скрывает своих планов восстановить старую «Польшу» и вернуть ей «губернии, присоединенные» от нее к России. Наступает момент, когда по воле российского самодержца северное Приднестровье вновь могло бы оказаться «Побережным имением» магнатов Конечпольских. Приднестровская земля вместе с Украиной, Белоруссией и Привислинским краем оказалась перед вполне реальной возможностью вновь перейти под власть Польши.

Трудно сказать, что стало бы в этом случае с Бессарабией; вероятнее всего, Османская империя вновь прибрала бы ее в свои руки. И тогда местное население неизбежно подверглось бы кровавой резне и геноциду. Усиление Турции не оставляло бы шансов на освобождение и балканским народам, зато возможность их геноцида и многолетней резни становилась бы все более реальной, — и греков, и сербов, и валахов, и молдаван. Не было бы речи и об образовании Румынии. Россия снова получила бы на своих западных рубежах сильного и непримиримого извечного врага. На Украине и в Белоруссии началось

бы второе издание национально-освободительной войны, куда неизбежно была бы втянута Россия, а возможно, и другие европейские державы. Вообще исторические последствия такого тектонического сдвига в этой части Европы для ее народов просто невозможно просчитать. Хотя армянская резня турками в 1915 г. достаточно явно рисует мрачные перспективы, открывавшиеся для балканских народов при таком обороте дел. Трудно сказать, как повели бы себя с православными приднестровцами, с украинцами, молдаванами и белорусами вернувшиеся в их земли с победой поляки, католики, иезуиты, униаты.

Александр об этих возможностях не задумывался. Ему хотелось сделать приятное своему другу. И создание новой Речи Посполитой на православных славянских землях от Днестра до Днепра не казалось ему абсурдом. К счастью, в окружении императора нашелся принципиальный и смелый человек, который сумел удержать Александра от столь опрометчивого шага. Это был ни кто иной, как русский историк Николай Михайлович Карамзин, с которым самодержец поделился своими планами. Не в силах сдержать страстный протест против намерений государя, историк посылает ему в 1819 г. записку, в которой попытался доказать (и сумел доказать!), что император не имеет права осуществить эти планы. Какие же аргументы выдвинул русский историк? Почитаем это письмо.

«Вы думаете восстановить древнее королевство Польское – пишет Карамзин в записке к царю, – но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости? Можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волинию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли были уже Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра, Екатерины, которую Вы сами назвали великою...

Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности...

Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душою к отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы пред другими и пред собою. Не опустел бы, конечно, дворец. Вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу».

Вот такими лишенными подобострастной лъстивости, честными и проникновенными словами удержал историк самодержца всея Руси от унижительного и губительного для российского народа шага. И это в эпоху абсолютизма и ничем не ограниченного самодержавия! История пошла тем путем, по которому она пошла и не могла не пойти. Может быть, трудным, но достойным и лишенным безумия, глупости, предательства и позора. Вот, кажется, и все. Но...

При этом трудно удержаться от заключительной ремарки. Слишком напоминают те далекие события наше время. Я далек от мысли сравнивать Александра I Благославленного с генсеком-антикоммунистом Горбачевым, этим жалким фигляром в личине «президента СССР». Тем более, сравнивать Карамзина с Исааком Израилевичем Минцем и прочими официальными небожителями советской исторической науки! Но почему никто из них даже не попытался объяснить блаженненькому творцу «нового мышления для Советского Союза и всего мира», что выход Прибалтики из состава государства, выход Молдавии, Грузии, любой другой составной части страны, – означает ее скорую гибель. Означает начало смутного времени, национальной катастрофы невиданных масштабов. Означает эпоху неисчислимых бедствий и трагедий, кровопролития, нищеты и унижения для народов государства, которым его судьба сподобила руководить.

И каким термином определить коммунистическое самодержавие советских времен? Для императора Александра принцип «ни пяди, ни врагу, ни другу!» являлся священным и нерушимым. А для «коммунистических» и «демократических» правителей страны Горбачева, Ельцина, Яковлева, Шеварнадзе и проч. манипулировать землями и народами было не труднее, чем тасовать колоду карт, – Крым, Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия, Карабах, Черноморское

побережье, российский шельф в Приморье, на очереди были и Сахалин, и Курилы, не говоря уж о сербах и других восточноевропейских соседях и друзьях.

Видимо прав был замечательный историк в том, что дворец не опустеет, если даже Отечество становится игрищем самодержавного произвола. Только министры, генералы и прочие большие и малые чиновники тогда служат не этому Отечеству, а своим личным выгодам, а потому становятся истинными рабами. В этом свете достаточно отчетливо прорисовывается смысл горького признания Н.Г. Чернышевского – «Жалкая нация, нация рабов. Сверху донизу – все рабы!».

Что же касается отношения польских националистов к России, как прошлых, так и настоящих, то ближе всех к истине, по-моему, был в XIX в. русский галичанин русин И.Н.Ливчак, который выразился так: «Если бы дело шло о поляках угнетенных, я не решился бы поднять против них слово. Но поляки поносят весь славянский мир вовсе не за то, что их угнетают, а за то, что им не позволяют господствовать». Мне постоянно вспоминаются эти слова, когда из Кишинева раздаются голоса о нарушении прав человека в ПМР. Вся ненависть националистов Молдовы к нашей республике вызвана не тем, что их здесь притесняют, а тем, что им не позволяют тут бесчинствовать. То же самое мы встречаем у бесноватого грузинского фюрера, который жалуется всему миру на то, что Россия не позволила ему уничтожить всех осетин до последнего человека.

Как это ни странно, как это ни чудовищно, но абсурдистская логика кишиневских, грузинских, эстонских и прочих нацистов находит чуткое понимание и сочувствие в странах Запада, привыкших гордиться своими вековыми демократиями и либеральным вольнодумством со времен «Великой хартии вольностей». Бомбардировки Югославии, поощрение мусульманских фанатиков и террористов на геноцид сербов, наглость признание косовской албанской наркомафии самостоятельным государством, полное равнодушие к марширующим колоннам недобитых эсесовцев и к вопиющему нарушению гуманитарных прав в «демократической» Прибалтике абсолютно точно гармонирует со столь же полным равнодушием, слепотой и глухотой в отношении агрессии Молдовы против мирного Приднестровья в 1992 г. или сегодняшней агрессии Грузии против Южной Осетии.

При этом, нашей республике отказано даже в законном и естественном праве на защиту. Справедливое (если не сказать, слишком мягкое) наказание убийцы и террориста Илашку и его подчиненных нелюдей за их крошечные дела против наших граждан признано в Страссбурге нарушением прав человека. Логика и мораль вполне достойные Игнатия Лойолы. Католическому и протестантскому Западу, поучающему все народы мира нравственным и демократическим нормам цивилизованного существования, впору гордиться не своей стойкой приверженностью идеалам свободы и либерализма, а своей упрямой и неистребимой преданностью иезуитским принципам и методам борьбы с ненавистным ему славянством, с ненавистным ему православием. Только этому нас учит и древняя, и современная история. И Косово, и Южная Осетия, и Абхазия, и Приднестровье.

Думается, что аргументы Карамзина Александру не потеряли своего значения и в наши дни. Они могут и должны стать нашим жизненным кредо во всех принципиально важных делах, в том числе и в переговорах с Молдовой. Иного пути просто нет. Поскольку наше сохранение и процветание, в общем-то, и заключаются в этих простых словах, в этом священном правиле: «Ни пяди, ни врагу, ни другу!».

РЕАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ 1940 ГОДА В БЕССАРАБИИ И ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛДОВЫ¹⁴⁸

История, как известно, является наукой, которая в силу ряда присущих ей особенностей играет значительную роль в современном развитии любого общества, особенно в том, что касается гражданственности, сплочения и консолидации нации, формирования и развития институтов ее государственности, управления или манипуляции сознанием целых поколений. Вот почему тот, кто управляет историческим сознанием населения сегодня, тот в значительной степени управляет настоящим и даже будущим того или иного народа, той или иной страны.

Эта многократно доказанная истина особенно хорошо просматривается на примере Республики Молдова, где правящий класс с момента выхода этого государства из состава Советского Союза, и даже несколько раньше, приступил к конструированию своей особой исторической политики, т.е. стал грубо вмешивать свои политические цели и проводимую им политику в понимание исторического процесса. В настоящее время, практически весь период последних двух десятилетий власти Молдовы пытаются утвердить свою государственность не в качестве определенного самобытного историко-политического феномена со своей собственной экономической, правовой, политической и социальной системами, со своей неповторимой историей, культурой, традициями, а в виде некоей неотрывной части какого-то маловразумительного «румынского пространства».

Для реализации этой цели они взяли под полный контроль процесс формирования идеологии государства и общественного сознания, пытаясь сконструировать новую для молдаван идентичность – румынскую. Да к этому, – и формализировать презентацию Молдовы как части Румынии. И настоящими столпами новой мол-

¹⁴⁸ Проблемы национальной стратегии. // М. 2011. № 1 (6), С. 82–94.

довской идеологии в исторической политике стали четыре ключевых событий молдавской истории:

а) 1812 год трактуется ныне не как освобождение края от ига Османской империи, а как насильственное расчленение не существовавшего в то время Румынского государства и аннексия его части Россией;

б) 1918 год представляется не как насильственный захват королевской Румынией части территории своей союзницы по первой мировой войне, а как воссоединение Бессарабии с матерью-родиной, торжество исторических идеалов румынизма;

в) 1940 год манифестируется в качестве большевистского грабежа и оккупации части мирной независимой страны, а создание государственности молдавского народа союзной Молдавской ССР как незаконное и насильственное;

г) 1941 год интерпретируются как освобождение Бессарабии от советских оккупантов, а 1945 год – как новый захват части Румынии Советской армией и установления здесь антинародного большевистского режима.¹⁴⁹

В этом ряду ключевых и поворотных событий на историческом пути молдавского народа 1940 год стоит на особом месте. По его поводу было даже принято Парламентом Молдовы специальное «Заключение» по политико-юридической оценке советско-германского договора и дополнительного секретного протокола к нему, а так же их последствий для Бессарабии и Северной Буковины.¹⁵⁰ В этом примечательном документе, предоставившем Приднестровью наряду с бесспорными историческими, демографическими, экономическими, социально-культурными и прочими аргументами, также и весомые юридические основания для воссоздания своей государственности, имеются среди прочего и такие пассажи: «Настойчивые утверждения советской официальной историографии о том, что в Бессарабии в 1918 году якобы победила советская власть и тем самым она якобы стала составной частью Советского государства, были призваны

¹⁴⁹ Галинский И.Н. Фальсификация современной политической истории Молдовы в контексте проводимой государственной исторической политики. – Общественная мысль Приднестровья, 2010/ № 1, Тирасполь, С. 4

¹⁵⁰ Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова... № 41 (28 июня 1990 года) // В сб. «Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики». Тирасполь, 1993. С. 75-78.

обосновать экспорт революции и повторную аннексию Бессарабии. Борцам за реализацию так называемых революционных намерений большевиков на этой территории, как и другим борцам за сохранение империи, замаскированным под революционеров, за редким исключением иной этнической принадлежности, были чужды жизненно важные интересы сохранения и процветания целостной румынской нации».¹⁵¹

Этим, по сути своей лживым измышлением, власти Молдовы придают такое огромное значение, что данный тезис повторяется в тех или иных вариациях буквально во всех официальных учебниках по «Истории румын» или так называемой интегрированной истории. Данный тезис фактически стал своего рода «священной коровой» всех «научных», учебных, публицистических изданий официоза кишиневского режима. Он выдается за откровение, которое не требует никаких доказательств, и не допускает сомнений в своей истинности, – население Бессарабии жаждало процветать и благоденствовать в составе румынской матери-родины, и только коварство сталинской России в сговоре с гитлеровской Германией разрушило эту идиллию.

Трудно найти в современной Молдове хоть одно издание, которое бы упорно не навязывало бы своим читателям именно такой взгляд на события лета 1940 года. Но фактов, подтверждающих этот тезис, практически нет. И тогда в их поиске доходит до случаев почти анекдотических.

Некий автор из города Бендеры, известный в городе своими многочисленными воспоминаниями, которыми он делился с согражданами в местной прессе в советские времена и которые взхлеб расписывали восторг и ликование местной детворы при входе в город Красной армии, в 90-е годы стал писать нечто прямо противоположное; стал писать, что когда другие радовались и кричали от счастья, он сидел дома в одиночестве, удрученно тоскуя о потерянной навсегда румынской матери-родине.¹⁵²

Но вопрос о том, с какими настроениями жители Бессарабии встречали Красную армию и с какими они провожали уходящих

¹⁵¹ Там же. С. 76.

¹⁵² Фамилию автора и соответствующие ссылки на его «воспоминания» не приводим из этических соображений.

восвояси румын, конечно же, не праздный, тем более, если он играет столь острую политическую роль в современных борениях на общественной арене. Есть исторические факты, отраженные в разнообразных независимых друг от друга источниках. Вот один из них.

Войска Красной армии перешли Днестр по бендерскому мосту в 14 час 28 июня 1940 г. и должны были по плану через 2 часа быть в Кишиневе. Но 70-километровый путь мотопехотные части прошли медленнее, чем пешим порядком и оказались в Кишиневе только в 10 часов вечера. Почему с таким опозданием была выполнена поставленная задача? Соппротивление румын? Отнюдь! Уже у моста в Бендерах начался митинг. В селе Кицканы население вышло навстречу им с красными флагами. У здания пограничного поста при всеобщем ликовании народа был сорван румынский триколор. В Варнице, Сынжере, Меренах, Кетросах, Тодирештах, Кирке, Калфе и других селах, где проходила дорога на Кишинев, молдаване как вовремя свадьбы перегораживали дорогу столами с вином и закусками, останавливали советские механизированные колонны и не пропускали войска до тех пор, пока солдаты не отведывали угощения. Эти встречи перерастали в стихийные митинги, в праздник всего села. Крестьяне от всей души говорили речи и тосты, подобные тому, что сказал одним из первых крестьянин из Кицкан: «Дорогие мои братья! Мы ждали вас! Давно вас ждем! И вы пришли, слава Богу, что пришли. Земля наша выжата, наша жизнь горька как полынь. Земли у нас нет, и жизни тоже не было! Вы пришли, и теперь мы создадим одну семью!». ¹⁵³

Каким образом молодежь Молдовы, родившаяся через пять-шесть десятилетий после тех драматических событий, узнает о правде, когда она так тщательно скрывается властями этого государства? К счастью в нашем распоряжении имеются не только сомнительные материалы каких-то «очевидцев», готовых услужливо «вспомнить» из конъюнктурных соображений все, что только данным властям будет угодно, но и материалы объективного характера. Они могут в очень убедительной степени показать, каковы были геополитические предпочтения населения Бессарабии, т.е. за кого это население проголосовало. Но проголосовало не на плебисците, не на всенародном

¹⁵³ Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918-1940 гг.). Кишинев, 2010. С. 231,233.

опросе, референдуме – в политической практике той эпохи такие опросы были совершенно исключительным явлением, а в условиях разгоравшейся второй мировой войны так и просто невозможными и бессмысленными. И, тем не менее, практически такой референдум состоялся.

Но это был весьма своеобразный референдум, когда в отсутствии возможностей голосования руками происходило то, что с легкой руки журналистов именуется «голосованием ногами». Уникальные условия последних дней июня 1940 года предоставили всем жителям Бессарабии право выбора, право самостоятельно решать, с кем связывать свою дальнейшую судьбу, – с фашистской Румынией или Советским Союзом. Каждый житель края имел возможность либо идти в Румынию в конце июня 1940 года, присоединившись к обоям румынских войск, администрации, чиновников и священников, беспрепятственно покидавших Бессарабию, либо оставаться дома, встречая «оккупационную» Красную армию многодневными праздниками и весельем. Существовало также огромное количество бессарабцев, покинувших в годы оккупации пределы края по разным причинам. Как «проголосовали» они? Какой выбор сделали, в пользу Румынии или Советского Союза? И есть ли у нас факты, которые позволяли бы оценить результаты этого независимого и достаточно объективного референдума?

Такие материалы в нашем распоряжении есть. И они неплохо известны даже историкам Молдовы, во всяком случае, представителям старшего поколения.

Начнем с того, что теоретически Красная армия в 14 часов пополудни 28 июня 1940 года могла бы войти в малонаселенную полупустынную страну, брошенную своими жителями, ибо ничто не мешало населению покидать ее вместе с румынами, которые начали свое бегство еще с раннего утра 27 июня. Около недели жители края могли сделать свой выбор, «проголосовать ногами», покинув Бессарабию. И действительно, исход был. И даже немалый, что позволяет современным кишиневским историкам писать о массовом бегстве бессарабских румын от «безбожной власти большевиков». Но в том-то и дело что бежали не какие-то «бессарабские» румыны, а румыны самые что ни на есть настоящие, уроженцы Старого королевства, Мунтении, Олтении, Трансильвании, Баната и проч.

И ведь было, кому бежать. После установления монархо-фашистской диктатуры Кароля II в феврале 1938 года и превращения Румынии в сырьевой придаток агрессивного гитлеровского блока, воинственные настроения правящей в стране клики достигли умопомрачительного накала. В апреле 1939 года министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заверяет немецкого фюрера, в том, «что особенно важно, так это не дать распространению влияния России на европейские дела».¹⁵⁴ А в январе 1940 года румынский король, инспектируя сооружаемую в Бессарабии вдоль Днестра линию военно-стратегических укреплений, заявил в Кишиневе, что его армия настолько сильна, что может дойти и до Южного Буга, и до самой Москвы. Призывая поскорее освободить своих «братьев» в Левобережном Приднестровье и на Украине, он поручил своему Генеральному штабу начать конкретные разработки скорейшей реализации этих идей, опираясь, естественно, на необходимую помощь Германии и Японии. Проведенные в течение 1939-1940 гг. мобилизационные мероприятия позволили правящему режиму к июню 1940 года довести численность румынской армии до 39 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, 12 артиллерийских полков, и других воинских подразделений. Из них на территории Бессарабии было сосредоточено 36 дивизий и 2 бригады.¹⁵⁵

Вот вся эта многотысячная армада (впрочем, не вся, как это мы увидим дальше) вместе присланными из Бухареста чиновниками и их семьями, с колонистами и переселенцами, скупавшими за бесценок у разоренных крестьян Бессарабии земли, вместе с румынскими попами, коммерсантами, помещиками и любителями легкой наживы, хлынула за Прут. При этом, нарушая условия советской ноты от 27 июня, они безнаказанно мародерствовали, грабили жителей края, а подчас – убивали, и злобно мстили им за симпатии к Советам, как когда-то турки мстили им за симпатии к русским. Много ли их было? И какую часть в этой массе составляли бессарабцы?

¹⁵⁴ Брысякин С.К., Сытник М.К. Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969. С. 136.

¹⁵⁵ Березняков Н.В., Бобейко И.М., Копанский Я.М., Мурзак У.Г., Платон В.П. Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918-1940 гг.). Кишинев, 1970. С. 710.

Семья Бабилунги. 1955 г.

Детство

Первый день в школе

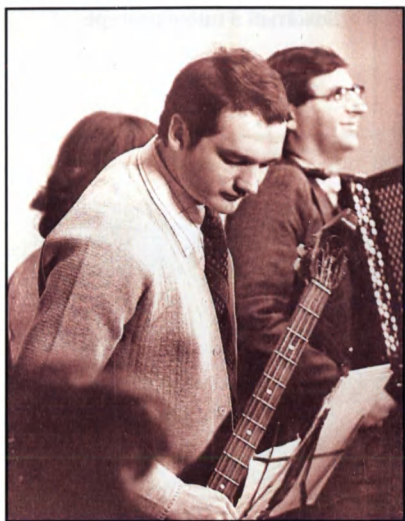

Школьные годы

Годы
студенческие

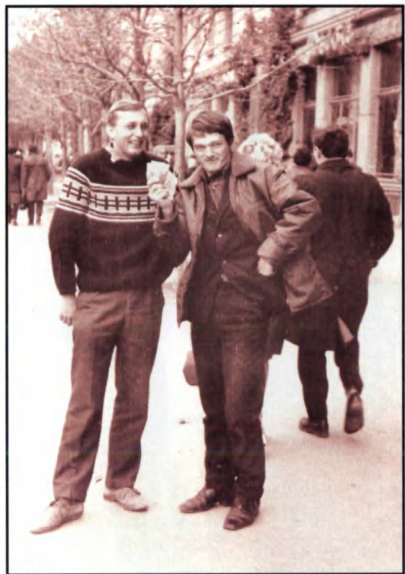

Музыкант народного оркестра

В интернациональном студенческом
строительном отряде

После первой зарплаты,
заработанной на целине

Жену нашел в море

Вожатый в пионерлагере

В Советский армии

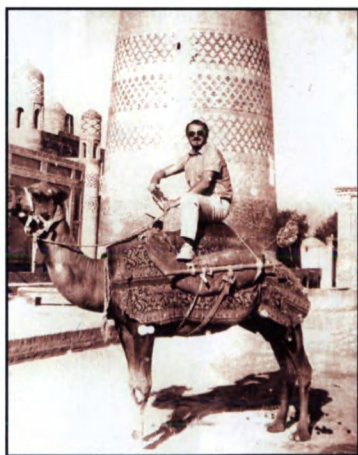
С песней по жизни

Учитель в школе

И нет всемогущего кроме...

Путешествие по Средней Азии. Хива

На свадебной пирушке

Дочь пошла в первый класс

Газетное сообщение
о первых вступительных
экзаменах в Приднестровский
госуниверситет

Дискуссия в Тираспольском
горкоме о референдуме
17 марта 1991 г.

На учредительном
съезде Союза молдаван
Приднестровья

С Ниной и Максом

В рабочем кабинете

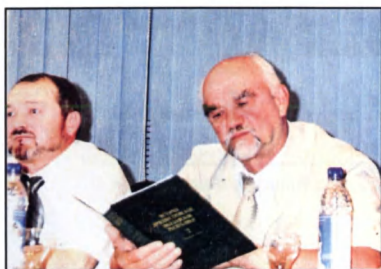
Среди выпускников исторического факультета

С коллегой Б.Г. Бомешко

Обсуждение в Российской академии наук
пилотного проекта исследований

Презентация трехтомника
«История ПМР»

Присвоение
Государственной премии ПМР

Встреча с американским коллегой
профессором Дэвидом Лэйтиным

Американский историк Л.Ф.Шуман еще в середине прошлого века привел такую цифру: «200 000 румын ушли за новую границу и примерно такое же количество пришло в оккупированные районы из самой Румынии». Интересно, что при этом автор отметил, что в «оккупированные» районы, т.е. в Бессарабию возвращалось большое количество «румын». Объяснить внятно, почему одни «румыны» бежали из Бессарабии, а другие «румыны» возвращались в «оккупированный» край, автор так и не смог, отметив лишь, что последние, видимо, просто «предпочитали власть Москвы власти Бухареста».¹⁵⁶ Мы еще вернемся к этим странным «румынам». Но пока зададимся вопросом, – а сколько среди них затесалось бессарабцев? Сколько было тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, т.е. коллаборационистов, или белогвардейцев, имевших старые счета с большевиками, со времен гражданской войны, или просто богатых местных жителей, спасавших свои капиталы и добро?

Молдавский историк П.М.Шорников обратился к этой проблеме и пришел к интересному выводу. Он обнаружил, что весной 1941 года по указанию румынского диктатора Иона Антонеску был произведен учет всех беженцев из Бессарабии. Всего зарегистрировали 82 555 человек.¹⁵⁷ Но нельзя не учитывать, что статус беженца давал ряд преимуществ и льгот и вряд ли бежавшие из Бессарабии румынские служащие, торговцы и прочие переселенцы отказались бы от получения этих льгот. Иными словами это количество покинувших Бессарабию истинных бессарабцев явно завышено, ибо включает и часть оккупантов, не имевших к краю никакого отношения, кроме временного его грабежа и управления «туземцами». Во всяком случае, американский историк румынского происхождения Г. Чорэнеску в середине 80-х годов XX века подсчитал, что всего Бессарабию покинули и переехали в Румынию в 1940–1941 гг., а затем и в 1944–1945 гг. приблизительно 50 000 бессарабцев.¹⁵⁸

Правда эта цифра не учитывает бессарабских немцев. Но это особая история. Когда Москва направила в Бухарест ноту от 26 июня

¹⁵⁶ Schuman L.F. Soviet Politics at Home and Abroad. New York. 1947. P. 397. Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 471.

¹⁵⁷ Шорников П.М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 годах. «Советская Молдавия», № 50, 15 марта 1991 г.

¹⁵⁸ Там же.

1940 года, германский посол в СССР граф Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел В.М.Молотову, что «Германия стоит на принципах Московских соглашений и не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Ее интересует лишь судьба 100 000 немцев, проживающих в Бессарабии». Шуленбург к тому же имел инструкции из Берлина информировать правительство Советского Союза, что «его решение явилось полной неожиданностью для германского правительства и что это сильно затронет германские экономические интересы и приведет к распаду больших немецких поселений в Бессарабии, а так же немецких элементов в Буковине».¹⁵⁹ В силу этого 5 сентября 1940 года Москва и Берлин подписали договор о «репатриации», по которому из Бессарабии выехало в Германию 93 548 человек, проживавших главным образом на юге Бессарабии немцев. Часть из них стала пушечным мясом в войсках СС и вермахте. Семьями бессарабских немцев нацисты заселяли как колонистами территорию оккупированной Польши.¹⁶⁰

Итак, один поток движения населения из Бессарабии на Запад насчитывал приблизительно 200 000 человек, в большинстве своем – румынских военных, полицейских, служащих, священников, чиновников и других категорий временного населения края, прибывшего сюда его колонизировать, им управлять, его румынизировать. Примерно четвертая часть из них (50 000 человек) состояла из жителей края, не пожелавших жить при власти Советов. Но был и другой поток.

«Благодеяния» румынского оккупационного режима имели своим последствием массовое бегство населения из Бессарабии за весь 22-летний период иноземного господства. Только за первые 10 лет оккупации эмиграция из Бессарабии в СССР составила 300 тыс. человек, в страны Западной Европы – 150 тыс., в Южную Америку и США – 50 тыс. человек, где были созданы многочисленные землячества и общества бессарабцев.¹⁶¹ В предвоенное десятилетие количество эмигрантов из Бессарабии несколько сократилось, но насчитывалось десятками тысяч.

¹⁵⁹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 443.

¹⁶⁰ Шорников П.М. Указ. соч.

¹⁶¹ Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 263.

Огромная часть жителей края искала спасения от голода и в самом «Старом королевстве».¹⁶² Румыны превратили Пруто-Днестровское междуречье не только в поставщика дешевого сырья, но и в поставщика дешевой рабочей силы. Как отмечали сами румынские исследователи в 1938 г., «выход за Прут крайне обнищавших сельских пролетариев и полупролетариев Бессарабии принял особенно значительные размеры».¹⁶³ А бухарестская газета «Темпо» в эти годы рисовала такую красочную картину: «Ежедневно поезда из Бессарабии выбрасывают на улицы столицы сотни голодающих молдаван, русских, болгар, евреев... В бюро по найму, на улице, на скамейках в общественных местах, в ночлежках, в окраинных трактирах, под мостами столицы – всюду, где скопляются эти несчастные, преобладает молдавский язык или русский, смешанный с еврейским... Девушки, женщины, мужчины, бросившие на произвол судьбы свои поля и мастерские в Бессарабии, в поисках работы предлагают себя жителям Бухареста за любую сумму, не за нищенское жалованье, а только за пищу, хотя бы один раз в день».¹⁶⁴ По сведениям инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 гг. за пределами края местными биржами труда было трудоустроено более 40 тыс. зарегистрированных ими безработных горожан.¹⁶⁵ Понятно, что это лишь верхушка айсберга, ибо безработных и разоренных жителей сельской местности никто и не думал регистрировать.

Эти бывшие жители Бессарабии, оказавшиеся за пределами края к июню 1940 г., также имели свободный выбор на этом своеобразном

¹⁶² Термин «Старое королевство» («Регатул векь») для современного читателя нуждается в некотором пояснении. Так бессарабцы и румынские функционеры в крае называли Румынию в ее исторических границах на 1912 г. Эти границы не включали Южную Добруджу, захваченную румынами в ходе Второй Балканской войны 1913 г., не включали Бессарабию, оккупированную румынами в январе 1918 г., а также Трансильванию (по румынски – Ардял), Банат и Северную Буковину, полученные Румынией после первой мировой войны. Румын, уроженцев «Регата», бессарабцы называли «регацанами». (Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинев, 2010. С. 130).

¹⁶³ Зеленчук В.С. Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинев. 1973. С. 30.

¹⁶⁴ Бобейко И., Копанский Я. Двадцать два года героической борьбы. Кишинев, 1966. С. 10–11.

¹⁶⁵ Кустрябова С.Ф. Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинев, 1977. С. 112.

референдуме, «проголосовать ногами» за Советы, то есть вернуться в Советскую Бессарабию и принять гражданство СССР, или остаться в Румынии, в тех странах, куда их забросила судьба. Уже в день 28 июня 1940 г. в советское посольство в Бухаресте поступило около 250 заявлений от бессарабцев с просьбами о возвращении на родину. А затем, со всех концов Румынии в сторону Прута устремились потоки людей, которые желали вернуться домой, несмотря на все препятствия и зверства против них, чинимых румынскими властями.

Американский журналист Уильям Максвелл, будучи очевидцем этих процессов, писал в статье «Бессарабия», что 28 июня 1940 г. «...в самой Румынии начался немедленный выезд из других румынских провинций молдаван, украинцев и особенно евреев в освобожденные Бессарабию и Буковину... Каждая станция вдоль железнодорожных путей, ведущих в Бессарабию, была полна людей, ожидавших поездов. Те, кто не мог найти другого способа, шли пешком, скрываясь днем в лесах во избежание возврата назад». По свидетельствам этого журналиста поезда, по дорогам в Бессарабию подвергались обстрелам из стрелкового оружия, что привело к многочисленным жертвам.¹⁶⁶

Одна из таких безнаказанных расправ произошла в Галаце 30 июня 1940 г., где на площади перед железнодорожным вокзалом собралось свыше двух тысяч докеров, членов их семейств и других выходцев из Бессарабии, ожидавших поезда на родину. Они были оцеплены румынскими жандармами и солдатами. Их держали в скученном виде на жаре и зное, лишив воды и пищи, превратив это ожидание в пытку и месть за сочувствие столь ненавидимым румынами Советам. А потом по безоружным людям открыли огонь. Было убито около 600 человек и вдвое больше ранено.¹⁶⁷ Ветеран труда жительница Бендер Людмила Горенко, участвовавшая 24 июня 2010 г. в Круглом столе «Бендеры – форпост Приднестровья в переломные моменты истории» в рамках конференции «Июнь 1940-го: Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР», была очевидцем этих событий в городе Галац, откуда они с семьей возвращались в тот день на родину. По ее словам, крови невинных жертв было так

¹⁶⁶ Maxwell W. Bessarabia. – «Soviet Russia To-day»? vol. 9, № 4, august 1940. Pp. 14, 19. Цит. по: Лазарев А.М. Указ соч., С 469.

¹⁶⁷ Лазарев А.М. Указ соч., С. 469.

много, что она буквально ручьями заливала мостовые румынского города. Это злодеяние румынских властей, по своей жестокости и масштабности соответствовавшее самым страшным преступлениям гитлеровцев против человечества, почему-то осталось почти незамеченным современниками и почти забыто потомками. Так не должно быть.

А ведь подобные расправы с репатриантами были не только в Галаце, но и в Яссах, и в других румынских городах, селах пограничных пунктах. В Яссах, например, пять тысяч беженцев, возвращавшихся в Бессарабию, были заперты без пищи и воды в небольшом здании городского вокзала, затем погружены в грязные товарные вагоны из-под угля, которые в пути обстреливались румынами, а на станциях Сокола и Николина – ограблены при полной безнаказанности преступников и попустительстве властей.¹⁶⁸ Рабочий Михаил Морозан, насильственно мобилизованный румынами на строительство военных укреплений, а затем вывезенный вместе с другими бессарабцами в Румынию, рассказывал, что когда они пожелали вернуться к себе по домам и объявили об этом, румынский офицер стал собственноручно расстреливать их команду из пистолета перед воинским строем.¹⁶⁹ Погибло большинство мобилизованных бессарабцев, вся вина которых состояла лишь в том, что они хотели возвратиться к себе домой и жить в своей стране, а не на чужбине.

Тем не менее, репатрианты возвращались на родину, несмотря на зверства румынских фашистов. Менее чем за месяц в Бессарабию из Румынии вернулось 150 тыс. беженцев и население региона возросло за месяц на 5 процентов. Но и в последующие месяцы люди возвращались в свои покинутые дома в Бессарабии, причем не только из Румынии, но и из других стран. К концу 1940 г., когда репатриация в основном закончилась, из-за границы на Родину возвратилось примерно 300 тыс. бессарабцев, в том числе из Румынии – 220 тыс. человек. Рост населения края в эти месяцы составил немногим менее 10 процентов его населения. Характерно, что бессарабские эмигранты, возвращавшиеся в родные места из Франции, Италии, Венгрии, Югославии в своих обращениях к Советскому правительству умоляли

¹⁶⁸ История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 222.

¹⁶⁹ История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 354.

ни в коем случае не эвакуировать их через Румынию, прекрасно понимая, что их там ожидает.¹⁷⁰

Однако вернемся к тому потоку, который направлялся из Бессарабии за Прут. Помимо румынских чиновников, жандармов, торговцев, священников и прочих выходцев Старого королевства, прекрасно осознававших временный характер своего пребывания в оккупированной Бессарабии, основной и количественно преобладавший элемент в этом потоке, конечно же, составляли офицеры и солдаты румынской армии. Но было бы ошибочным полагать, что румынские военнослужащие достойно, строем и с развернутыми знаменами, с песнями покидали оккупированный ими край, так и не превращенный ими в удобный плацдарм для готовившегося удара по Юго-Западным территориям СССР. Они убегали поспешно, разрушая, уничтожая то, что не могли ограбить, отбирали у населения скот, продовольствие, ценности, имущество. Деморализация бегущих войск, по признанию самих румын, была глубокой и широко распространенной. И наиболее явным ее показателем стало массовое дезертирство из румынской армии солдат-бессарабцев.

Как фиксировали агенты сигуранцы, чувства радости и восторга при известии об освобождении Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. «демонстрировались не только в рядах гражданского населения, но и в рядах армии».¹⁷¹ Массами покидали бессарабцы и буковинцы румынскую армию, скрываясь в лесах, оврагах, плавнях, домах местных жителей, ожидая подхода частей Красной армии. Многие из них погибли от рук румынских карателей, которые облавами, засадами, расстрелами без суда и следствия пытались остановить массовое бегство бессарабцев из бегущей армии. Но утратить зверскими расправами не желавших уходить в Румынию местных жителей, служащих в румынской армии было невозможно.

Целые подразделения и даже целые части королевской армии даже не дошли до Прута, если большинство в них составляли мобилизованные румынами жители Бессарабии. Солдаты просто бросали оружие и расходились по домам. Так перестала существовать как боевая единица 12-я пехотная дивизия румынской армии, ибо большинство солдат этой дивизии составляли местные жители, не

¹⁷⁰ Лазарев А.М. Указ. соч. С. 471.

¹⁷¹ Там же. С.472.

пожелавшие уходить с родины и просто разбежавшиеся при начале румынского отступления из Бессарабии. По три тысячи солдат не досчитались 7-я и 15-я пехотные дивизии.¹⁷² Причем, солдаты артиллерийского полка бросили в поле все вооружение и боеприпасы, разбежавшись по домам. Многие бессарабцы, служившие на территории самой Румынии, также попытались вернуться, за что, как уже говорилось, чаще всего расплачивались своими жизнями. Уже упомянутый американский журналист Уильям Максвелл по этому поводу писал; «Молдавские и украинские солдаты румынской армии убегали при любой возможности. В одной части при перекличке румынский офицер приказал желающим возвратиться в Бессарабию сделать шаг вперед. Надеясь, что они будут отпущены в освобожденную Бессарабию, 60 солдат вышли вперед. Они были расстреляны».¹⁷³

Только за 10 дней с 28 июня по 8 июля 1940 г. по данным румынского генштаба из румынской армии дезертировало 61970 военнослужащих, что по праву может быть занесено в качестве рекорда в знаменитую «Книгу Гиннеса».¹⁷⁴ Вряд ли в мирный период, не находясь в состоянии войны, хоть одна армия мира имела такое количество дезертиров в столь малый срок. Возвращаясь к началу нашего повествования, мы вполне можем определенно ответить на загадочный вопрос, перед которым остановился американский историк Шуман и многие другие западные, а ныне – и кишиневские и бухарестские историки.

Что же это за «румыны» такие странные, часть из которых бежала за Прут от Красной армии, а часть, рискуя своей жизнью, а подчас и отдавая ее, рискуя имуществом и здоровьем, рвалась в освобожденные от оккупации земли Бессарабии и Северной Буковины?! Все оказывается достаточно просто и легко объяснимо, если не мутить свои мозги и сознание своих читателей всевозможными побасенками о том, что Бессарабия была и остается неотъемлемой частью своей румынской «матери-родины».

¹⁷² Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1968. С. 246.

¹⁷³ Maxwell W. Bessarabia. – «Soviet Russia To-day»? vol. 9, № 4, august 1940. P. 19. Цит. по: Лазарев А.М. Указ соч., С 473.

¹⁷⁴ Суляк С.Г. Оккупация или освобождение? «Аргументы и факты – Молдова», № 26 (1547), 30 июня – июля 2010 г. С. 5.

Объективные цифры и исторические факты говорят сами за себя. В подавляющем своем большинстве бессарабцы вовсе не считали себя «румынами», а считали оккупированным и ограбляемым румынами населением. Вот почему, за самым небольшим исключением (местные коллаборационисты, связанные с оккупантами) из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане», жители Старого королевства, пришедшие на эти земли в качестве оккупантов, – чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введенные в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нечего было делать тут после освобождения края от оккупации. Основная часть населения страны и не думала ее покидать, с ликованием и цветами, фруктами и вином встречая воинов-освободителей. Родину покинула незначительная часть ее уроженцев, которая в совокупности (приплюсовывая к 1940 г. и беженцев 1944 г.) не достигала и 2 процентов населения края.

С другой стороны, десятки и сотни тысяч жителей края, оказавшихся за его пределами к июню 1940 г. возвратились на Родину, в свой освобожденный от ненавистных оккупантов край. Только с июня по декабрь 1940 г. население края увеличилось почти на 10 процентов. И это при том, что из Бессарабии бежали 200 тыс. румын и были репатриированы 100 тыс. немцев! И при том также – это очень важно заметить! – что вплоть до декабря на Днестре оставалась временная демаркационная линия и массовых передвижений населения с левого берега на правый быть не могло. Учет населения пересекавшего эту линию был строгим, а потому его цифры для нас весьма показательны. В течение второго полугодия 1940 г. из других союзных республик в молдавские районы бывшей Бессарабии прибыли 11580 человек, а из Молдавской ССР в другие республики СССР уехали 18703 человек. К этому можно добавить, что по решению правительства Украины в южной части бывшей Бессарабии расселили приблизительно 12 тыс. поляков и столько же украинцев, беженцев из Польши, после того, как Польша была захвачена гитлеровцами.¹⁷⁵

Таким образом, наш вывод совершенно очевиден и, более того, – естественен. Официально необъявленный референдум, но, тем не

¹⁷⁵ Шорников П.М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940-1941 годах. «Советская Молдавия», № 50, 15 марта 1991 г.

менее, референдум фактически состоявшийся, «голосование ногами» дал совершенно ожидаемые результаты. В абсолютном и подавляющем большинстве своем жители освобожденной Бессарабии и Северной Буковины проявили свои политические предпочтения и сделали свой геополитический выбор. Этот выбор был против оккупантов, против Румынии. Этот выбор был за освободителей, за Молдавию, за Украину. И этот выбор сделал народ. За этот выбор люди часто расплачивались своей кровью.

Ничтожное меньшинство, кучка местных коллаборационистов, землевладельцев и белогвардейцев, имевших с Советской властью старые счёты, сделали другой выбор.

Его можно уважать как право меньшинства, но его опасно вновь и вновь навязывать народу, навязывать большинству. Политика нынешнего и.о. президента Молдовы М.Гимпу и представляемой им коалиции политических сил являет собой классический пример такого навязывания. Гимпу может лично себя относить к проигравшим вторую мировую войну битым гитлеровцам или железногвардейцам. Лично для него, как и для остальных коллаборационистов, 1940 год в истории молдавского народа может представляться как своего рода трагедия. И в этом ничего удивительного нет.

Гораздо удивительнее другое. Республику Молдову (пусть и временно, и случайно!) возглавил человек, который вообще не признает молдавской государственности и стремится к ее ликвидации. Более того, не признает и молдавской нации, молдавской истории, молдавской культуры, языка, самобытности. Его указ об объявлении светлого дня освобождения Бессарабии от румынских оккупантов «днем советской оккупации» вполне объясним особенностями его мировоззрения и психики, его стратегических целей и его политики. Это в своем роде уникальный и показательный документ. Поэтому приведем его полностью и дословно:

УКАЗ № 376 от 24.06.2010
об объявлении дня 28 июня 1940 года
Днем советской оккупации

Принимая во внимание Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнитель-

ного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, утвержденное Постановлением Парламента № 149-XII от 23 июня 1990 года, в соответствии с которым 28 июня 1940 года СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края, учитывая предложения Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова, образованной Указом Президента Республики Молдова № 165-V от 14 января 2010 года, отдавая дань памяти жертвам советской оккупации 28 июня 1940 года и жертвам тоталитарного коммунистического режима и на основании статьи 77 и части (1) статьи 94 Конституции Республики Молдова,

Президент Республики Молдова ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Ст. 1. – Объявить день 28 июня 1940 года Днем советской оккупации.

Ст. 2. – Ежегодно, 28 июня, на территории Республики Молдова отмечать День советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 3. – В этот день во всех населенных пунктах республики:

- а) приспустить государственные флаги;
- б) организовать возложение цветов к могилам, памятникам и мемориалам жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима;
- в) в 10 часов объявить минуту молчания.

Ст. 4. – Органам публичной власти, предприятиям и организациям в этот день отказаться от проведения массовых развлекательных мероприятий.

Ст. 5. – Проводить во всех учебных заведениях, летних оздоровительных лагерях и базах отдыха час памяти.

Ст. 6. – Рекомендовать:

а) редакциям периодических изданий, информационным агентствам, радиостанциям и телеканалам при выпуске текущих номеров изданий и программ на 28 июня учитывать специфику этого дня;

б) примэрии муниципия Кишинэу инициировать процедуру воздвижения на Площади Великого Национального собрания перед зданием Правительства памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 7. – До воздвижения памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима це-

ремонию памяти и возложения цветов в муниципии Кишинэу проводить на Площади Великого Национального собрания на месте, где 28 июня 2010 года примэрия временно установит памятный камень.

Ст. 8. – Российской Федерации в качестве правопреемника Советского Союза безоговорочно, транспарентно и в срочном порядке вывести войска и вооружения с территории Республики Молдова.

ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Михай ГИМПУ

№ 376-V. Кишинэу, 24 июня 2010 г.¹⁷⁶

Трудно назвать что-либо более противоречащее историческим реалиям, чем подобные документы, принимаемые высшими властями республики, принимаемые людьми, исповедующими догмы румынского шовинизма и ненавидящими собственный народ. И надо отдать им должное, – по этому пути они идут твердо и последовательно. По инициативе Гимпу в Молдове даже была создана Государственная комиссия по оценке коммунистического режима и член этой комиссии некий В.Стэвилэ уже подсчитал, какую сумму должна ныне предъявить России Молдова в качестве оплаты за «ущерб», нанесенный Советским Союзом Молдавии за годы «советской оккупации». Требуемая денежная контрибуция составляет около 30 миллиардов (!) долларов.

Политические цели нынешних властей Молдовы и их политика агрессивного румынизма, очевидно, определяются не в Кишиневе, а в других столицах. Печально, что эти цели и эта политика полностью конфликтуют с миропониманием и менталитетом большинства жителей Молдовы, с этнической и политической идентификацией населения этой республики. А значит, новые трагические катаклизмы, общественное неустройство и гражданское противостояние еще ждет Молдову впереди. При полной неопределенности ее политического будущего.

¹⁷⁶ Monitorul Oficial. Nr. 107, статья №: 330 (<http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=335006{30.06.2010 17:01:51}>)

МОДЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: БИПОЛЯРНЫЙ, ОДНОПОЛЯРНЫЙ, МНОГОПОЛЯРНЫЙ (к 65-летию Великой победы над фашизмом)¹⁷⁷

Сейчас, когда после окончания Великой Отечественной войны, мир отмечает 65-летие Великой Победы над фашизмом, когда целых два поколения людей родились и живут уже после окончания самой кровопролитнейшей из войн, совсем не лишним представляется трезвый и объективный взгляд не только на причины войны, но и на причины мира. Точнее, на те условия, которые создали лидеры антифашистской коалиции в последние периоды Второй мировой войны для установления и поддержания всеобщего мира, недопущения сползания человечества к новой мировой войне.

Великая Победа над фашизмом обеспечила народам Советского Союза полвека мирного существования. В условиях мира, процветания и стабильности пять послевоенных десятилетий прожила и Европа, что, пожалуй, может считаться рекордным сроком без войн и кровопролитных конфликтов на ее территории. Да и в целом народы Земли после разгрома фашизма и милитаризма вторую половину XX века существовали, надо сказать, в относительно безопасных условиях.

И это несмотря на беспримерную в истории человечества гонку вооружений, несмотря опасное противостояние нескольких враждебных друг другу военно-политических блоков, несмотря на многочисленные локальные войны и конфликты в Африке, Азии, Латинской Америке, Ближнем Востоке. Созданная в конце Второй мировой войны система всеобщей безопасности народов планеты при всех ее недостатках и несовершенстве сумела обеспечить для

¹⁷⁷ Приднестровье в современном политическом и социально-экономическом пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции 7-8 февраля 2009 г. Тирасполь, 2009. С. 154-170.

них сравнительно мирное и безопасное будущее на столетия. Очевидно, отцы-основатели и создатели этой системы сумели критически пересмотреть свой неудачный опыт противостояния агрессору предвоенного периода, трагический опыт просчетов, неудач, ошибок, поражений и амбиций, которые обошлись человечеству непомерно высокой ценой.

Одно это уже настраивает на оптимистический лад. Как известно, ни одна страна предвоенного мира так и не сумела обеспечить свою национальную безопасность. Система коллективной безопасности с взаимными гарантиями так и не была создана. Однако с нападением Германии на Польшу, вступлением в войну Великобритании и, наконец, нападением фашистов на СССР, ситуация резко меняется. Такие разные и далеко недружелюбные друг к другу государства как США, Великобритания и СССР вынуждены были соединиться в единый союз, поскольку каждая из стран в отдельности могла потерпеть военное поражение и тем самым усугубить положение других стран.

Созданная в первый период войны антигитлеровская коалиция развивалась в сложных и противоречивых условиях. Но общий знаменатель, несмотря на конъюнктурные дипломатические и политические игры, был ясен всем: достижение полного и окончательного разгрома врага. Поэтому военные действия одновременно велись в различных регионах Земли, – на востоке Европы, в Атлантике, бассейне Тихого океана, Северной Африке, Средиземноморье, а после открытия второго фронта, – и в Западной Европе.

Баланс сил внутри коалиции не оставался неизменным. Реальный вклад Великобритании в борьбу с врагом постепенно сокращался. Зато постоянно возрастали усилия США и особенно СССР, который вынес на себе главную тяжесть борьбы с фашизмом. Все возрастающее значение союзнических отношений Америки и России закладывало предпосылки для формирования модели мира, которую позже назовут биполярным миром. Эта биполярная система мироустройства формировалась политиками обеих держав сознательно, целеустремленно и логично. Важнейшими вехами в создании этой системы стали конференции большой тройки в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), в Ялте (4 – 11 февраля 1945 г.) и Потсдаме (17 июля – 2 августа 1945 г.). Однако, ключевое, решающее значение имела именно конференция в Крыму.

Главы держав антигитлеровской коалиции обсудили в Ялте важнейшие вопросы, связанные с окончанием войны. Были подписаны документы, решающие важнейшие проблемы глобального общемирового значения. Прежде всего, это вопросы разгрома Германии, оккупации и контроля над ней, расчленения Германии (позднее этот вопрос был снят с обсуждения), вопрос о судьбе главных военных преступников. Тогда же было принято соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии, обсуждены проблемы итало-югославской границы, австро-югославской границы, югославско-болгарские взаимоотношения, проблемы Юго-Восточной Европы, положение Персии, конвенция в Монтрё и проблема проливов. Итоги Ялтинской конференции, касающиеся создания системы безопасности и послевоенного обустройства мира, нашли отражение в Декларации об освобожденной Европе и других документах.

Три государства взяли на себя важнейшие обязательства по установлению порядка в мире, основанном на уничтожении последних следов нацизма и фашизма среди освобожденных народов Европы. Эти обязательства были провозглашены открыто и честно: «Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве – сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; в) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народов и г) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов. Этой Декларацией мы снова подтверждаем... нашу решимость создать в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества».

Контуры будущего мироустройства были достаточно хорошо обдуманы и проанализированы руководителями стран антигитлеровской коалиции, в особенности же Рузвельтом и Сталиным, которые прекрасно понимали, что будущая система безопасности будет биполярной, и Великобритания в послевоенном мире никогда не сможет

занять то место, которое она занимала в прошлом. Откровенность бесед Сталина и Рузвельта приводила в негодование и раздражение даже Черчилля, который и сам по себе был достаточно прагматичным и циничным политиком, никогда не отличаясь романтическими иллюзиями и высокими принципами во всем, что касается реальной политики. Но объективно в той модели будущего послевоенного мира, которую выстраивали Сталин и Рузвельт, для Великобритании место отводилось достаточно скромное, что было весьма и весьма обидно английскому премьеру.

Рожденные в результате трудных переговоров и взаимных компромиссов формулировки ложились на бумагу, создавая по кирпичикам здание будущего европейского дома. Документы конференции несут явный отпечаток складывавшегося соотношения сил на фронтах и за столом переговоров Ливадийского дворца. Соглашение о Польше, например, гласит: «Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенный прирост территории на Севере и на Западе». Такими же выверенными и точными были положения итоговых документов о Югославии, о репарациях с Германией, о Контрольном совете для Германии, о зоне оккупации для французов и др.

Однако наиболее важные договоренности по созданию безопасного мира в послевоенный период содержались в итоговых документах о Конференции Объединенных Наций, о Совещании Министров иностранных дел, уже названная Декларация об освобожденной Европе и документ «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Большая тройка заявила: «Мы решили в ближайшее время учредить с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов».

Важнейший итоговый документ конференции для судеб послевоенного мира («Единство в организации мира, как и в ведении

войны») констатировал следующее: «Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделано в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед – народами мира...

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации представят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий этого мира».

Что это, – голубые мечты циничных и прожженных политиков? Откуда эта самоуверенность? Можно сказать, конечно, что эти принципы, были продекларированы для всеобщего потребления, для успокоения общественности своих стран и всего мира. На самом же деле лидеры стран-победителей, руководители держав антигитлеровской коалиции вовсе не были столь уж благодушными романтиками-идеалистами, ни Сталин, ни Черчилль, ни Рузвельт.

Будучи жесткими и неуступчивыми политиками, будучи политиками вполне прагматичными, они искренне пошли на согласованные решения, хотя образ будущего послевоенного мира и устройство его безопасности каждый из них представлял по-своему. Англия надеялась на сохранение Британской империи, на усиление своих позиций в Центральной Европе с разгромом и расчленением Германии. Именно Черчилль более всего настаивал на необходимости расчленить Германию, чтобы никогда больше не допустить возрождения немецкого милитаризма.

Соединенные Штаты уже начали примерять неоглобалистские одежды, намереваясь потеснить не только Германию, Японию, Францию с мировых рынков, но и свою союзницу Англию; ограничить влияние Советского Союза во всех регионах, где это только возможно. Верные политике приоритета национальных интересов, эти страны – США и Великобритания – искали для себя геополитические выгоды в той крайне тяжелой ситуации, в которой оказался Советский Союз. Они сводили до минимума свои потери в технике и людях, перекладывая главные тяжести войны против гитлеровцев на СССР, рассчитывая на ослабление социалистической державы в

войне с третьим рейхом, что должно было отодвинуть после войны СССР на второстепенные и третьестепенные роли. Эту политику по солдафонски прямо высказал еще в начале войны будущий президент Гарри Трумен; «Если мы увидим, что побеждает Германия, нам надо помогать России, если мы увидим, что побеждает Россия, нам надо помогать Германии. И пусть они убивают друг друга как можно больше».

Что же касается политики Советского Союза, то, он был заинтересован в проведении коалиционной стратегии со всеми союзниками. Интересы СССР требовали скорейшего разгрома Германии, освобождения народов Европы от фашизма, создания благоприятной внешнеполитической обстановки в мире после войны для восстановления и развития страны, укрепления ее положения. Более того, Советский Союз рассчитывал, что победа в кровопролитной войне навсегда оставит в прошлом возможность международной изоляции СССР, создания вокруг его границ всевозможных санитарных и прочих кордонов. Освобождение стран Восточной Европы героическими войсками Красной Армии, реки крови, пролитые ее солдатами за их свободу, как и всеобщая радость и энтузиазм восточноевропейских народов, их желание строить обновленные демократичные государственные системы открывали реальные возможности окружить европейские границы СССР дружескими и союзными державами.

При нейтрализации Австрии и Финляндии, денацификации Германии и ее сателлитов, создании дружественных и даже послушных Москве режимов в Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и других странах можно было надеяться, что эти территории не будут в дальнейшем использоваться как плацдарм для нападения на СССР. Ведь плачи и стоны политиков Польши, прибалтийских республик, Румынии и некоторых других неопитов Европейского Союза, о, якобы, их «оккупации» Советской армией в 1944 – 1945 гг., – продукт исключительно нашей эпохи. В те времена они не только не посмели бы издавать подобных сентенций. Да и судьбу их было бы несложно предугадать в этом случае, – называть советских солдат или солдат союзников «оккупантами» могла только геббельсовская пропаганда или союзники фашистов из числа коллаборационистов, которых, как правило, вешали в освобожденных странах их жители не дожидаясь зачастую даже и приговоров военных трибуналов..

Понятно, что цели Сталина не во всем, мягко говоря, устраивали Рузвельта и Черчилля, как впрочем, и то, что желание Англии сохранить и укрепить свою империю мало соответствовало американскому и советскому пониманию послевоенного миропорядка, а глобалистские планы американцев вытеснить с мировых рынков как Запад, так и Восток не могли не внушать беспокойство другим партнерам по переговорам. Все эти противоречия и разногласия не могли не оказывать в конечном счете своего тормозящего влияния на темпы достижения компромиссных решений. Согласованную коалиционную стратегию Англия и США были вынуждены принять только в последние 11 месяцев войны, когда отпали последние сомнения в возможности Красной Армии дойти до Берлина и Парижа без открытия второго фронта. Конференция в Ялте закрепила все достигнутые компромиссы и определила принципы европейской и мировой безопасности на вторую половину XX столетия. К сожалению, коалиционная стратегия, высшим проявлением которой была Ялтинская конференция, просуществовала недолго. И все же политика разумных и точно взвешенных компромиссов, позволившая сформировать систему послевоенной безопасности, создала прецедент непреходящего значения.

Уже в конце 1946 г. США и Англия создают на территории своей зоны оккупации Германии так называемую Бизонию, а с присоединением к ним Франции – Тризонию. Затем они проводят денежную реформу сепаратную, что своей сути, после этого прекращают свою деятельность в союзном Контрольном совете и комендатуре Берлина. Германия оказалась разделенной, несмотря на все усилия Москвы не допустить разделения этой страны и ее народа. Коалиционной стратегии был нанесен смертельный удар, началась холодная война. Однако уникальность прецедента состояла в том, что государственные и политические деятели всего мира убедились в возможностях и перспективах развития отношений даже таких разных стран как США и СССР, в случае если существует взаимное уважение национальных интересов и безопасности этих стран.

Уроки Крымской конференции, как это ни странно, подвергаются ожесточенной критике или игнорируются полностью некоторыми современными влиятельными политическими силами. Атаки идут по многим направлениям: кто-то подчеркивает принципиальную

неразрешимость противоречий между союзниками по поводу послевоенного переустройства, кто-то взвешивает достигнутые компромиссы на аптекарских весах, пытается вычислить, кто выиграл, а кто проиграл в этих соглашениях. Кто-то обвиняет лидеров США и Англии в «предательстве» интересов Запада, а кто-то считает, что Сталин пошел слишком далеко в уступках Западу, имея за спиной сильнейшую армию и готовясь уже к взятию Берлина.

Нападки на решения Ялтинской конференции станут понятнее, если учесть, что в настоящее время созданная большой тройкой система безопасности и мироустройства фактически разрушена. Развал Советского Союза, разжигание гражданских и межнациональных конфликтов на его территории, перекройка послевоенных границ в Европе, роспуск Варшавского пакта, навязчивое стремление мелких новообразованных государств вступить в НАТО, эти и другие факты свидетельствуют о ревизии итогов войны и стремлении ряда политиков создать однополярную систему мироустройства, которая вряд ли вообще возможна. Усилия Украины, Румынии, Молдовы, Польши, прибалтийских государств и некоторых других новобранцев НАТО и «Европейского дома» в корне пересмотреть и отменить созданную Большой тройкой систему безопасности, сопровождаются назойливыми русофобскими комплексами и несбыточными стремлениями отправить Россию на задворки истории. Безответственность этих стремлений не очевидна лишь тем, кто их поощряет, организывает и оплачивает. Устранение России и других славянских государств с арены мировой политики как звезд первой величины грозит страшным для мира последствием как на Западе, так и на Востоке.

Ялтинская система международной безопасности оказалась самой стабильной и надежной в обозримой мировой истории. Ни версальская система, ни Венский конгресс, ни Трианонские договоренности не обладали даже близко хоть малой частью этой надежности. Поэтому Европа ни до, ни после Ялтинской системы никогда не знала столь значительного мирного существования народов. Ялта создала новую Европу. При ее рождении великие державы не диктовали друг другу, не блефовали, не юродствовали. Они с внутренним достоинством отстаивали свои законные интересы. Поэтому Ялта стала символом ответственности фашизма за свои преступления и

символом ответственности победителей за создание системы всеобщей безопасности и сохранение мира.

Увы, ее устойчивость оказалась недолговечной. И конец этой системы был совсем другим, чем ее рождение. Ялтинские договоренности, понятно, не создавали мира всеобщей гармонии, порядка и согласия. Нет, мы жили и по-прежнему живем в мире, где щуки питаются карасями, а волки зайцами, где существует жесткая конкуренция экономических систем, валютных рынков, промышленных и аграрных технологий, существуют столкновения государственных интересов и война умов. Это не мир всеобщей любви и добра, соразмерности, пропорциональности и отдохновения, а мир союза по расчету, мир обмана и предательства. Этот мир живет и играет по своим правилам, которые прекрасно знала русская и советская дипломатия. К сожалению, в силу ряда причин Советский Союз как великая держава был не по рангу беззаботным и даже беззащитным, несмотря на свое первенство в гонке вооружений. Он оказался не готов к внутреннему предательству в условиях открытого общества и мирного сосуществования. Никаких защитных механизмов, обеспечивавших безопасность народа от измены и предательства собственных вождей, в Советском Союзе не существовало. Стоило захватить власть в стране спянной группе велеречивых краснобаев и хитроумных изменников, как СССР оказался обречен, тоталитарная система власти не предусматривала никакого контроля со стороны общества за действиями «верхов».

Как только недальновидный и безвольный говорун Горбачев выдвинул теорию «общеевропейского дома» и «нового мышления», многоопытные и ушлые политики Запада поняли всю масштабность его недомыслия и профессиональной некомпетентности в качестве лидера великой державы. Самое удивительное, что Западу как раз нужен был сильный и устойчивый Советский Союз, сложившаяся биполярная система доказала свои преимущества и могла бы еще на многие десятилетия, если – не столетия обеспечивать и поддерживать сложившуюся систему безопасности. Но и западные политики в данной ситуации не устояли перед соблазном получения дешевых сиюминутных побед и преимуществ, которые по большому счету рискуют превратиться в стратегические поражения геополитического характера. Поощряя и подбадривая горбачевский режим на

все новые и новые односторонние уступки, приверженцы неоглобалистской стратегии Запада прекрасно осознавали то, что он не понимал – реальной базой сохранения мира является международное равновесие.

Вместе с Шеварнадзе, Яковлевым, Шапошниковым, Бакатиным и другими единомышленниками из своего окружения Горбачев начал массированной отступление с завоеванных советской дипломатией позиций, даже не продавая их, а сдаявая без боя, оптом и в розницу. Его режим отказался от многотрудного пути поиска компромиссов и взаимоприемлемых уступок в деле обеспечения безопасности на паритетной основе и сохранения равновесия, что в условиях гарантированного взаимного уничтожения являлось желанной целью для всех партнеров. Любые односторонние уступки не выгодны ни одной стороне, ибо начнут рушиться механизмы поддержания мира и стабильности в региональном и глобальном масштабе. Его визави по переговорам, политики Запада понимали это, понимали и все же делали. Это была азартная и крайне опасная политическая игра. Но заманчивый соблазн возможности разрушить ялтинскую систему биполярного мироустройства и замены ее монополярным глобализмом оказался сильнее трезвого расчета и прагматичной осторожности.

До сих пор серьезные западные аналитики (газетные шавки не в счет!) так и не могут прийти к однозначному выводу, – СССР проиграл, но выиграл ли Запад? И что он выиграл? Что же в результате? СССР разбит вдребезги. Своих стратегических целей (в понимании Бжезинского) Запад добился. Но крушение ялтинской системы, гибель созданного в 1945 году миропорядка и тектонические сдвиги как результат этого события еще не до конца осознаны человечеством – к своему концу движутся организации, созданные Ялтой для поддержания этой системы: ООН, совещания министров иностранных дел, ОБСЕ и прочие.

В Европе опять уже вспыхнули кровопролитные войны, которые до Ялты постоянно потрясали народы на протяжении сотен лет. Принцип «невмешательства во внутренние дела», на котором покоилось здание Ялтинского миропорядка, сейчас заменен «правом дружеского вмешательства» в чужие дела, что, по мнению новых политиков ОБСЕ, укрепит на Земле мир и безопасность. Как объясняют дипломаты, нельзя допускать распада существующих государств,

поскольку на планете более 5 тысяч народов, но если будет более 1000 государств, наступит хаос и отношения между ними станут невозможными. Те же дипломаты все последнее десятилетие XX века кромсали границы Советского Союза и стран Восточного блока исходя из своих узкопонимаемых эгоистичных задач сиюминутного момента. Признание независимого Косова на исконной части Сербского государства навсегда свергло с пьедестала священную корову послевоенного биполярного мира, – признание территориальной целостности существующих государств незыблемой и неприкосновенной. Затем последовало признание государственности Абхазии и Южной Осетии. На повестке дня – Приднестровье. А вот и Шотландия начинает бракоразводный процесс с Англией...

А ведь Ялтинская система вовсе не отвергала категорически возможности каких-либо изменений границ, как, кстати, впоследствии и Хельсингский процесс. Она признавала право лишь на мирное изменение границ в соответствии с действующими в заинтересованных государствах конституциями и международным правом. Распад СССР и распад Югославии нарушали и то, и другое. При этом западные политики через ООН моментально признали новые страны исходя из права народов на самоопределение, а также известного закона Пи эл 86, принятого конгрессом США в 1959 г. по которому на территории СССР признавались поработенными все народы и этносы (даже ныне не существующий иудейско-хазарский), кроме русского. Но политика двойных стандартов не приносила и не может принести никаких дивидендов ее адептам, потому что эта политика, эта мораль, эта логика дикарей: хорошо, это когда я ворую свиней у соседа, плохо – когда сосед ворует моих свиней. Не может современное цивилизованное сообщество жить по этой морали, по этой логике пещерных троглодитов.

Как только ООН осватила расчленение Советского Союза, эта организация сразу признала административные границы международными, что вообще до сих пор в практике государств было невиданным и неслыханным, ибо границы делимитируются на карте и демаркируются на местности межправительственными соглашениями в течение длительного периода. Но здесь важно другое: ООН применила два принципа – самоопределения народов и нерушимости границы – практически одновременно, применяя эти

принципы в зависимости от предполагаемой выгоды для западных политиков в каждом конкретном случае по своему усмотрению. Каким-то государствам было разрешено или даже приказано разделиться, другим государствам это запретили под страхом жестокого наказания.

В случае Югославии эта тактика не прошла: сербы не согласились разделить сербский народ на 6 квазигосударств. Русские согласились. И результат, – 25 миллионов русских стали иностранцами в одну проклятую ночь, никуда не выходя из своего дома. И это народ, которому Европа обязана спасением от фашистской чумы! Кстати, последняя цифра, учитывающая весь объем потерь СССР в период войны не 20 млн, как представляли раньше, и не 27 млн, как говорил Горбачев, а около 35 млн. человек, что убедительно доказано в наши дни рядом российских исследователей.. Причем советские военные в этой цифре составляют 8 млн. 670 тыс. человек, остальные – мирные жители, ставшие жертвами фашистского геноцида и сталинских репрессий. Для сравнения: потери Англии во время войны – 0,35 млн. человек.

С разрушением Ялтинской системы СССР перестал быть субъектом политики. Его территория и почти все страны созданные на его развалинах превращены ныне в объект политики. Те, кто желает уничтожить Россию, затеяли опасную игру с огнем на этом объекте. Стремление оттеснить Россию из мировой политики, лишить ее права голоса, права на защиту законных интересов, приведет не к всемирной победе либеральных демократов буржуазного Запада. Это совершенно очевидно. Это приведет недалековидных либералов Запада к их увязанию в трясине конфликтов с исламским фундаментализмом, с африканским национализмом, а главное – с ростом могущества Китая, Индонезии, Тайваня, Японии, других «молодых тигров Востока», да и всего «желтого» мира.

Возникновение нового биполярного мира, а может быть и триполярного, если не возродится разрушенная держава, собственно говоря, уже не за горами. Так что на задворках истории при таком обороте дел может оказаться не Россия, а Запад. И тогда мировые проблемы (в том числе перераспределение ресурсов и энергетики) возьмутся решить между собой новые великие державы, – исламские и буддийские. Что же останется в таком случае делать гордым представителям «цивилизованного мира»?

Очевидно, сидеть сложа руки перед камином и перечитывать бессмертные строки Уильяма Шекспира:

«Как часто нам приходится жалеть

О том, чего мы сами добивались».

И это не какая-то гипотетическая эвентуальная возможность, а реальные тенденции мирового развития последнего времени, которые практически не знают альтернативы. За несколько последних десятилетий разрыв в доходах на душу населения между странами «золотого миллиарда» и странами «третьего мира» вырос с 20 раз в начале 60-х годов до 75 раз в наши дни. Доля мирового валового продукта, приходящегося на жителей развитых стран, составляющих 20% жителей Земли, выросла за последние десятилетия с 70 до 84 процентов. При этом доля, выпадающая на 20% самых беднейших жителей планеты, снизилась с 2,3 до 1,25 процентов. Знаменательно, что в эту последнюю категорию попали граждане Молдовы и прочих бывших социалистических стран, некогда считавшихся вполне благополучными.

Что и говорить, если только за один 1992 год, последовавший сразу за Беловежским сговором в декабре 1991 года, на территории бывшего СССР в гражданских войнах, вооруженных конфликтах и межэтнических столкновениях погибло 150 тысяч граждан, что в 11 раз (!) превышает потери Советского Союза за 10 лет войны в Афганистане. В этом печальном показателе народы бывшего Союза достигли «вершин» Африки. За прошедшие несколько десятилетий независимости африканских стран на этом континенте было убито больше людей, чем погибло или было вывезено в Америку за три столетия европейской работорговли. В большинстве государств этого региона уровень жизни устойчиво снижается и сегодня гораздо ниже, чем он был в 1985 году.

Столь же устойчиво продолжает расти количество жертв в постоянно вспыхивающих там межэтнических конфликтах. Стабильно растет напряженность в старых и новых конфликтных зонах Ближнего и Дальнего востока, Средней Азии, Южной Америки. С пугающей прогрессией увеличивается число жертв террористических актов в большинстве районов планеты, жертв объявленных и необъявленных войн на просторах бывших республик социалистического лагеря, на Балканах, Ираке, бывшей Югославии, Афганистане и других странах.

Факты, публикуемые в ежегодных докладах ООН о человеческом развитии, со всей очевидностью говорят: современный мир упрямо и стабильно движется от плохого к худшему, от худшего к еще более худшему, от него – к наихудшему. И нет никаких признаков изменения негативных тенденций. Земля становится все менее комфортной, все менее безопасной для жизни. Парадокс, но от своих «побед» страдают и разрушители ялтинской системы биполярного мироустройства, страдают не многим меньше, чем «побежденные».

Опьяненная своим якобы триумфальным выигрышем холодной войны Америка, некогда богатая и процветающая держава, в безумном угаре от собственной безнаказанности начала бомбить столицы неугодных ей стран, устанавливая лицемерные стандарты своего образа жизни, диктовать всему миру правила поведения и этикета. Щедро расточая свои далеко не беспредельные экономические, людские, военные, политические, нравственные и прочие ресурсы, эта страна постепенно и незаметно для себя втягивается в ярмо унижительной зависимости от тех государств, к которым она относилась и относится с плохо скрываемым презрением. Приход к власти в США Барака Обамы, политика пока еще достаточно загадочного и непонятого, вряд ли остановит эти негативные процессы в самой Америке. А значит, вся американская эйфория по поводу развала Советского Союза и стран восточного блока, в конечном итоге больше напоминает не праздник демократии и свободы, а пир во время чумы уже заболевших, обреченных людей.

Очевидно также, что одной из причин такой трагичной «устойчивости» в ослаблении одних стран и возвышении, усилении других стало разрушение послевоенной системы безопасности и мироустройства. Уничтожение конкурента в лице Советского Союза и Варшавского блока неизбежно повлекли за собой сначала победную эйфорию в западных столицах, иллюзию собственной всесильности и вседозволенности, бесцеремонное нарушение всех правил и норм цивилизованных отношений между народами, а вслед затем, – внутренние раздоры, ослабление Америки, кризисы в Европейском сообществе и невозможность его расширения, падение престижа и авторитета ценностей западной цивилизации, усиление мощи Китая, Японии, Индии, Малайзии, Тайваня, Кореи, стран арабского Востока.

Включение в Европейский союз Венгрии, Польши, Румынии, Болгарии и других стран бывшего социалистического блока не только не усиливает, а наоборот, — ослабляет Западную Европу. В то время, как соединение усилий в своей борьбе за выживание и геополитическое расширение мусульманских стран, умножает их силы и питает расширение экстремизма и терроризма в глобальных масштабах от которого нет спасения нигде и никому. После атаки гражданских Боингов на Пентагон и Торговый центр в Нью-Йорке это начинают наконец-то понимать даже американские политики, воспитанные на антисоветских и антирусских теориях своего престарелого изрядно тронутого молью учителя Бжезинского.

Сейчас, по прошествии 65 лет после победы над фашизмом, вероятно, было бы небезынтересно вернуться к прошедшим временам окончания войны, что бы ознакомиться с точкой зрения на будущее мироустройство побежденной стороны. Небезынтересно узнать, что думали фашисты о будущем своей страны, о будущем Европы и мира после своего неизбежного поражения?! Документ, известный на Западе как «Завещание Адольфа Гитлера», предоставляет возможность это сделать и содержит записи высказываний фюрера в беседах с Мартином Борманом, сделанные в последние три месяца его жизни. Необъективность, звериный фанатизм и ограниченность узкорасовыми и этноцентричными категориями мышление агонизирующего вождя национал-социализма непостижимым образом переплелись в них с проблесками странной прозорливости и предчувствий. Будучи уверенным, что «Германия всегда найдет себе стойких друзей среди тех людей, которые активно сопротивляются еврейской заразе» и что «японцы, китайцы и мусульманские народы всегда будут нам ближе, чем, например, Франция, несмотря на нашу родственную кровь», Гитлер следующим образом представлял себе ход дальнейшего развития:

«После поражения Рейха и предстоящего появления азиатского, африканского и, вероятно, южно-американского национализма, в мире останутся только две державы, которые в состоянии противостоять друг другу: Соединенные Штаты и советская Россия. И исторические, и географические законы вынудят обе эти державы испытать свои силы либо военным путем, либо в области экономики и идеологии. Те же самые законы неизбежно вынудят обе эти державы

стать врагами Европы. Совершенно ясно, что рано или поздно обе эти державы пожелают найти поддержку единственной выжившей нации в Европе – немцев. И я отдаю себе полный отчет в том, что скажу сейчас: любой ценой немцы должны избегать роли пешки в обоих лагерях.

При подобной конъюнктуре трудно определить – с идеологической точки зрения, – что окажется более вредным: еврейский американизм или еврейский большевизм. Возможно, что под влиянием событий русские полностью избавятся от еврейского марксизма, но только лишь для того, чтобы возродить панславизм в его самом свирепом и ненасытном виде. Что же касается американцев, то, если они не избавятся от ига нью-йоркского еврейства, то их ждет гибель еще до наступления поры зрелости. Тот факт, что они сочетают обладание колоссальной материальной силой с явным отсутствием интеллигентности, невольно наводит на мысль о ребенке, пораженном слоновой болезнью. Не суждено ли этой цивилизации погибнуть столь же быстро, как она развилась? ...

Вскоре станет ясно, что у этого колосса с глиняными ногами после его захватывающего взлета осталось сил лишь на то, чтобы вызвать свое собственное падение. И какая великолепная возможность представится желтой расе с этим внезапным падением! С точки зрения и справедливости, и истории у них будут такие же доводы (или отсутствие доводов) в оправдание их вторжения на американский континент, какие были у европейцев в XVI веке. Их многочисленные и полуголодные массы проделают то, что единственно признает история: право голодных людей утолить свой голод. Конечно, если их претензии будут подкреплены достаточной силой!»

Естественно Гитлер не был бы Гитлером, если бы он далее не заявил, что только те народы имеют шанс выжить и процветать в будущем мире, «которые способны вытравить из своих организмов смертельный яд еврейства». Но важно другое, – все претензии «голодных людей», о которых пророчествовал перед смертью бесноватый фюрер, а главное, – мобилизовавшие этих людей экстремистские режимы самого различного толка никакого недостатка в «достаточной силе» ныне не испытывают. За десятилетия тотального противостояния обе системы обильно и щедро снабжали самым современным оружием, финансировали и взращивали дружественные и до поры

до времени послушные им режимы, террористические по своей сути и смыслу. Они оставались управляемыми до развала системы безопасности биполярного мира, пока центры этого мира обладали сокрушительной мощью и авторитетом.

Разрушение Ялтинской системы привело вовсе не к торжеству американского либерализма и ценностей «свободного мира» над «безбожным коммунизмом» и «империей зла», как-то пытаются представить недалёковидные политики, не умеющие просчитывать даже ближайших последствий принимаемых ими решений, а тем более их пропагандистские аппараты, чаще всего сами находящиеся в плену создаваемых ими мифов. Уход Советского Союза из Афганистана и сдача этой страны талибам, развал СССР и Варшавского договора как и создание на их обломках враждебных России режимов и государств, разжигание межэтнических конфликтов в Европе и Азии, американское вторжение в Афганистан и война в Ираке, бомбардировка Белграда и других мирных городов, создание и поддержка в самом центре Европы экстремистского мусульманского режима в Албании и Косово, богатеющих наркотрафиком, непреодолимые трудности в расширении Европейского союза, эти и многие другие факты указывают на постепенное истощение сил бывших союзников по антигитлеровской коалиции. При этом созданные и вскормленные ими националистические и религиозные экстремистские организации вышли из младенческого возраста беспрекословного послушания и подчинения своим «родителям», стремясь играть в современном мире самостоятельную роль, необязательно соответствующую интересам их прошлых хозяев, чаще всего даже вопреки и в противовес этим интересам.

Может ли в наше время кто-либо, находясь в здравом уме и учитывая опыт последних полутора десятилетий, утверждать, что после развала Советского Союза и гибели Ялтинской системы биполярного мира жизнь народов стала безопаснее и благополучнее? Современный мир вошел в непредсказуемую и очень опасную систему почти полного отсутствия всяких международных гарантий безопасности как отдельных народов, так и человечества в целом. А феномен возрождения нацизма в самых различных районах планеты под разными личинами и одеяниями, в том числе (что просто чудовищно!) в странах, проливших море крови своих сограждан ради спасения мира

от фашистской чумы, не оставляет никакого места для оптимистического взгляда в будущее. Хотя вряд ли нынешняя неопределенная система с обеспечением безопасности может сохраняться достаточно продолжительное время.

Создание Шанхайской организации сотрудничества, недавние договоренности между Россией и Китаем о своем совместном предпочтении многополярной системы мировой безопасности показывают, что рано или поздно движение к определенной стабильности должно набрать обороты. Впрочем, никто не сможет дать гарантий того, что мрачные предсмертные пророчества Гитлера не осуществимы в современных условиях, когда и «победители» и «побежденные» в холодной войне не только истощили друг друга в перманентном противостоянии, но и породили, вооружили, вскормили своих могильщиков, те силы, кого принято называть международным терроризмом. Никто не сможет дать гарантий, что столь модная ныне концепция глобализации мира не примет зеленого или желтого окраса, при котором всякие бархатные, оранжевые и прочие цветные «революции» и перевороты уйдут в область ошибочных иллюзий, амбиционных расчетов и несбывшихся надежд.

Еще большей ошибкой западных стратегов является возвращение на пространства бывшего СССР и поощрение возрождающегося фашистского коллаборационизма, якобы, боровшегося против большевизма и «москалей» за «свободу» своих маленьких наций. Национал-социализм, столь чуждый современному западному менталитету и политической культуре, взятый даже в микроскопических и гомеопатических дозах в качестве приемлемого лекарства от «русской экспансии», не менее ядовит и опасен, чем немецкий фашизм времен вступления Гитлера в Национал-социалистическую рабочую партию Германии и написания «Майн кампфа». Жаль, что это так долго и так трудно доходит до сознания западных интеллектуалов и политиков. Вероятно, постулаты Бжезинского и принципы внешней политики госсекретаря Олбрайт будут доветь еще долго над их сознанием, подобно тому, как постулаты «Краткого курса истории ВКП (б)» не отпускали из своих тисков в свое время советских историков, специалистов по «научному коммунизму».

И в заключении, любопытный факт. Обсуждая в феврале 1945 г. в Ялте принципы организации международной безопасности пре-

зидент Ф. Рузвельт произнес: «Я считаю, что нашей задачей является обеспечить мир, по крайней мере на 50 лет вперед». Эту мысль повторил и генеральный секретарь И.В. Сталин. Он заявил: «Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир, по крайней мере на 50 лет вперед». И действительно, ялтинская система обеспечила Европе прочный мир и безопасность в течение пяти десятков лет.

Что это, – случайное совпадение? А может великие политики могли предвидеть степень жизнеспособности создаваемых ими систем? Или члены большой тройки понимали, что через одно-два поколения большинство их решений будут подвергнуты пересмотру и начнут решаться по-другому? Трудно сказать.

Во всяком случае, история показывает, что лидеры великих государств могут принести своим народам мир, свободу и благоденствие в случаях, когда они действуют на основе коалиционной стратегии, уважая и учитывая интересы и безопасность своих партнеров. И наоборот, – пытаясь достичь односторонних преимуществ за счет других, пытаясь поощрять одних и наказывать других, надевая на себя тогу всевышнего судьи, эти политические деятели могут ввергнуть страны и народы в новые кровопролитные войны, за которые придется людям заплатить слишком высокую цену.

И тогда народам мира в который уж раз придется расплачиваться за ошибки, просчеты, иллюзии и некомпетентность своих правителей, может быть и неплохих киноактеров, саксофонистов, ковбоев или секретарей райкомов партии, но совсем никудышных политиков, а то и близоруких шарлатанов, политических мошенников, авантюристов и балаганных паяцев. Народам останется лишь опять пожинать плоды упущенных возможностей свободы и процветания. Ибо без надежной и всеми миролюбивыми народами принятой системы коллективной безопасности, которая соответствует интересам каждого из заинтересованных государств и отвечает чаяниям всех людей доброй воли, не возможны ни свобода, ни процветание в современном мире.

Очень и очень характерно, что разумная инициатива о принятии всеми странами принципов построения коллективной безопасности снова, уже в наши дни исходит от России. Президент России предложил закрепить в международном праве принцип неделимости безопасности. Все государства Евро-Атлантического региона, все

международные организации берут на себя юридические обязательства, по которым ни одна страна, ни одна организация не станет укреплять свою безопасность за счет других стран или организаций. Хватит ли мужества у политиков стран НАТО, Евросоюза и других организаций на позитивный отклик, хватит ли сил на честную и ответственную политику, а не кухонные разборки – покажет будущее. Ведь это только первый шаг на пути создания многополярного мира, у которого врагов пока гораздо больше, чем сторонников. Но другого пути к миру, безопасности и процветанию у человечества просто нет. И чем скорее все это поймут, тем безопаснее будет наш несовершенный мир.

КОРНИЛОВ, ЛЕНИН, КЕРЕНСКИЙ И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР 1917 ГОДА¹⁷⁸

Девять десятилетий отделяют нас от времени великого русского противостояния начала XX века. Но и сейчас сложно отделаться от чувства недопонимания того, что же все-таки тогда произошло, – 7 ноября (25 октября) 1917 года. Почему все сложилось именно таким образом, а не иначе? Была ли у смуты альтернатива? Что в основе всех событий, – цепь трагических случайностей или фатальная и неизбежная закономерность?

У нас нет возможности охарактеризовать сейчас даже в самом общем виде хоть бы самые известные и аргументированные точки зрения и концепции, разработанные различными историческими школами. Вместе с тем, хотел бы сразу заметить, что некоторые прозорливые современники считали революцию глубоко закономерной. Так, антибольшевистски настроенный великий русский философ Н.А. Бердяев уже в 20-е годы писал: «Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках».

Эти слова я поставил бы эпиграфом к своему сообщению о наиболее драматическом времени между второй и третьей русской революцией, о периоде с июля по октябрь, когда фактически вопрос был поставлен во всей его исторической ответственности. – Состоится ли с помощью генерала Корнилова реванш монархических сил и революция окажется потопленной в крови? Удержат ли в своих слабых руках власть левые либералы и демократические партии социалистической ориентации, стоящие за Керенским? Или Россию оседают самые радикальные революционные силы, непримиримые

¹⁷⁸ Доклад на научной конференции, посвященной 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Тирасполь, ноябрь 2007 г.

и бескомпромиссные большевики во главе с Лениным и Троцким, открыто заявляющие о своих намерениях произвести в стране невиданный в истории эксперимент, – построить бесклассовое коммунистическое царство свободы в России? Да и в мировом масштабе, как тогда любили говорить.

Но начать мне хотелось бы не с июля и не с августа, а с апреля 1917 года, когда «пломбированный вагон» с В.И. Лениным пришел на Финляндский вокзал Петрограда. Уж сколько мы начитались за последние годы побасенок об этом самом «пломбированном вагоне» и «немецких деньгах» на развал России! Только вот, слишком мало правды находим мы в этих исторических мифах и анекдотах. А правда состоит в том, что в апреле 1917 г. между Россией и Германией было заключено соглашение об обмене гражданскими лицами. И конечно, не большевики, и не Ленин его подписывали.

И конечно, был не один пломбированный вагон с Лениным и «немецким золотом», а всего было 4 поезда, в которых возвращалась в обновленную страну российская революционная эмиграция. В этих поездах приехали представители 12 крупных политических партий, – эсеры, социал-демократы (меньшевики), либералы, бундовцы, анархисты и проч., всего – более 500 человек. Почему-то этот факт совершенно не привлекает внимание наших уважаемых работников СМИ, и что совсем уж недопустимо, даже тех, кто называет себя историком. Эти либо не знают, либо не хотят говорить правду.

Что касается немецких денег. Вопрос этот возник не в наши дни, а летом 1917 г. В.И. Ленин действительно был вызван в суд для дачи показаний и он даже рвался на него явиться, но его отговорили, слишком велика была опасность покушения. Почему? Временное правительство затеяло шумиху с деньгами не для справедливого суда и выяснения истины, а для одурачивания публики, т.е. занималось, как бы сейчас сказали, «черным пиаром», поскольку просто боялось его квалифицированных показаний. Дело в том, что немцы давали деньги не только большевикам, но и эсерам, и меньшевикам, и анархистам, т.е. самым непримиримым врагам режима. Антанта снабжала деньгами либералов. Деньги получали и националы, особенно кавказские, польские и финские. Деньги на революцию давали даже японцы через своего разведчика полковника Акаши в 1904 – 1905 гг., когда эсеры на эту «спонсорскую помощь» закупили в Англии целый пароход с

оружием «Джон Графтон», севший на мель недалеко от Петербурга, а грузины привели из Турции пароход «Сириус», загруженный до краев стрелковым оружием.

С 1916 года революционные партии получали большие деньги из Швейцарии через социал-демократа Карла Моора. Этот человек вдруг неожиданно стал предпринимателем, «зарабатывал» огромные средства и снабжал ими русских революционеров. Часть денег получали и большевики через германского социал-демократа Парвуса (А.Л.Гельфанда), немецкого шовиниста. Говорить о том, что руководители революционных партий не знали источников финансовых поступлений, было бы наивным. Но, видимо, Ленин действительно не знал поначалу, что деньги немецкие, а когда летом 1917 г. он понял это, дал указание порвать всякие связи с Парвусом, а его журнал «Die Glocke» (Колокол) он назвал «органом ренегатства и грязного лакейства в Германии».

И все эти факты, а, наверняка, и многие другие, Ленин изложил бы на суде. Он легко доказал бы, что большевики с 1905 г. получали жалкие гроши, а основные каналы щедрого финансирования русских революций шли из Англии, Германии, Японии, Швейцарии и других стран через финнов к эсерам, меньшевикам и кадетам. А именно они и составляли Временное правительство. Да и царя-батюшку свергали в результате дворцовых интриг в высших сферах далеко не большевики. А сколько денег эти «паркетные бунтари» в цилиндрах получили от западных правительств и банкиров тоже не сложно подсчитать. И скандал этот нанес бы Временному правительству куда больший урон, чем большевикам.

Все эти предварительные замечания необходимы для того, чтобы никакие нелепые обвинения против В.И.Ленина не искажали бы общую картину исторического выбора России осенью 1917 г. Его обвинители получали из-за границы неизмеримо больше средств на русскую революцию, чем «обвиняемые». Справедливости ради нельзя не заметить, что и монархический лагерь в средствах не нуждался. Западные демократии, крупнейшие банковские дома и финансовые тузы вроде немецкого банкира Мендельсона (еврея по национальности), барона Г.О.Гинцбурга или семейства Ротшильдов, охотно снабжали правых монархистов под большие проценты деньгами для борьбы с революцией. И эта помощь не иссякла даже

после крошечных еврейских погромов черносотенцев. Бизнес есть бизнес, что лишь подчеркивает народную мудрость, – кому война, кому – мать родна.

Смута в России приносила Западу огромные барыши. Это понимали даже в окружении царя; понимали и страшились. И, видимо, не случайно двоюродный брат царя Михаил Михайлович сообщил Николаю II в ноябре 1916 г. безрадостную весть, – английский король Георг сказал ему, что по данным Интеллидгент сервис в скором времени в России начнется революция. «Микки! Дай народу все, что он хочет!» – умолял Михаил брата. Однако мало кто в чем мог убедить упрямого императора всея Руси. А через три месяца Николай отрекается за себя и за сына. Россия вступила в новую эпоху; семья монарха вступила на трагический гибельный путь из Царского Села в Екатеринбург, откуда уже не было возврата.

В советские времена по идеологическим соображениям сложный, мощный революционный процесс 1917 г. оказался расчлененным на три почти изолированные составляющие: Февральская революция, период перехода от Февраля к Октябрю, Октябрьская революция. Сейчас очевидно, что ни буржуазия и либеральный лагерь, ни социалистические партии как политические силы не являлись тем рычагом, который в феврале 1917 г. произвел революцию в России. Можно, так или иначе оценивать роль этих сил в ее подготовке, но собственно революция произошла не по их вине. Февральская революция вряд ли была буржуазно-демократической, а тем более социалистической по своей сути. В ней доминировали демократические и социалистические по форме, но в сущности анархические и охлократические силы. Более двух лет бессмысленной войны, экономический кризис и социальная катастрофа общества породили невиданный по своей мощности и возбудимости отряд деклассированных маргиналов. Победа могла достаться лишь тому, кто сумел бы приручить, подчинить себе и возглавить этот отряд, повести его к осмысленной цели, удовлетворить его потребности, облагородить иллюзии.

Февральские события были обусловлены не активизацией какой-либо политической силы, а скорее наоборот, их общим бессилием. Тому была не одна причина. Затяжной правительственный кризис, развал центрального и местного управления в момент колоссального напряжения сил, связанного с войной, и одновременно упорное

нежелание самодержавия и государственного аппарата разделить тяжкий груз управления страной с умеренными силами российского общества, отсюда – слабость последних и т. д., – все это сделало свое дело.

А после свержения монархии ни Советы, ни Временное правительство не могли взять ситуацию под контроль и решительно пойти на кардинальное решение самых насущных задач. В России несмотря на революцию по-прежнему не переставала расти напряженность в отношениях рабочих с предпринимателями. Занятые решением проблемы войны и мира, министры-социалисты наспех состряпали экономическую и социальную программы. Последняя сводилась к двум основным пунктам: введение процедуры арбитража социальных конфликтов; государственный контроль над производством и распределением. Зато решительнее стало движение фабрично-заводских комитетов, которые начали объединяться. В конце мая открылась I Общегородская конференция фабзавкомов Петрограда, на которой присутствовало 500 делегатов с мандатами от 367 предприятий. Конференция приняла резолюции большевистского толка, противопоставлявшие государственному контролю рабочий контроль, и высказалась за переход «всей власти Советам». Тогда же был избран Исполком, где преобладали большевики. Последние не столько использовали его в экономической борьбе, сколько превратили в своего рода механизм для распространения политической пропаганды.

Еще серьезней и еще опасней для нового режима была проблема мира и войны. Социалисты попытались предложить всем воюющим сторонам заключение мира без аннексий (Россия отказалась от планов на Константинополь). Лидер меньшевиков, член Президиума ВЦИК И.Г.Церетели даже намеревался созвать всеевропейский конгресс Интернационала социалистических партий для установления всеобщего прочного мира. Но западные политики лишь смеялись над этими ребяческими утопиями, требуя от России продолжения войны и выполнения всех обязательств перед Антантой, естественно, заманивая страну все глубже в ловушку финансовых кредитов. А.Ф.Керенский предпринял после этого длительное турне по воюющим частям и фронтам, пытаясь убедить солдат, что Россия требует мира не от слабости. И новое наступление это докажет. Но июньское наступление захлебнулось, а в начале июля пришли известия о кон-

трнаступлении немцев. Это был один из важнейших шагов на пути к катастрофе.

Узнав 2 июля о немецком контрнаступлении, солдаты столичного гарнизона в большинстве своем большевики и анархисты, решили подготовить восстание. Его целями были: арест Временного правительства, первоочередной захват телеграфа и вокзалов, соединение с матросами Кронштадта, за которыми закрепились репутация «революционности», создание Временного революционного комитета под руководством большевиков и анархистов. Вечером 2 июля состоялись многочисленные митинги солдат 26 частей, отказавшихся идти на фронт. Объявление об уходе в отставку министров-кадетов еще более накалило атмосферу. Свою солидарность с солдатами выразили рабочие. Рядовые участники движения постарались добиться того, чтобы руководство партии большевиков взяло на себя командование их действиями, но в тот день В.И. Ленин уехал из Петрограда. Был сформирован Временный революционный комитет.

После кровопролития в столице 3—4 июля правительство, поддержанное Советом, высказалось за самые решительные действия по наведению порядка. Генералу П.А. Половцеву было поручено руководство репрессивными мерами. В.И. Ленин скрылся в Финляндии. Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и многие другие руководители большевистской партии были арестованы. Части, принявшие участие в демонстрации, были разоружены, а большевистская «Правда» закрыта.

Правый лагерь воспрянул духом. Одной из самых активных была группа «Общество за экономическое возрождение России», основанная по инициативе крупного предпринимателя А.И. Путилова и объединявшая банкиров и промышленников Петрограда, близких к кадетам. Летом 1917 г. они выступали в качестве главной политической силы, располагавшей двумя десятками газет, официально связанных с партией, и более чем 100 «сочувствующими» изданиями. Группа насчитывала около 80 тыс. членов, объединенных в 269 местных секциях. В эти группы входили и несколько командующих армиями. Наряду с этим активно действовал «Союз крупных (земельных) собственников», носивший открыто монархический характер. Он объединял помещиков и землевладельцев. Не остались в стороне и военные. Для противодействия солдатским комитетам под эгидой

бывшего главнокомандующего генерала М.В. Алексеева и генерала А.И. Деникина при поддержке М.В. Родзянко и лидера монархистов В.М. Пуришкевича был создан «Союз армейских и флотских офицеров», насчитывавший в августе несколько десятков тысяч членов и имевший свои секции во всех крупных городах страны. Эта организация поощряла создание «ударных» батальонов, призванных распространять патриотический настрой в деморализованных полках.

В этих условиях А.Ф. Керенский, предчувствуя крутой поворот вправо, пожелал заручиться поддержкой монархистов и свести на нет влияние левых. По его предложению в Москве созывается Государственное совещание, где на одного депутата Совета приходилось десять членов городских дум, представителей банков, торговых и промышленных предприятий, кооперативов и т.д. Советы пытались сопротивляться инициативам Керенского. Но и Совещание оказало поддержку не А.Ф. Керенскому, а генералу Л.Г. Корнилову. Керенский оказался в одиночестве.

Вернувшись в Ставку после московского Совещания, Л.Г. Корнилов, поощряемый кадетами и поддерживаемый Союзом офицеров, решил осуществить попытку переворота. Были приняты меры, чтобы послать в Петроград особо «верные» войска, в том числе «дикую дивизию» (состоявшую из татар, осетин и чеченцев), входившую в конный корпус под командованием генерала М.Д. Крымова. Учитывая, что немецкие войска заняли Ригу, Л.Г. Корнилов потребовал подчинения себе войск столичного гарнизона, находившихся в непосредственном ведении правительства, а также расширения компетенции военных трибуналов и восстановления смертной казни. А.Ф. Керенский отклонил эти требования. Получив информацию о намерении Корнилова приступить к осаде Петрограда, ввести там военное положение и свергнуть правительство, Керенский сместил главнокомандующего, который после разоблачения решил действовать открыто и отказался уйти в отставку. Конфликт был неизбежен.

В то время как Корнилов продвигал свои войска к столице, Керенский, покинутый министрами-кадетами, подавшими в отставку, начал переговоры с Исполкомом Совета. Красногвардейцам и рабочим отрядам милиции было роздано оружие, которое они никому потом отдавать не стали. Служащие почты, телеграфисты, солдаты и железнодорожники отреагировали на угрозу мятежа мгновенно:

они вывели из строя систему связи, а лояльные войска столичного гарнизона выступили навстречу солдатам Корнилова, чтобы объяснить, каковы подлинные планы мятежного генерала.

Угроза мятежа вновь превратила А.Ф.Керенского в главу революции. Революционная солидарность проявилась полностью: большевистских лидеров выпустили из тюрьмы; большевики приняли участие в работе земельного комитета и Комитета народной обороны против контрреволюции, созданного под эгидой Советов. Вскоре мятеж был ликвидирован. Генерал Крымов покончил жизнь самоубийством, а Корнилов был арестован.

Подавленный мятеж резко и полностью изменил ситуацию. Кадеты, открыто поддерживавшие Корнилова и ушедшие в отставку из правительства в разгар кризиса (27 августа), были дискредитированы. И не только кадеты, но и господствовавшие в Советах «умеренные» социалисты. В течение короткого времени их отзывают, заменяют радикалами из среды большевиков, левых эсеров, анархистов. Реальная угроза справа испугала общество. Не будь Корнилова, не было бы и Ленина, а Керенский сыграл роль повивальной бабки – в определенном смысле это можно признать истиной.

Два месяца, отделявшие провал корниловского мятежа от взятия власти большевиками, были отмечены ускорением распада общества и государства в условиях острого экономического кризиса. В армии мятеж уничтожил последние остатки доверия к офицерам. В селах «незаконные действия» возросли многократно начиная с июля, в течение которого властями было зарегистрировано 1777 случаев откровенного насилия. В деревни были направлены войска. Большевики были единственными, кто подталкивал крестьян к захвату помещичьих земель.

Не оставались в стороне и рабочие. В сентябре – октябре сотни предприятий были остановлены под предлогом трудностей в снабжении, снижения производительности труда рабочих, забастовок и беспорядков. Десятки тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу. Локауты, сознательный экономический саботаж со стороны некоторых предпринимателей и забастовки (которые вели к значительному снижению производительности труда) окончательно дезорганизовали функционирование производственной системы. Российская экономика потерпела крушение задолго до октября 1917 г.

31 августа большевистская резолюция, призывавшая к созданию правительства без буржуазии, впервые получила большинство в Петроградском Совете. 9 сентября Исполком Петроградского Совета, в котором преобладали эсеры и меньшевики, оказался в меньшинстве; Л.Д.Троцкий был избран председателем Совета. Из столицы это движение распространилось на Москву, Киев, Саратов, другие города. В сентябре уже более 50 Советов приняли резолюции о передаче всей власти Советам. К тому же большевики завоевали прочные позиции в некоторых народных организациях, таких, как Советы фабрично-заводских и районных комитетов в Петрограде.

Как гениальный революционный стратег и политик, В.И.Ленин с абсолютной точностью просчитал ситуацию и определил шансы большевиков на успех. А в середине сентября ЦК большевиков начал дискуссию по его настойчивому требованию организовать восстание и захватить власть. В своих письмах, присланных из Финляндии («Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»), Ленин требовал, чтобы партия призвала народ к немедленному восстанию. Никто из членов ЦК его не поддержал. Еще слишком свежи были воспоминания об «июльских днях». ЦК решил срочно принять меры для предотвращения любой демонстрации и участвовать в работе Демократического совещания. Две недели спустя В.И.Ленин вернулся к своему предложению в статье «Кризис назрел». По инициативе Л.Д.Троцкого депутаты-большевики 7 октября покинули зал Совета республики. В этот же день Ленин тайно вернулся в Петроград.

Решение о восстании было принято 10 октября. Несмотря на имеющиеся расхождения в руководстве партии о тактических сроках восстания, большинство членов ЦК приняли точку зрения Ленина, поверив слухам, что правительство готово сдать Петроград немецким войскам и переместить столицу в Москву. Выставив себя патриотами, большевики заявили о своем намерении обеспечить оборону города. С этой целью они создали Военно-революционный центр (ВРЦ) из пяти членов (Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский, М.С. Урицкий, А.И. Бубнов) для мобилизации масс. Большинство комитетов выразило недоверие правительству, подозреваемому в намерении сдать Петроград немцам, и заявило о готовности защитить революцию по призыву съезда Советов. Но гораздо труднее было

заставить их принять большевистский лозунг взятия власти путем восстания. Таким образом, за два дня до открытия съезда Советов ни дата, ни способы проведения восстания не были еще определены. Но противостояние уже началось.

Утром 24 октября А.Ф. Керенский приказал закрыть типографию большевиков. Они заняли ее снова. Для разработки плана действий в Смольном собрался ЦК большевиков. В восстании должны были слиться два самостоятельных потока: государственный переворот, организованный Петроградским военно-революционным комитетом (ПВРК) от имени Петроградского Совета, чтобы защитить, якобы, революцию от немцев, и пролетарское восстание под руководством Военно-революционного центра. Вечером 24 октября Красная гвардия и несколько военных частей, действуя от имени Совета, захватили, не встретив сопротивления, невские мосты и стратегические центры (почты, телеграф, вокзалы). За несколько часов весь город перешел под контроль восставших. Только Зимний дворец, где заседало Временное правительство, еще держался. А.Ф.Керенский тщетно пытался установить контакт со штабом. Там не вполне осознавали характер событий и не спешили оказать помощь победителю Корнилова. Правые Керенскому не верили.

Утром 25 октября А.Ф. Керенский отправился за подкреплением. Не дожидаясь отправки ультиматума правительству, по инициативе В.И. Ленина было опубликовано в 10 часов утра воззвание ПВРК, в котором говорилось, что правительство низложено и что власть перешла в руки ПВРК. Это заявление до взятия власти II съездом Советов представляло собой настоящий государственный переворот. В первом варианте воззвания ПВРК Ленин писал: «ПВРК созывает сегодня на 12.00 Петроградский Совет. Принимаются неотложные меры для установления советской власти». Изменение симптоматично. Испытывая недоверие к «революционному легализму» Петроградского Совета, то есть к позиции Троцкого, к «соглашательскому духу» своих товарищей из ЦК, которых он подозревал в готовности войти в переговоры с другими социалистическими силами, Ленин хотел сосредоточить всю полноту власти в руках органа, созданного в процессе восстания, органа, который ни в чем не зависел бы от съезда Советов. Так и получилось. То есть мятеж не был легитимным, но это мало беспокоило В.И.Ленина, поскольку мятежи с точки зрения

свергаемых ими законов, и не могут быть легитимными. Только победа придает им законность и тогда они называются революциями.

Однако победа большевиков оставалась неполной, так как в Зимнем дворце еще заседало правительство. В половине седьмого вечера оно получило ультиматум ПВРК, который давал ему 20 минут на решение вопроса о капитуляции. В действительности же штурм Зимнего дворца произошел позднее, ночью, после того как крейсер «Аврора» сделал несколько холостых выстрелов в сторону дворца. В два часа утра В.А.Антонов-Овсенко от имени ПВРК арестовал членов Временного правительства. Бои, в которых приняли участие с той и с другой стороны не более нескольких сот человек, завершились с минимальными потерями (6 убитых среди обороняющихся, ни одного среди нападавших). Кстати, обстрел танками и артиллерией Белого Дома в Москве осенью 1993 г. во время конституционного кризиса в России унес в десятки и сотни раз больше ни в чем неповинных жизней соотечественников.

За несколько часов до падения Зимнего дворца, в 22.40, открылся II Всероссийский съезд Советов. Осудив «военный заговор, организованный за спиной Советов», меньшевики покинули съезд, за ними – эсеры и бундовцы. Их уход обрек на поражение Ю.О. Мартова и его сторонников, искавших компромисса и предлагавших создать правительство, в котором были бы представлены социалистические партии и все демократические группы. После перерыва Л.Б.Каменев объявил о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства. Колебавшиеся делегаты окончательно склонились на сторону большевиков. Под утро съезд заслушал и принял написанное Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам», в котором объявлялось о переходе власти ко II съезду Советов, а на местах – к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вот, собственно, пунктиром обозначенная цепь реальных исторических событий, которая и привела к тому эпохальному явлению в истории человечества, которое называется Великая Октябрьская социалистическая революция. Была ли она на деле социалистической, насколько были достигнуты провозглашаемые ею цели и оправданы ли были жертвы, положенные страной для их достижения, – это другой вопрос. И мы его не касаемся, это выходит за рамки нашей темы. В реальной жизни той эпохи мы видим три силы, которые

олицетворялись тремя именами – Корнилов, Ленин, Керенский. И они же олицетворяли собой основные возможные пути дальнейшего развития России.

Путь, который олицетворял Корнилов Лавр Георгиевич. Это путь монархический с неизбежным пролитием моря крови во имя умиротворения страны и подавления революционной бациллы. При нем черносотенство сумело бы возродиться и оправиться от смертельных ударов революции, анархия была бы жестко подавлена, а месть «белой кости» и «голубой крови» восставшей «черни» за бунт в городах и весях была бы беспощадной и неумолимой. Не поздоровилось бы также интеллигенции; и не только «социалистической», но и либеральной, и даже вовсе аполитичной.

Путь, который олицетворял Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. Это путь большевистский, радикально революционный. Большевики, получив власть в свои руки, поначалу пытались избежать гражданской войны. Но, подгоняемые революционным нетерпением и фанатичным разрушительным энтузиазмом, они хотели преобразовать страну в кратчайшие сроки, сломав без сожаления все столетиями формировавшиеся устои жизни и сознания общества. Фактически – переломать хребет тысячелетней государственности России. Это был путь со столь же неизбежным пролитием моря крови во имя построения коммуны и подавления контрреволюционной гидры.

И, наконец, это путь, который олицетворял Керенский Александр Федорович. Путь постепенного реформирования страны по демократическим и либеральным лекалам Западной Европы. Он хотя и не предполагал массовых кровопусканий, но с неизбежностью вел страну к распаду, упадку, деградации, расчленению и подчинению сильными державами. А ведь собственно этого и добивались, как союзники, так и противники России по Первой мировой войне, разрушая российскую государственность. Передел собственности, этнические и религиозные конфликты, местный сепаратизм, экономическая разруха и социальные неурядицы, – все это ожидало страну в ближайшее время и фатально вело ее ко все той же гражданской войне.

Первый (монархический) путь мы легко можем представить себе по бесчинствам черносотенцев и по белому террору времен гражданской войны. Второй (большевистский) путь мы видели по

красному террору в гражданской войне, знаем во всех его достижениях и трагедиях в последующие времена построения тоталитарной системы власти. Труднее всего представить себе в реальности третий (либерально-демократический) путь. На пространствах бывшей империи, видимо, образовалось бы несчетное количество «демократических» республик, управляемых семейными компрадорскими кланами. По сути, они представляли бы собою приказчиков транснациональных монополий, напоминая родоплеменных вождей черной Африки, продававших своих соплеменников белым рабовладельцам за стеклянные бусы и зеркала.

Нынешние «суверенные» и «независимые» расколовшие Советский Союз республики весь XX век представляли бы собой колониальные аграрно-сырьевые придатки индустриального мира. И мы не можем с точностью сказать, какие этносы и народы этой новой Африки дожили бы до нашего времени, а какие давно канули бы в Лету, обреченные на быстрое вымирание. Скорее всего, в этом случае большинства этносов просто не осталось бы, и госпоже Олбрайт не пришлось бы проливать горьких слез о том, что России не по праву досталось столько природных богатств. Все богатства перешли бы работоторговцам, а судьбы побежденных мало кого на свете вообще интересуют.

То есть «лихие 90-е» конца XX века начались бы еще на 70 лет раньше, в конце 1917 года. Именно Октябрь и гений Ленина спасли Россию от этого позора и гибели. Спасли от неизбежного исчезновения целые народы на одной трети обитаемой части Земли. Нравится это кому-либо, или нет.

«ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ПРИДНЕСТРОВЬЕ НЕ БУДЕТ: ИНТЕРВЬЮ ИА REGNUM¹⁷⁹

Парламент Молдовы принял закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов Левобережья Днестра», на основании которого Приднестровью даруется статус «автономии» с особым языковым режимом. Предлагается ввести три официальных языка: молдавский, русский и украинский, причём молдавский должен функционировать на основе латинской графики. О перспективах принятия народом Приднестровья (и особенно живущими здесь этническими молдаванами) такого закона корреспондент ИА REGNUM беседовал с известным историком, профессором Приднестровского государственного университета, заведующим научной лабораторией истории Приднестровья, кандидатом исторических наук Николаем Вадимовичем Бабилунгой.

ИА REGNUM: Николай Вадимович, в Молдове уже на протяжении почти 20 лет навязывается мнение, что молдавский язык во времена Российской Империи и в сталинские времена подвергся искусственной славянизации...

Это абсолютная чушь. Молдавская письменность на славянской графике появилась не потому, что так захотел Сталин. Напротив – при Сталине молдавская письменность была как раз переведена на латиницу.

ИА REGNUM: Почему это было сделано?

Скорее всего, речь идёт о стремлении большевиков к мировой революции. Мы можем вспомнить, что и Луначарский хотел перевести русский язык на латинскую графику. Кириллица, которой истори-

¹⁷⁹ Восстание меньшинств (Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан). М., 2007, С. 58-67. http://www.modernlib.ru/books/avtorov_kollektiv/vosstanie_menshinstv/read_2/

чески пользуется молдавский язык – не следствие злой воли Николая II, Сталина или Брежнева. Молдаване, а точнее, даже их предки – волохи – приняли кириллицу вместе с принятием христианства в зоне влияния Византийской империи. Волохи переняли православное богослужение от южных славян, что повлекло за собой и восприятие славянской письменности. Молдаване пользовались славянской графикой вплоть до 1862 года. Более того – церковнославянский язык применялся в Молдавии в качестве государственного вплоть до Дмитрия Кантемира. Первая книга на молдавском языке появилась в 1643 году. Таким образом, вся история молдаван как самобытного народа связана с Православием и славянской письменностью. В Венском музее хранится знамя Стефана Великого, отправленное им туда после победы над турками. На знамени изображён святой Георгий Победоносец и сделана надпись на церковнославянском языке. Если бы кто-нибудь предложил этому великому молдавскому господарю написать на том знамени хоть одно слово латинскими буквами – этот человек бы лишился головы. Любая попытка латинизации воспринималась в Молдавии как католическая ересь.

ИА REGNUM: Стефан Великий был ревностным православным?

Ещё каким! Он строил в Молдавии монастыри и храмы, при нём Православие распространялось в стране интенсивнейшими темпами, переписывались Евангелия, Жития святых, труды византийских богословов, поэтому, несмотря на всю его жестокость, на всю пролитую им кровь – Стефан Великий был причислен к лику святых. Все документы на молдавском языке – Анонимная летопись, Путнянская летопись, «Анналы двора Стефана Великого», летописи Макария, Евфимия и Азария (XIV – XVI века) – всё это было написано на славянской графике. В XVII – XVIII веках здесь усиливается влияние греков-фанариотов, и наряду с церковнославянским распространяется греческий язык. Но латинской письменности молдавский язык (как, впрочем, и валашский) не знал вплоть до середины XIX века.

ИА REGNUM: Какова этимология термина «румыны», «румынский»?

Вообще-то румынами на территории средневековой Молдавии называли не «потомков римлян», а ромэнов, то есть цыган. В отличие от свободных молдавских крестьян, цыгане в Молдавии были крепостными – самыми бесправными и униженными. Обратите внимание, как меняется смысл слова при замене шляпки над буквой А: на румынском слово *român* читается как «ромэн», а слово *român* – как «ромын». «Всё дело в шляпе», но в очень важной шляпе. Кстати – если мы напишем по-румынски название столицы Молдовы – *Chisinau* – и прочитаем это слово по-французски – мы получим: Шизино.

Так вот, в середине XIX века представители молдавско-валашского «образованного класса», начитавшись французских революционно-просветительских книг, решили: «Да здесь же была римская провинция – Дакия! Мы – потомки образованных римлян!». В поисках своего родства с французами и итальянцами, они стали требовать перевода своей графики на латинскую. Впервые название «Румыния» появляется в 1859 году с образованием единого государства во главе с государём Александром Кузой. В 1862 году министр внутренних дел Румынии Гика своим распоряжением запретил совершать церковные службы на славянском языке. Все церковнославянские книги изымались, уничтожались монастырские типографии с кириллическим оборудованием, было запрещено даже совершать службы в честь русских святых и вообще помянуть их. В первую очередь, это коснулось древнейшего Нямецкого монастыря.

ИА REGNUM: Это встретило какое-либо сопротивление среди молдавского православного духовенства?

Конечно! Наш знаменитый Ново-Няецкий монастырь в Кицканах был создан монахами-беглецами из Нямецкого монастыря во главе с архимандритом Андроником и иеромонахом Феофаном, не пожелавшими терпеть бесчинства румынских властей по отношению к Православию и его святыням. И это – только один из множества известных случаев! И народ, и духовенство всеми силами сопротивлялось лингвистическим нововведениям, поэтому властям приходилось насилловать, насилловать и ещё раз насилловать.

ИА REGNUM: Насколько безболезненно с лингвистической точки зрения проходил процесс латинизации?

А разве может безболезненно проходить процесс искусственного помещения чего-либо в чужеродные рамки? В первую очередь, латинская графика не передаёт многих звуков. Звук *ы* в молдавском языке есть, а буквы такой нет. Мягкий знак есть, а буквы нет. То же самое касается букв *Ț* (Ш), *Â* или *Î* (Ы), *Ă*(Э) и многих других. Поэтому и пришлось выдумывать различные диакритические знаки над буквами – всякие шляпки, птички, хвостики и т.д. Вообще румыны за 150 лет провели 70 (!) реформ своего языка. Восточная музыка плохо ложится на семиотную гамму, и Дмитрию Кантемиру приходилось сочинять для этой музыки специальное нотное письмо. То же самое получилось и с языком.

ИА REGNUM: Следовательно, перевод письменности в Молдове на латинскую графику в 1990 году не имел ничего общего с национально-духовным подъёмом, со стремлением вернуться к корням, возродить свою утраченную исконную письменность и культуры?

Безусловно. О каком «возвращении к корням» вы говорите? Все события конца 80-х – начала 90-х в Молдове имели под собой чёткую политическую подоплёку. Цель как раз была прямо противоположная – ликвидировать в молдавском народе его национальную самоидентификацию. В конце 80-х годов представители молдавской «интеллигенции» всеми силами внушали, что никакого самобытного молдавского языка, молдавской письменности и языка не существует в природе, что «молдаване – суть румыны». Каждый, кто с этим пытался спорить – причислялся к «манкуртам», «русофонам» и «коммунистам». Покажите мне ещё какой-нибудь народ мира, чья интеллигенция отказывает самим себе в праве на существование!

ИА REGNUM: То есть стремление молдаван, живущих в Приднестровье, к сохранению кириллической письменности никак не связана с «испорченностью» и «столетиями русификации»?

Совершенно верно! Просто молдаване в Приднестровье не захотели насиловать свой родной язык. Подавляющее число приднестровских молдаван ни при каких обстоятельствах не согласятся считать свой собственный самобытный язык «испорченным румын-

ским». Исключение составляют лишь пара-тройка отщепенцев типа «террориста-правозащитника» Урыту или правобережного цыгана Илашку, родившегося в селе Таксобены под Флорештами. Мне довелось присутствовать на первом съезде Союза молдаван Приднестровья в 1991 году. Этот съезд проходил ещё до развала СССР. Я помню настроение этих людей, выступления, которые звучали на этом съезде. Все как один не хотели румынизации, насилия над молдавской графикой, хотели жить в единой семье братских народов. И это были не пустые слова. Здесь никто не боялся референдума 17 марта 1991 года о сохранении СССР. В правобережной Молдове, как мы помним, этот референдум был запрещён президентом Снегуром. Следовательно, ему было чего бояться. И здесь, в Приднестровье, национальное самосознание молдаван сохраняется, их самобытность не уничтожается, в отличие от правого берега.

ИА REGNUM: В чём же причина агрессивности, с которой представители молдавской «интеллигенции» добивались отказа от собственного языка и традиционной графики?

Люди просто профессионально отработывали вложенные деньги. Проблема ведь не в языке. Вся затея с переводом письменности, как и в 1862, как и в 1989 году, имеет отчётливую геополитическую направленность. Всё это делалось с целью переориентировать Молдову (как когда-то Румынию) с востока на запад, создать новый санитарный кордон вокруг России, окружить её железным кольцом и раздробить на целый ряд мелких «княжеств». Язык – это «матрица», с помощью которой в сознание нации закладывается «культурный код», передающийся через поколения.

ИА REGNUM: Как сегодня молдавская школа в правобережной Молдове изменяет сознание людей, тот самый «культурный код» нации?

Простой пример: возьмём смешанную семью, где отец – молдаванин, мать – русская. Их сын идёт в обычную кишинёвскую школу. Возвращается он из неё убеждённым, что его мать – «окупантка», а отец – человек «с искажённым Сталиным сознанием», свовом, что родители его – «ущербные люди». И эти выпускники школ лет через 20 – 30 будут определять судьбу Молдовы, её политику.

ИА REGNUM: Но ведь перевод письменности на латиницу был поддержан основной массы молдаван, не так ли?

В том-то и дело, что нет! Народ просто никто не стал спрашивать, как и во время референдума 17 марта! Когда в 1968 году 99 рабочих завода «Авто-Прага» обратились с письмом к Брежневу с просьбой ввести в Чехословакию советские войска, весь мир возмущался, как эти 99 человек могут решить судьбу целого народа. Но никого не смущает тот факт, что судьбу молдавского народа решили 66 литераторов, написавших «коллективку» в 1988 году. Никто не проводил никакого референдума среди молдаван. Не обязательно ведь было опрашивать всех. Но хотя бы все те, у кого в паспорте стояла запись «молдаванин», должны были дать свой вердикт переводу письменности. В 1989 году приднестровские забастовщики отнеслись к проблеме максимально деликатно. Они не ставили вопроса о графике. Они не говорили своё решительное «Нет!» статусу молдавского языка. Они только требовали поставить на референдум утверждение 1 или 2 языков в качестве государственных. Это требование Кишинёвом было проигнорировано. В результате в Приднестровье, вне зависимости от желания Кишинёва, был проведён референдум, где народ высказался за 3 государственных языка: молдавский (на кириллической графике), русский и украинский.

ИА REGNUM: Но разве не то же самое предлагает сегодня Приднестровью парламент Молдовы?

Во-первых, о кириллической графике речь, насколько я понимаю, не шла. А во-вторых – слишком поздно! Если бы эти предложения прозвучали лет 15 – 16 назад, то да, возможно, история пошла бы по иному пути. Возможно, Приднестровье бы не отделилось от Молдовы. Но сегодня, после войны, после резни в Дубоссарах и Бендерах – после этого озера пролитой крови, после блокады – экономической, информационной, телефонной – говорить об этом просто смешно. Кроме того, господин Воронин нам ничего нового не предлагает – три официальных языка для Приднестровья предусмотрены ещё Меморандумом 1997 года, под которым стоит подпись президента Молдовы Петра Лучинского. И ни слова о латинской графике там нет.

ИА REGNUM: Можно ли всерьёз обсуждать проект предоставления Приднестровью автономии в составе Молдовы, с существованием собственного представительного органа власти?

Чем будет заниматься новый «Верховный Совет»? Ремонтом канализации? Ещё можно было бы клюнуть на эту удочку, если бы у нас перед глазами не было горького примера Гагаузии. Всего, что им обещали – не дали, и даже то, что дали – очень быстро отобрали. Мы неоднократно предлагали Молдове создание единой федерации, в которую на правах субъектов вошли бы правобережная Молдова, Приднестровье и Гагаузия. Президент мог бы каждый год меняться. Если в Швейцарии президентом становится германоязычный протестант – это для франкоязычных католиков не имеет никакого значения: они защищены законодательством. Молдова этого варианта не хочет.

ИА REGNUM: С чем связан тот факт, что многие родители сегодня предпочитают отправлять своих детей учиться в Молдову?

Это происходит не в связи с эффективной политикой румынистов. Просто люди пытаются приноровиться к меняющимся обстоятельствам. В Румынии, в отличие от России, обучение для выходцев из Приднестровья бесплатное, там даже будут платить стипендию. А если делать ставку на получение образования в Румынии – значит, надо учиться в школе на латинице. Ребёнок будет учиться в Кишинёве или Бухаресте, следовательно – история России ему не нужна. Появляются желающие открыть здесь румынские школы. Но ведь государство и не запрещает это делать! Хотя официальный язык здесь – молдавский на кириллической графике, школу здесь можно открывать хоть румынскую, хоть китайскую. Главное требование – учиться по принятой здесь образовательной программе, чтобы объём знаний был не меньше и не хуже, чем у других приднестровских детей. Если программы обучения не будут соответствовать стандартам – это и будет ущемлением детей. Здесь на протяжении 3 лет работала российско-молдавская комиссия по нострификации дипломов. И выяснилось, что украинские и молдавские стандарты высшего и среднего образования не дотягивают до российских! Диплом о высшем образовании, полученный на Украине или в Молдове, в России

соответствует диплому о незаконченном высшем образовании. Это значит, что выпускник кишинёвского вуза не может, к примеру, работать учителем в российской школе – а только ассистентом. Чтобы получить российский сертификат диплома о высшем образовании, он должен ещё проучиться в российском вузе. Если в России проходят 300 часов математики, то в Молдове – 100 часов и т.д. Более того, есть предметы, которые Молдова вообще не признаёт. Выпускник молдавской школы не может поступить в российский вуз. В то же время в Приднестровье принят российский стандарт образования, и дипломы, получаемые здесь, в России признаются.

ИА REGNUM: Что Вы можете сказать о присоединении Молдовы к так называемому «Болонскому процессу»?

Это когда вместо нормальных студентов будут э-э... «болонки»? Смешно, право слово. Учится студент в молдавском вузе 3 года, получает степень «бакалавра» и едет доучиваться в Мадридский университет. Теоретически. Потому что практически этой возможностью никто не сможет воспользоваться. Молдавский студент может ехать куда угодно, но учиться там он не сможет – не хватит у него на это никаких средств. Всё это – сказочки для дурачков, которые травят бедному, забитому населению правобережной Молдовы.

ИА REGNUM: В декабре этого года состоятся выборы в Верховный Совет ПМР. Глава миссии ОБСЕ Уильям Хилл заявил, что если выборы не будут проводиться под эгидой этой организации – они никогда и ни кем не будут признаны. В то же время в Приднестровье существуют определённые силы, находящиеся в оппозиции власти и стремящиеся в Молдову. Каков потенциал «бархатной революции» в Приднестровье, на которую в Кишинёве возлагают столько надежд?

Я был в составе группы под руководством американца, проводившей на средства Фонда Гугенхайма исследование приднестровского общества. Мы обнаружили, что твёрдых приверженцев Молдовы у нас порядка 6%, ещё где-то 11-12% колеблются. Таким образом, суммарная численность потенциальной «пятой колонны» у нас не более 20%. Конечно, и их нельзя сбрасывать со счёта. Мы видели, какие проблемы способны создать 20% католиков в Белоруссии или

10% униатов на Украине. Если из 100 солдат, находящихся на передовой, 6 являются откровенными врагами и ещё 12 выжидают, на чьей стороне будет победа – это неприятная реальность. Но если выборы состоятся сейчас, эти 20% не смогут навязать свою волю остальным 80%. Конечно, есть ещё несколько сёл на левом берегу, находящихся под юрисдикцией Молдовы, жители которых просто запуганы. Однако почти всё взрослое население этих сёл находится на заработках в России, а голосовать на выборах будет старшее поколение, которое вряд ли послужит подходящим материалом для революции. Что касается приднестровской элиты – они все вынуждены считаться с настроением 80% населения республики, и понимают, что в случае предательства никто из них не усидит на своём месте.

ИА REGNUM: А не может ли возникнуть тенденции к уменьшению этой цифры в 80% вследствие усталости населения республики от ощущения постоянной неопределённости, сплошных блокад, постоянной угрозы войны?

Всё дело в том, что «определённость» у Приднестровья – гораздо твёрже, чем у Молдовы! Мы как государство состоялись гораздо в большей степени, чем Молдова. Да, и у нас есть богатые и бедные, есть продажные чиновники, есть коррупция, есть милицкий беспредел. Но в Молдове всё это имеется в тысячекратно большей степени! Зато у нас никто и никогда не делил жителей республики по «сортам», а в Молдове это делали постоянно, притом не какие-то там оголтелые демонстранты, а президент Молдовы Снегур, премьер-министр Молдовы Друк – в своих официальных выступлениях! Все русские военнослужащие, ветераны войны были названы «оккупантами», молдаване, которые не хотели думать, как румынизаторы – объявлены «манкуртами», левобережные молдаване – «чобанистами» (по имени молдавского учёного и писателя И.Д.Чобану – ярого противника румынизации). Официально употреблялся термин «примитивный молдовенизм». Украинцы, белорусы, представители других национальностей, специалисты, поднимавшие экономику республики – «мигранты» (я хорошо помню этот лозунг – «Молдова вам – не сточная канава»). Гагаузы – «вообще не народ», «толпа кочевых пришельцев», «варвары», «дикари»... И только себя, любимых, эта фашиствующая «интеллигенция» именovala «истинными, при-

родными хозяевами этой земли». Понятно, что ни «оккупанты», ни «мигранты», ни «манкурты», ни «варвары» не могут считать такую страну своей. Причём в отличие от Прибалтики – здесь расколота сама т.н. «титульная» нация. Эта группа писателей, поэтов, журналистов, именующая себя «солью земли», вообще отказывает Молдове в праве на своё государство. Они считают Молдову частью Румынии, говорят о «двух румынских государствах». В отличие от них, в Приднестровье представители всех живущих здесь народов знают, что это – наше государство, пусть непризнанное и несовершенное. Если бы они не хотели здесь своего государства – разве они могли бы выиграть войну? Разве их кто-то сгонял в народное ополчение?

В случае «аншлюса» с Молдовой мы потеряем нашу стабильность – как политическую, так и экономическую. Все наши недостатки возрастут в кубе. Сегодня промышленность Молдовы полностью разрушена. Политики Молдовы совершенно напрасно обвиняют приднестровцев, что они «захватили молдавскую промышленность». Кишинёв был городом оборонных гигантов - «Виброприбор», «Молдавгидромаш», «Счётмаш», «Мезон», «Эталон», «Сигнал»... Сегодня этого всего нет. В цехах завода «Мезон», где производились комплектующие для подводных лодок – сейчас магазины, лавки, «бутики». А в результате выполнения требований Евросоюза в Молдове резко вырастут цены, будет окончательно похоронено сельское хозяйство, последние остатки производства. Присоединение к Молдове приведёт к резкому ухудшению уровня жизни, и здесь все это прекрасно понимают. Поэтому «оранжевой революции» в Приднестровье не будет.

ЗА ЗВЕРСТВА «ЗАЩИТНИКОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ МОЛДАВИИ» ПРИДЕТСЯ ОТВЕТИТЬ¹⁸⁰

В Кишиневе 13 июня прошел митинг, посвященный памяти жертв массовых депортаций из Бессарабии 13 июня 1941 года, в ходе которого премьер-министр Молдавии Владимир Филат заявил, что в этот день «исполняется 69 лет с того драматического дня, когда начали истреблять наш народ», в связи с чем «коммунистический режим, виновный в страданиях молдаван, должен быть объявлен вне закона и осужден». В свою очередь вице-председатель Либеральной партии Молдавии Корина Фусу (председатель Либеральной партии – спикер парламента, и.о. президента Молдавии Михаил Гимпу) заявила, что Кишинев должен потребовать от России признания «геноцида» в отношении молдавского народа советским режимом. «Власти Республики Молдова обязаны потребовать от Российской Федерации признания преступления геноцида. Потребовать от Российской Федерации признания преступлений советского оккупационного режима на территории между Прутом и Днестром», – сказала Фусу. По ее словам, «молдавский парламент должен подать все необходимые ходатайства в ПАСЕ, в Европарламент, чтобы этот геноцид был признан и осужден на европейском уровне в официальных документах европейских институтов».

Заявления молдавских политиков 17 июня прокомментировал для ИА REGNUM Новости заведующий кафедрой отечественной истории Института истории государства и права Приднестровского госуниверситета Николай Бабилунга:

Из всей той маловразумительной ахинеи, которую наговорил премьер-министр Молдавии Владимир Филат о том, что 69 лет назад сталинский режим начал истребление молдаван, я безусловно согласен лишь с одним утверждением: «Мы хотим, чтобы все граж-

¹⁸⁰ Военно-исторический журнал. (Москва), № 10 (130), 2010. С. 125-130. <http://www.regnum.ru/news/1295208.html>

дане Республики Молдова, независимо от того, где они находятся, хорошо знали свою историю...» Ну разве тут поспоришь? Только вот очень уж я сомневаюсь в том, что это пожелание кто-то из власть предержащих Республики Молдова собирался воплощать в жизнь. Но давайте разберемся с самого начала.

Филат заявляет: «Потребовалось 69 лет, чтобы мы стали открыто и громко говорить о том, что произошло». Не спорю, возможно, так оно и есть, и сам Филат только несколько дней назад узнал и неожиданно заговорил, затрубил в трубы иерихонские о том «драматическом дне, когда начали истреблять наш народ». Я не знаю, где г-н Филат находился два десятилетия назад, возглавлял ли какую-нибудь первичную колхозную парторганизацию или ворочал бумагами в качестве какого-то «всесильного» инструктора райкома партии, и до него действительно никакие «ветры перемен» не доходили столько времени. Но я отлично помню, как более 20 лет назад было создано правозащитное и историко-просветительское общество «Мемориал», во главе которого стояли выдающиеся умы тех первых перестроечных лет. Я помню, с каким энтузиазмом мы принимали участие в работе первых съездов и конференций «Мемориала», как создавали свое Кишиневское отделение этой организации, с какими трудностями и бюрократическими препонами сталкивались, как включились в работу, чтобы рассказать всю правду о тех страшных годах сталинских репрессий против народов единой тогда страны. Нам даже удалось тогда создать свое научное подразделение в Институте истории Академии наук Молдавии и заняться изучением истории сталинских репрессий в Молдавии профессионально и серьезно, а не в митинговой мутной стихии. Потом, вместе с погромом Академии наук коллегами г-на Филата и единомышленниками его по Народному фронту Молдавии был закрыт и этот сектор. Или вас 20 лет держали за горло и не давали и словечка пикнуть?

Но за два десятилетия и в Молдавии, и за ее пределами вышло огромное количество литературы, посвященной этой тематике. Вероятнее всего, г-н Филат эту литературу никогда и не читал, даже и не подозревает о ее существовании. А может и знал, да как-то не хотелось рисковать своей служебной карьерой и чистотой партийной анкеты. Но это не общественные, а его личные проблемы. Честность и элементарная человеческая порядочность требуют, чтобы его слова

звучали в таком виде – «Потребовалось 69 лет, чтобы Я (и только Я!!!) стал открыто говорить о том, что произошло!»! Но ожидать порядочности от современных правителей этой республики было бы в высшей степени делом наивным и неблагодарным. Погрузимся в то разумное, доброе вечное, что пытается засеять на ниве научной и политической жизни Молдавии сей девственный муж.

Ничтоже сумняшеся, г-н Филат заявляет: «Коммунистический режим, виновный в страданиях молдаван, должен быть объявлен вне закона и осужден». Надо полагать, что молдаване страдали, а остальные жители Союза благоденствовали – русские, украинцы, евреи, белорусы, эстонцы, грузины и все прочие, кто напал на несчастных молдаван с ожесточением своры легавых. Так вы, г-н Филат поинтересуйтесь у своих прибалтийских, украинских или грузинских коллег, как было на самом деле, и они наверняка расскажут вам, что их народы в несравненно большей доле перестрадали и натерпелись от ненавистного всем «коммунистического режима». Можете поспорить до хрипоты или даже до рукоприкладства, как это повелось в «демократических институтах» некоторых ныне жутко независимых бывших «республиках-сестрах». Впрочем, до этого дело вряд ли дойдет. Есть одно обстоятельство, которое скрепляет вас всех в одной связке и низводит ваши противоречия до ничтожных величин, – это профессиональная русофобия и обида на Россию, что бросила вас, сирых и несчастных, перестала кормить и подкармливать своими богатейшими ресурсами. Решили силой выбить эти ресурсы, через всесильных, как вам кажется, тетечек и дядечек из европейских структур? Попробуйте. Но не забывайте об ушах дохлого осла. Сказали же вам уже и не один раз! Неужели так туго доходит это пожелание до вашего ума. Или желание все получать задарма и обогащаться по щучьему велению настолько затмевает ваш разум, что вы подобно какой-то там Корине Фусу надеетесь на сказочные молочные реки, которые повернут из России в вашу сторону благодаря ПАСЕ и Европарламенту. Уж сколько раз твердили миру...

Однако – в сторону эмоции. Давайте посмотрим на фактах, о чем вдруг впервые за 69 лет заговорили господа на политическом Олимпе Кишинева, подобно библейской Валаамовой ослице, которая так же вот, вдруг, неожиданно заговорила человеческим голосом, протестуя против побоев хозяина.

И факты таковы. К маю 1941 г. в бюрократических структурах НКВД был подготовлен документ «Директива о выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии», согласно которому к «неблагонадежным элементам» причислялись активные члены контрреволюционных организаций, бывшие жандармы, охранники и руководящий состав полиции и тюрем, бывшие офицеры белой армии, бывшие крупные землевладельцы, банкиры, чиновники, фабриканты, уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью, проститутки, зарегистрированные в полиции. Заместитель Лаврентия Берии комиссар Богдан Кобулов (расстрелянный впоследствии за организацию массовых репрессий) сообщил своему начальнику, что из Молдавской ССР к отправке в восточные районы страны подготовлено 31 699 человек «неблагонадежных». Переселения были, конечно, связаны со страданиями и повышенной смертностью, не хватало продовольствия, не было медицинского обслуживания. Но переселенцы не являлись заключенными и во многих случаях в новых районах имели возможность работать по своим профессиям (врачи, учителя, фельдшеры и проч.), однако главным образом работали на лесоповале, приписывались к колхозам и т.д. в Алтайском и Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях, Казахской ССР.

Количество переселенцев сейчас установлено, хоть цифры пляшут весьма заметно. Румынский историк в ФРГ еще в 70-е годы XX в. без всяких ссылок на источник указал цифру – 300 тыс. человек. В румынском издании «Басарабия дезробитэ», описывающем в 1942 г. все «ужасы коммунистического режима» указывается 101 тыс. человек. Американский румын Г.Чорэнеску в 80-е гг. XX в. обратился к румынской статистике и назвал количество переселенцев в 25 тыс. человек. По данным КГБ МССР, оглашенным в конце 80-х гг. XX в., из Бессарабии было выслано 14 911 человек. В том числе – 6000 русских солдат и офицеров белых армий, около 1000 евреев, а также, украинцы, болгары, гагаузы и др. Я не знаю, причисляет ли г-н Филат евреев, болгар, гагаузов, русских, поляков и прочих жителей Бессарабии к молдаванам, но ни для меня, ни для любого другого здравомыслящего человека не составляет никакого труда увидеть 'ослиные уши за всеми разговорами о «геноциде молдаван» этими страшными преступниками-коммунистами. Наверняка мы

имеем дело с попыткой очередной раз фальсифицировать историю, чтобы отбить гнусную чечетку на могилах невинно убиенных людей, жертв сталинского беззакония, какой бы национальности они ни были.

По последним данным, которые признаны исторической наукой, число депортированных из Молдавии ее граждан разных национальностей составило около 32 тыс. человек. Бесчеловечно и глупо даже говорить на тему о том, много это или мало! А вот в том, что касается геноцида, то нынешним правителям Молдавии надо срочно заделывать прорехи в своем образовании. Пусть заглянут хоть в школьную энциклопедию, что есть такое геноцид и как это понятие трактуется современным международным правом. Не спешите, господа, бить во все колокола, сначала загляните в святцы! Чтобы не оказаться в очередной раз очередным посмешищем!

А если уж так не терпится пожонглировать цифрами, то сначала поройтесь в литературе и посчитайте, какое количество населения Бессарабии было уничтожено румынами за 22 года оккупации этой провинции Российской империи. Только за 1918-1920 гг., то есть за первые несколько лет румыны уничтожили более 300 тыс. жителей! Вы наверняка найдете при желании и количество бессарабских крестьян изгнанных со своей земли, разоренных, пущенных по свету на все четыре стороны. Вы не считаете это геноцидом? Тогда вспомните о лагерях уничтожения и гетто «Транснистрии», в которые ваши предшественники превратили всю южную Украину, да и Бессарабию с Буковиной! После блестящей Уманско-Ботошанской и Яско-Кишиневской операций Советской армии, Румыния очень быстро арестовала своего кондуктора Антонеску и присоединилась к антифашистской коалиции. Вот в таком качестве румынам на Нюрнбергском трибунале не стали напоминать об их злодеяниях, румыны не платили Израилю и другим странам, где они творили свои кромешные дела, как Германия. Но ведь у наших народов память не такая короткая, как у наших руководителей.

А что, если румынам будет предъявлен такой счет, тем более что они уже реабилитировали гитлеровского прихвостня Антонеску и чуть ли не вымаливают прощения у его тени?! Учитывая, что нынешний молдавский «вождь» уже обрисовал ясно и понятно свое кредо – Молдавия была и остается в числе проигравших величайшую

битву народов мира против фашизма, то логично будет и с Молдавии, как и с Румынии потребовать запоздалую плату за сотни тысяч убитых, сожженных, покалеченных на территории России, Украины, да и самой Молдавии тоже! И доказать, что это был именно геноцид, юристам не составит никакого труда. И нынешние власти, как правопреемники недобитых нацистов времен Гитлера и Антонеску, как они воспримут такую весьма вероятную возможность?! А учитывая, что чиновники из ПАСЕ и Евросоюза вовсе не склонны помогать фашистам и их последышам, к кому же обратится тогда эта самая либералка со шмайсером и в рогатом шлеме г-жа Фусу, как и ее шеф и.о. президента Гимпу?! И вопрос этот далеко не риторический!

Мы уж умолчим о тех зверствах, который творили на земле Приднестровья «защитники территориальной целостности Молдавии» в 1991-1992 гг.! За эту кровавую вакханалию пока еще никто в Молдавии не ответил! Но рано или поздно ответить придется. И за неслыханные со времен Великой Отечественной разрушения мирных городов и сел, и за тысячи убитых, изуродованных, покалеченных, за сотни и тысячи детей, оставшихся сиротами, неутешное горе вдов и слезы матерей. А ведь это все – ваших рук дело! Правда тогда вы себя еще не либералами называли, а национал-патриотами, фронтистами и румынскими хозяевами этой земли. Это вы двинули на Приднестровье полчища одурманенных вами людей вооруженных предателем Шапошниковым и вашими румынскими хозяевами. Хотите посчитаться? Давайте. Мы ничего не забыли!

Ничего! Ибо никак не меньше чем вы, «мы хотим, чтобы все граждане Республики Молдова, независимо, где они находятся, хорошо знали свою историю...»

«РУМЫН» ГИМПУ ИЛИ «МАРСИАНИН» — ЭТО НИКОГО НЕ КАСАЕТСЯ, КРОМЕ НЕГО САМОГО И ЕГО ЛЕЧАЩЕГО ВРАЧА ¹⁸¹

К власти в Молдавии вновь вернулись политики начала 90-х годов, которых вместо решения социально-экономических вопросов интересует переименование улиц и рассуждения о своих «древнеримских корнях». Об этом заявил 2 декабря заведующий кафедрой отечественной истории Института истории государства и права Приднестровского госуниверситета Николай Бабилунга, комментируя в интервью корреспонденту ИА REGNUM Новости намерение комиссии по конституционной реформе в Молдавии рассмотреть возможность замены в конституции страны названия государственного языка с молдавского на «румынский».

«Французы говорят, что каждый народ имеет таких правителей, которых он заслуживает, но я не берусь утверждать, что молдавский народ заслужил в конце концов подобного рода вершителя своих судеб, – продолжил Бабилунга. – И дело вовсе не в дремучем невежестве господина Гимпу. Каждый человек (или большинство людей) сознательно выбирает свою этническую идентификацию. Президент Молдавии, пусть и назначенный, пусть и «и.о.», может идентифицировать себя с кем угодно, не только с «дако-римлянами», хоть такого народа и в природе-то не существовало никогда – были романизированные фракийцы, т.е. варварское население в Карпатах и на Балканах, усвоившее в первых веках новой эры вульгарную латынь. Но почему бы ему не провозгласить себя карфагенцем (уж они-то римлянам не уступали в уровне цивилизации в отличие от фракийцев), или например, вавилонянином – жителем самого древнего на Земле города, или добрым самаритянином, уклонившимся от религии иудеев, или, скажем, даже потомком какой-нибудь династии

¹⁸¹ Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1231171.html> «Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Тирасполь-Бендеры, 2011. С. 549.

фараонов, – почему бы и нет?! Кстати, для сведения господина Гимпу и его не очень образованных единомышленников можно было бы донести, что римляне никогда с гето-даками и не смешивались. Более того, на территории провинции Дакия, завоеванной императором Траяном в 106 г. и оставленной императором Аврелианом в 271 г., римляне почти и не проживали. А потому никаких «дако-римлян» у них родиться просто не могло. В Румынии из 2000 могильных плит, возведенных в античные времена, которые все изучены, исследованы и описаны румынскими археологами, только 60 принадлежали уроженцам Дакии, уроженцами городов и сел Аппенинского полуострова были считанные единицы, а основную массу составляли уроженцы других провинций империи, завоеванных Римом, главным образом выходцы с Востока: Сирии, Вифинии, Галатии, Египта, Пальмиры, Азии, а так же уроженцы Африки, Паннонии, Далмации и других провинций, никакого отношения к Риму не имевших», – отметил приднестровский историк.

По словам учёного, все это не имеет значения, поскольку «лично Гимпу может считать себя «хоть марсианином». «Никого это не касается, кроме него самого и его лечащего врача. Он «румын и точка» – ну, как говорится, и флаг ему в руки – пусть опять, как в апреле 2009 года, водружает любимый триколор над своим парламентом (как сообщил 14 апреля ИА REGNUM *Новости источник в Службе информации и безопасности (СИБ) Молдавии, флаги Румынии и ЕС были водружены 7 апреля над зданием президентуры и парламента Молдавии в присутствии и при участии полиции и СИБ РМ – прим. ИА REGNUM Новости*). Совсем другое дело, когда подобный субчик, не признающий молдавский этнос, молдавский язык и культуру, ненавидящий молдавскую государственность, берется по иронии судьбы возглавлять государство под названием Молдавия, встает во главе народа, который испокон веков называл себя молдавским. И при этом, как показала перепись населения и проведенный еще полтора десятилетия назад референдум, большинство молдаван до сих пор продолжают считать себя молдаванами и перековываться в срочном порядке в румын пока не спешат (согласно данным переписи 2004 года, опубликованным Национальным бюро статистики Молдавии, румынами себя назвали 2,2% жителей Молдавии, молдаванами – 75,8%, при этом 78,4% молдаван родным языком указали молдавский язык,

18,8% – румынский – прим. ИА REGNUM Новости). Хорошего же вождя они себе получили! Человека, который не просто не уважает и не знает многовековой истории молдавского народа и особенностей его этногенеза, но не собирается даже с уважением относиться к выбору большинства своих современников и соплеменников! Трудно сказать, чего здесь больше, – трагедии или фантасмагории, шутовства или подлости?!» – заявил историк.

По его мнению, совершенно точно можно сказать, что в руководство Молдавии вновь вернулись люди образца 1989-1990 гг. «Напомню, тогда так называемый Народный фронт Молдавии, одним из основателей которого и является Гимпу, захватил власть в Кишиневе, а потом и совершил «триумфальное шествие» по другим городам и весям несчастной республики. Все эти филологи, историки, журналисты, писатели и поэты, специалисты по истории КПСС и научному коммунизму понятия не имели, что такое экономика и как ею управлять, что такое рынок, куда они хотели вогнать ошастливленный ими народ. Весь этот сонм ученых гуманитариев не представлял себе и в общих чертах, что такое элементарное коммунальное хозяйство, как содержать и поддерживать в работающем режиме и безопасном состоянии водопровод и канализацию, лифты и крыши, дороги и экологию. Этому их никогда не учили, а потому заниматься этим они не желали и не стали. Другое дело – название языка, тут они могут рассуждать помногу часов без перерыва. Другое дело – «правильное название своего рода» – тут просто хлебом не корми, дай волю порассказать о своих «древнеримских корнях»! Или, скажем, переименование улиц! Какая благодатная нива для многолетнего демонстрирования обществу своей нужности и незаменимости. Вот и занимались эти господа переименованием улиц, городов и сел, вместо того, чтобы попытаться хотя бы сохранить в работающем виде то, что им досталось от Советской власти. Да ведь они и покрасить не могут то, что построили Советы за 40 послевоенных лет!» – заявил Бабилунга.

«Единственное, в чем не откажешь этим господам, – так это в хорошем нюхе и в умении быстро и с пользой для себя распахать по собственным карманам денежки, которые щедро льются пока от разных фондов и государств. Распределить своих кумовьев, зятьев, крестников, детей и племянников на хлебные места! Распределить,

устроить и хапать, хапать, хапать под разговоры о правильном названии нашего языка и нашего рода! Вот и вся политическая программа этих мошенников. И ничего другого не будет. Все повторится, нечего и ожидать никаких положительных изменений, как это и было в конце 80 – начале 90-х гг. XX века. Молитесь, разве, чтобы избавил нас Бог от войны. Ведь от пришедших к власти маргинальных «вождей» всего можно ожидать. И господин Гимпу спешит убедить в этом не столько свой народ, до которого ему нет никакого дела, а главным образом, – своих щедрых спонсоров. Правда, делает это топорно и неуклюже. Эх, сюда бы какого-нибудь Анатолия Цэрану или еще какого лощенного «евроинтегратора». А мастодонт вроде Гимпу смотрится в наше время уж как-то совсем дико! Или, может, это просто хитрая игра – выбирайте поскорее иуду Лупу, а то Гимпу останется вашим президентом?! Голосуйте за Лупу или придет еще более худший субъект?! Мало не покажется! Так и хочется бесконечно повторять и повторять за древним молдавским летописцем: «Ох! Ох! Ох! Какие страшные времена настали! Какое тяжелое несчастье поразило нас! Жаль, жаль, жаль страны!» – подвёл итог Николай Бабилунга.

Как сообщало ИА REGNUM Новости, и.о. президента Молдавии Михаил Гимпу заявил 1 декабря, что созданная его указом комиссия по конституционной реформе намерена рассмотреть возможность замены в конституции названия государственного языка с молдавского на «румынский». По мнению Гимпу, «пришло время смыть этот позор». «Сейчас важно поставить точку, причем как можно скорей, чтобы можно было сконцентрироваться на экономике и европейской интеграции. Это огромная ошибка, что мы 20 лет делали политику вокруг языка и истории», – добавил молдавский спикер. «Всю жизнь я знал, на каком языке разговариваю, может быть, за исключением первых месяцев жизни. Всегда разговаривал порумынски и писал латинской графикой. Я не могу сказать, что являюсь дако-славянином, если я дако-римлянин», – заявил и.о. президента страны.

Справка ИА REGNUM Новости: Молдавская письменность существовала на кириллице с момента своего появления в XVI веке и вплоть до 1989 года, когда решением Верховного совета Молдавской ССР молдавский язык был переведен на латинскую

графику в румынском варианте, в то время как молдаване Приднестровья сохранили изначальную кириллическую графику молдавского языка. Понятия «румыны», «румынский народ» и «румынский язык», созданный трансильванскими лингвистами на латинице, были изобретены в конце XVIII века. В Конституции Молдавии указано, что государственным языком Молдавии является «молдавский язык на основе латинской графики». Молдавский и румынский языки, несмотря на ряд региональных отличий, выражающихся в том числе в использовании кириллицы либо латиницы, представляют один и тот же язык, а вопрос идентичности является политическим маркером для населения Молдавии.

ПРИДНЕСТРОВЬЕ ОПОЗДАЛО С ПОДКЛЮЧЕНИЕМ К БОРЬБЕ ЮЩЕНКО ПРОТИВ «ИГА МОСКАЛЕЙ»¹⁸²

Планы властей Приднестровской Молдавской Республики по организации праздничных мероприятий, приуроченных к 300-летию со дня принятия «конституции гетмана Украины Пилипа Орлика», для ИА REGNUM Новости прокомментировал заведующий кафедрой отечественной истории Института истории государства и права Приднестровского госуниверситета Николай Бабилунга:

Откровенно говоря, я не стал бы чересчур драматизировать это событие, а тем более придавать ему хоть какое-то значение в контексте приднестровско-украинских и приднестровско-российских отношений. Да, мне известно, что, по мнению многих современных украинских историков, первой конституцией в мире стала не британская «Великая хартия вольностей» и прочие подобные акты. И не Декларация независимости Джефферсона, впервые в истории провозгласившая идею суверенитета народа, его право на революцию и равенство абсолютно всех людей перед законом. И не американская, и не французская Конституции. А написанный Орликом в 1710 году в Бендерах документ, известный как «Пакты и конституции законов и вольностей Войска Запорожского».

Как считают наши коллеги на Украине, «краеугольные положения этого уникального документа стали фундаментом основных законов США, Великобритании, Франции и многих других развитых стран». Так и пишут. Черным по белому. Но, в конце концов, в украинских школах сейчас детям рассказывают и не такое – украинцы строили египетские пирамиды, легендарные амазонки были племенем красивых украинских дивчин, Иисус Христос был украинцем (галилеянин, значит, из Галичины) и т.д. Но давайте все же разберемся, кто он, этот самый Филипп Степанович Орлик, чтобы фактом написания

¹⁸² Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1269393.html>

какого-то документа 300 лет назад он мог бы как-то воздействовать на отношения нашей республики с Россией и Украиной.

Предки его были богемскими землевладельцами, которые во время Гуситских войн бежали в Польшу и поселились в Кракове. Некоторые из них приобрели землю близ Вильно. Здесь в селе Косути и родился наш герой. Его отец, католик, погиб на берегах Днестра в Хотинской битве 1673 года, сражаясь с турками, а мать, Ирена Малаховская, была из православной семьи. В Вильно Орлик учился у иезуитов, а потом в Киево-Могилянской академии. По окончании учебы работал в духовном суде киевского митрополита, наконец, перебрался в Полтаву и занял скромную должность в гетманской канцелярии. Но его заметили, не могли не заметить в казацкой старшине — столь подобоострастные оды и торжественные панегирики он сочинял в честь высокого казацкого начальства. Одну оду юный карьерист посвятил нежинскому полковнику Обидовскому, родственнику Мазепы и зятю генерального писаря Кочубея, а другую посвятил самому Мазепе, да еще и опубликовал у себя на родине в Вильно. А женившись на дочери полтавского полковника Анне Герцик, без лести преданный Орлик и вовсе стал своим среди казацкой старшины. Мазепа назначает его старшим писарем в своей резиденции в Батурине и даже становится крестным отцом его сына. Наконец, Мазепа назначает Орлика в 1706 году генеральным писарем Гетманщины, что приравнивалось к посту канцлера или министра иностранных дел. Орлик становится очень информированным и очень влиятельным человеком. Он был в курсе всех тайных переговоров Мазепы с поляками и шведами об условиях перехода последнего на их сторону. Он сомневался в успехе предпринятого Мазепой дела, но не перечил ему, прилежно исполняя все получаемые распоряжения. Верность Мазепе Орлик сохранил до конца, в отличие, кстати, от своего кумира, который предал в жизни всех, кого только смог и успел. Вообще об Орлике сохранились сведения как о глубоко религиозном и очень образованном человеке, хорошо воспитанном, мягком, сердечном. Даже его крепостные отзывались о нем как о благожелательном и справедливом барине.

После смерти Мазепы в Варнице между оставшейся ему верной старшиной в стане беглецов начались распри за пост гетмана. Поскольку племянник Мазепы Андрей Войнаровский, отказался быть

избранным в гетманы – ему было достаточно довольствоваться вывезенными Мазепой несметными сокровищами, выбор пал на Орлика, который, впрочем, без особой охоты соглашался взваливать на себя бремя гетмана в изгнании. И даже обставил свое согласие рядом условий: Войнаровский должен был выделить из мазепинских сокровищ 3000 золотых дукатов на содержание его правительства в изгнании, а шведский король должен был дать торжественное обещание, что не успокоится до тех пор, пока «московское ярмо не будет снято с Украины и страна вернется к своим давним вольностям». В мае 1710 года Карл XII издал соответствующий указ. А за месяц до этого Орлик представил своим выборщикам – казацкой старшине – эту самую «Бендерскую конституцию», которую старшина должна была признать, иначе он не соглашался стать гетманом.

Этот документ, составленный Орликом, не содержал никаких особых новшеств и полностью базировался на хорошо знакомых украинцам образцах соглашений между польской шляхтой и избираемыми ею королями. Вот и все, ничего более! Вся «Конституция» состояла из 16 статей, которые правительство в изгнании собиралось осуществить после предполагаемого и желаемого разгрома петровской России и возвращения изгнанников на родину. Сделав обзор истории украинских казаков, когда-то могущественного народа, притесняемого Польшей и Москвой, документ провозглашал в 1-й статье, что господствующей религией на Украине должно быть православие, и никакая другая вера, особенно иудаизм, не допускается. 2-я статья провозглашала Украину государством, граничащим с Польшей и Россией, а 3-я статья требовала установления союза с Крымским ханством. В 4-й и 5-й статьях указывалось на необходимость выведения русских войск с Нижнего Днепра. Содержание 6-й – 9-й статей ограничивало власть гетмана и расширяло права старшины. В частности, все важнейшие решения гетман был обязан согласовывать на советах с генеральной старшиной. Гетман должен был опираться в государственных делах на специальных чиновников, а не личных слуг. Гетманы не должны были путать войсковую казну и собственные доходы. Гетман должен был жить строго на доходы со своих имений и не лезть хозяйской рукой в государственную казну. Наконец, последние шесть статей (с 10 по 16) запрещали старшине покупать выборные должности, освобождали от налогов семьи ка-

заков, ушедших в поход, уменьшали налоги для малоимущих слоев, а также гарантировали права городских мещан.

В целом, написанный Орликом документ оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, он как бы наполнен благими пожеланиями и намерениями, весьма похвальными с точки зрения просвещения и здравого смысла. С другой стороны он ничем не отличается от подобных прожектов, которые обычно пишут в изгнании провалившиеся и битые политики, изгнанные со своей родины и мало кому интересные за ее рубежами. Документ этот не имел и не мог иметь под собой хоть мало-мальски реальной почвы, он лишь комичным образом подчеркивал бессилие и полную никчемность кучки изгнанников, тужившихся подняться до фигур европейского значения. Что и показали все последующие события. Движимый фанатичной ненавистью к России, Орлик сумел привлечь на свою сторону крымчаков и в конце января 1711 года двинул пестрое польско-татарско-мазепинское воинство на Правобережную Украину. Однако местное казачье население восприняло его поход как очередное татарское нашествие, восстало, и поход с треском провалился. Затем шведский король в 1714 году покинул Бендеры, и Орлик отправился с ним странствовать по Европе, превратившись в бессильного и преследуемого несчастного скитальца.

В Швеции Орлик получал от Карла 13000 талеров ежегодного содержания, а после гибели короля мазепинцы бросились искать очередных спонсоров. Но желающих приютить битых и обанкротившихся «патриотов» находилось все меньше. Укрывшись в Польше у своих дальних чешских родственников, Орлик стал призывать польского короля к беспощадной войне против России. Тогда агенты Петра начали охоту на мазепинцев. Орлик отдает своего сына под чужим именем на военную службу в Саксонию, а сам укрывается в Османской империи, пытаясь настроить Османскую Порту и Бахчисарай на войну против ненавистной ему России.

Однако, когда эта война в 1734 году действительно случилась, Орлик был поражен, что запорожцы не пожелали воевать на стороне турок и татар против христианских братьев. А когда эта война закончилась в 1739 году подписанием мира между Россией и Турцией, султан выгнал вообще Орлика из Стамбула. Ему было приказано убраться подальше с глаз долой в столицу Молдавского княжества

Яссы, где правили греки-фанариоты, и где он прожил в разочаровании и безвестности несколько последних месяцев своей жизни.

Вот, что надо было бы знать, чтобы правильно быть понятым. И, прежде всего, является ли Орлик такой исторической фигурой, которой обычно гордятся народы и которые в их памяти живут в веках? На мой взгляд, вряд ли. Да, собственно, имя Филиппа Орлика до недавнего времени было известно немногим историкам, специалистам по вопросам данной эпохи. Лишь в последние десятилетия, особенно во времена «помаранчевого» президента Ющенко имя Орлика вдруг воссияло как знамя мученика и борца против «ига москалей». Ну и что ж здесь такого? Народы и политики сами выбирают себе героев и кумиров, причем выбор тех и других часто не совпадает. Народ никогда не станет возвеличивать Иуду или поклоняться сатане. Но вокруг нас живет ведь какое-то количество людей именно с таким, можно сказать, отклонением от общепринятых стандартов поведения. Наверное, и эти люди в рамках закона имеют право на свое миропонимание и мироощущение.

Другое дело, надо ли государству поддерживать и спонсировать подобные «отклонения», а тем более – пропагандировать и тиражировать деяния неудачников, проигравшихся вчистую авантюристов, битых политиков, презираемых собственным народом и даже его врагами? Думаю, что не надо. Вакханалия с именами, подобными Бандере, Шухевичу, Мазепе, Орлику и прочих антигероев, вознесенных недавней властью на Олимп национальной истории, очень скоро пройдет и в самой Украине тоже. Я не уверен, что нам стоит подключаться к этой кампании, тем более с таким опозданием. С другой стороны, «Бендерская конституция» Орлика – это как-никак частичка истории братской нам Украины. И ничего нет зазорного в том, чтобы так или иначе отметить ее. Тем более что она как бы напрямую связывает нас. Ведь это и частичка нашей приднестровской истории тоже. А как писал наш великий Александр Сергеевич Пушкин – уважение к прошлому это то, что отличает цивилизацию от дикости. Так, что давайте, друзья, не будем раздувать из искры пламя. Будем уважать прошлое, каким бы оно ни было!

Я не думаю, что России может понравиться чествование где бы то ни было каких-то антироссийски настроенных персонажей истории, а тем более каких-то патологических русофобов-неудачников и по-

литических банкротов. Но мне кажется, что Россия сейчас настолько занята своими насущными проблемами, что ей нет никакого дела до того, отметят в Бендерах 300-летие никому не нужной «конституции», не сыгравшей никакой роли в истории украинцев или любого другого народа, или не отметят. На наших отношениях с Россией это не скажется никоим образом.

То же можно сказать и об Украине. Возможно, там кому-то и понравится этот наш «праздник». Но не более того. Украина не снимет по этому поводу таможенную блокаду.

(В соответствии с молдавско-украинским межправительственным соглашением, 3 марта 2006 года были введены новые правила прохождения грузов через молдавско-украинскую границу. Украинские таможенные посты, находящиеся на границе Украины и Приднестровья, согласно постановлению кабинета министров Украины № 112-Р, прекратили пропускать грузы, оформленные приднестровской таможней. Вечером 4 марта 2006 года грузовое и пассажирское железнодорожное движение через Приднестровье было полностью остановлено. Таким образом, украинская сторона стала пропускать приднестровские грузы только в том случае, если они оформлены молдавской таможней – прим. ИА REGNUM Новости)

Нечего и надеяться. Конституции и интересы действительно сильных и серьезных современных государств играют для руководства Украины несопоставимо более важную роль, чем эта порядком забытая страница трехвековой давности, называемая «Бендерская конституция» Орлика.

«СЧЕТ ЗА СОВЕТСКУЮ ОККУПАЦИЮ» – НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ МАССОВОГО БЕЗУМИЯ В МОЛДАВИИ ¹⁸³

Заведующий кафедрой отечественной истории Института истории государства и права Приднестровского госуниверситета Николай Бабилунга прокомментировал 23 апреля для ИА REGNUM Новости инициативу члена молдавской Комиссии по оценке коммунистического режима Вячеслава Стэвилэ относительно предъявления России «счета за советскую оккупацию Молдавии».

Трудно комментировать подсчеты какого-то господина Стэвилэ из Кишинева о долге России Молдавии просто потому, что я не психиатр, а историк. Я думаю, что за все время своего существования у кормила власти Молдавии ее нынешняя камарилья сделала только один разумный шаг. Она приняла решение о том, что все политики или претендующие на власть лица в обязательном порядке должны проходить психиатрическую экспертизу. Дождались, наконец! Это как-то обнадеживает. Как говорится, что у кого болит, тот о том и говорит. Думаю, что и Стэвилэ, и его патронам, его спонсорам, а также всем его единомышленникам пора воспользоваться предоставленной возможностью бесплатной медицинской экспертизы и в срочном порядке пройти обследование. Только не уверен, найдется ли в Молдавии столько профессиональных и неподкупных специалистов, чтобы быстро и качественно обслужить возможные очереди. За 20 лет «независимого» существования там уже зародилось целое поколение свихнувшихся политиков. А ведь еще и старые не ушли: те, кто нуждается в скорой психиатрической помощи. Уму непостижимо, какое невспаханное поле для психиатрии существует в этой сравнительно небольшой по населению республике.

Я хоть и не врач по профессии, – еще раз повторю, – но начинаю думать, что психические заболевания – это опасные заразные болезни, поскольку от собственных политиков безумие очень быстро распро-

¹⁸³ Попрал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1277258.html>

страняется в массы, в толпы людей. Ну, скажите, где еще, в каком-таким еще государстве толпа народа может безнаказанно разгромить и ограбить собственный парламент, вскрыть сейфы, растащить ценности, поджечь его, водрузить над ним флаг другого государства? Где-нибудь в Киргизии просто разграбили и разбежались. А тут же и до флага додумались. Мы, мол, не просто так грабим, мы идейные! Мы, мол, румыны! Сам Бэсеску по головке нас гладить не брезгует!

Но самое удивительное, что нынешний и.о. главы этого государства Гимпу, отмечая годовщину этого погрома, созвал всех вандалов на место преступления, принародно объявил их всех спасителями Молдавии от «тоталитарной диктатуры» и от коммунистического антинародного режима. Громите, мол, ребятки, и дальше по первому моему призыву! Вы такое где-нибудь еще видели?

Я полагаю, что подсчеты некоего Стэвилы – не что иное как обострение уже имеющейся массовой эпидемии безумия, которое от правителей этого государства распространяется очень скоро и на часть его несчастных граждан. Сколько из них своей кровью заплатили за безумие своих вождей на берегах Днестра в 1992 году?! Тысячи! А сколько в 1942 году под Сталинградом?! Сотни тысяч! И не меньше – в Яско-Кишиневской операции в 1944 году! И вот, новый приступ. Новые претензии к России. Подготовка еще какого-то количества своих безумцев к закланию.

Мы ведь знаем, как эта болезнь протекает. Сначала какая-то поэтесса объявляет себя супругой памятника молдавского средневекового господаря Стефана Великого, а некий поп прилюдно ее в подвенечном платье венчает с бронзовой фигурой при огромном стечении народа в центре Кишинева (*весной 1989 года молдавская поэтесса Леонида Лари заявила, что возрождение нации дороже собственной семьи, а священник Петру Бубуруз обвенчал ее с памятником Стефану Великому в Кишиневе – прим. ИА REGNUM Новости*). Группа писателей и поэтов обещает всем жителям кишиневских предместий бесплатные квартиры с мебелью после изгнания «русских оккупантов», «сепаратистов», «мигрантов» и «манкуртов». Затем толпа вопит что-то типа «Чемодан! Вокзал! Россия!» или «Утопим русских в жидовской крови!», затем громит редакции русскоязычных газет, или здание Академии наук, или просто квартиры мирных граждан. Потом взвинченные толпы отправляются на погром в Гагаузию или в При-

днестровье. Идут крошечные и беспримерные по своей жестокости и бессмысленности зверства. А потом вместе с похмельем приходит время похорон и чествования своих национальных героев, «борцов за независимость и территориальную целостность республики».

Наконец, проходит время, и все начинается сначала. Прогрессирующая болезнь вступает в новое обострение. Вожди опять гонят оглуляемую ими толпу на погром собственного парламента. Толпе сулят несметные богатства, которые она получит ничего не делая, не шевельнув и пальцем. Надо только заставить Россию заплатить по счетам. И «бессарабские румыны» заживут беспечно и весело, как оно и полагается в цыганском таборе. Только чуть-чуть поднапрячься, и вот оно, счастье наше! Тут же рядом, совсем близко, рукой подать! Правда, мы не знаем, как заставить проклятую Россию нас содержать, но граница нам поможет! Вместе с эстонцами, грузинами, литовцами и румынами мы поставим русских на колени. Американские противоракетные комплексы нас защитят! Вперед, сыны отчизны, нашей такой нищей и поруганной, презираемой всем светом Отчизны!

Я думаю, что мы находимся на очередном этапе обострения государственного безумия Молдавии. В комментариях этот бред не нуждается. Он может предоставить интерес только психоаналитикам, которые по структуре бреда иногда могут определить степень запущенности болезни и возможность ее излечения, равно как и невозможность. Отвечать им что-то вроде, – а мы сейчас возьмем и подсчитаем, сколько стоило России содержание Молдавии в составе Советского Союза (ведь эта республика, как и почти все остальные, была дотационной и платила в союзный бюджет на порядок меньше, чем получала), или сколько стоила России агрессия Румынии против наших народов в составе гитлеровских полчищ, – это неразумно. Это означает разговаривать с психами в их же категориях и по их логике. Вот уж, чем не следует заниматься. Можно, конечно, сослаться на недавние слова президента Медведева о том, что Россия никому ничего не должна и поучать ее – дело бесперспективное. Можно вспомнить и слова премьера Путина, что получают они от дохлого осла уши, а не то, что требуют. Но зачем? Диагноз понятен и так. Течение болезни нам известно. Смирительная рубашка приготовлена. А для особо буйных – кладбище. А пока – пусть считают! Грезы и бред сумасшедших не нуждаются в толкованиях.

БЕЗ ГЕББЕЛЬСА, ГИММЛЕРА И АНТОНЕСКУ СПИСОК «ВЕРШИТЕЛЕЙ СУДЕБ ПРИДНЕСТРОВЬЯ» ФОНДА КАРНЕГИ НЕ ПОЛОН ¹⁸⁴

Сообщение американского Фонда Карнеги о создании проекта «Негосударственной рабочей группы по разрешению приднестровского конфликта» трудно комментировать, поскольку оно вызывает очень большие сомнения в возможности того, о чем там говорится. Об этом заявил 25 августа в интервью ИА REGNUM Новости заведующий кафедрой отечественной истории Института истории государства и права Приднестровского госуниверситета Николай Бабилунга.

«Во-первых, – заявил Бабилунга, – сама „возможность трансформации российской миротворческой миссии в международную в обмен на безвизовый режим между Россией и ЕС“ представляется неким абсурдом. Что-то вроде, – вы мне разрешите рвать яблоки в вашем саду, а я за это у вас на глазах перережу горло своему сыну! Бывает такое в жизни? Я не встречал. Во-вторых, посмотрите, какие там имена фигурируют, – Бжезинский, Козырев. Добавьте Геббельса, Гиммлера, может еще и Антонеску. Почему бы и нет? Без них список вершителей судеб Приднестровья как-то и не полон. Я не знаю, кому и зачем понадобилось всеу тревожить имена этих ископаемых. Но думаю, что они настолько не вписываются в современное российское миропонимание, в современную российскую политическую идентичность, что сообщение Фонда Карнеги выглядит или запоздалой первоапрельской шуткой, или бредом какого-то кипящего разума возмущенного».

По мнению приднестровского историка, «все обстоит прямо противоположным образом». «В Москве начинают понимать, что та шпана, которая сейчас правит Молдавией, это не временное умопомрачение людей в общем-то нормальных и даже, может быть, хороших, каким Кремлю долгое время представлялся господин товарищ Во-

¹⁸⁴ Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1318722.html>

ронин. Это всерьез и надолго. Все метания современной политической «элиты» – да простится мне этот термин, употребляю его чисто условно – в Кишиневе убеждают даже видевших виды МИДовских чиновников: болезнь неизлечима, похмелья не будет, реабилитация невозможна, лечение бессмысленно. И вот при таком диагнозе обсуждать с немцами некую торговую сделку по продаже за бесценок стратегически важных позиций в Юго-Восточной Европе? Да еще в годовщину грузинского геноцида в Цхинвале и его закономерных итогов. Абсурд! Ведь не Козырев и не Шеварднадзе нынче рулят в Москве!», – отметил учёный.

Комментируя идею самого создания «Негосударственной рабочей группы по разрешению приднестровского конфликта», целью которой станет укрепление «доверия и понимания» между участниками переговорного процесса в формате «5+2» (Молдавия, Приднестровье – стороны конфликта, Россия, Украина – страны-гаранты, ОБСЕ – посредник, Евросоюз и США – наблюдатели – прим. ИА REGNUM Новости), Бабилунга заявил, что подобных проектов «можно создавать хоть три дюжины». «Какие тут могут быть проблемы? Никому от них ни жарко, ни холодно. Никому они не мешают, а кому-то и позволяют демонстрировать чрезвычайную озабоченность мировыми проблемами и способность их решить уже будучи на пенсии. Да на здоровье. Только чего ж вы их не решили, когда получали за это зарплату?» – заключил историк.

Как сообщало ИА REGNUM Новости, американский Фонд Карнеги инициировал проект «Негосударственной рабочей группы по разрешению приднестровского конфликта», целью которой станет укрепление «доверия и понимания» между участниками переговорного процесса в формате «5+2». Согласно проекту, участниками «рабочей группы» могут стать представители гражданского общества и неправительственных организаций «всех заинтересованных сторон», т.е. формата «5+2», и, в первую очередь, принимавшие ранее участие в Дартмутской конференции по региональным конфликтам. В качестве последних в проекте упоминаются Збигнев Бжезинский, Гельмут Зонненфельдт, Дэвид Рокфеллер, Джон Кеннет Гелбрэйт, Евгений Примаков, Андрей Козырев, Георгий Арбатов.

Результатом деятельности «рабочей группы» должны стать рекомендации, которые она намерена передать участникам формата «5+2». По существующей практике, результаты работ подобных «рабочих групп» передаются правительству США в качестве аналитической основы его деятельности. В то же время, как стало известно ИА REGNUM Новости, проект неофициально уже получил одобрение МИД России.

По мнению представителей Фонда Карнеги, ситуация в странах-участницах формата «5+2» благоприятствует для такой формы диалога, результатом которого могут стать переговоры на официальном уровне, и одним из таких благоприятных факторов является приверженность России урегулированию конфликта на основе «территориальной целостности» Молдавии. В этом контексте авторы проекта, в частности, утверждают, что в ходе июньской встречи в Берлине президент РФ Дмитрий Медведев и канцлер Германии Ангела Меркель обсуждали возможность трансформации российской миротворческой миссии в международную в обмен на безвизовый режим между Россией и ЕС.

ЕСЛИ РУМЫНСКАЯ «ШАВКА» ЗАБОЛЕЕТ, ЕС ЕЕ «ВЫБРОСИТ НА ПОМОЙКУ, ОТДАСТ ЖИВОДЕРАМ, В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ, УСЫПИТ»¹⁸⁵

Открытие в Европарламенте представительства непризнанного Бухарестом Секуйского края прокомментировал для ИА REGNUM 31 мая приднестровский историк и политолог Николай Бабилунга:

Откровенно говоря, я бы не стал придавать этому событию столь глобального значения, сравнивать его с ситуацией в Косово, рождением нового государства в Европе или даже зачатием. Хотя мне кажется, что этот факт еще раз показывает, насколько слабо и неустойчиво внутреннее единство таких стран, как Румыния. Политическому классу этой страны следовало бы прежде всего думать не о расширении территории своей страны на востоке, за счет Молдавии, а тем более Приднестровья или Украины. Пора по-настоящему заняться укреплением стабильности в собственной стране, может быть даже путем ее федерализации и расширения прав и полномочий тех территорий, которые Румыния захватывала в начале XX века и после Балканских войн, и после Первой мировой войны, не говоря уж о Второй мировой войне. Если у человека начинается пожар в собственном доме, самое худшее, что ему может прийти в голову, – это захватывать дома своих соседей, начинать судебные тяжбы по поводу их собственности и претендовать на их территории и апартаменты.

Но вряд ли хоть кто-либо из румынских политиков способен всерьез и объективно озаботиться проблемами родной страны, подумать о ее сохранении, о ее исторической судьбе и будущем благополучии. Все они настолько ослеплены мифами своего собственного производства о вымышленной «великой румынской нации» и «великой Румынии», якобы существовавшей еще во времена Иисуса Христа, что, пожалуй, на адекватное восприятие действительности уже просто

¹⁸⁵ Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1410757.html>

неспособны. Они с тупым упорством будут все так же проповедовать догмы агрессивного румынизма, будут требовать земли своих соседей на востоке и интриговать против законных властей этих государств, подбивая пьяных маргиналов на вывешивание румынских флагов над разгромленными и подожженными административными зданиями, как это было в Кишиневе в апреле 2009 года. А ведь их собственное жилище так и трещит по швам. И об этом говорит достаточно ясно сам факт открытия в Брюсселе представительства Секуйского края при Европейском парламенте.

Что касается Приднестровья, то для нас этот факт вряд ли является каким-либо серьезным сигналом на международной арене. Не может он пока иметь значения в качестве каких-то прецедентных последствий для ситуации вокруг Приднестровья. Ведь открытие представительства несуществующего де-юре Секуйского края осуществила группа румынских европарламентариев от Демократического союза венгров Румынии (ДСВР) во главе с вице-председателем Европарламента, одним из лидеров трансильванских венгров Ласло Токешем. Никаких приднестровских дипломатов в Брюсселе нет. А если какие-то дипломаты Молдавии там когда-то и тусуются, так о Приднестровье они не вспоминают, либо вспоминают с ненавистью и зубовным скрежетом.

А самое главное, – отношение евробюрократии к венграм, в том числе и румынским, мягко говоря, весьма существенно отличается от ее отношения к приднестровцам. Все нормы существующего международного права у западных политиков не перевесят банального принципа, – что положено Юпитеру, не положено быку. И мы прекрасно понимаем, кто тут бык, а кто Юпитер. Жаль, что этого не понимают в Бухаресте. Тем хуже для них. Чтобы угодить своему, хозяину Шавка может и полаять для острастки на соседского буйвола. Может, ей и косточку бросят с хозяйского стола. Но это вовсе не означает, что ее будут жалеть, холить и лечить, когда она заболит или станет немощной. Скорее всего, выбросят на помойку или отдадут живодерам, в лучшем случае, – усыпят.

То, что, по словам главы румынского Сената Мирчи Джоанэ, Румыния является «национальным, суверенным и независимым государством, единым и неделимым», это действительно факт. Пока. Создавать «национальное государство», «единое и неделимое» при

многонациональном его населении (венгры-секуи, болгары, русские, цыгане, евреи, русины и проч.) – это категории XVIII–XIX вв. Сохранять его в XXI в. – значит ничего не понимать в современном мире, с его стремлением к свободе, толерантности, субсидиарности, равенству. А жить по современным принципам цивилизованного человечества румынские политики так и не научились, да пожалуй, и не научатся никогда, – слишком уж сильны стереотипы собственного величия, впитываемые ими с молоком матери и в результате унылой однообразной, столетиями не меняющейся пропаганды.

Тем не менее, мне кажется, что в большой и далекой перспективе открытие в Брюсселе представительства Секуйского края при Европейском парламенте, представительства края, никем не признанного кроме собственного населения, является показательным знаком с положительным значением. Рано или поздно все европейские народы, стремящиеся к свободе и равноправию в «национальных, единых и неделимых государствах», получают и свободу, и равноправие, и уважение к своим стремлениям, своей уникальной и неповторимой ценности. В том числе будет и народ Приднестровья.

С авторами
исторического
альманаха

Награждение Орденом почета ПМР

Передача на ТВ ПМР

В кругу коллег
и родных

Кафедральный пикник
с шашлыками на Днестре

Научно-практическая конференция

Конференция в Рыбнице

Покровские чтения
в Тирасполе

Презентация
журнала «Ежегодный
исторический
альманах
Приднестровья»

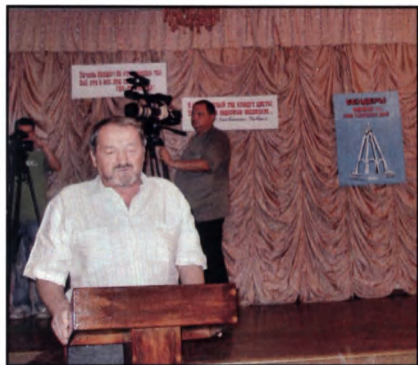

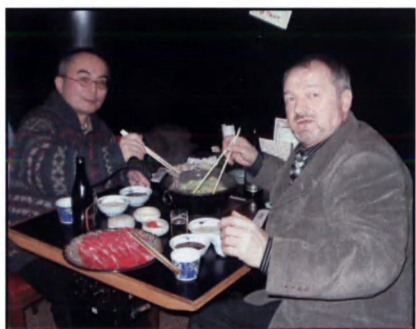
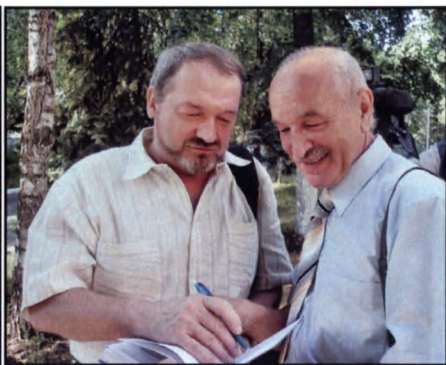
Чаепитие с кишиневскими коллегами-историками

Беседа с директором Института исследований Европы, России и Евразии Университета им. Дж.Вашингтона профессором Генри Хейли

Презентация сборника «Бендерская трагедия»

С директором Центра славянских исследований Университета Хоккайдо Кимитакэ Мацузато

На конференции в Саппоро

Когда в Токио цветет сакура,
на Хоккайдо трещат морозы

Ретрообщение
на другом краю Земли

Чайная церемония в Токио

На улицах японской столицы

На презентации
книги по истории
Верховного Совета
ПМР

С послом России (В.И.
Кузьмин) в Молдове
на конференции в Кишиневе

С коллегой из ФРГ
Дарегом Забарахом

Работает Государственная
аттестационная комиссия

Презентация книги
по истории создания ПМР
в Русском центре ПГУ

Презентация сборника
«Натиск на восток»
в Кишиневе

Творческая группа по подготовке к изданию журнала
«Ежегодный исторический альманах Приднестровья»

С любимыми женщинами

С любимой кошкой после ее
операции

БЭСЕСКУ СМОТРИТ НА БЕССАРАБИЮ, КАК ЦЫГАНСКИЙ КОНОКРАД НА ПОНРАВИВШУЮСЯ ЛОШАДЬ¹⁸⁶

Последние заявления президента Румынии Траяна Бэеску о том, что через 25 лет граница ЕС будет проходить по Днестру, а Бессарабия объединится с Румынией, прокомментировал 2 декабря для ИА REGNUM Новостей заведующий кафедрой отечественной истории Института государства и права Приднестровского государственного университета Николай Бабилунга.

Вообще-то, по правде говоря, в данном случае удивляет не наглая самоуверенность президента Румынии Бэеску, позволяющего себе строить планы о расширении территории своей страны за счет Молдавии, Украины и других суверенных государств, вопреки воле их правительств и населения. К этому мы давно привыкли. Подобно вороватым цыганским конокрадам, которые считают любую понравившуюся им лошадь своей собственностью, он нисколько не сомневается в своем праве красть и захватывать на полном и законном основании все то, что ему пришлось по душе. Просто ему так хочется. Все остальное не имеет никакого значения.

Бэеску даже определил время, когда это произойдет – через 25 лет! Ни много, ни мало. Эдакая бухарестская Ванга в брюках и штиблетах, вещающая о судьбах мира через четверть века! И вот здесь начинается самое удивительное. Казалось бы, политик такого масштаба как президент, должен видеть дальше своего носа хоть на пару сантиметров. Ну, например, то, что Европейский союз вошел в штопор системного кризиса. И как раз после того, как включил в свой состав Румынию и прочих подобных ей новобранцев европейской интеграции. Неужели не нашлось в окружении румынского президента хоть одного более-менее разумного человека со средними умственными способностями, который подсказал бы своему шефу,

¹⁸⁶ Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1352863.html>

что надо и что не надо говорить журналистам, чтобы в очередной раз не стать всеобщим посмешищем и гороховым шутом?!

Европейский союз, по мнению многих авторитетнейших политиков и аналитиков, ныне дышит на ладан. Выхода из этого кризиса после истории с Грецией, теперь, вот, Португалией, Ирландией и другими странами, когда на подходе вся Прибалтика, да и Болгария с Венгрией не отстанут, промолчим уж о Польше..., так вот, выхода из этого кризиса не видят и лучшие оптимисты, романтики «общеевропейского дома», каким например, пытался представить себя некий Горбачев, лауреат Нобелевской премии мира, позволивший растерзать на куски собственную страну ради осуществления несбыточной химеры, над которой посмеивались его более ушлые западные партнеры.

Горбачев, конечно, не Бэеску. Пожалуй, он даже обиделся бы на такое сравнение его с каким-то человеком, по интеллектуальному развитию и моральным устоям находящимся на уровне конокрада. И в чем-то был бы прав, конечно. Ну, а Бэеску-то это для чего нужно? Без приглашения лезть в те сферы, куда его никто не зовет, и где его советов никто из серьезных людей и слушать не будет! Зачем ему эти скандалы и законное возмущение дипломатов, правительств, народов?

Конечно, можно сказать, что президент назвал такие сроки – 25 лет, – когда его никто не спросит уже о том, насколько его горе-пророчества сбылись или не сбылись. Никому никакого дела тогда уже не будет до этого мелкого эпизода в его жизни, не говоря уж о поворотах и изгибах мировой истории, когда и само имя Бэеску вряд ли будут помнить даже самые широкие эрудиты и самые узкие специалисты по истории первого десятилетия XXI века. А действует, видимо, он сам того не зная, по принципу последнего римского императора (ведь румыны, как это уже всем доподлинно известно, единственные и прямые наследники античного Рима!) из пьесы швейцарского драматурга Фридриха Дюрренматта «Ромул Великий».

Принцип этот до примитивности простой, доступный даже людям с мировоззрением конокрада, – кто хочет избежать большого скандала, устраивает скандал маленький! Все провалы внутренней и внешней политики румынских властей станут незаметными и малозначительными на фоне таких, казалось бы, вселенских и гло-

бальных событий, как расширение границ Евросоюза до Днестра и поглощение им с помощью услужливой и готовой на самопожертвования Румынии народов Молдавии, Приднестровья, Украины, а может, глядишь, и самой России! Ну кого, скажите, на этом фоне заинтересует инфляция, безработица, экономические и социальные кризисы и полная потеря авторитета некомпетентного руководства Румынии сегодняшнего дня?!

ДЕБИЛИЗАЦИЯ МОЛДАВИИ ТОЛЬКО НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ¹⁸⁷

Глобальная фальсификация истории, ярким примером чего является скандальная выставка в Кишиневе, на которой фотографии из нацистских концлагерей выданы за зверства сталинского режима, направлена на «геополитическое изменение мира». Об этом заявил 29 июня в интервью приднестровскому государственному информационному агентству «Ольвия-пресс» приднестровский историк Николай Бабилунга.

«Им нужно оторвать Молдавию, а по возможности и Приднестровье, отодвинуть Россию, разложить морально, разложить интеллектуально, превратить народ страны в зомбированную толпу, – заявил Бабилунга. – Толпу управляемую, которая руководствуется инстинктами, в которой нет духовности. Толпу, оперирующую понятиями «голод» – «сытость», «есть самка» – «нет самки». Такая программа зомбирования населения осуществляется не только в Молдавии, но и в других странах. И фальсификация истории в этом процессе имеет свою четкую задачу. А вот тех, кто противостоит таким процессам – их гораздо меньше, кстати».

По словам приднестровского историка, тем, кто стоит за этой выставкой, выгодно поставить Россию в один ряд с гитлеровской Германией. «То есть советский народ, по их версии, – это не защитник, который освободил пол-Европы, а такой же агрессор, как и гитлеровцы. Европейское общество и постсоветские страны приучают к тому, что виновником Второй мировой войны был Сталин, а не Гитлер. Победителем нацизма объявляется кто угодно, только не Советский Союз. На это работают целые институты, которые массовыми тиражами издают горы работ о том, что Сталин, якобы, готовил нападение на Германию, о том, что Гитлер чуть ли не был вынужден в целях защиты напасть на СССР», – отметил Бабилунга.

¹⁸⁷ Портал ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1420306.html>

По его словам, деятельность по глобальному изменению сознания населения приносит со временем результаты, а «с такими зомбированными субъектами можно делать все, что захочешь». «Можно прибрать к рукам целые народы, государства, их территории, ресурсы, полезные ископаемые, настроить их против чего-либо, или наоборот, положительно по отношению к чему-либо», – заявил приднестровский историк.

«Население, чтобы оно лучше воспринимало фальсификацию истории, надо сначала довести до состояния амебы в интеллектуальном отношении, – продолжил Бабилунга. – Оно не должно размышлять, не должно иметь понятия о том, что на самом деле происходило. На это в мире работает целая система. Мы видим, как это делается, например, в Молдавии. Они отменили 20 лет назад курс истории СССР, курс Истории Молдавии тоже отменили. Вместо этого ввели антинаучный курс истории румын, который не существует даже в самой Румынии. Ни в одной стране мира не преподается история своей страны как история другого народа. Это вообще нонсенс. Когда коммунисты пришли к власти в РМ, они попытались ввести преподавание истории Молдавии. Это вызвало кем-то проплаченное и организованное протестное движение группы студентов и преподавателей. Тогда они ввели «интегрированный курс истории». Но теперь власти собираются отменять его и снова вводить курс истории румын. Кстати, деньги на это тоже выделяет Румыния», – отметил историк.

По его словам, на смену живым свидетелям истории – людям старшего поколения – приходит молодежь, которая «изучала историю по учебнику, написанному в 1943 году по заказу румынского кондуктора Иона Антонеску». «В Молдавии идет сознательное и масштабное «оглупление» своих собственных граждан. Разработана целая программа. Молодежь – это чистая бумага, на которой, выражаясь словами Конфуция, можно написать любые иероглифы. Поэтому манипуляции с историей особо влияют на сознание и социальную идентичность молодежи. В 90-м году историю румын в Молдавии стали изучать по учебнику Петру Панаитеску, который был издан в 1943 году в фашистской Румынии при диктаторе Антонеску. Вот по этому учебнику учились в 90-х дети в РМ. Процесс «оглупления» населения в Молдавии сегодня не просто продолжается, он усиливается. В это

вкладываются большие деньги. И они отрабатываются. Манипуляции с историей – выгодный бизнес. Это целая кормушка, вокруг которой собралось множество румынских и молдавских псевдоисториков... Дебилизация Молдавии только набирает обороты», – подвел итог Николай Бабилунга.

Как сообщало ИА REGNUM, на проходящей в центре Кишинева фотоз экспозиции «Красный террор» фотографии, сделанные в нацистских концентрационных лагерях, выданы за зверства сталинского режима. Под фотографиями узников и массовых захоронений в лагерях Бухенвальд и Берген-Бельзене размещены подписи: «Условия содержания заключенных в советском ГУЛАГе ничем не отличались от нацистских лагерей», «Могила ГУЛАГа», «Большевистская фабрика смерти», «Советская кровавая баня», «Сибирский снег красный от человеческой крови». По словам организаторов выставки фотографии из различных источников, в том числе из архивов Второй мировой войны, были использованы, «порой в аллегорической форме», для «демонстрации сходства советского коммунистического режима и нацистской Германии». По мнению авторов заявления, такие «аллегии» пришлись не по нраву исключительно «проимперским, антинациональным силам, которые начали кампанию клеветы и угроз в отношении выставки и ее авторов».

ВО ЧТО РОССИИ ВЫЛЬЕТСЯ РАВНОДУШИЕ ЕЕ ЧИНОВНИКОВ К ПРИДНЕСТРОВЬЮ?¹⁸⁸

Заявление «О национальных интересах России в Приднестровье» прокомментировал 6 декабря для ИА REGNUM заведующий кафедрой отечественной истории Института государства и права Приднестровского государственного университета Николай Бабилунга.

Заявление видных российских ученых и общественных деятелей «О национальных интересах России в Приднестровье» считаю абсолютно правомерным, аргументированным, логичным и своевременным документом.

Конечно, как историку, мне хотелось бы добавить в него еще очень многое. И то, что раннеславянские памятники на наших землях археологи изучают в более четком и ясном виде, чем даже в самой России. И то, что Приднестровье впервые вошло в состав России еще по решению Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады 1654 г., а до этого являлось частью Киевской Руси, Понизья Галицкого княжества, Подольского улуса Золотой Орды, Русско-литовского государства, Речи Посполитой. И то, что присоединив по Второму разделу Польши к империи Украинские и Белорусские земли с населением ок. 3 млн. человек, российская казна выкупила «Приднестровское имение» у польских магнатов вместе со всеми крепостными жителями, которые по праву стали подданными русской короны, чему были рады и счастливы. И то, что при создании в 1924 г. Молдавской Автономной ССР в составе Украины ее западные границы по Конституции обозначались по реке Прут, включая и временно оккупированную румынами территорию Бессарабии. И то, что в отличие от всех прочих союзных республик в период сепаратистского «парада суверенитетов» Приднестровье, восстановив свою утраченную в 1940 г. по сталинскому решению государственность, вышло из состава Молдовы, но не выходило и не собиралось выходить из

¹⁸⁸ Опубликовано 07.12.2011. <http://www.regnum.ru/news/1476444.html>

состава Советского Союза. И то, что на референдуме 2006 г. подавляющее большинство многонационального народа Приднестровья (96%), выбрало не Молдову, а Россию как страну, с которой связаны все народные чаяния и надежды на будущее. И то... И то...

Многое хотелось бы добавить. Однако, заявление – не научный трактат. Хотя каждое его положение можно было бы при желании обосновать неопровержимыми аргументами исторического, юридического, международно-правового, экономического, социально-психологического характера, не говоря уж о коренных интересах России в этом регионе мира, которые вовсе не так уж мирно, к сожалению, уживаются с интересами Молдовы, Румынии, Украины, Польши, не говоря уж о тех странах, для которых любая точка на Земле является зоной их «жизненных интересов».

Почему это заявление мне кажется своевременным? Приднестровская Молдавская Республика переживает сейчас очень напряженную пору выбора путей своего дальнейшего развития. С этими путями связывают имя того или иного претендента на пост президента республики. Немалое число спекуляций появляется и активно обсуждается избирателями на тему «Сдаст нас Россия, или не сдаст?» Немало и любителей ловить рыбку в мутной воде крутится вокруг этих разговоров.

Горючее в огонь подливают и некоторые россияне, в том числе и крупные чиновники, вроде министра иностранных дел Лаврова, заявившего о какой-то «полуавтономии» Приднестровья в составе «единой и неделимой Молдовы». В недоумении люди спрашивают себя и друг друга, «Че инсямнэ ачест кувынт?» (молд. «Что означает это слово?» – прим. ИА REGNUM), «А шо цэ такэ?», «Что такое, эта полуавтономия?» Учитывая как нагло и беспардонно кишиневский режим обманул гагаузов, предоставив им автономию «Гагауз Ери», от которой не осталось ничего уже даже и на бумаге, видимо, «полуавтономия» означает отдачу пророссийского Приднестровья на безнаказанное и ничем не ограниченное растерзание прорумынскому кишиневскому этнототалитарному режиму. За что? За какие грехи? Почикайте, панове!

Может быть, отменить выборы совсем? Ведь не ровен час, может получиться что-то неожиданное, не приведи Господь, вроде южноосетинского! Но тогда пусть Кремль сам назначит нам президента. Все

поселяне и горожане будут у нас этому только рады! А для начала признайте Приднестровье своей губернией! Мы же ничего большего и не просим! Нужно ведь соблюдать каноны международного права, которое российские дипломаты столь ревностно и безупречно чтут, когда речь идет о «территориальной целостности Молдовы». И которое дружно всеми забывается, когда речь идет об интересах и желаниях целого народа, пусть маленького, но самостоятельного, мирного и незлобного.

Конечно, поддержка Россией пресловутой «территориальной целостности» враждебного ей государства, вовсе не является какой-то сногшибательной новостью, а скорее – привычной и приевшейся всем данностью мидовской раскладки. То есть, если бы в Молдове наконец-то пришли к власти разумные люди (это почти невероятно, но – предположим!), которые смогли бы гарантировать Приднестровью нормальную жизнь по цивилизованным законам и при соблюдении всех прав человека под международными гарантиями, Россия бы поспешествовала возвращению мятежного Приднестровья в лоно этой страны, отказавшейся от прорумынского неонацизма и на глазах превращающейся в эдакую юго-восточную Швейцарию. Так в идеале.

Но пока что политика, сформулированная лауреатом Премии Ленинского комсомола Григорием Виеру и его почитателями – «Чемодан! Вокзал! Россия!» – отнюдь не снята с повестки дня, а ее модуляции прорабатываются пока в кабинетах национально озабоченной бюрократии для жителей «сепаратистского» Приднестровья. И вы хотите, чтобы при этом они что-то там гарантировали приднестровцам? Помилуйте, господа! Скорее уж последняя шпана в подворотне гарантирует вам свою законопослушность и чадолобие, чем политический класс Молдовы откажется от тоталитарных методов управления презируемого им «быдла». Они жаждут именно насильственной со свежей кровью «объединения», с сотнями тысяч беженцев, с масштабными трагедиями и гуманитарными катастрофами. Иначе эти славянские земли не освободить для «истинных хозяев», идущих даже не из-за Днестра, а из-за Прута. Для реванша за Сталинград румынам нужно не тихое-мирное решение «приднестровской проблемы», а громоподобное под грохот барабанов и звучанье фанфар всасывание в свои границы, в НАТО, и всей Молдовы,

и Приднестровья («Транснистрии»), и Северной Буковины, и устья Дуная с Измаилом, Рени и Белгород-Днестровским. На меньшее они не согласны, как это следует из широковещательных заявлений их президента и прочих правителей высокого ранга.

Но Бог с ними, приднестровцами. Они (то есть мы!) давно привыкли к тому, что наша судьба висит на волоске и решается где угодно, только не у нас, кем угодно, только не нами самими. Но вложить средства в развитие нашей экономики – это разве не в интересах России? Восстановить промышленный и аграрный потенциал когда-то процветающей территории, который работал бы и на экономику России, – это против ее интересов? Поддерживать на более или менее приличном уровне жизнь ее сограждан – это не вписывается в Конституцию России? А очистить народ Приднестровья от коррумпированного панциря и предоставить равные экономические возможности всем гражданам, разве противоречит желаниям России?

И дело ведь не только в каких-то денежных средствах. Помогите разрушить экономическую блокаду, созданную здесь Кишиневом совместно с Киевом еще при оранжевых властях! Помогите убрать все прочие блокады, дайте людям дышать свободно в собственной стране, в собственном доме! Это не под силу российскому МИДу? Тогда престало ли Великой стране сносить болезненные укусы мелких насекомых, своих заклятых недругов, разрабатывающих планы вырвать из России несколько миллиардов долларов в счет убытков от, якобы, «советской оккупации»? Россия этого не замечает! Да еще с видом, будто ничего не происходит, как это делают ответственные российские чиновники.

Но взглянем на интересы России в Приднестровье с другой стороны. Представим себе, например, что так называемый «приднестровский конфликт» – это действительно внутренний вопрос Молдовы, до которого России никакого дела нет. Представим, что восстановление «территориальной целостности Молдовы» началось, и эта территория стала втягиваться в состав Румынии, состав НАТО, с размещением в «губернаторстве Транснистрия» Румынии новейших американских систем вооружений. Не говоря уж об огромных потоках беженцев, разоренных и обезумевших от горя людей, которых придется или принимать, или пулеметами расстреливать на границах, ибо больше им идти некуда, не говоря о полном переформатировании

геополитического баланса в этом регионе, кто сможет подсчитать, во что России выльется равнодушие ее чиновников?! Каких средств потребует разработка новых систем защиты и поиск территорий для их размещения? Какие еще территориальные претензии к России и требования денежных «компенсаций» хлынут и с Запада, и с Востока, и с Севера, и с Юга?

Мне хочется надеяться, что это заявление будет еще одним аргументом в пользу изменения политики России. Изменения в сторону ясного и точного осознания своих интересов, их твердого и последовательного осуществления, политики мудрой и уверенной их защиты. И не только в Приднестровье, а везде и во всем.

«ДЕСТАЛИНИЗАТОРЫ» СОБРАЛИСЬ УТОПИТЬ РОССИЮ В БЕСКОНЕЧНОМ КОМПЛЕКСЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ ¹⁸⁹

Предложенную Советом по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ программу «десталинизации» прокомментировал 13 апреля для ИА REGNUM заведующий кафедрой отечественной истории Института государства и права Приднестровского государственного университета Николай Бабулунга.

Я – историк. И в таковом качестве могу сказать, что мне все предложения такого рода всегда были очень понятны и близки. Особенно в том, что касается свободы творчества, да и вообще поощрения и поддержки научных исследований по отечественной истории, не говоря уж об облегчении доступа исследователей к архивным материалам. Казалось бы, – вот она, долгожданная программа! Но почему-то не до радости.

Не хочу вдаваться в детали и оспаривать какие-то утверждения авторов данного документа. Они, например, считают, что «блистательная эпоха» в России началась во времена Екатерины Второй и закончилась в 1917 г. Думаю, даже в школе для умственно отсталых людей такое смелое утверждение вызвало бы замешательство и недоумение в рядах большей части контингента. А причисление заурядного, неудачливого, хоть и довольно способного бюрократа Столыпина к сонму россиян, «внесших огромный вклад в развитие и славу страны и ее культуры», вызовет священный трепет разве что у нескольких современных кинорежиссеров и шоуменов по совместительству. Но, повторю, не хочу придирааться к словам. Меня настораживает вовсе не это.

При чтении данного сообщения не оставляет мысль какой-то дремучей запоздалости и несвоевременности его. Мне кажется,

¹⁸⁹ Портал ИА REGNUM: <http://www.regnum.ru/news/1394610.html>

появился такая программа сразу после доклада Хрущева на XX съезде или хотя бы в первой половине 60-х годов прошлого века, она стала бы событием мирового значения. Лично я бы ее выучил как стихи и декламировал бы своим одноклассникам, всем знакомым и незнакомым людям, жизнь положил бы на ее воплощение. Но это было полвека тому назад! А последние два десятилетия авторы считают золотой эрой России? Или это Ленин со Сталиным позволили партийной бюрократии разграбить все богатства страны, развалить ее на разные части, ввергнуть в преддверие новой гражданской войны и в такую катастрофу, перед масштабами которой меркнут не только нашествия поляков, литовцев, крымчаков, шведов, турок, французов, но и гитлеровцев?!

Об этом столько было сказано и написано, это настолько очевидные вещи для каждого мало-мальски мыслящего человека, что не знать их могут только неизлечимые инвалиды или просто мошенники. Во времена моей юности все нормальные мальчишки обычно мечтали быть космонавтами, летчиками, моряками, на худой конец – шоферами; все девочки – врачами, учителями, стюардессами. В наше время нормальными считаются мальчишки, мечтающие о профессии киллера и гаишника, и нет высшего счастья для девочки, чем стать валютной проституткой, не говоря уж о фотомодели или секс-бомбе районного масштаба. Родители массами ведут своих деток-малолеток в какие-то клубы кик-боксинга, школы боев без правил или модельные агентства. В этой вакханалии массового безумия, нам, возможно, недостает только одного – каяться за свою историю и просить прощения у всех подряд, вымаливая себе высокое разрешение копать в помойных ведрах «цивилизованных» стран и всемилостивейшего позволения отдавать им в бордели своих дочерей. Пожалуй, это именно то, в чем сейчас нуждается измученный народ израненной страны.

Создается впечатление, что авторы этой с позволения сказать «программы десталинизации» провалились полвека тому назад в какую-то яму времени и вдруг, неожиданно для себя и для всех нас, вынырнули из небытия как черт из табакерки. И, ничего не зная о новой глобальной трагедии народов России, заверещали так, как было бы уместно в начале 60-х годов, а не в наши подлые времена. Все это напоминает мне сцену двадцатилетней давности, когда один

известный театральный режиссер, вдруг неожиданно в телестудии Центрального телевидения достал зажигалку, вытащил из другого кармана свой партийный билет члена КПСС и сжег его публично перед камерой. Омерзительный фарс! Но как это смотрелось бы, сожги он свой партбилет, когда советские танки лязгали гусеницами на улицах Праги! Или когда выдворяли из СССР Александра Солженицына! Или когда отправляли в ссылку академика Сахарова! Но кому же тогда ушли бы все эти звания заслуженных и народных, все эти премии, все гонорары, все это счастье обеспеченной и комфортной жизни?! А вот сжечь партбилет через пару дней после того, как Ельцин запретил КПСС после «путча ГКЧП», было очень даже полезно, очень приятно, и для карьеры бесполезно! Верхи оценили оригинальный спектакль театрального таланта! С экранов до сих пор не сходит его озабоченное отсталостью наших демократических институтов лицо! Уж и не знаю, вызывает ли оно у кого-то симпатии, кроме его собственного окружения из соответствующей политической тусовки себе подобных храбрецов!

Не знаю авторов этой программы. Любителей попинать ногами дохлого льва всегда хватало, во все времена. И нет здесь ничего особо примечательного. Тем более, когда это все оплачивается щедрыми дядями. Во времена «проклятого тоталитаризма» авторы «программы десталинизации» либо их ближайшие родственники наверняка, я думаю, в ГУЛАГе вшей не кормили, скорее всего руководили очередными шумными политическими кампаниями по искоренению каких-нибудь «происков недобитого отребья», отдыхая от праведных трудов в Теберде, Алупке или Форосе. И сейчас, скорее всего, наслаждаются всеми прелестями сытой жизни на Канарах или Бермудах. Здесь поражает другое, – их абсолютно верхоглядное понимание истории нашего общего Отечества как лубочной картинки, полная некомпетентность и отсутствие всякой фантазии, скудость идейных новаций, можно даже сказать какое-то интеллектуальное бессилие.

Неужели эти господа не понимают, что общество сейчас больно не сталинизмом?! Тем более, что вряд ли вообще они могли бы сформулировать это понятие «сталинизм» и дать ему четкий научный анализ, основанный на объективных исследованиях, а не банальных побасенках очередного «дежурного по стране» типа Сванидзе. Когда профессор математики и заведующий кафедрой становится во главе

организованной преступной группировки и захватывает власть на автомобильном гиганте, когда он с помощью своих людей в политическом бомонде создает миллиардный капитал на разжигании преступного конфликта в Чечне, на крови и людском горе, это к сталинизму имеет довольно опосредствованное и далекое отношение. Корруптированность, глупость, продажность, предательство, преступность чиновничества снизу доверху в наше время, не излечить шаманскими заклинаниями о необходимости всеобщего покаяния, необходимости массово рвать волосы и посыпать голову пеплом. Как не излечить, не возродить этими плясками дикарей загубленную нравственность целого поколения, которое «выбирает пепси» и не дает «себе засохнуть».

Я вообще не верю в возможность коллективного покаяния. Здесь нужна очень сильная степень напряженной духовной работы, самопознания и самовозрождения. И это сугубо штучное, индивидуальное явление. Вот массовое внезапное отупение бывает. Сам видел. И распространяется это безумие со скоростью лесного пала. И специалисты есть соответствующие. И не только в сталинском СССР они были. Но в столь милом сердцу наших «десталинизаторов» цивилизованном Западе их было не меньше. А пожалуй, что и больше, чем в «этой» стране, как они любят выражаться. И количественно, и качественно.

Вообще уровень «программы» поражает своей убогой заскорузлостью. Все та же серая унылость предложений и их аргументации, все та же большевистская нестигаемость, неповоротливость, нетерпимость. Памятники жертвам поставить во всех городах и районных центрах. Как в свое время – памятники Ленину! Это ли не «первоочередные меры», как выражаются авторы программы. И оцените стиль. А стиль – это человек! Да они все поголовно работали в горкомах, райкомах и обкомах КПСС! Если, конечно, это не какая-то пародия.

Или вот, например, переименовать заново все улицы, все города и веси, все географические объекты, которые так или иначе вызывают подозрение у авторов «десталинизации». Любимое занятие наших властей с 1917 года по настоящие дни. Экономикой руководить не умеем, со строительством коммунизма тоже как-то не получается, со строительством капитализма – тем более, как строить дороги нам

неведомо, как чистить канализацию не знаем, по большому счету и не догадываемся, как сбивать сосульки с крыш в партиколах нас не учили! А вот переименовать древнюю Тверь в Калинин, а потом Калинин обратно в Тверь – это пожалуйста, тут мы горазды. Переименовать Санкт-Петербург в Петроград, потом – в Ленинград, потом снова в Петербург, тут ума много не надо и все вроде при деле, все чувствуют историческую значимость своей бурной деятельности. Какие же занимательные развлечения готовят россиянам новоиспеченные «десталинизаторы»! Русские в очередной раз дадут повод смеяться над собой, если снова клюнут на эту удочку. Закройте им рот и займитесь действительно нужным делом!

Вся эта затея очень похожа на жалкие попытки пенсионера-фокусника, который, вдруг решив потряхнуть стариной, достал из саквояжа пропавший нафталином реквизит, чтобы поразить почтеннейшую публику своим мастерством. Но взрослые люди, имеющие своих внуков, не разводятся на фокусы, которые вызывали у них когда-то в детстве восторг и ликование, – ни заяц в цилиндре, ни вереница платков из кармана, ни теннисные шарики из-за щеки. Поймите, господа «десталинизаторы», как смешны эти потуги сорвать аплодисменты там, где всех уже тошнит от ваших фокусов. Тем более, что нащелкали, разорили и свели в могилу вы столько невинных людей за свое десятилетнее псевдолиберальное правление, сколько, пожалуй, и «отцу народов» не снилось за все его тридцать лет тоталитарного царствования. От того в низах и растут симпатии к нему, потому что вас они ненавидят. Вовсе не потому, что русский народ любит кнут и является природным сталинистом, как это вам ошибочно кажется. И никакой псевдодесталинизацией вам это положение не поправить. Никто вас не любит, кроме уголовного розыска, который тоже вас не любит, как говаривал Остап Сулейманович концессионеру Кисе Воробьянинову.

И последнее. Думается, вся эта постановка, столь надоевшая почтеннейшей публике России, в очередной раз заказывается не зря. Медленное, но неуклонное возрождение страны, ее постепенный и стабильный выход из глубочайшего системного кризиса и тупика, в которую она была загнана своими врагами, вызывает возмущение и страх у какой-то части людей как внутри России, так и за ее пределами. Превращение Отечества из объекта политики в субъект полити-

ки, в мощную мировую державу, в каком состоянии России только и надлежит быть, вызывает все большие приступы ненависти к ней в ближнем зарубежье, в дальнем зарубежье, да и внутри тоже. Отсюда и попытки вновь вернуть ее в подчиненную и униженную позу.

То из Варшавы, то из Кишинева, то из Таллина, то из Бухареста, то из Риги, то из Тбилиси, то еще Бог весть из каких столиц все громче раздаются настойчивые выкрики и требования к русскому народу, выплатить им какие-то исторические долги, заплатить им по счетам, поделиться своими территориями, своими недрами и богатствами. Все эти шумные и отчаянно смелые кампании устраиваются национально озабоченными элитами бывших «республик-сестер» с постоянным мониторингом реакции очередных заокеанских обкомов, – одобряет ли высокое начальство искреннее рвение «борцов с тоталитаризмом»? Заметило ли смелость и мужество тех, кто сжигает партбилеты через день после запрета «коммунистической идеологии»? Оценит ли преданность и верность обитателей лакейской? Да и во сколько оценит? Вот этим-то людям и нужна «десталинизация» в том виде как ее понимает Рабочая группа Совета по исторической памяти.

Наша история изгажена донельзя. Все новые и новые «Краткие курсы» безапелляционно и в менторском ключе забивают сознание общества никчемной шелухой, а то и полным бредом, лишенным хоть какого-то смысла и замешанном на смердяковских комплексах. Все это не случайно. Элите нужен народ необразованных, физически здоровых и годных на тяжелый труд волов, лишенных исторического сознания, ненавидящих своих предков за их историю, да и за сам факт своего рождения в такой презируемой всеми «тоталитарной» стране. И не «десталинизировать» собрались ее эти господа, а еще сильнее придавить к земле, забить, утопить в бесконечном и болезненном комплексе неполноценности, в ненависти к родной истории и родной стране.

Найдется ли Геракл, который сумел бы расчистить эти авгиевы конюшни нашей истории, я не знаю. Но я уверен, что свободная человеческая личность в такой атмосфере жить не может. Там выживают только навозные жуки!

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА РАЗВИТИЯ РОССИИ НЕ МЕНЕЕ ВАЖНА, ЧЕМ ПЛАТФОРМА ГАЗОВОЙ ИЛИ НЕФТЯНОЙ ВЫШКИ¹⁹⁰

Опубликованную 23 января статью Владимира Путина «Россия: национальный вопрос» прокомментировал 27 января для ИА REGNUM зав. кафедрой отечественной истории Приднестровского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко профессор Николай Бабилунга.

Статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» опоздала, как мне кажется, лет на двадцать – двадцать пять! Я ни в коем случае не хочу как-то умалить ее содержание, а, тем более, значение для современной России! Наоборот, я хочу сказать, что мы могли бы сохранить и модернизировать СССР с тех, еще не развалившихся базовых его составляющих, если бы в то время руководители и политическая элита тогдашнего сообщества мыслила подобным образом. Мы не потеряли бы впустую страшные 90-е годы XX века. Если бы не Горбачев с Яковлевым, Шеварднадзе, Бакатиным и прочими подельниками, и если бы не Ельцин с Бурбулисом, Гайдаром, Чубайсом и другими могильщиками Союза обладали полнотой власти, а у ее кормила стояли бы именно такие созидатели и народные любимцы как Путин с его единомышленниками. И мы, скорее всего, не имели бы только за первый год (1992) после развала СССР убитыми более 200 тыс. ни в чем неповинных его сограждан. Не считая покалеченных, раненных, осиротевших, пропавших без вести навсегда.

Вероятно, мы можем чисто условно рассматривать всех политических деятелей своей или мировой истории и современности в двух ипостасях, – как созидателей и как разрушителей. Иногда, в редких случаях, в одном и том же лице могут и совмещаться эти две сути. Когда политик разрушает старое, но немедленно создает нечто новое. Таким был, как мне кажется, Владимир Ульянов (Ленин). Он сумел разрушить устои монархической полуфеодальной России,

¹⁹⁰ Опубликовано 28.01.2012. <http://www.regnum.ru/news/1493075.html?forprint>

собрав воедино разбившееся на 1000 осколков при Временном правительстве государство в новый, свободный, как ему казалось, союз народов (не будем уж сильно судить его за то, что произошло после его смерти). Таким пытался быть и Никита Хрущев, ломавший остоу тоталитарной государственности, пытаясь заменить его «ленинскими нормами партийной жизни». С небольшим успехом.

Но нет большего несчастья для народа, чем когда к верховной власти приходит человек, стремящийся разрушить старое, абсолютно не понимая, что же надо возвести вместо него. Человек, который руководствуется только благими пожеланиями, пусть даже и этически оправданными, типа «общечеловеческих ценностей» и «нового мышления для Советского Союза и всего мира». Таким был Михаил Горбачев. Таким был и Борис Ельцин с его знаменитым «берите суверенитета сколько хотите». Не зная своей страны, которой они взялись руководить, не зная глубоко ее истории, ее характера и особенностей, они закономерно привели ее к распаду, развалу, деградации, войнам и народным бедствиям, к нищете и безысходности.

Это счастье для России, что ею уже целое десятилетие руководят созидатели. То есть те интеллектуалы и волевые решительные политики, для которых понятия политической глупости и политического предательства почти равнозначны и неприемлемы в принципе. Россия выкарабкалась из того ужаса, в который ее искусственно вогнали амбиции, некомпетентность, продажность, самодовольство, мелкотравчатость и интриги тех политиков прошлого, которые претенциозно называли себя «младореформаторами». Неспособные к управлению обществом, которого они не знают, они вновь и вновь пытаются прорваться к столь вожделенному для них рулю, чтобы окончательно разбить то, что еще не до конца изувечили. Но само общество, как мы видим, молчаливо, но упорно и твердо не принимает эти притязания, несмотря на все истерики средств массовой информации. Несмотря на стойкое неприятие населением махинаций и протесты против местных зарвавшихся чинуш, никаких «цветных революций» разжечь в России никак не получается. И если, как правильно когда-то заметил украинский президент Кучма (и даже написал об этом целую книгу), «Украина – не Россия», то уж не сомневайтесь в том, что Россия – не Египет, не Ливия, не Марокко, и уж подавно, – не Ирак с Афганистаном.

Российскому народу сейчас как никогда нужны руководители-созидатели. И, вероятно, здесь действует какой-то инстинкт самосохранения целого народа, – не пустить к власти новую свору политиков, которые при принятии каких-то решений прежде всего звонят в Вашингтонский обком, или бегают в посольство, то ли за ценными указаниями («консультациями»), то ли в кассу за жалованьем. Еще больше не нужны русским, как и татарам, и башкирам, и чеченцам, и мордвинам и всем прочим народам доморощенные «национальные» вожди с их нацистскими идеями и фашистской практикой.

Бритоголовые штурмовики или бородатые боевики живут в своем вымышленном мире среди своих антиценностей, которые ничего общего не имеют с жизнью и ценностями нормального человеческого общества, в которое эти маргиналы никак не могут интегрироваться. В этом их трагедия, но в этом бульоне они только и могут плодиться и существовать. Мне кажется, большинство простых людей было бы глубоко благодарно государству, которое хотя бы в качестве эксперимента собрало бы всех штурмовиков, боевиков, террористов и национал-экстремистов в одном месте, в поле за высоким забором и позволило бы выяснять отношения между собой с помощью любимых ими видов вооружений, – кто там более всех правоверней, и кто национально более высок, и кто кого в чем превосходит. Разве что болельщиков-фанатов еще туда к ним запустить! Чем не решение «национальных конфликтов»? Никому из нормальных людей многонационального российского общества сейчас не нужны национальные разборки. Как не были нужны и ранее. Конфликты эти были возвращены загнивавшей партийно-клановой системой на последних этапах существования искусственно уничтожавшегося СССР. Но этот этап россияне уже прошли. Разваливать теперь Россию, как когда-то Союз, никто из здравомыслящих людей не собирается, а для умалишенных, вероятно, найдутся соответствующие средства лечения. Но накопившиеся проблемы решать необходимо.

Тем более, что это не только чисто российские проблемы, а глобальные. В статье В.В.Путина дается их фундаментальный анализ и намечаются основные принципы государственной политики в области национальных отношений. Начиная с Ленина, Сталина, Нариманова, Шаумяна, Троцкого и прочих теоретиков и политиков построения нового «государства рабочих и крестьян» так серьезно

и на таком уровне они практически не рассматривались. Думается, и для русских, и для всех других народов России эта работа Путина дает очень много информации к размышлению, как в плане постановки проблемы, так и в плане ее решения. Мне кажется даже, что статья представляет некие тезисы, которые очень хочется расширять и углублять. Я позволю себе это только на одном малозначительном, казалось бы, примере. «В одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов «Слово о законе и благодати» отвергается сама теория «избранного народа» и проповедуется идея равенства перед Богом» – пишет автор. И это действительно так. Когда первый митрополит из русских людей – до этого церковью правили греки из Константинополя – Илларион в середине XI в. писал свое блестящее произведение, то признание равенства всех народов на земле для средневековой Европы уже само по себе – достижение и прорыв в будущее. Но это еще не все.

Илларион противопоставляет две идеи: принцип закона, данного людям лишь одного народа (иудеям) в качестве не истины, а лишь «тени истины», и принцип благодати, который дан не одному, а всем народам, каждому человеку. И все имеют свободный выбор принять или не принять эту благодать. Закон – это «Ветхий завет», данный одному избранному народу, который как бы изначально превосходит все другие, что означает лишь одно – рабство. А благодать предоставлена всем народам «Новым заветом». Она основана на равноправии и справедливости. И если в отношении закона человек – раб, то в отношении благодати – сын. Принять или отвергнуть истину благодати – дело каждого народа.

И в этих рассуждениях мы уже видим не просто христианское сознание, а сознание типично русское. То есть уже в первые времена существования русской государственности провозглашалось равенство всех народов, возможность всем им жить по правде, воспользовавшись Божьей свободой и благодатью. И одновременно с этим провозглашалась и другая не менее важная ценность, – державность. Ведь Илларион молится за деяния князей, защищавших Отечество и соотечественников, прославивших Русскую землю в других странах. Именно державность воспринималась людьми уже в те времена как умение защитить справедливость, желание и способность установить братство, равенство и правосудие среди различных народов обще-

ства. И именно русская державность становилась для всех народов Руси гарантией их существования и процветания. Равенство народов и справедливость не мыслится без сильной и устойчивой государственности, способной встать на их защиту, способной защитить и весь народ, и каждого соотечественника.

Это типично русский взгляд на решение национального вопроса. Мне представляется очень важным, говоря о сегодняшнем или даже о будущем дне, видеть ясную ретроспективу, – откуда растут наши корни, что их питает. Вряд ли мы найдем подобные взгляды у Фридриха Великого, у всех Людовиков, у Цинь Ши Хуанди или у ковбоев, – покорителей Северной Америки. Не будем уж к ночи поминать английских, голландских или испанских рабовладельцев, перевозивших через Атлантику живой черный товар. Но ведь все ж они были христианами, иногда даже фанатичными христианами – католиками или протестантами, но никто из них не был русским!

Я вижу в статье Путина множество важных вопросов, которые должны быть многократно осмыслены и переосмыслены. Одновременно – это платформа дальнейшего развития российской государственности, ее движения в будущее. Она не менее важна, чем платформа газовой или нефтяной вышки. А может, важна и поболее. Поэтому порадуемся за россиян!

Нам же, жителям поруганной, растерзанной, неустроенной Молдавии, остается лишь с хорошей завистью наблюдать, как разумные политики-созидатели выводят братский русский народ из трясины кризиса, куда его завели разрушители прошлого времени. Наши разрушители и их ближайшие наследники, бросившие Молдавию в огонь гражданской бойни, те, кто разворовал и разграбил когда-то уютную, мирную, благополучную европейскую страну, и поныне восседают в своих теплых креслах и ходят по коврам на паркетных полах. А чтобы мы не скучали, нам каждодневно показывают и рассказывают, что они дерутся между собой как гладиаторы на арене, чтобы грудью защитить народные интересы. Никак президента не выберут, столько достоинств у каждого!

Тараканьи бега! Пауки в банке! Скорпионы в постели!

Какая нам здесь разница?

Разрушители – это разрушители. А созидатели – Созидатели!

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	3
ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ИСТОРИК Н.В. БАБИЛУНГА	35
20 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ НИКОЛАЮ ВАДИМОВИЧУ БАБИЛУНГЕ	42
ИГРА КУБИКИ ПО-НАУЧНОМУ	44
НАСЕЛЕНИЕ МОЛДАВИИ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ: МИГРАЦИЯ? АССИМИЛЯЦИЯ? РУСИФИКАЦИЯ?	56
ВЕРЮ В ПОБЕДУ РАЗУМА	143
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО: ФЕОДАЛИЗМ КАК СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	152
РАСКОЛ МОЛДАВИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	159
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ НА БЕРЕГАХ ДНЕСТРА: РУССКИЙ МИР И «ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕСОПОТАМИЯ»	186
КТО КОНТРОЛИРУЕТ ПРОШЛОЕ, ТОТ ВЛАДЕЕТ БУДУЩИМ: КАК ПРЕПОДАЮТ ИСТОРИЮ В СТРАНАХ СНГ	212
ПЕТР, КАРЛ И МАЗЕПА ОТ ПОЛТАВЫ ДО БЕНДЕР: СТРАТЕГИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ	238
ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ В НЕСОВЕРШЕННОМ МИРЕ: КЛАССОВАЯ БОРЬБА, КОСМОПОЛИТИЗМ ИЛИ ВСЕОБЩЕЕ БЛАГО?	245
ПОЧЕМУ МАЗЕПЕ, А НЕ ВИШНЕВЕЦКОМУ?	252
НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ПОДОЛЬЯ (малоизвестный эпизод отечественной истории)	258
РЕАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ 1940 ГОДА В БЕССАРАБИИ И ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛДОВЫ	267
МОДЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА: БИПОЛЯРНЫЙ, ОДНОПОЛЯРНЫЙ, МНОГОПОЛЯРНЫЙ (к 65-летию Великой победы над фашизмом)	284
КОРНИЛОВ, ЛЕНИН, КЕРЕНСКИЙ И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР 1917 ГОДА	304

«ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ПРИДНЕСТРОВЬЕ НЕ БУДЕТ: ИНТЕРВЬЮ ИА REGNUM	317
ЗА ЗВЕРСТВА «ЗАЩИТНИКОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ МОЛДАВИИ» ПРИДЕТСЯ ОТВЕТИТЬ	327
«РУМЫН» ГИМПУ ИЛИ «МАРСИАНИН» – ЭТО НИКОГО НЕ КАСАЕТСЯ, КРОМЕ НЕГО САМОГО И ЕГО ЛЕЧАЩЕГО ВРАЧА	333
ПРИДНЕСТРОВЬЕ ОПОЗДАЛО С ПОДКЛЮЧЕНИЕМ К БОРЬБЕ ЮЩЕНКО ПРОТИВ «ИГА МОСКАЛЕЙ»	338
«СЧЕТ ЗА СОВЕТСКУЮ ОККУПАЦИЮ» – НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ МАССОВОГО БЕЗУМИЯ В МОЛДАВИИ	344
БЕЗ ГЕББЕЛЬСА, ГИММЛЕРА И АНТОНЕСКУ СПИСОК «ВЕРШИТЕЛЕЙ СУДЕБ ПРИДНЕСТРОВЬЯ» ФОНДА КАРНЕГИ НЕ ПОЛОН	347
ЕСЛИ РУМЫНСКАЯ «ШАВКА» ЗАБОЛЕЕТ, ЕС ЕЕ «ВЫБРОСИТ НА ПОМОЙКУ, ОТДАСТ ЖИВОДЕРАМ, В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ, УСЫПИТ»	350
БЭСЕСКУ СМОТРИТ НА БЕССАРАБИЮ, КАК ЦЫГАНСКИЙ КОНОКРАД НА ПОНРАВИВШУЮСЯ ЛОШАДЬ	353
ДЕБИЛИЗАЦИЯ МОЛДАВИИ ТОЛЬКО НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ	356
ВО ЧТО РОССИИ ВЫЛЕТЕТСЯ РАВНОДУШИЕ ЕЕ ЧИНОВНИКОВ К ПРИДНЕСТРОВЬЮ?	359
«ДЕСТАЛИНИЗАТОРЫ» СОБРАЛИСЬ УТОПИТЬ РОССИЮ В БЕСКОНЕЧНОМ КОМПЛЕКСЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ	364
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА РАЗВИТИЯ РОССИИ НЕ МЕНЕЕ ВАЖНА, ЧЕМ ПЛАТФОРМА ГАЗОВОЙ ИЛИ НЕФТЯНОЙ ВЫШКИ	370

Научное издание

Бабилунга Николай Вадимович

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО:
ФЕОДАЛИЗМ КАК СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

*Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка Олейников С.В.*

Подписано в печать 12.09.12.

Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 23,5. Усл. печ. л. 25,26. Тираж 100 экз. Заказ № 2291.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ГУИПП «Бендерская типография „Полиграфист“»
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
138	21-я сверху	то?	тот
140	8-я снизу	«а всей	на всей
153	17-я сверху	не 5 с идей	не с идей
154	4-я снизу	ВУ парламенте	В парламенте